

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Том 9, № 4 (2022)

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

Volume 9, No. 4 (2022)

Published four times a year

Stavropol
2022

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала «Гуманитарные и юридические исследования» – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала:

Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раз в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.

E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательско-полиграфического комплекса ФГАОУ ВО «СКФУ»:

355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2022

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул — д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор факультета международных отношений Университета Экономики и Технологий Торговых Палат и Бирж Турции (г. Анкара, Турция);

Мамонов В. В. — д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. — д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. — д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. — д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. — д-р ист. наук, профессор, профессор Капошварского университета (г. Капошвар, Венгрия);

Фролов Д. Д. — д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. — д-р ист. наук, профессор, директор института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Анисимов А. П. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. — д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Борисова Т. Г. — д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. — д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. — д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. — д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

- Ежова Е. Н.** – д-р. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Каменский М. В.** – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Каширина Т. В.** – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);
- Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Клычников Ю. Ю.** – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);
- Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Кузьминов П. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);
- Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);
- Мехди Хоссейни Тагиабад** – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);
- Мирошниченко Н. В.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);
- Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Позднышов А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);
- Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
- Радбиль Т. Б.** – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);
- Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);
- Савина В. С.** – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);
- Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Цихорацкий П.** – доктор исторических наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);
- Чаннов С. Е.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);
- Чичман Л.** – д-р полит. наук, профессор института международных, политических и региональных исследований Будапештского университета Корвина (Будапешт, Венгрия);
- Шварц И.** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);
- Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);
- Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Ширяева Т. А.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

- Марченко Т. В.** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

«Humanities and law research» journal

«Humanities and law research» journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of «Humanities and law research» journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of original articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal's activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

«Humanities and law research» journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal «Legal Research» (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name «Humanitarian and Law Research»

Circulation: 500 copies

Free price

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing and printing complex of the North Caucasus Federal University:

2, Kulakov Street, Stavropol 355029.

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Associate Professor, University of Economics and technology chamber of Commerce and stock exchanges of Turkey (Ankara, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor of the Kaposvár University (Kaposvár, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguistics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

- Alexandra M. Drozdova** – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Elena N. Ezhova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Advertising and Public Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Mikhail V. Kamenskii** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Romano-Germanic Philology and Linguistics, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Tatiana V. Kashirina** – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);
- Irina N. Klyukovskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Yurii Yu. Klychnikov** – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);
- Marina E. Kolesnikova** – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Irina A. Krasnova** – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Petr A. Kuzminov** – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);
- Marina V. Laskova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
- Nadezhda V. Miroshnichenko** – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);
- Igor V. Mukhachev** – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Mehdi Hosseini** – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);
- Eleonora S. Navasardova** – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Alexey N. Pozdnyshov** – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);
- Vasilii V. Popov** – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
- Timur B. Rudbil** – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);
- Anatolii Ya Ryzhnikov** – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);
- Victoriya S. Savina** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);
- Svetlana V. Serebriakova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);
- Piotr Cichoracki** – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);
- Sergey E. Channov** – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);
- László Csicsmann** – Doctor of Political Sciences, Professor of International, Political and Regional Studies Institute, Budapest University «Corvinus» (Budapest, Hungary);
- Iskra Schwarcz** – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);
- Tatiana A. Shebzuhova** – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the «North-Caucasus Federal University» Pyatigorsk, Russia);
- Ludmila M. Shcherbakova** – Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Oksana S. Shibkova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Tatiana A. Shiryaeva** – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

- Tatiana V. Marchenko** – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Амбарцумян К. Р. Советский проект «новый человек» и преподавание истории и обществоведения: к вопросу о дискуссиях на страницах журнала «Историк-марксист»: 1926–1928 годы	537
Гранкин Ю. Ю. «Старания, о добровольном распространении Евангельского учения ...»: миссионерская деятельность в политике российских властей на Северном Кавказе (1793–1817 гг.)	543
Григорян М. Р. Проекты российской администрации по «умиротворению» Кавказа в первой половине XIX в.	549
Дудайти А. К. Основные направления региональной политики Ирана на Южном Кавказе в постсоветский период (1991–2011 гг.)	556
Кобахидзе Е. И., Туаева Б. В. Языковая проблематика в правовом и общественном дискурсе Осетии начала XX в. (на материалах региональной периодики).....	563
Панарин А. А. Роль простейших производственных объединений крестьянства и казачества в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа (1921–1924 гг.)	570
Пантюхина Т. В. Великобритания в борьбе за иранскую нефть в годы Первой мировой войны	577
Прокофьев А. И. Тринадцатилетняя война 1654–1667 гг. и «освобождение»: особенности генезиса и применения нарратива в русской историографии (вторая половина XVII – первая половина XIX в.).....	583
Судавцов Н. Д. Женщины-трактористки СССР в годы Великой Отечественной войны	591
Тельменко Е. П. «Вам был дан свет Писания...». Наставления Джироламо Савонаролы пастве в постижении Библии	598
Чемакин А. А. Избирательные кампании в Ставропольскую городскую думу в сентябре – ноябре 1919 г.	605
Шкерин В. А. «Осмотреть весь полуденный Восток России»: кавказские травелоги Степана Нечаева.....	615

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Апанасенко А. Е. Система обязательного страхования: понятие и особенности	623
Бемянская О. В., Чомаев А. А. Процесс правореализации в условиях цифровизации.....	630
Смирнов Д. А., Первышов Е. А. О понятии цифровых финансовых активов в условиях современных реалий: финансово-правовые аспекты	638

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бредихин С. Н., Шибкова О. С. Референциальное кодирование культовых символов в паремиях разноструктурных языковых систем восточных лингвокультур	643
Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. О корпусе речевых образцов с ошибками в употреблении русского языка как иностранного: способы представления данных и параметры глубинной разметки.....	650
Лиховид А. А. О сложностях художественного перевода: на грани между творческим переосмыслением и переводческой ошибкой.....	659
Милостивая А. И. Особенности изображения нарратива «COVID-19» в немецкой качественной и массовой прессе	667

CONTENTS

HISTORY

Ambartsumyan K. R. The “new man” project and teaching history and social sciences: on the discussion in the journal “The Marxist historian”. 1926–1928	537
Grankin Yu.Yu. «Efforts to voluntarily spread the gospel teaching...»: missionary activity in the policy of the Russian authorities in the North Caucasus (1793–1817).....	543
Grigoryan M. R. Projects of the Russian administration to “pacify” the Caucasus in the first half of the XIX century.....	549
Dudaity A. K. Main directions of Iran’s regional policy in the South Caucasus in the post-soviet period (1991–2011)	556
Kobakhidze E. I., Tuaeve B. V. Language problems in the legal and public discourse of Ossetia in the early XX century (by the materials of the regional periodicals).....	563
Panarin A. A. The role of ordinary production associations of the peasantry and cossacks in the restoration of agriculture in the North Caucasus (1921–1924).....	570
Pantyukhina T. V. Great Britain in the conflict over Iran oil: the First World War period	577
Prokofiev A. I. Thirteen years’ war 1654–1667 and «liberation»: peculiarities of genesis and application of narrative in Russian historiography (second half of the 17th – first half of the 19th centuries).....	583
Sudavtsov N. D. Women tractor drivers of the USSR during the Great Patriotic War	591
Telmenko E. P. «You have been given the light of the scriptures...» Girolamo Savonarola’s instructions to the flock in understanding the Bible	598
Chemakin A. A. Election campaigns to Stavropol City Duma in September – November 1919	605
Shkerin V. A. “Explore the entire South East of Russia”: Caucasian travelogues by Stepan Nechaev.....	615

LEGAL SCIENCES

Apanasenko A. E. Obligatory insurance system: concept and features	623
Belyanskaya O. V., Chomaev A. A. The process of law enforcement in the conditions of digitalization.....	630
Smirnov D. A., Pervyshov E. A. On the concept of digital financial assets in the conditions of modern realities: financial and legal aspects.....	638

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bredikhin S. N., Shibkova O. S. Referential encoding of cult symbols in the paroemias of language systems featuring different structures and belonging to eastern linguocultures	643
Gusarenko S. V., Gusarenko M. K. On the corpus of speech samples with errors in the use of Russian as a foreign language: methods of data representation and deep markup parameters	650
Likhovid A. A. On the difficulties of literary translation: on the verge between creative rethinking and translation errors.....	659
Milostivaya A. I. Features of the narrative «Covid-19» in the German quality and mass press	667

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY



УДК 94(47).084.5

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.1>

К. Р. Амбарцумян

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК» И ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ: К ВОПРОСУ О ДИСКУССИЯХ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ИСТОРИК-МАРКСИСТ». 1926–1928 годы¹

Работа посвящена изучению истоков трансформации преподавания истории в советском образовании к началу 1930-х годов в контексте постепенной смены политического курса власти, связанной с идеологическими требованиями формирования советской социальной идентичности. Проект создания «нового человека» был подчинен в основном идее создания социалистического государства и являлся инструментом этого созидания. Через 10 лет после установления власти большевиков среди комплекса черт нового человека на первый план были выдвинуты усилия по созданию социального единства граждан СССР через формирование советской идентичности. Одним из условий успешного выполнения этой задачи было формирование нужной модели исторической памяти. В связи с этим менялась роль исторической науки в обществе, что в свою очередь требовало изменений в преподавании истории в школах разной ступени, рабфаках и вузах. Сюжет статьи содержит анализ дискуссий, начавшихся в связи с созданием Общества историков-марксистов. Проблема формирования «нового человека» в них прямо не озвучивалась, но подспудно присутствовала. В самом идеологическом дискурсе «новый человек» виделся как искомая цель советской социальной инженерии, но определенного единого плана по ее достижению пред-

ложено не было. В этой связи дискуссии среди историков-марксистов о преподавании истории (которая фактически не преподавалась) начались с обозначения цели – формирование человека с марксистским мировоззрением, революционера, ленинца. Однако, по мере реализации так называемого лабораторного плана, оказалось, что на практике нет исторических знаний и нет исторического мышления, даже в том виде, который необходим для усвоения марксизма. Суть самих дискуссий фактически ушла от идеологии и свелась к рациональному обсуждению проблем преподавания истории и обществоведения. Таким образом, к 1928 г. в обсуждениях все больше звучит необходимость систематической истории на разных образовательных уровнях.

Ключевые слова: новый человек, «советский человек», преподавание общественных наук, история как учебный предмет, историческая память, методика преподавания истории, социальная идентичность.

Для цитирования: Амбарцумян К. Р. Советский проект «новый человек» и преподавание истории и обществоведения: к вопросу о дискуссиях на страницах журнала «Историк-марксист»: 1926–1928 годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 537–542. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.1

Karine R. Ambartsumyan

THE “NEW MAN” PROJECT AND TEACHING HISTORY AND SOCIAL SCIENCES: ON THE DISCUSSION IN THE JOURNAL “THE MARXIST HISTORIAN”. 1926–1928²

The paper deals with research of sources of history teaching transformation in the Soviet education up to 1930s in the context of constant change of the political course that was linked with ideological requirements of new Soviet identity formation. The project of «new man» creation was subject to the idea of the Soviet state establishment and this one was the tool of the formation. Efforts aimed at the formation of social unity among Soviet citizens through the construction of common identity were promoted along with other peculiarities of the “new man” in 10 years after the Bolshevik power were established.

Certain historical memory was one of conditions in achievement of the goal. Hence, the role of historical science in society changed, this, in turn, demanded transformation in the training process of history in schools of different levels, workers' faculties and universities. The article analyzes the discussions that started in connection with the establishment of the Society of Marxist Historians. The problem of the «new man» formation was not directly voiced, yet implied. The ideological discourse supposed the “new man” as the target of Soviet social engineering, at the same time the unified plan to reach it

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43048 «От “нового человека” до “советского народа”: идеология, опыт, проблемы советского проекта (1917 – 1985 годы)»

2 The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43048 “From “new man” to “Soviet people”: ideology, experience, problems of the Soviet project

was missing. Accordingly, the discussions about teaching history among Marxist historians started with pointing the goal – the formation of a person with a Marxist worldview, a revolutionary, a Leninist. However, along with implementation of the so-called laboratory plan, the lack of historical knowledge and thinking was revealed even in the amount which was significant for accommodation of Marxist ideas. The essence of the discussion itself left the ideology and the focus shifted to a reasonable discussion of the problems related to teaching history and social

Цель данной статьи – выявить эволюцию взглядов на преподавание истории в школе и вузах через 10 лет после прихода советской власти в связи с меняющимися представлениями власти о «советском человеке». В разработанном комплексе проектов строительства нового общества одним из основополагающих стал план по воспитанию «нового человека», «советского человека». Проблема социальной идентичности – объект междисциплинарного подхода. Этой проблемой занимаются социологи, психологи, философы [16; 18; 19]. Общим в разных моделях социальной идентичности является то, что она строится на понимании человеком своей неразрывной связи с той или иной социальной группой, принадлежность к которой личность осознает в процессе своей жизни и деятельности. В то же время социальная идентичность сущностно отличается от личностной идентичности.

Историческая литература в основном связывает понятие идентичности с понятием исторической памяти [11]. Историческая память – один из существенных элементов формирования социальной идентичности. Социальная роль исторического знания как раз и состоит в том, что оно способствует формированию национальной идентичности. Поэтому вопрос преподавания истории в учебных заведениях не может сводиться к его методике, а может рассматриваться в контексте конструирования социальной идентичности. С другой стороны, именно вопросы преподавания истории в школе влияли на эффективность оформления национальной идентичности.

В данном случае советские историки с 1930-х годов были нацелены на задачу формирования «нужной» коллективной памяти. Так, в известном Постановлении Совнаркома и ЦК ВКП (б), сделавшим обязательным преподавания истории в школах Советского Союза, указывалось, что преподавание истории в советских школах ведется неудовлетворительно. Особой критике подверглись учебники по истории. В документе уже звучит требование преподавания истории «в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности». Только системность изложения исторических событий в хронологической последовательности «с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений,

science. Thus, by 1928, the discussions featured the need for systematic history at different educational levels.

Key words: new man, «Soviet man», teaching social sciences, history as an academic subject, historical memory, methods of teaching history, social identity.

For citation: Ambartsumyan K. R. The “new man” project and teaching history and social sciences: on the discussion in the journal “The Marxist historian”. 1926–1928 // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 537–542 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.1

исторических деятелей, хронологических дат», сможет дать учащимся понимание марксистского понимания истории. Для подготовки квалифицированных историков с 1 сентября 1934 года были восстановлены исторические факультеты «в составе Московского и Ленинградского университетов с контингентом осеннего приёма на каждый из факультетов по 150 человек, установив срок обучения 5 лет» [12].

Журнальная полемика на страницах «Историка-марксиста» о методах преподавания истории предвосхитила эти решения власти. В 1925 г. было создано Общество историков-марксистов. Историк М. Н. Покровский, его идейный вдохновитель и организатор, выступая на открытии, озвучил задачу адаптации исторического материализма к исследованиям, но с учетом его последних на тот момент достижений [13]. Данное событие влияло как на исследовательские практики, так и на преподавание истории и обществоведческих дисциплин. При создании в 1925 г. Общество включало 20 человек, а в 1929 г. число участников составило 325 человек, к 1932 – достигло 1000 человек [2, с.145]. Изначально, цели, озвученные при открытии, звучали конструктивно, и даже романтично, однако постепенно, по мере ужесточения политики организация начала сопровождать политику партии [2, с.146].

В 1926 г. в одной из дискуссий выступил С. С. Кривцов, историк, который имел непосредственное отношение к Пролеткульту, но не как идеолог, а скорее активист. Однако в 1926 г. он озвучил довольно серьезную проблему, когда в школах первой и второй ступени историю вытеснило обществоведение. На практике историк столкнулся со студентами, у которых не было знаний фактического материала, поэтому вместо углубленных знаний профессура занималась ликвидацией пробелов. Целевую установку он обозначил таким образом: знакомить с теми историческими процессами, которые привели к революции в России и приводят к развертыванию социалистической революции на Западе. Исторические знания должны давать ся со строгой привязкой к современности [6].

В 1926 г. состоялась Всероссийская методическая конференция преподавателей истории в совпартшколах. Одним из докладчиков стал Ц. Фридланд. Сам доклад был опубликован на страницах журнала «Историк-марксист». Доклад-

чик, Цви (Григорий Самуилович) Фридлянд и его биография иллюстрируют особенности времени. Обучившись в Институте красной профессуры, по рекомендации М. Н. Покровского Ц. Фридлянд был зачислен в Научно-исследовательский институт при МГУ, с этого момента история становится его основным занятием и стал одним из организаторов Общества историков-марксистов. Когда восстановили исторические факультеты, был назначен деканом истфака МГУ и занимал эту должность до ареста в 1936 г. Задача истории виделась им как формирование представлений о социальной значимости конкретных явлений прошлого, именно за этим стоял историзм марксистского подхода. Казусы и неповторимость событий и явлений прошлого были чужды так называемому «исследовательскому методу», о котором говорил Ц. Фридлянд. Воспитание ленинца – это практический результат использования исследовательского метода. Прошлое не может оставаться позади, оно должно быть использовано для объяснения событий настоящего и помогать слушателям в организации повседневной революционной борьбы.

Последнее обстоятельство представляется особенно значимым и созвучно задачам, которые выдвигали большевистские лидеры 1920-х гг. Прагматизм в «перевоспитании масс» мы встречаем в работах В. И. Ленина. Так, согласно его позиции, важно было решать вопросы текущего момента, например, электрификации [7]. Термин «новый человек» в трудах вождя пролетарской революции не встречается, однако, в целом, упоминаемое в его текстах «перевоспитание» предполагало формирование нового социального типа. В. И. Ленина не устраивало преподавание по старым учебникам, поэтому он призывал их изымать и распространять план электрификации. Л. Д. Троцкий также под «новым человеком» понимал революционера, который был важен для момента текущего и является «орудием исторического действия» [8].

Прагматизация изучения и исследования истории является особенностью декларируемого Ц. Фридляндом подхода. Максимальное внимание следовало уделить работе с документами, возражая против ограничений, которые встречались в старой методической литературе [9, с. 281–282]. Утилитарность идеологических целей и образа «нового человека», его свойств и функциональное предназначение, обусловили внимание к организационным формам обучения истории и вопросам не только содержания, но методики преподавания.

В общем, методика преподавания в совпартшколе, о которой писал Ц. Фридлянд, сильно напоминает современный компетентностный подход, который считается основополагающим для современного российского образования.

Он прямо перечисляет навыки, которыми должны овладеть слушатели, детализирует этапы и способы их развития. Исследовательский метод предполагался к реализации в подготовленной аудитории, овладевшей конкретными техническими навыками и умениями: работа с исторической картой, составление диаграмм, работа с исторической книгой, документом и т.д. [9, с.282 – 283]. Заметим, что лекции не отменялись, но рассматривались как подсобное средство для введения к курсу, дополнения или обобщения пройденного материала. Весь процесс внедрения предполагалось провести по лабораторному плану, в центре которого было научить слушателей самостоятельной работе с историческим материалом. Использование лабораторного плана предполагало четыре ступени проработки: плановое занятие, консультации, лабораторную проработку, конференции. Лабораторная проработка осуществлялась по специальному заданию, которое выдавалось учащемуся. Задание содержало вопросы и список литературы [17, с.200].

Удивительно как в XXI в. современно звучат идеи Ц. Фридлянда. Например, он призывал к уходу от простого запоминания простых «социологических схем», в центре образовательного процесса ставился «анализ социального значения конкретных фактов классовой борьбы» [17, с. 282]. Выступление Ц. Фридлянда и его лабораторный план стали дебатироваться историками и педагогами. Материалы дискуссий представляют собой интересный и информативный источник, который помогает реконструировать не только взгляды историков и педагогов на преподавание истории, но и сделать вывод о том, с какими проблемами сталкивалась власть в образовательной политике и деле формирования «нового человека» через обучение на практике.

Лабораторный план применялся в партийных школах, рабфаках и отчасти в вузах [15]. А. Ф. Рындин, заведующий отделом совпартшколы и комвузов Главполитпросвета, был одним из участников педагогических дискуссий. Выступая на методической секции Общества историков-марксистов, он одобрил лабораторный план и оценил его как оправданный целями советского общества. Однако, увлеченность формами привела к утрате связи с содержанием. Тезис о том, что преподавание истории необходимо как объяснение современности стал причиной некоторого тупика. А. Ф. Рындин озвучил опасение, что ограничение теми, периодами истории, которые ведут к Октябрю 1917 г. не совсем соответствует задаче формирования марксистского мировоззрения. В основном программы охватывали историю капиталистического общества, но звучали предложения начинать с периода распада капитализма. Для комвузов и подготовки «практических работников» этот подход он полагал правильным [15,

с.172]. Фактически А. Ф. Рындич включался в спор о том, как решать практическую задачу образования – формирование марксистского мировоззрения, через систематическую программу истории или преподавание отдельных тем. На практике возникла серьезная проблема: изъяти старые учебники и внедряли новые методы, что привело к перекосу в сторону изучения только хозяйственного развития и экономического быта [15, с.173].

А. Ф. Рындич, подчеркивая утилитарность и практическую значимость преподавания истории, упирал на возможность формирования марксистского мировоззрения только с учетом многостороннего подхода к проблемам классовой борьбы. Данный тезис он иллюстрировал примером революции 1905 г., которая остается непонятной для слушателей без ее политических и правовых причин. Практика показала, что аудитория слушателей разная с различным уровнем подготовки. В комвузах, вузах, рабфаках и т.д. требовалась дифференциация подходов. Рабоче-крестьянские учащиеся мыслили конкретными образами, поэтому наилучшим воздействием на них обладала художественная литература. Соответственно, А. Ф. Рындич настаивал на ее активном использовании, наряду с учебниками и историческими документами. Призывал он варьировать и задания, формулировки которых обучаемым были непонятны, или к ним дается слишком много литературы [15, с.175–177].

В прениях к докладу приняли участие Ц. Фридлянд, А. В. Шестаков и М. В. Нечкина. Любопытно, но участники дискуссии мало уделяли внимания идеологическим вопросам и проблеме перевоспитания, будучи практикующими исследователями и преподавателями по мере углубления в предмет разговора все больше останавливались на трудностях, с которыми столкнулись в работе и предлагали пути их преодоления. Ц. Фридлянд признал, что лабораторный план часто превращался в «тейлоризацию» процесса обучения¹. На практике оказалось, что на разных ступенях лабораторный план должен иметь свое воплощение. М. В. Нечкина критически охарактеризовала качество учебной литературы, назвав ее «хрестоматийной макулатурой, которой пытаются заполнить создавшийся пробел» [15, с.182].

В 1927 г. в дискуссии о преподавании истории стали включаться новые участники. Л. П. Мамет (Пинхосович), советский историк-востоковед призывал особое внимание уделить рабфакам, где обучалось взрослое население. Он полагал, что нужно четко их в организации преподавания отличать от школ второй ступени с подростками. «Второстепенчатые» в высшую школу не шли, а вот рабфаки целенаправленно готовили к по-

ступлению в вуз [10]. Проблема качества содержания преподавания дебатировалась уже на новом уровне. Задача рабфаков сводилась к чисто практическому результату: «усвоение определенного минимума фактических знаний, умение ориентироваться в прошлом и первоначальные понятия о законах исторического развития» [10, с.190]. Аргументы, выдвигаемые им, вдребезги разбивали все романтические цели идеологов о формировании «нового человека» и «перевоспитании масс»: «Каждый из нас по своей практике знает, какие иногда чудовищные представления имеются у рабфаковцев. Их не придумаешь, если не слушаешь их. Чем это объясняется? Объясняется это тем, что мы даем часто исторические обобщения, когда у слушателей нет даже простейших сведений из области конкретной истории. А ведь без них невозможно никакое историческое обобщение. Для этих обобщений нужны систематические знания, а рабфаковцы на имели возможности систематически заниматься. Это им нужно дать» [10, с.189].

М. Н. Покровский, участвуя в прениях к выступлению Л. П. Мамета, обратился к пресловутому лабораторному методу. Оказалось, что только некоторые темы можно прорабатывать лабораторным путем, где идет самостоятельное выполнение заданий и освоение материала, а учебник по истории, как выяснилось необходимо, особенно для рабфаков. Если в школах второй ступени, историю он предлагал в виде эпизодического курса, то для рабфаков назрела необходимость дать систематическое преподавание. В качестве аргумента он привел в пример молодого философа, автора множества статей, который сказал: «Если бы я увидел Афродиту, я бы застрелил ее» [10, с.196]. Проблема здесь заключалась в том, что молодой человек не знал, когда изобретено огнестрельное оружие. Для Л. П. Мамета и М. Н. Покровского была очевидна нехватка лекций в преподавании. Прямой критики в адрес лабораторного метода не было, но звучало некоторое раздражение результатами его внедрения.

Историк А. В. Шестаков откровенно заметил, что учащиеся усваивают отдельные факты, при этом марксистская методология остается непонятой. В самостоятельной работе не удастся проделать эту работу, а литература к заданиям не соответствует поставленным задачам. В целом, итог был такой – отсутствие целостных знаний. Лабораторный план как система не сработал [17, с.206]. Вместо него он предложил опыт внедрения рабочих тетрадей, как это было в Сталинском комвузе.

Тема рабочих тетрадей была подхвачена Ал. Иоанисиани, но раскрывалась она на опыте школ второй ступени и в большей степени речь шла о низком уровне исторических знаний у обучающихся. Резкая критика прозвучала в адрес пре-

1 Метод американского ученого Ф.У. Тейлора, который разработал способ организации труда, при котором экономилась физическая сила за счет устранения непроизводительных движений и экономии времени.

подавания истории как «календарной справки»: «Это «завоевания» дало повод в связи с требованием введения «диалектического обществоведения» Жаворонкову заявить, «что в настоящее время опять, наверное в последний раз зашевелились историки в надежде, что история будет восстановлена в своих правах» [4, с. 207–208]. Жаворонкова автор охарактеризовал, как «решительного методиста», а пагубность «методической» болтовни проиллюстрировал примером из урока в семилетке. Ответы учеников на вопросы учителя отличались отсутствием элементарного представления о последовательности исторических событий, если не полным невежеством. Тема «Крепостное право» полностью была провалена и свелась к перескокам от Рюрика до Стеньки Разина [4, с.209]. Причину сложившейся ситуации Ал. Иоаннисисани озвучил без стеснения, как ненормальную постановку исторического образования.

В 1928 г. дискуссия о методах преподавания истории меняет тон, так как меняется страна и политическая ситуация. Сворачивание НЭПа и приближение года «великого перелома» чувствовались в тоне дискуссии о преподавании истории. Открытость высказываний уступает место критиканству, и даже обличению коллег. Историк В. Т. Дитякин в 1928 г. в своей рецензии на программу по истории Западной Европы эпохи торгового капитализма изобличил казанского профессора В. Ф. Смолина, который руководствовался старой периодизацией истории и рамками «новой истории»: «У нас слишком часто забывают, что в нашей стране, в наши дни, в эпоху господства революционного марксизма и диалектического материализма, боевой задачей является дать молодежи марксистскую историю, а не историю «вообще». Дать ее можно только после углублен-

ной марксистской проработки исторического материала, а эта работа не только не закончена еще, но даже не везде начата. Претендовать давать в таких условиях историю 10-ти стран одного из практически важнейших периодов – эпохи складывания и роста основных классов капиталистического общества, претендовать на это, повторяем, значит выдавать фальшивый вексель, что ни один марксист, разумеется, не сделает» [3]. При этом в критике сквозят вполне рациональные требования: выполнимость заданий и соответствие программы курса объему выделенного времени, а также максимальная точность формулировок.

Таким образом, исследование эволюции дискуссии позволяет сделать вывод о том, что преподавание истории в деле формирования «нового человека» с марксистским мировоззрением и набором практически полезных стране навыков и умений изначально рассматривалось как один важных образовательных инструментов. Сам термин не артикулировался, но задачи, которые ставили перед собой советские ученые, стоявшие у истоков Общества историков-марксистов, встраивались в общую идеологическую риторику, в которой образ «нового человека» не отличался четкостью и целостностью. В этой связи и в дискуссиях он проходит по касательной, но однозначно подразумевается на первых ее этапах. Постепенно он все больше выцветает, так как дебатировались главным образом практические образовательные задачи. Сами материалы дискуссий показывают, насколько была велика дистанция между первоначальными замыслами идеологов и образовательной практикой. Оказалось, что полный отказ от опыта дореволюционного преподавания и упор только на нужные власти сюжеты не привел к формированию новой генерации, а стал причиной крайней скудости исторических знаний.

Литература

1. Гулевская Н. А., Гулевский А. Н., Чайченко Д. В. Историческая память как фактор формирования идентичности // *Философия права*. 2019. № 2(89). С. 137–145.
2. Данилов В. Н. Финальные аккорды «детища» М. Н. Покровского: общество историков-марксистов в начале 1930-х гг. // *Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26. №2. С.144–156. С.145.
3. Дитякин В. Т. Курс истории торгового капитализма в вузах // *Историк-марксист*. 1928. №10. С. 197–202.
4. Иоаннисисани Ал. Рабочие книги по обществоведению // *Историк-марксист*. 1928. №7. С. 207–217.
5. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. – 508 с.
6. Кривцов С. С. Место истории в программах общественно-экономических вузов // *Историк-марксист*. 1926. № 2. С. 225–235.
7. Ленин В. И. Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» // Ленин В. И. Полное собрание сочинение. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 52.
8. Троцкий Л. Д. Задачи коммунистического воспитания. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trot1965.html> (Дата обращения: 24.02.2022).
9. Фридлянд Ц. О Всероссийской методической конференции преподавателей истории в совпартшколах // *Историк-марксист*. 1926. Т.1. С. 280–288.
10. Мамет Л. П. Программно-методические вопросы преподавания истории на рабочих факультетах // *Историк-марксист*. 1927. Т.3. С.182–195.
11. Николаи Ф. В. Кризис «идентичности»: культурная память по ту сторону правой ностальгии и либеральной терапии // *Неприкосновенный запас*. №135 (1/2021). С. 40–49.
12. О преподавании гражданской истории в школах СССР. Постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) // *Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК* от 16 мая 1934 года. №113.

13. Покровский М. Н. Задачи Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. Т. 1. С. 3–11.
14. Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15.
15. Рындич А. Лабораторный план и преподавание истории (Стенограмма доклада в методической секции О-ва Историков-марксистов) // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 172–178.
16. Тэдзвел Г. Эксперименты в вакууме // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1984. 256 с.
17. Шестаков А. В. Лабораторный план и рабочие тетради по истории // Историк-марксист. 1927. Т. 4. С. 200–206.
18. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, Б. г. (1996). 340 с.
19. Turner, Jonathan H. A theory of social interaction. California: Stanford University Press, Stanford, 1988. 226 p.

References

1. Gulevskaya N. A., Gulevskiy A. N., Chaychenko D.V. Istoricheskaya pamyat' kak faktor formirovaniya identichnosti (Historical memory as a factor in the formation of identity) // Filosofiya prava. 2019. No. 2(89). P. 137–145. (In Russian).
2. Danilov V. N. Final'nye akkordy «detishcha» M.N. Pokrovskogo: obshchestvo istorikov-marksistov v nachale 1930-kh gg. (The final chords of the «brainchild» of M.N. Pokrovsky: Society of Marxist Historians in the Early 1930s.) // Vestnik VolGU. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. Vol. 26. No. 2. P. 144–156. (In Russian).
3. Dityakin V. T. Kurs istorii torgovogo kapitalizma v vuzakh (The course of the history of merchant capitalism in universities) // Istorik-marksist. 1928. No. 10. P. 197–202. (In Russian).
4. Ioannisani A.I. Rabochie knigi po obshchestvovedeniyu (Social science workbooks) // Istorik-marksist. 1928. No. 7. P. 207–217. (In Russian).
5. Istoricheskaya pamyat' i rossiyskaya identichnost' (Historical memory and Russian identity) / ed. by V. A. Tishkova, E. A. Pivnevoy. Moscow: RAN, 2018. 508 p. (In Russian).
6. Krivtsov S. S. Mesto istorii v programmakh obshchestvenno-ekonomicheskikh vuzov (The Place of History in the Programs of Socio-Economic Universities) // Istorik-marksist. 1926. No. 2. P. 225–235. (In Russian).
7. Lenin V. I. Predislovie k knige I. I. Stepanova «Elektrifikatsiya RSFSR v svyazi s perekhodnoy fazoy mirovogo khozyaystva» (Preface to the book by I. I. Stepanov «Electrification of the RSFSR in connection with the transitional phase of the world economy») // Polnoe sobranie sochineniy. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1970. P. 52. (In Russian).
8. Trotskiy L. D. Zadachi kommunisticheskogo vospitaniya (Tasks of communist education). URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotl965.html> (Accessed: 24.02.2022). (In Russian).
9. Fridlyand Ts. O Vserossiyskoy metodicheskoy konferentsii prepodavateley istorii v sovpartshkolakh (About the All-Russian Methodological Conference of History Teachers in Soviet Party Schools) // Istorik-marksist. 1926. Vol. 1. P. 280–288. (In Russian).
10. Mamet L. P. Programmno-metodicheskie voprosy prepodavaniya istorii na rabochikh fakul'tetakh (Programmatic and methodological issues of teaching history at working faculties) // Istorik-marksist. 1927. Vol. 3. P. 182–195. (In Russian).
11. Nikolai F. V. Krizis «identichnosti»: kul'turnaya pamyat' po tu storonu pravoy nostalgii i liberal'noy terapii («Identity» Crisis: Cultural Memory Beyond Right-wing Nostalgia and Liberal Therapy) // Neprikosnovennyi zapas. No. 135 (1/2021). P. 40–49. (In Russian).
12. O prepodavanii grazhdanskoy istorii v shkolakh SSSR. Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov SSSR i Tsentral'nogo Komiteta VKP(b) (On the teaching of civil history in the schools of the USSR. Decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks) // Izvestiya TsIK Soyuza SSR i VTsIK ot 16 maya 1934 goda. No. 113. (In Russian).
13. Pokrovskiy M. N. Zadachi Obshchestva istorikov-marksistov (Tasks of the Society of Marxist Historians) // Istorik-marksist. 1926. Vol. 1. P. 3–11. (In Russian).
14. Repina L. P. Istoricheskaya pamyat' i natsional'naya identichnost' podkhody i metody issledovaniya (Historical memory and national identity approaches and research methods) // Dialog so vremenem. 2016. No. 54. P. 9–15. (In Russian).
15. Ryndich A. Laboratornyy plan i prepodavanie istorii (Stenogramma doklada v metodicheskoy sekcii O-va Istorikov-marksistov) (Laboratory plan and the teaching of history (Transcript of the report in the methodological section of the Society of Marxist Historians)) // Istorik-marksist. 1927. Vol. 3. P. 172–178. (In Russian).
16. Tedzhvel G. Ekspierementy v vakuume (Experiments in a vacuum) // Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya / ed by G. M. Andreevoy, N. N. Bogomolovoy, L. A. Petrovskoy. Moscow: MGU, 1984. 256 p. (In Russian).
17. Shestakov A. V. Laboratornyy plan i rabochie tetradi po istorii (Laboratory plan and history workbooks) // Istorik-marksist. 1927. Vol. 4. P. 200–206. (In Russian).
18. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis (Identity: youth and crisis): translated by / ed. by A. V. Tolstykh. Moscow: Progress, B. g. (1996). 340 p. (In Russian).
19. Turner, Jonathan H. A theory of social interaction. California: Stanford University Press, Stanford, 1988. 226 p.

Сведения об авторе

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета / karina-best21@mail.ru
 Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Studies and International Relations, North-Caucasus Federal University / karina-best21@mail.ru
 The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.



УДК 94 (470+571) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.2>

Ю. Ю. Гранкин

«СТАРАНИЯ, О ДОБРОВОЛЬНОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ ЕВАНГЕЛЬСКОГО УЧЕНИЯ ...»: МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1793–1817 гг.)

Миссионерская деятельность Православной Церкви играла важную роль в умиротворении народов Северного Кавказа. Предполагалось восстановить среди них те духовные ценности, которые ранее исповедовали их предки. С этой целью в 1793 г. в Моздоке был учреждён пост викарного епископа Астраханской епархии. Это позволяло оперативно решать вопросы, связанные с распространением здесь христианской веры. Очень скоро Моздок превратился в один из ведущих религиозных центров края. Но к самой миссионерской работе у властей было немало претензий: число обращённых в новую веру не соответствовало ожиданиям, а искренность убеждений неопитов вызывала серьёзные сомнения. Император Павел I, сменивший на престоле Екатерину II, распорядился ликвидировать викариатство. Тем не менее сама идея проповедовать православие в горской среде сохранялась и имела немало сторонников.

Вновь стал вопрос о восстановлении Осетинской комиссии, с помощью которой предполагалось влиять на конфессиональную ситуацию в регионе. Возника-

ли и апробировались проекты по привлечению иностранных миссионеров для миссионерской работы в горской среде. Но главная роль отводилась православным священникам, для успешных трудов которых казна готова была выделять необходимые средства. Деятельность церкви при этом не должна была противоречить шагам светских властей. С назначением на Кавказ А.П. Ермолова военно-политическая ситуация в крае усложняется, что ознаменовало собой новый этап в миссионерской практике православного духовенства.

Ключевые слова: миссионеры, епархия, проповеди, христианство, православие, епископ, горцы, викарий, храм.

Для цитирования: Гранкин Ю. Ю. «Старания, о добровольном распространении Евангельского учения ...»: миссионерская деятельность в политике российских властей на Северном Кавказе (1793–1817 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 543–548. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.2

Yurii Yu. Grankin

«EFFORTS TO VOLUNTARILY SPREAD THE GOSPEL TEACHING...»: MISSIONARY ACTIVITY IN THE POLICY OF THE RUSSIAN AUTHORITIES IN THE NORTH CAUCASUS (1793–1817)

The missionary activity of the Greek Church played an important role in appeasing the peoples of the North Caucasus. It was supposed to restore among them those spiritual values that their ancestors had previously professed. For this purpose, in 1793, the post of vicar bishop of the Astrakhan diocese was established in Mozdok. This made it possible to quickly resolve issues related to the spread of the Christian faith here. Very soon Mozdok became one of the leading religious centers of the region. But the authorities had many complaints about the missionary work itself: the number of converts to the new faith did not meet expectations, and the sincerity of the neophytes' beliefs raised serious doubts. Emperor Paul I, who replaced Catherine II on the throne, ordered the abolition of the vicariate. Nevertheless, the very idea of preaching Orthodoxy in the mountain environment was preserved and had many supporters.

The question of restoring the Ossetian Commission, with the help of which it was supposed to influence the confessional situation in the region, arose again. Projects

to attract foreign missionaries for missionary work in the mountain environment arose and were tested. But the main role was assigned to Orthodox priests, for whose successful work the treasury was ready to allocate the necessary funds. The activities of the church in this case should not have contradicted the steps of the secular authorities. With the appointment of A.P. Yermolov to the Caucasus, the military-political situation in the region is becoming more complicated, which marked a new stage in the missionary practice of the Orthodox clergy.

Key words: missionaries, diocese, sermons, Christianity, orthodoxy, bishop, highlanders, vicar, temple.

For citation: Grankin Yu.Yu. «Efforts to voluntarily spread the gospel teaching...»: missionary activity in the policy of the Russian authorities in the North Caucasus (1793–1817) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 543–548 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.2

Значение миссионерской работы для умиротворения недавно присоединённых «инородческих» окраин высоко оценивалось властями Российской империи. Не было исключением и Северный Кавказ, где проживали многочисленные народы, по преданиям некогда являвшиеся частью мира хри-

стианства [10, с. 283–286]. Возник замысел вернуть их в лоно православной Церкви, и для этого указом Екатерины II в 1793 г. в Моздоке учреждается пост викарного епископа Астраханской епархии. Это трактовалось как продолжение подвижнических трудов христианских проповедников, ранее

окормлявших горскую паству. В частности, говорилось: «Употреблённые предками нашими и нами старания, о добровольном распространении Евангельского учения в народах, по близости к линии Кавказской обитающих, с Божью помощью имели успех, доказываемый обращением многих осетинцев и тому подобных к церкви нашей благочестивой» [15, с. 422]. Примечательно, что в этом же году здесь начал работать Верховный пограничный суд, который должен был приобщать местных жителей к правовым порядкам империи [7, с. 50]. Это были способы ненасильственного привлечения населения края к мирной жизни в составе единого государства, чьими подданными они теперь являлись. Власть рассчитывала, что вскоре найдёт верных сторонников из их числа. Синод, уточняя и разъясняя императорский указ, отмечал, что следует «приложить старание, чтобы священно и церковно-служители таковых церквей были из тамошних же жителей» [15, с. 450]. Таким образом, перед сделавшими пророссийский выбор открывались привлекательные социальные перспективы, а это формировало позитивный образ власти в сознании проживавших на Кавказе народов. Существовавшая ранее Осетинская духовная комиссия упразднилась [11, с. 14].

Действовать епископу приходилось достаточно автономно, а количество задач, которые были перед ним поставлены, не ограничивались лишь духовными обязанностями. Он отвечал за кадровые вопросы, должен был организовать школу, координировать работу миссионеров, контролировать деятельность монастырей и т. п. Столь нелёгкая ноша легла на плечи Гаийя Такаова, считавшегося человеком сведущим в местных реалиях, который в мае 1793 г. был назначен епископом Моздокским и Маджарским [6, с. 85]. Судя уже по первым шагам Гаийя, этот расчёт оказался верным. По распоряжению епископа стала разрабатываться осетинская письменность с использованием славянской азбуки. Проповеди читались на понятном осетинам языке, что облегчало выстраивание диалога между пастырем и верующими [12, с. 93]. Так, дьякон Моздокского собора Павел Генцауров перевёл книгу «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания», которая активно использовалась в ходе проведения миссионерских бесед с «инородческой» паствой [4, с. 14].

Насколько успешной была такая деятельность, однозначного ответа нет. В руки исследователям попадает разноречивая информация, не позволяющая получить объективное представление о происходящих процессах восстановления христианского вероучения среди осетин, ингушей и кабардинцев. Так, один из дореволюционных авторов утверждал, что «преосвященный епископ моздокский Гаий только по времени посылал в Осетию соборных и приходских священ-

ников с причтом для проповеди» и за всё время существования викариатства Моздокского число новообращённых не достигло даже трёх сотен человек [13, с. 143]. Автор истории Астраханской епархии протоиерей Иоанн Саввинский называет цифру 286 человек, обращённых в течение шести лет [18, с. 235]. Немало вопросов вызывала искренность неофитов. Сохранились следующие подробности крещения горцев: «Они охотно позволяют себя крестить; некоторые повторяют это по несколько раз для того, чтобы получить 7 аршин грубой холстины, которую им за это выдают; однако после крещения, чтобы доказать своё христианство, они умеют разве только сделать крест и есть свиное мясо» [21, с. 35].

Но сохранившиеся отчёты в Святейший правительствующий синод, в которых численность только крестившегося ингушского населения достигает цифры в 717 душ обоего пола, позволяют внести существенные коррективы в подобные утверждения [20, л. 1]. Скорее всего, имел место процесс отказа от христианства недавно обращённой паствы, что и дало столь серьёзный разброс в цифрах. Учитывая острую нехватку в священниках, которые могли бы на постоянной основе работать с горскими народами, удивляться такому положению не приходится.

Следует также помнить, что правительство ориентировало миссионеров не гнаться за количеством обращённых в христианство, а желало видеть в них подлинно верующих людей. Екатерина II указала «дать наставление в том, чтобы он не считал исполненным звание и долг свой в торопливом сподоблении крещения, а старался бы внушить им и силу христианского учения и руководствовать ко всякому благонравию, без чего крещение диким людям преподаваемое, едва ли не может быть названо злоупотреблением одного из величайших таинств веры христианской» [17, с. 656]. Нужно было создать базу для успешного взаимодействия с народами края, а это требовало сосредоточиться на возведении новых и поддержании старых храмов, подготовке кадров, знакомые с местной спецификой и т. п. Между тем действовать приходилось в тяжелейших, опасных для жизни условиях. Было множество примеров преследования христиан, «постоянных притеснений со стороны кабардинцев, которые угоняли у них скот, забирали их жён и детей и продавали в отдалённые области. Духовная и гражданская власть против этих врагов тогда была бессильна» [18, с. 234–235].

При епископе Гаийи Моздок становится важным религиозным центром в Предкавказье. Здесь возводятся новые храмы, среди которых выделяется храм во имя Успения Божьей Матери. В нём хранилась старинная почитаемая икона, которая для верующих считалась чудотворной. Её привезли переселившиеся под защиту русско-

го гарнизона куртатинцы. Пройдут десятилетия, и в 1821 г. в сообщении Астраханской духовной консистории будет указываться, что «находящиеся в г. Моздоке новоокрещённые осетинцы и черкесы, уже с давнего времени поселившиеся, имеют у себя церковь деревянную во имя Успения Божия Матери, построенную в 1797 году» [3, с. 412].

Нам представляется, что инициированный Екатериной Великой эксперимент с Моздокско-Маджарским викариатством не был доведён до конца. При всей критике действий епископа Гаияя следует реально оценивать его скромные возможности по распространению миссионерской практики в регионе. Он должен был решать первоочередные хозяйственные вопросы, создавать базу, опираясь на которую его приемники могли активно приступить к проповеднической деятельности [5, с. 243].

Между тем новый император Павел I не скрывал, что собирается «в делах внешней политики России не следовать правилам своей родительницы», следствием чего, среди прочего, стала ликвидация епархии [9, с. 243]. Но это не означало того, что власти отказывались от распространения христианских ценностей среди горцев Северного Кавказа. Шёл интенсивный поиск оптимальной модели воздействия на мировоззрение автохтонных народов края, в которых хотели видеть миролюбивых подданных, верных престолу.

Российская политика в значительной степени была связана с личностью императора, который находился в текущий период на престоле. При смене власти происходила корректировка текущих задач, хотя сама цель, как правило, не изменялась. Так произошло и после завершения короткого царствования Павла I. Занявший трон Александр I публично заявил, что примером истинного правителя для него служит его бабка, а потому следовало ожидать возврата к тем идеям, которые она стремилась воплотить на практике. Незадолго до своей гибели сын Екатерины II присоединил к Российской империи Картли-Кахетинское царство. После недолгих колебаний этот шаг отца подтверждает и его наследник. Всё это подстегнуло интерес к миссионерской деятельности среди северокавказских племён, которые в силу новых геополитических реалий должны были влиться в семью народов северной державы.

Возник замысел восстановления Осетинской комиссии, которая не должна была подчиняться светской власти. Производились расчёты будущих расходов, связанных с содержанием её служителей, разрабатывались нормы и требования к ним. Пастыри должны были своим примером влиять на прихожан, хорошо владеть знаниями в области теологии, опрятно одеваться и выполнять мирские требы и т.п. Не исключалось наказание тех священников, которые не отвечали своему высокому статусу и дискредитировали Церковь [18, с. 235].

При всём желании действовать самостоятельно духовенство не могло обходиться без поддержки светской администрации. Ситуация на Кавказе с каждым годом обострялась, и реальные полномочия фактически сосредоточивались в руках военного командования. Были случаи притеснения неофитов и разграбления их церквей со стороны местных владельцев [8, с. 63].

Среди тех, кто принял участие в распространении христианства, был П. Д. Цицианов, который осознавал необходимость выстраивания добрых отношений с духовенством, «а также использования авторитета священнослужителей для поддержки мер правительства» [14, с. 213–214]. При этом он ратовал за искренность в деле обретения горцами новой веры, был противником получения мирских выгод от перехода к православию.

Так, столкнувшись с тем, что многие беглецы из горских пределов переходят в православие лишь для того, чтобы обрести свободу и избавиться от гнёта прежних владельцев, он потребовал от священников не торопиться с проведением обряда для таких людей, а первоначально обучить их русскому языку и основным догматам христианства, чтобы они становились православными не формально, а по убеждению [1, с. 570].

Примечательно, что П. Д. Цицианов не испытывал предубеждения к католическим миссионерам. Он считал, что они могут внести свой вклад в деле умиротворения горцев, а имеющиеся разногласия с Ватиканом не должны препятствовать обращению «в христианскую веру сопредельных Грузии магометан и некоторых идолопоклоннических поколений» [1, с. 281].

При нём начинается свою работу миссия Эдинбургского библейского общества, которая основала свою колонию в ауле Каррас. Выкупая у горцев ясырей, проповедники стремились обучить их грамоте, чтобы в дальнейшем использовать для распространения своих идей [12, с. 94].

С гибелью князя решать вопросы по привлечению горских народов в лоно православной Церкви пришлось новому военному губернатору графу И. В. Гудовичу. К нему обратился глава Астраханской и Кавказской епархии архиепископ Анастасий. Недавно назначенный на эту должность, он жаждал преуспеть там, где не смог продвинуться его предшественник, архиепископ Платон. Сильной стороной такого подхода была преемственность, которой старались придерживаться пастыри, независимо от того, кто из них возглавлял епархию.

Мы видим фактическое повторение тех пунктов, которые в своё время были озвучены светским властям и теперь вновь доводились до сведения военного губернатора. В частности, предлагалось: «1) Осетинскую Комиссию восстановить по-прежнему в Моздоке на таком основании, как она до 1793 года по Высочайше подтвержденному

в 1771 году доклада существовала. 2) Духовным быть таким же, как прежде были, кроме переводчика, в коем надобности не предвидится, а вместо его полагается для письменных дел и смотрения за казною комиссар с классным чином и при том один писарь. 3) Для сей комиссии и при ней школы обратить строение упразднённого в 1799 году в Моздоке второклассного мужского монастыря... оставя и церковь того монастыря для сей же Комиссии. 4) Для всяких услуг определить из крестьян в служители 5 человек. 5) Всю сумму, полагаемую на Осетинскую Комиссию, отпускать из Казённой Палаты, а не из Приказа общественного призрения..., и 6) По делам Комиссии сношение иметь только с одним военным губернатором...» [2, с. 75].

Обращает на себя внимание пункт второй, в котором оговаривается отсутствие необходимости иметь в составе Комиссии переводчика. Данный факт может быть трактовать так: среди священников были знающие язык своей паствы либо это были выходцы из числа тех народов, среди которых предполагалось вести проповедническую деятельность. Уже имелись монастыри, церкви, школы, т. е. все условия для того, чтобы приступить непосредственно к миссионерской практике. Это свидетельствует о том, что критика в адрес викариатства излишне категорична, и к началу XIX столетия уже были подготовлены серьёзные заделы для успешной работы христианских миссий.

Однако, несмотря на актуальность сформулированных церковными иерархами задач, их решение явно затягивалось. Сказывалась неповоротливость чиновничьего аппарата империи, который любой шаг сопровождал длительным согласованием и перепиской по инстанциям. Осложняли ситуацию и те первоочередные проблемы, которые приходилось решать кавказским властям. В крае свирепствовала чума, бороться с которой можно было лишь с помощью карантинных мер, парализующих контакты между народами, проживавшими в регионе. Основное внимание уделяли нейтрализации внешнеполитических опасностей, которые грозили России, как в Европе, так и на Востоке. На фоне всех этих вызовов миссионерская работа отходила на второй план, и всё ограничивалось перепиской с канцелярией обер-прокурора Синода.

И. В. Гудович изначально имел самые смутные представления о том, что стало с Осетинской комиссией. Он писал моздокскому коменданту, что «теперь мне неизвестно, существует ли и ныне таковая Комиссия или нет и каким образом и кем исполняется бывшая той Комиссии обязанность относительно народа осетинского» и давал приказание собрать для него по этому поводу необходимую информацию [2, с. 77]. Это говорит о

том, что миссионерские усилия какое-то время явно были не в числе приоритетов для кавказской администрации.

Возник замысел привлечь к работе среди горцев иезуитов. Но Александр I запретил подобные эксперименты, опасаясь, что их деятельность будет направлена против интересов России в крае [8, с. 64].

Ситуация начала меняться с лета 1811 г., когда был учреждён Грузинский экзархат, в ведение которого перешли приходы с православными осетинами [19, с. 106]. По указанию императора от 30 августа 1814 г. учреждается Осетинская комиссия. Её деятельность курировал архиепископ Телавский и Грузино-Кавказский Досифей. Для Комиссии были определены следующие штаты: «...архимандрит один, игумен один, иеромонахов четыре, иеродиаконов два, да из белого духовенства: священников два, диакон один, и восемь причетников; а для письменных дел по комиссии один секретарь 10 класса, один переводчик 12 класса и два писца» [16, с. 1114]. Было очевидно, что нелёгкая служба архиепископа будет опасна. Дорога к будущей пастве пролежала по горной местности, где природа и люди могли погубить миссионеров. Поэтому предусматривалось, «иметь в готовности и состоять в полном послушании и распоряжениях архиепископа, во-первых: из церковных грузинских крестьян 30 человек с верховыми лошадьми, кои и будут указателями дорог и селений; а второе для охранения в пути от набегов, казаков 100 человек...» [16, с. 1115]. Информация о работе осетинской комиссии должна была поступать непосредственно в Синод, который при необходимости мог оказать различную помощь архиепископу.

Досифей активно принялся исполнять возложенные на него обязанности. Только за три года число обращённых в православную веру осетин превысило шесть тысяч человек. Но очень скоро интересы миссионеров столкнулись с военно-политическими реалиями, которые препятствовали их деятельности. Новый главнокомандующий на Кавказе А. П. Ермолов не терпел своеволия и непослушания архиепископа, чьи действия расходились с проводимым им курсом в отношении горцев. Не без раздражения он пенял Досифею на то, что «...духовная Осетинская комиссия, имевшая влияние на осетин, жителей по хребту Кавказских гор, прилегающих к Горийскому уезду, вмешивается в дела до правительства относящиеся...» [3, с. 363]. В 1817 г. Осетинская духовная комиссия была передана под управлением архиепископа Рязанского Феофилакта. Это была не просто кадровая перестановка. Начинаясь новый этап в миссионерской работе Комиссии, которой предстояло действовать во всё более сложных обстоятельствах разгоравшихся военных действий в регионе.

Российская политика на Кавказе на рубеже XVIII – XIX веков претерпела серьёзные изменения. Это нашло отражение и в конфессиональных преобразованиях, которые внедрялись имперскими властями в крае. Предполагалось с помощью миссионерской деятельности добиться умиротворения народов, некогда считавшимися христианскими. В качестве инструмента воздействия выступала Осетинская духовная комиссия и викариатство Моздокское, сумевшие привлечь в лоно православия тысячи горцев, преимущественно из числа осетин. Анализ задействованного материала

позволяет сделать вывод о том, что деятельность церкви зависела от решений светских властей. Активизация миссионерских усилий была связана с возрастанием и угасанием интереса к региону со стороны Петербурга, для которого внешнеполитическая повестка на Юге неоднократно изменялась. Заложником такой неопределённости было и духовенство, которому к тому же приходилось иметь дело с горскими обществами, социально-экономический и культурный облик которых затруднял проведение в их среде успешной проповеднической деятельности.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А.П. Берзе. Тифлис: Главное Управление Наместника Кавказского, 1868. Т. II. Ч. II. 1238 с.
2. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией / под ред. А.П. Берзе. Тифлис: Главное Управление Наместника Кавказского, 1869. Т. III. 767 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берзе. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. I. 941 с.
4. Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии: статьи и исследования об осетинском языке и фольклоре. Орджоникидзе: Ир, 1979. 311 с.
5. Барабанов О. Н., Волхонский М. А., Мирзоева А. М., Муханов В. М. Очерки истории христианства на Северном Кавказе: С древнейших времён до начала XX века. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. 352 с.
6. Беляев И. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1900. 308 с.
7. Город Моздок: Исторический очерк. Владикавказ: РИПП им. Гассиева, 1995. 279 с.
8. Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М.: РИК, 2003. 360 с.
9. Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. (Её история в XVI-XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Москва, 1896. Т. I. 465 с.
10. Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. 358 с.
11. Калоев Б. А. Моздокские осетины (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1995. 245 с.
12. Клычкова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск: ИП Филиппов, 2006, 2006. 158 с.
13. Коменский И. Обращение осетин в христианство в XVIII веке // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. Под редакцией Графини Уваровой. М.: Типография А. И. Мамонтова и К, 1887. С. 140–160.
14. Лапин В. В. Цицианов. М.: Молодая гвардия, 2011. 542 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXIII. СПб., 1830. 973 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXII. СПб., 1830. 1110 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXXV. СПб., 1830. 675 с.
18. Савинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет её существования. (С 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. 392 с.
19. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
20. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 245. Оп. 1. Д. 36.
21. Штедер. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 27–70.

References

1. Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy komissiej (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission) / ed by A. P. Berzhe. Tiflis: Glavnoe Upravlenie Namestnika Kavkazskogo, 1868. Vol. II. Part. II. 1238 p. (In Russian).
2. Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy komissiej (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission) / ed by A. P. Berzhe. Tiflis: Glavnoe Upravlenie Namestnika Kavkazskogo, 1869. Vol. III. 767 p. (In Russian).
3. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission) / ed by A. P. Berzhe. Tiflis, 1874. Vol. VI. Part. I. 941 p. (In Russian).
4. Alborov B. A. Nekotorye voprosy osetinskoy filologii: stat'i i issledovaniya ob osetinskom yazyke i fol'klore (Some questions of Ossetian philology: articles and studies about the Ossetian language and folklore). Ordzhonikidze: Ir, 1979. 311 p. (In Russian).
5. Barabanov O. N., Volhonskij M. A., Mirzoeva A. M., Muhanov V. M. Ocherki istorii hristianstva na Severnom Kavkaze: S drevnejshih vremyon do nachala XX veka (Essays on the history of Christianity in the North Caucasus: From ancient times to the beginning of the twentieth century). Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2015. 352 p. (In Russian).
6. Belyaev I. Russkie missii na okrainah. Istoriko-etnograficheskij ocherk (Russian missions on the outskirts. Historical and ethnographic essay). St. Petersburg: Izdanie P.P. Sojkina, 1900. 308 p. (In Russian).
7. Gorod Mozdok: Istoricheskij ocherk (City of Mozdok: Historical essay). Vladikavkaz: RIPP im. Gassieva, 1995. 279 p. (In Russian).

8. Emel'yanova N. M. Musul'mane Osetii: na perekrestke civilizacij (Muslims in Ossetia: at the crossroads of civilizations). Moscow: RIK, 2003. 360 p. (In Russian).
9. ZHigarev S. Russkaya politika v Vostochnom voprose. (Eyo istoriya v XVI-XIX vekah, kriticheskaya ocenka i budushchie zadachi) (Russian policy in the Eastern question. (Its history in the 16th-19th centuries, critical assessment and future tasks). Istoriko-yuridicheskie ocherki. Moscow, 1896. Vol. I. 465 p. (In Russian).
10. Kaloev B. A. Osetiny (istoriko-etnograficheskoe issledovanie) (Ossetians (historical and ethnographic research). Moscow: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1971. 358 p. (In Russian).
11. Kaloev B. A. Mozdokskie osetiny (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie) (Mozdok Ossetians (Historical and ethnographic research). Moscow: Nauka, 1995. 245 p. (In Russian).
12. Klychnikova M. V., Klychnikov Yu. Yu. Vkhodzenie Severnogo Kavkaza v kul'turnoe pole Rossii (1777 – 1864 gg.) (Entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia (1777-1864). Pyatigorsk: IP Filippov, 2006, 2006. 158 p. (In Russian).
13. Komenskij I. Obrashchenie osetin v hristianstvo v XVIII veke (Conversion of Ossetians to Christianity in the 18th century) // Trudy V Arheologicheskogo s'ezda v Tiflise. 1881. Pod redakciej Grafini Uvarovoj. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K, 1887. P.140–160. (In Russian).
14. Lapin V. V. Cicianov (Tsitsianov). Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. 542 p. (In Russian).
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (Complete collection of laws of the Russian Empire). Collection. Vol. XXIII. St. Petersburg, 1830. 973 p. (In Russian).
16. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (Complete collection of laws of the Russian Empire). Sobranie 1. Vol. XXXII. St. Petersburg, 1830. 1110 p. (In Russian).
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (Complete collection of laws of the Russian Empire). Sobranie 1. Vol. XXXV. St. Petersburg, 1830. 675 p. (In Russian).
18. Savinskij I. Istoricheskaya zapiska ob Astrahanskoj eparhii za 300 let eya sushchestvovaniya. (S 1602 po 1902 god) (Historical note about the Astrakhan diocese for 300 years of its existence. (From 1602 to 1902). Astrakhan', 1903. 392 p. (In Russian).
19. Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii (North Caucasus as part of the Russian Empire). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p. (In Russian).
20. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya (Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania). F. 245. Inv. 1. D. 36. (In Russian).
21. SHteder. Dnevnik puteshhestviya iz pograničnoj kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu (Diary of a journey from the border fortress of Mozdok to the interior of the Caucasus, undertaken in 1781) // Osetiny glazami russkih i inostrannyh puteshhestvennikov (XIII-XIX vv.). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. P. 27–70. (In Russian).

Сведения об авторе

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия) / grankinj@pglu.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Yurii Yu. Grankin – Doctor of History, Professor, Chair of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and Informatization, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia) / grankinj@pglu.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.



УДК: 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.3>

М. Р. Григорян

ПРОЕКТЫ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПО «УМИРОТВОРЕНИЮ» КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

С самых ранних этапов своего становления Россия сталкивалась с трудностями, связанными не только с присоединением новых территорий к государству, но и поиска лучших форм и способов управления ими, что предполагало осуществление национально-государственной политики, в полной мере учитывающей интересы, с одной стороны, Российской империи, а с другой стороны, вновь вошедших в ее состав территорий. К одной из таких тяжелых задач, стоящих перед российским государством, относился процесс интеграции Северного Кавказа в состав империи и проблема выбора наиболее эффективной модели управления столь обширным регионом. В политических и военных кругах Российской империи в период с конца XVIII – начала XIX в. разрабатывались различные планы по умиротворению Кав-

каза, которые, по мнению их авторов, гарантировали бы успех в решении данной задачи, однако, их анализ показал отсутствию единства подходов при решении изучаемого вопроса. Поиск наиболее эффективного стратегического и тактического курса в проводимой политике на Кавказе занял длительное время, в ходе которого совершалось немало ошибок, стоивших как человеческих потерь, так и материальных.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, горцы, интеграция, реформы, проект, администрация.

Для цитирования: Григорян М. Р. Проекты российской администрации по «умиротворению» Кавказа в первой половине XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 549–555. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.3

Marianna R. Grigoryan

PROJECTS OF THE RUSSIAN ADMINISTRATION TO “PACIFY” THE CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

From the earliest stages of its formation, Russia faced difficulties related not only to joining new territories to the state, but also to the search for the best forms and ways of managing them, which involved the implementation of a national-state policy that fully took into account the interests of, on the one hand, the Russian Empire, and on the other hand, the newly joined territories. One of such difficult tasks facing the Russian state was the process of integration of the North Caucasus into the empire and the problem of choosing the most effective management model for such a big region. In the political and military circles of the Russian Empire in the period from the end of the XVIII to the beginning of the XIX century various plans for the pacification of the Caucasus

were developed, which, according to their authors, would guarantee success in solving this problem, however, their analysis showed a lack of unity of approaches in solving the issue under study. The search for the most effective strategic and tactical course in the policy pursued in the Caucasus took a long time, during which many mistakes were made. They cost both human and material losses.

Key words: Russian Empire, North Caucasus, highlanders, integration, reforms, project, administration.

For citation: Grigoryan M. R. Projects of the Russian administration to “pacify” the Caucasus in the first half of the XIX century (In Russian) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 549–555. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.3

Российская империя, укрепив свои позиции в рамках проводимой внешней политики и в значительной мере расширив территорию страны, взяла курс на присоединение Северного Кавказа. К административному устройству региона российское правительство приступило еще в начале XVIII в. В этот период в качестве административных центров выступали российские крепости, которые со временем образовав цепь военных сооружений, получили название Кавказской линии. При этом необходимо отметить, что российские власти вплоть до конца XVIII в. практически не прибегали к политике применения силы по отношению к коренным народам региона, что нашло свое отражение в основных принципах Екатерины II, изложенных в ее указе от 28 февраля 1792 г., в соответствии с которым кавказскому командованию поручалось

осуществлять контроль за русскими подданными во избежание каких-либо притеснений с их стороны горских жителей [4, с.13].

В этот период российские власти осознавали, что административное покорение горских племен произойдет максимально легким образом и уменьшит количество вооруженных противостояний только в случае организации систематического взаимодействия и налаживания коммуникации местных жителей с руководством региона. В этой связи перед администраторами края стояла задача «употреблять все... благопристойные способы к приласканию тамошних народов, отдаляя от них не только притеснения, но и все, что может им неприятно быть в образе умствования и понятия о вещах...» [9]. Главными положениями проводимого курса были, во-первых, поощрение

местного населения и возможность беспрепятственного осуществления торговой деятельности на территории губернии, а во-вторых, предоставление всей необходимой помощи жертвам набегов со стороны соседних жителей ввиду их вынужденного переселения.

Однако с начала XIX в. курс сместился в сторону проведения военно-силовой политики в регионе, основывающейся на программе Александра I «Стоять на Кавказе твердо», что с одной стороны, обуславливала угроза вмешательства на Кавказ Турции и Крымского ханства, а с другой – необходимость в прекращении деятельности вооруженных групп из числа горского населения в ходе осуществления ими «набеговой системы».

Утверждение России в регионе происходило не только посредством военных мероприятий, но и через развитие экономических взаимоотношений с горскими народами. При этом проводимый российскими властями курс на Кавказе в рассматриваемый период времени характеризовался противостоянием и в то же время взаимодействием двух направлений политики по включению региона в состав Российской империи: первое направление стремилось разрушить основы хозяйственной деятельности коренных народов, а второе поддерживало развитие их экономической свободы и самостоятельности в рамках экономической системы страны. Приоритет был отдан первому направлению, характеризовавшемуся применением силовых методов, экономические же методы носили подчинительный характер, занимая второстепенное место.

Необходимо отметить, что стратегический курс политики российского правительства на той или иной стадии политико-административного покорения Кавказа во многом определялся точкой зрения конкретного руководителя региона, нередко следовавшим прямо противоположным представлениям о способах и формах включения региона в состав империи. В кругах высших должностных лиц происходили регулярные споры, касающиеся определения самого действенного политического инструментария для организации эффективного руководства северокавказским регионом.

Так, в 1805 г. Главнокомандующий на Кавказе П. Д. Цицианов представил проект, вносящий определенные поправки в существующий курс по управлению регионом, и содержащий в себе ключевые направления деятельности администрации наместничества, распространяющиеся на всех горских жителей, которые будут подвергнуты административному покорению. Именно эти положения и обуславливают историческую значимость представленного Павлом Дмитриевичем проекта, базирующегося на применении принципа постепенности. Оценивая текущее положение дел, П. Д. Цицианов также отмечал, что «перемены нравов и обычаев азиатских» возможно «ожидать с переменою целых и нескольких поколений» [10].

Представленный Главнокомандующим замысел содержался в трех важнейших положениях, предполагающих изменение воспитания местных жителей, распространение в окружении местного населения предметов роскоши, а также в приобщении к традиционному укладу и обычаям, принятым в империи [8]. Кроме того, Павел Дмитриевич признавал необходимость учета привычных местным жителям обычаев, традиций и норм при осуществлении управления в регионе. В результате следование такому подходу позволило российским властям выполнять целый ряд важных задач. Одним из результатов следования данному подходу в управлении является сокращение количества вооруженных сопротивлений со стороны горцев, направленных против российских властей, что было обеспечено благодаря особенностям проводимой администрацией политики, позволяющей создавать впечатление невмешательства в их внутренние дела. Еще одной проблемой, которую удавалось решить, была связана с возникающими в процессе управления регионом трудностями по причине недостаточного уровня знания языка обеими сторонами. Кроме того, решалась актуальная для наместничества проблема, касающаяся расширения численности кадров администрации в связи с их нехваткой.

В последующие годы, до назначения в северокавказский край Алексея Петровича Ермолова, российские власти не предпринимали каких-либо серьезных мер, которые были бы направлены на изменение сложившейся системы управления.

Наиболее направленная и планомерная политика военно-силового утверждения Российской империи на Кавказе проявлялась в действиях главнокомандующего Кавказским корпусом генерала А. П. Ермолова, видевшего в качестве одного из главных способов усмирения коренного населения в насилии. Отметим, что перед отъездом на Кавказ Комитет министров направил Алексею Петровичу проект по управлению регионом «без применения силы» [7, с. 124]. В частности, предложения адмирала Николая Семеновича Мордвинова сводились к отказу от применения силы и осуществления давления на горцев и переходу к мероприятиям мирного характера, предполагающим развитие с ними торговых отношений, преподнесение подарков для знати с целью создания у них новых потребностей, устраивать общие праздники, открывать учебные заведения, посредством которых появилась бы возможность привлекать детей знати к национальной культуре страны, но обязательно с учетом присущих им традиций и обычаев, что позволит северокавказским народам почувствовать привязанность к России, сформировать мирное отношение к ней и убедиться в способности империи благотворить соседним народам, а не притеснять их [7, с. 124].

А. П. Ермолов придерживаясь мнения о том, что «весь Кавказ должен стать и неизбежно станет неотделимой частью Российской империи, что существование в этих краях независимых и полунезависимых государств и обществ любого вида вероисповедания, будь то христианство, мусульманство или язычество, в горах или на равнине, просто несовместимо с честью и достоинством Российского императора, с безопасностью и благополучием подданных» [5, с. 56], определял в качестве своей важнейшей цели на посту Главнокомандующего на Кавказе продолжение процесса собирания земель, начатого задолго до него.

Способом, который мог бы вызвать у горских народов уважительное отношение к российским властям и стране в целом, Алексей Петрович видел в применении правила справедливости наказания. Первые основательные действия А. П. Ермолова на посту администратора в регионе связаны с подготовкой военной стратегии, в рамках которой важное значение предавалось переносу Линии оборонительных сооружений вглубь Осетии и Чечни и расширении ее протяженности до города Тарки. Военная стратегия генерала предусматривала возведение сооружений и военных укреплений и прокладку дорог между ними, вырубку деревьев и создание просек, усмирительные экспедиции и торгово-экономическую изоляцию непокорных жителей. Эти и ряд других мероприятий, разработанных Главнокомандующим при вступлении на новую должность, образовали своего рода проект, которому А. П. Ермолов следовал на протяжении всего своего пребывания на посту наместника на Кавказе.

Уже в 1818 г. А. П. Ермолов предложил императору программу деятельности, предусматривающей создание в регионе обширной сети укреплений, которая ограничивала бы беспрепятственное перемещение объединений из числа горских жителей в равнинные территории с целью реализации «набеговой системы». Осуществление данного курса означало разрушение традиционных устоев наиболее враждебно настроенных обществ, воспринимающих набеговую систему в близлежащие населенные пункты не просто как традиционный образ жизни, но и как важнейший фактор их экономической жизни, приносящий основную прибыль. В результате именно это и выступило в качестве главной движущей силы, стимулирующей горцев продолжать свое вооруженное сопротивление российским властям.

Стремление воспрепятствовать усилению присутствия империи на Кавказе объединяло по большому счету практически все весомые государства исследуемого периода, придавая данному процессу полномасштабный характер, однако, вооруженное сопротивление враждебно настроенных местных жителей стало для России самым опасным и жестоким направлением. Именно они

стали той самой военно-политической силой в крае, сумевшей не просто бросить вызов российским властям, но и успешно давать им отпор на протяжении длительного периода.

Взаимоотношения наместника с феодальными правителями осуществлялось посредством двух моделей: первая модель заключалась в оказании давления на знать или принуждения, а вторая модель предполагала использование различных форм материального вознаграждения для стимулирования их быть лояльными по отношению к российским властям. Однако с началом военно-экономической изоляции стало ясно, что замыслы Алексея Петровича, изложенные в его проекте, не приносят желаемых результатов [1, с. 161].

В области развития экономических связей с горскими народами, А. П. Ермолов был противником меновых дворов, полагая, что в торговле будут участвовать только российские перекупщики, которые за невысокую стоимость будут приобретать товар у местного населения, а реализовывать его по завышенным ценам, чем отобьют у горцев желание всякого взаимодействия. При этом в отношении торговли с закубанскими народами генерал выступал прямо противоположно, оценивая их передвижение по территории России даже с торговыми целями как угрозу спокойствию границы. Важную роль в проводимом Алексеем Петровичем курсе занимали противодействие снабжению Кавказа продуктами иностранного происхождения, а также борьба с работорговлей, которая, по мнению генерала, выступала одним из факторов сближения местных жителей с Османской империей.

Многие методы, используемые А. П. Ермоловым, успешно применялись как до его появления на Кавказе такими российскими генералами как П. Д. Цицианов и В. С. Гуляков, так и после его отставки – И. Ф. Паскевичем и М. С.

Воронцовым, однако, увольнение Алексея Петровича с поста Главнокомандующего на Кавказе ознаменовало перемены в проводимой политике по отношению к местным жителям и необходимость поиска такой стратегии, следование которой приведет страну к достижению важнейшей цели империи, а именно – в превращении во влиятельнейшее государство в регионе. Достижение желанной цели требовало пересмотра форм и методов сотрудничества между горцами и российским населением Северного Кавказа.

Вторая четверть XIX в. характеризуется развитием предпосылок для дальнейшего усиления торгово-экономических связей местного населения с Россией. Содержание и формы торгово-экономических отношений на данном этапе можно описать следующими обстоятельствами: 1) развитие торгово-экономических отношений происходило под влиянием политической обстановки в регионе, в связи с чем реализуемые экономические меры в первую очередь использовались

в качестве инструмента решения политических задач; 2) взаимоотношения в сфере обмена между российскими переселенцами и коренными народами получили достаточно устойчивый характер, что объяснялось переменами в хозяйственном укладе региона, вызванными уменьшением экономической зависимости от Турции и увеличением экономической связанности с Россией; 3) возрастающая взаимосвязанность Кавказа с Россией привела к неизбежному воздействию на регион общественных социально-экономических сдвигов, вызванных кризисом крепостничества и становлением в стране основ индустриально-капиталистического общества [7, с. 143].

Попытки Ивана Федоровича Паскевича, ставшего новым наместником на Кавказе, вернуться к системе Алексея Петровича, не увенчались успехом: учреждение административно-гражданского устройства на территории Дагестана показало, что подобный подход только усугубит ситуацию в регионе и вызовет раздражение среди населения [1, с. 290]. Вместе с тем в проводимом генералом курсе можно отметить карательные меры, направленные против коренного населения, и в частности, лезгин. Такая суровая политика в результате привела к разрушению Кахетии, ставшей «гнездом» враждебно настроенных по отношению к империи народов [1, с. 292 – 293].

Жители региона не переставали стремиться к укреплению связей с Россией, не взирая на непростую военно-политическую обстановку. При этом российские власти для оказания давления на горцев все еще продолжали использовать привычные силовые методы, выражавшиеся в экономической изоляции горских жителей и ограничении для них доступа на меновые дворы. Таким образом, именно горские народы проявляли инициативу в отношении развития сотрудничества в сфере торговли, в то время как политика российского государства сводилась к политическому подчинению населения региона посредством использования их хозяйственной зависимости. Залогом окончательного покорения горских народов российская администрация видела в разрыве связей горцев с иностранными государствами.

Вместе с тем концепция мирного освоения новых территорий не утратила своих сторонников и при правлении Николая I, что находит подтверждение в проекте по учреждению Российской кавказской компании, представленном в 1828 г. А. С. Грибоедовым и начальником кавказской экспедиции П. Д. Завилейским. Данный проект предлагал создание сети учебных и медицинских учреждений с целью развития на Кавказе науки и искусства. По замыслу авторов, экономическое и культурное процветание региона способствовало бы его сближению с империей, благоприятно сказавшись бы на общем развитии России и вытеснило бы Англию с Ближнего и среднего Востока.

Однако проект вызвал критику как либеральных, так и консервативных кругов, в связи с чем политика, направленная на развитие экономической и культурной сфер региона, не сумела добиться необходимой финансовой поддержки и, таким образом, не заняла важное место в проводимой российским руководством политики.

Реальные методы, которые использовались российской администрацией, не только не приближали Россию к покорению горских народов, но и, наоборот, отдаляли ввиду того, что осуществляемая в регионе колониальная политика не принимала во внимание ментальность коренного населения: свободолюбие проистекало из принципов общежития горских народов, не испытывавших еще в полной мере давления феодальных устоев.

В период с 1931 по 1837 гг. пост главы российской администрации на Кавказе занимает барон Григорий Владимирович Розен, который на момент прибытия на Кавказ не был знаком с краем и особенностями управления им, но при этом имел благое намерение разобраться в разнообразных и сложных отношениях с местным населением. Вступая на должность администратора Кавказского края, Григорий Владимирович отмечал, что попал в регион в достаточно беспокойный период, подчеркивая, что горские жители еще не были настолько дерзкими и настойчивыми в своих действиях [3]. Анализируя состояние региона, Григорий Владимирович считал, что необходимо в максимально короткие сроки вернуть спокойствие в край и утихомирить раздражительность со стороны горского населения [3], но для достижения указанных целей замыслы барона предполагали применение достаточно общих методов, которые сводились к установлению мирных взаимоотношений, развитию торговли, а также наказанию строптивых и враждебно настроенных жителей края.

По мнению барона, проводимая политика на Кавказе должна включать три основных положения: обеспечение безопасности Кавказской линии, сохранение российских войск на территории Закавказья для удержания в регионе покорности со стороны местных жителей [3] и процветание торговых отношений. Для осуществления задуманного плана, Григорий Владимирович видел целесообразным оставить в полном составе войска отдельного кавказского корпуса и присоединить к нему 20-ю пехотную дивизию. Кроме того, Розен считал, что набеги и грабежи со стороны горского населения следует наказывать не нападениями, а экспедициями. При этом, по его мнению, одновременное проведение деятельности в нескольких пунктах было бы достаточно сложно осуществить российским войскам, поэтому важная задача виделась в необходимости ограничения числа враждебно настроенных племен, эффективной мерой для сближения с которыми

барон видел в привлечении на сторону российских властей влиятельных лиц и в заботе о благосостоянии местного населения со стороны правительства. Однако, по распоряжению Николая I, Розену было указано, что цель России на Кавказе давно определена, и для ее достижения необходимо придерживаться плана, разработанного Паскевичем «без всякого изменения» [3].

Основной чертой, характеризующей деятельность генерала Евгения Александровича Головина, сменившего Г. В. Розена, выступает враждебный характер проводимой им политики покорения края, проявлявшейся, в суровом отношении к «вольным обществам». Решению задачи по покорению Кавказа, по мнению Е. А. Головина, способствовало бы проведение ряда мероприятий, связанных со строительством стратегически важной дорожной сети, просечкой троп в лесном массиве, а также возведением укреплений с целью дальнейшего пополнения гарнизонами. Кроме того, в рамках проекта Евгения Александровича предлагалось учредить на местном уровне администрацию, открыть учебные заведения мусульманского профиля, а также наладить функционирование базаров в российских крепостях. Однако более сложная ситуация, развернувшаяся на территории Дагестана и Чечни, предполагала привлечение дополнительных ресурсов: как финансовых, так и человеческих, что и стало причиной, повлиявшей на решение императора не принимать предложения генерала [1, с. 367]. Дорожное строительство на территории Дагестана, укрепление сооружений, а также формирование отрядов и организация походов с целью сохранения местных жителей в повиновении были, по мнению государя, «неудобными к исполнению, а в некотором отношении даже вредными» [2, с. 355].

Обратимся к рассмотрению взглядов генерала Николая Николаевича Раевского, который видел в торговле средство покорения коренных народов. Свою точку зрения он подтверждал фактом увеличения количества атак именно тех населенных пунктов, в которых сфера торговли была недостаточно развита [1, с. 495]. Действительно, развитие торговых отношений с местными жителями послужило стимулом для отказа от набегов и перехода к хозяйственным занятиям мирного характера и, напротив, отнятие возможности участвовать в торговле, сопровождающееся применением в отношении жителей, отказавшихся присягнуть на верность российским властям, суровых мер приводили только к объединению враждебно настроенных сил в отношении к империи.

Несколько другое мнение в отношении способов разрешения проблемы в регионе выражал адмирал Л. М. Серебряков, который считал, что для покорения северокавказского края необходим комплекс мер разностороннего характера, среди которых он выделял в качестве главных

применение оружия, выселение русских жителей, организацию внутреннего порядка, избрание умелых и достойных руководителей, развитие торговой и промышленной отраслей [6, с. 289]. Особое место в предложениях адмирала Л. М. Серебрякова занимает торговля, в соответствии с которыми предлагалось, используя периоды засухи и низкой урожайности в своих интересах, привлекать горцев на свою сторону и склонять их к поддержанию мирных отношений, благодаря предоставлению им продуктов, и, в частности, муки и сала. Придерживаясь совершенно противоположной точки зрения, генерал Н. Н. Раевский раскритиковал подобный подход, считая целесообразным воспользоваться трудным для местных народов временем и, наоборот, понизить цены на товары повышенного спроса, что изменит недружелюбное отношение к империи и послужит стимулом для перехода на ее сторону.

В годы правления генерала Алексея Александровича Вельяминова реализация задач российской колониальной политики, заключавшейся в установлении полного и беспрекословного контроля над регионом, осуществлялась посредством занятия и укрепления самых важных стратегических точек зрения пунктов на территории Закубанья и Черномории. В соответствии с политикой А. А. Вельяминова, подрыв экономики горских народов возможно было обеспечить посредством переселения казаков на благоприятные для осуществления земледелия и скотоводства территории, отнятых у горцев. В качестве единственного средства принуждения горских народов к покорности за короткий срок А. А. Вельяминов считал голод, что было возможно благодаря истреблению посевов горцев. Исходя из этого, можно охарактеризовать проводимую генералом политику как курс, направленный не просто не только на отнятие у горских народов возможности независимого принятия хозяйственных решений, но и на уничтожение основополагающих принципов их жизнедеятельности. Такая политика получила название политики «выжженной земли», которая оказывала негативное влияние не только на отношение коренных жителей к российским властям и стране в целом, но и на их взаимоотношения экономического характера с российскими переселенцами, в частности.

Еще один кавказский наместник, генерал М. С. Воронцов, в своем стремлении расширить торговые взаимоотношения с горскими народами, придерживался противоположной позиции по вопросу о способах и методах воздействия на горцев, которая проявлялась в поддержании развития их хозяйственной самостоятельности, но в пределах территории Российской империи. Однако такая точка зрения, несмотря на свою разумность и эффективность, не смогла стать доминирующей

ввиду неспособности Российской империи обеспечить полную изоляцию горских народов от торговых связей с зарубежными странами.

Уже к середине XIX в. российские чиновники начали приходить к выводу о том, что при проведении административной реформы на Кавказе для сохранения самобытности горских народов необходимо принимать во внимание нормы обычного права, а также местные традиции, являвшиеся основой политического и социально-экономического устройства региона.

Подводя итоги, отметим, что на протяжении рассматриваемого периода, охватывающего конец XVIII – начало XIX в., одна из главных задач, стоящая перед российским правительством, сводилась к нахождению наиболее эффективной модели

управления северокавказским регионом и организации его правового статуса. Политика российского правительства на том или ином этапе освоения Кавказа во многом определялась взглядами того или иного администратора региона, зачастую имевших противоположные представления о способах и формах включения региона в состав империи, в связи с чем в кругах высших чиновников происходили споры по вопросу выбора эффективного инструментария для организации успешного руководства северокавказским регионом. В целом же усиление позиций Российской империи на Северном Кавказе осуществлялось путем сочетания военного направления и мирного, включавшего, в частности, становление и развитие торгово-экономических отношений в крае.

Литература

1. Блиев, М. М. Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
2. Блиев, М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. – 877 с.
3. Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Volkonskij_N_A/text20.htm (Дата обращения: 25.03.2022).
4. Гаджиев В. Г. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: сборник документов. М.: Наука, 1988. 357 с.
5. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: Крон-Пресс, 1998. 512 с.
6. Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Звезда. 2000. 465 с.
7. Гранкин Ю. Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Монография. Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. 216 с.
8. Малахова Г. Н., Чегарнова В. Н. Исторические аналогии политики «soft power» на Северном Кавказе (конец XVIII–XIX вв.) // Дискурс-Пи. 2014. №4. С. 86-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-analogii-politiki-soft-power-na-severnom-kavkaze-konets-xviii-xix-vv>. (Дата обращения: 25.03.2022).
9. Моздокские хутора. Полное собрание законов Российской империи, Том 22, (интернет проект РНБ <http://www.nlr.ru>). 1785 год, царствование Государыни Императрицы Екатерины II. № 16.194. — Мая 9. Именной, данный Правящему должность Генерал-Губернатора Саратовского и Кавказского Потемкину. О устройстве Кавказской Губернии, и области Астраханской. URL: <http://mozdok-hutor.narod.ru/index/0-31> (Дата обращения: 25.03.2022).
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 2. Д. 15.

References

1. Bliev M. M. Kavkazskaja vojna (The Caucasian War). Moscow: Roset, 1994. 592 p. (In Russian).
2. Bliev M. M. Rossiya i gorcy Bol'shogo Kavkaza na puti k civilizacii (Russia and the highlanders of the Greater Caucasus on the way to civilization). Moscow: Mysl', 2004. 877 p. (In Russian).
3. Volkonskij N. A. Vojna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 gg. (The War on the East Caucasus from 1824 to 1834). URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Volkonskij_N_A/text20.htm (Accessed: 25.03.2022). (In Russian).
4. Gadzhiev V. G. Russko-dagestanskije otnoshenija v XVIII – nachale XIX vv.: sbornik dokumentov (Russian-Dagestan relations in the XVIII - early XIX centuries: collection of documents). Moscow: Nauka, 1988. 357 p. (In Russian).
5. Gammer M. Shamil'. Musul'manskoe soprotivlenie carizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana (Muslim resistance to tsarism. The Conquest of Chechnya and Dagestan). Moscow: Kron-Press, 1998. 512 p. (In Russian).
6. Gordin Ja. A. Kavkaz: zemlja i krov': Rossiya v Kavkazskoj vojne XIX veka (Caucasus: land and blood: Russia in the Caucasian war of the XIX century). St. Petersburg: Zvezda. 2000. 465 p. (In Russian).
7. Grankin Ju. Ju. Torgovo-jekonomicheskie svjazi Rossii s narodami Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza (konec XVIII – pervaja polovina XIX vv.) (Trade and economic relations of Russia with the peoples of the Western and Central Caucasus (late XVIII – first half of the XIX centuries). Pjatigorsk: PGLU, 2002. 216 p. (In Russian).
8. Malahova G. N., Chegarnova V. N. Istoricheskie analogii politiki «soft power» na Svernom Kavkaze (konec XVIII–XIX vv.) (Historical analogies of «soft power» policy in the North Caucasus (late XVIII–XIX centuries) // Diskurs-Pi. 2014. No. 4. P. 86–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-analogii-politiki-soft-power-na-severnom-kavkaze-konets-xviii-xix-vv>. (Accessed: 25.03.2022). (In Russian).
9. Mozdokskie hutora. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, Tom 22, (internet proekt RNB <http://www.nlr.ru>). 1785 god, carstvovanie Gosudaryni Imperatricy Ekateriny II. № 16.194. – Maja 9. Imennoj, dannyj Pravjashhemu dolzhnost' General-Gubernatora Saratovskogo i Kavkazskago Potemkinu. O ustrojstve Kavkazskoj Gubernii, i oblasti Astrahanskaj

(Mozdok farms. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Volume 22, (RNB Internet project <http://www.nlr.ru>). 1785, the reign of Empress Catherine II. No. 16.194. - May 9. Nominal, given to the Ruling post of Governor-General of Saratov and the Caucasus Potemkin. On the structure of the Caucasian Province, and the Astrakhan region). URL: <http://mozdok-hutor.narod.ru/index/0-31> (Accessed: 25.03.2022). (In Russian).

10. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (Russian State Historical Archive). F. 1286. Inv. 2. D. 15. (In Russian).

Сведения об авторе

Григорян Марианна Размиковна – аспирант Института подготовки кадров высшей квалификации (кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии) Пятигорского государственного университета / grigorian-mr@pgu.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Marianna R. Grigoryan – Postgraduate Student, Institute of Postgraduate Training (Chair of Historic, Social, and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology), Pyatigorsk State University / grigorian-mr@pgu.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, the Russian Federation.



УДК 327 (470)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.4>

А. К. Дудайти

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1991–2011 гг.)¹**

В новых геополитических реалиях, сложившихся на постсоветском пространстве после 1991 г., заметно активизировалась политика Исламской Республики Иран (ИРИ) в направлении Южного Кавказа. К этому времени идеология экспорта исламской революции стала более сдержанной и осторожной, что позволило Ирану включиться в решение сложных проблем в конфликтном регионе Южного Кавказа: в частности, в начале вооруженного противостояния между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха в Тегеране предложили посреднические услуги по его мирному разрешению. В региональной стратегии Ирана, реализуемой в рамках государственной идеологии «исламского» пути развития, были задействованы разные методы и возможности. Эти вопросы вызывают повышенный интерес среди отечественных исследователей, а их изучение является актуальным, имея в виду сохраняющиеся угрозы интересам национальной безопасности России в южнокавказском направлении.

Новизна исследования определяется тем, что в нем проведен комплексный анализ основных направлений региональной политики Ирана на Южном Кавказе, раскрыты ее особенности и характерные черты, а также формы и методы реализации. Особое внимание в

работе уделено вопросам, связанным с влиянием внутренних и внешних факторов на сложные процессы формирования и развития отношений Ирана с молодыми государствами Южного Кавказа. В ходе исследования установлено, в ходе проведения антизападного и в определенной степени – независимого от России внешнеполитического курса на Южном Кавказе Иран не смог достичь заметных успехов, поскольку влияние и позиции России и США в регионе оставались сильными. В целом, в работе сделан вывод, что надеждам по вхождению Ирана в круг ведущих держав, влияющих на международную обстановку на Южном Кавказе, не суждено было сбыться: для достижения этой цели, прежде всего, следовало строго придерживаться прагматичной политики, свободной от идеологических наклонений, что подтвердилось в ходе дальнейшего развития событий на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Иран, Южный Кавказ, региональная политика, постсоветский период, Азербайджан, Армения, Грузия, взаимоотношения.

Для цитирования: Дудайти А. К. Основные направления региональной политики Ирана на Южном Кавказе в постсоветский период (1991 – 2011 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 556–562. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.4

Albert K. Dudaity

**MAIN DIRECTIONS OF IRAN'S REGIONAL POLICY IN THE SOUTH CAUCASUS
IN THE POST-SOVIET PERIOD (1991–2011)²**

In the context of the new geopolitical realities that emerged in the post-Soviet space after 1991, the policy of the Islamic Republic of Iran (IRI) in the direction of the South Caucasus became noticeably more active. During this period, the export ideology of the Islamic revolution became more restrained and cautious, which allowed Iran to take part in solving complex problems in the South Caucasus: in particular, at the very beginning of the armed conflict in Nagorno-Karabakh, Tehran offered their services in its peaceful permission. Iran's regional strategy strictly fit into the framework of the state ideology of the «Islamic» path of development, therefore, in the course of its implementation, various tactical methods and opportunities were involved. These issues continue to arouse increased interest among domestic researchers, and their study is relevant, bearing in mind the remaining threats to Russia's national security interests in the South Caucasus direction.

The novelty of the study is determined by the fact that it contains a comprehensive analysis of the main directions of Iran's regional policy in the South Caucasus, reveals its features and characteristics, as well as forms and methods of implementation. Particular attention is paid to issues

related to the influence of internal and external factors on the complex processes of formation and development of Iran's relations with the young states of the South Caucasus. The study found that in the course of conducting an anti-Western and, to a certain extent, independent of Russia foreign policy in the South Caucasus, Iran could not achieve noticeable success, since the influence and positions of Russia and the United States in the region remained strong. In general, the paper concludes that the hopes of Iran joining the circle of leading powers influencing the international situation in the South Caucasus were not destined to come true: in order to achieve this goal, first of all, it was necessary to strictly adhere to a pragmatic policy free from ideological layers, which was confirmed in the course of further development of events in the South Caucasus.

Key words: Iran, South Caucasus, regional policy, post-Soviet period, Azerbaijan, Armenia, Georgia, relationships.

For citation: Dudaity A. K. Main directions of Iran's regional policy in the South Caucasus in the post-soviet period (1991–2011) (In Russian) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 556–562. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.4

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-59-56010 от 3.03. 2021 г.

2 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-59-56010 dated 03.03.2021

В рамках реализации своих внешнеполитических акций на Южном Кавказе Иран имел возможность опираться на многочисленные активы, как-то: выгодное географическое положение между Каспийским морем и Персидским заливом, исторически сложившиеся тесные связи с кавказскими народами, большие запасы энергоресурсов и др. Но по ряду причин, о которых пойдет речь ниже, эти возможности не были использованы в полной мере. К тому же государства Южного Кавказа старались диверсифицировать свои внешние связи, чтобы не попасть в зависимость к какой-либо державе. Такая политика вызывало разочарование в руководящих кругах Ирана и Турции, полагавших Южный Кавказ сферой своего геополитического влияния.

Внешнеполитический курс на диверсификацию своих отношений с ведущими державами был одинаково характерен для государств Южного Кавказа, но в стратегическом плане у них имелись определенные предпочтения: так, Грузия и Азербайджан в основном были ориентированы на Запад, Армения же стремилась к строительству союзнических отношений с Россией. Впрочем, все три государства были настроены на поддержание деловых отношений с региональными соседями в лице Ирана и Турции. В результате на Южном Кавказе постепенно обозначились две геополитические оси – прозападная и пророссийская. Являясь убежденным противником вестернизации, Иран не стал колебаться в выборе между Западом и Россией и поддержал пророссийскую ось в регионе. В свою очередь, США и их союзники усиленно противодействовали влиянию Ирана на Южном Кавказе, особенно после включения этой страны в список «оси зла» из-за событий 11 сентября 2001 г., пишет исследователь К. Терм [8, р. 138].

Во время кавказского кризиса 2008 г., кульминацией которого стала российско-грузинская война, Иран занял сдержанную позицию. Руководство страны заявило о нейтралитете в этих событиях, несмотря на заинтересованность продолжать поставки газа в Грузию. Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 2008 г., президент М. Ахмадинежад заявил, что права народов Грузии, Южной Осетии и Абхазии ущемляются из-за закулисных действий и провокаций США и их натовских союзников на Южном Кавказе [6, р. 85]. Как отмечает К. Терм, в Тегеране надеялись, что вооруженный конфликт с Грузией приведет к ухудшению отношений России с ведущими западными странами и в результате, удастся избежать введения новых санкций против Ирана со стороны ООН [8, р. 139–140].

Наиболее динамично развивались в первые постсоветские десятилетия отношения Ирана с Арменией. Дипломатические отношения между ними были установлены в декабре 1991 г., в связи

с признанием Исламской республикой независимости Армении [3, р. 43]. В феврале 1992 г. Тегеран посетил министр иностранных дел Армении Р. Ованнисян, а через две недели в Ереван прибыл глава МИД Ирана А. Вилаяти. Вскоре были налажены авиарейсы между Тегераном и Ереваном, построен «мост дружбы» через р. Аракс, что значительно облегчало доставку в Армению товаров из Ирана. Граница с ним практически была единственным маршрутом, по которому Армения могла импортировать продукцию в условиях турецко-азербайджанской блокады. Другой маршрут, проходящий по территории Грузии, был крайне ненадежным из-за сложной внутривнутриполитической обстановки в республике. К тому же армяно-грузинские отношения носили сложный характер из-за нерешенных социально-экономических проблем армянского населения, проживающего в грузинском регионе Самцхе-Джавахети. В свою очередь, «Иранцы воспринимали Армению в качестве страны, переживающей такую же изоляцию, как и их страна. Армения оказалась в изоляции из-за Нагорно-Карабахского конфликта и закрытия границ с Азербайджаном и Турцией, а Иран находился в изоляции из-за западных санкций. Поэтому, несмотря на религиозное разделение, Иран и Армения нуждались в сотрудничестве как на региональном, так и глобальном уровне», указывает исследователь А. Ховакимян [2, с. 36 – 37]. В Тегеране надеялись, партнерские связи с Арменией, будут способствовать росту иранского влияния как в этой стране, так и в целом, на Южном Кавказе. Эта задача стала еще больше актуальной в связи с тем, что националистическое руководство Азербайджана во главе с А. Эльчибеем все громче стало озвучивать планы по созданию единого государства с присоединением к нему Иранского (Южного) Азербайджана. В этих условиях иранское руководство, обеспокоенное перспективой усиления сепаратистских настроений в северо-западных провинциях страны, все больше стало склоняться к поддержке Армении в Нагорно-Карабахском конфликте [1, р. 102].

В налаживании конструктивного диалога между Тегераном и Ереваном важную роль сыграла армянская община, компактно проживающая в Иране. Ее лидеры вели активную работу по формированию у иранцев живого интереса и уважения к народу Армении. При содействии общины развитию культурного, академического и туристического обмена ежегодно Армению стали посещать десятки тысяч граждан Ирана, а в вузах республики проходили обучение сотни иранских студентов. Власти Исламской республики активно поддерживали деятельность армянской общины, рассчитывая, с ее помощью можно будет продемонстрировать демократический и правозащитный характер своего правления и противостоять обвинениям США и Евросоюза

в несоблюдении международных стандартов в области прав человека в стране. С другой стороны, интерес Ирана к сотрудничеству с христианской Арменией совпадал с желанием армянских элит, выступать «мостом между Востоком и Западом не только в их исторической роли диаспоры, но и в качестве важного элемента их современной идентичности», отмечает историк А. Мирзоян [5, р. 133].

Развивая партнерские связи с Арменией, руководство Ирана вынуждено было учитывать фактор Турции, претендующей на роль регионально-го лидера на Южном Кавказе. В Тегеране были согласны предоставить посреднические услуги для нормализации армяно-турецких отношений, но этого не произошло. Напротив, из-за расширения регионального взаимодействия Ирана с Турцией его отношения с Арменией заметно охладели. Чтобы исправить это положение, власти Ирана разрешили армянской общине отмечать трагическое событие, связанное с Геноцидом армян в 1915 г., а в музее в Исфахане часть экспонатов была посвящена этой теме [9, р. 4].

Важное место в двусторонних отношениях Ирана с Арменией занимала экономическая составляющая. Уже в первые годы независимости Армении Иран занял ведущие позиции во внешней торговле страны, внося существенный вклад в выживание армянской экономики, пребывающей в блокаде. Позитивному развитию двусторонних торгово-экономических связей должна была служить свободная зона «Арас», созданная в 2003 г. в иранской провинции Восточный Азербайджан. С ней связывались большие надежды, поскольку в предыдущие годы двусторонняя торговля велась в основном в приграничной зоне и, кроме того, между двумя странами отсутствовали соответствующие договоренности о либерализации двусторонней торговли. Между тем, в ноябре 2003 г. Армения стала членом ВТО, а экономика Ирана продолжала оставаться централизованной и управлялась на протекционистских принципах. Неудивительно, что в этих условиях в двусторонних торгово-экономических отношениях часто возникали труднопреодолимые трудности.

Тем не менее, стороны принимали соответствующие меры для расширения экономического сотрудничества, прежде всего в энергетической сфере. Следуя в этом направлении, в мае 2004 г. был оформлен контракт на строительство трубопровода, по которому в Армению должен был поступать иранский газ в течение двадцати лет в обмен на поставки в Иран армянской электроэнергии. Заметным успехом в двустороннем сотрудничестве стало также подписанное в декабре 2008 г. соглашение о совместном строительстве нефтепровода для экспорта в Армению нефтепродуктов с нефтеперерабатывающих заводов Ирана. Наконец, в апреле 2009 г. было заключено соглашение об участии министерства энергетики Ирана в стро-

ительства Мегринской ГЭС. Согласно этому соглашению, вырабатываемая на станции электроэнергия в течение 5 лет должна была поставляться в Иран, а после истечения указанного срока она переходила в собственность Армении.

Таким образом, блокадные условия существования экономики Армении и действующий против Ирана санкционный режим объективно способствовали развитию партнерских связей между двумя странами, сотрудничеству в торгово-экономической сфере. Хотя имелись определенные сомнения в том, что эти связи сохранятся в полной мере, в случае прекращения блокады Армении и снятия международных санкций против Ирана. Примером негативного воздействия внешних факторов на двусторонние связи стало сближение Армении с Израилем, наблюдаемое на фоне серьезного осложнения турецко-израильских отношений в 2009 г. Тогда в Ереване дали понять иранской стороне, что конструктивный диалог Армении с Израилем не должен ставиться в зависимость от отношений с Ираном. Соглашаясь с этой позицией, политолог Т. Мартirosyan указывает, что взаимоотношения Армении с Израилем могли сыграть гораздо более важную роль в обеспечении безопасности страны, чем ее отношения с осью Иран-Сирия [12]. Между тем, в Тегеране крайне негативно отнеслись к армяно-израильским контактам, считая, что изменения во внешнеполитической стратегии Армении неминуемо приведут к разрушению той «постоянной альтернативы», которая была предоставлена этой стране Ираном с момента обретения независимости [8, р. 8].

Не менее сложный и противоречивый характер носили отношения Ирана с Азербайджаном. Конструктивному взаимодействию двух стран мешало ирано-турецкое соперничество на Южном Кавказе, а также расхождения в вопросах, касающихся формирования устойчивого баланса сил в Каспийском бассейне. Но самой главной проблемой в ирано-азербайджанских отношениях являлось положение этнических азербайджанцев в Иранском (Южном) Азербайджане. В результате две страны с преимущественным шиитским населением смотрели друг на друга с нескрываемым недоверием и подозрительностью, отмечает историк Г. Цикалишвили [15].

На фоне религиозного и антизападного характера идеологии Исламской революции в Иране Азербайджан все больше позиционировал себя, как светское государство, стремившееся к сближению с Евросоюзом и США. Одновременно власти этой страны принимали меры для развития дружеских связей с Израилем. В июне 2009 г. президент Израиля Ш. Перес совершил знаковый визит в Баку, в ходе которого была выражена поддержка руководству Азербайджана в борьбе за территориальную целостность страны. В ходе визита израильского лидера были подписаны двусторонние

соглашения о расширения торгово-экономических связей, в частности, увеличения объемов поставок азербайджанской нефти в Израиль, сотрудничества в сфере культуры и образования. Со стороны властей Азербайджана был проявлен живой интерес к налаживанию сотрудничества с Израилем в военно-технической сфере, в частности, приобретении израильских беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), систем противоракетной обороны (ПРО) и другой современной военной техники. Наконец, в ходе переговоров также обсуждались вопросы расширения контактов с еврейской диаспорой в США, чтобы заручиться с ее стороны поддержкой принципа территориальной целостности Азербайджана. Оценивая итоги официального визита Ш. Переса в Баку, исследователи А. Омид и М. Хайри пришли к обоснованному выводу, что именно в тот период стали закладываться основы партнерских отношений между Азербайджаном и Израилем [13, с. 147]. В ответ на азербайджано-израильское сближение прошли антиизраильские выступления среди населения Иранского Азербайджана. Одновременно в Тегеране были организованы многотысячные митинги, на которых звучали обвинения в адрес властей Азербайджана, якобы они «поддерживают сионистов». Реакция официального Баку на эти обвинения была жесткой: в частности, И. Алиев заявил, что конфликтное противостояние между Ираном и Израилем не может считаться проблемой Азербайджана [8, р. 145].

Между тем, угроза разрастания сепаратистских настроений в Иранском Азербайджане подталкивало центральные власти к принятию неотложных мер для сохранения территориальной целостности страны. «Официальные лица и аналитики в Тегеране были чрезвычайно чувствительными к этому вопросу, и особенно к любым стремлениям подстрекать иранских азербайджанцев к сепаратизму», отмечает востоковед-иранист А. Ватанка, [10]. Следует отметить, что большую роль в распространении сепаратистских идей в северо-западных провинциях Ирана играли также азербайджанские СМИ: так, в периодических изданиях публиковались материалы об ущемлении культурно-национальных прав азербайджанского населения со стороны иранских властей.

В целом, культурные аспекты интеграции этнических азербайджанцев в систему идей, продвигаемых религиозными лидерами Ирана, носили сложный и противоречивый характер. С одной стороны, они считали себя частью тюркской культурной общности, с другой — среди азербайджанского этнического меньшинства большой популярностью пользовалась личность аятолла Али Хаменеи. Чувство религиозного консерватизма в одинаковой степени было распространено как среди этнических азербайджанцев, так и политической, экономической элиты Исламской республики. Тем не менее, азербайджанское этни-

ческое меньшинство выступало с требованием сохранения национальных прав, введения в местах компактного проживания школьного обучения на родном языке. Эти, требования, отмечает историк Б. Шаффер, поддерживались властями Азербайджана, принявшими на себя обязательства по поддержке своих этнических собратьев, проживающих за пределами республики, прежде всего в Иране [7, р. 166].

В ответ на угрозу сепаратизма в северо-западных провинциях Ирана, исходящую из Азербайджана, в Тегеране решили воспользоваться этнической уязвимостью республики в талышском вопросе, чтобы поставить под сомнение легитимность ее руководства. В результате из Баку стали раздаваться обвинения, что иранские власти поощряют беспорядки среди талышского населения на юге Азербайджана, и, кроме того, причастны к свержению Эльчибея в 1993 г. [11, р. 21]. Одновременно возросло противостояние между Баку и Тегераном по другим вопросам. В частности, в руководстве Азербайджана считали, что власти Ирана оказывают давление на азербайджанских священнослужителей; в свою очередь, иранские духовные лидеры критиковали азербайджанские власти из-за введения запрета на ношение хиджаба в стране. В Баку крайне негативно воспринимали эту критику, считая ее вмешательством во внутренние дела Азербайджана. Там давали ясно понять, что все предпринимаемые извне попытки исламизировать страну обречены на провал [8, р. 146].

Однако существующие между Ираном и Азербайджаном идеологические и этнические проблемы не помешали им наладить торгово-экономические связи, прежде всего, в энергетической сфере. Правда, использовать все возможности в этом направлении не удалось из-за грубого вмешательства США. В частности, в Вашингтоне требовали, чтобы Азербайджан немедленно свернул партнерские связи с Ираном, находящимся под международными санкциями. Тем не менее, некоторый прогресс в экономическом сотрудничестве между двумя странами все же имелся: так, в 2011 г. азербайджанской нефтяной компанией (SOGAR) и иранской национальной компанией (NIGEC) была разработана дорожная карта, предусматривающая расширение двусторонних связей в энергетической сфере. Впоследствии на ее основе был заключен 5-летний контракт по поставкам в Иран азербайджанского газа по трубопроводу Гази-Магомед-Астара-Бинд-Бианд.

В целом, двусторонние отношения Ирана с Азербайджаном продолжали носить ограниченный характер, в чем немаловажную роль играли направленные против Запада и Израиля внешнеполитические акции Тегерана. Формально эти отношения считались добрососедскими, но в них ощущался недостаток доверия, необходимого

для развития партнерских связей, основанных на историческом опыте взаимодействия народов двух стран.

В этом отношении большим потенциалом обладали отношения Ирана с Грузией. После обретения независимости в 1991 г. в Иране внимательно следили за развитием политических процессов в этой стране, будучи заинтересованными в использовании ее территории в качестве транзитного пути, выходящего к Черному морю и далее – в Европу. Иран находился в числе стран, первыми признавших независимость Грузии, а в 1995 г. в Тбилиси с официальным визитом прибыл президент Исламской республики Х. Рафсанджани. На встрече с Э. Шеварднадзе обсуждался широкий круг вопросов, вызывающих взаимный интерес. Со своей стороны иранский лидер отмечал важность дипломатических контактов, чтобы придать больший динамизм углублению отношений между двумя странами [12, с. 7]. Однако этому процессу мешало расхождение сторон в вопросах, касающихся роли НАТО на Южном Кавказе. Грузия, придерживаясь курса на интеграцию в евроатлантические структуры, положительно относилась к перспективе военно-политического присутствия НАТО в регионе. Напротив, в Иране видели в Североатлантическом альянсе угрозу миру и безопасности на Южном Кавказе. Иранское руководство было уверено, что активность НАТО в направлении Южного Кавказа определяется исключительно геополитическими амбициями, а не желанием сохранить мир и стабильность в этом регионе. Кроме того, считалось, что расширение НАТО на восток создает опасность исламской культуре в Иране и других мусульманских странах. Иранцы соответствующим образом оценивали методичное продвижение США и их западных партнеров к достижению главной цели – распространению западных ценностей в исламском мире.

Несмотря на имеющиеся расхождения в региональной стратегии двух стран, власти Ирана продолжали проявлять высокий интерес к налаживанию конструктивных отношений с действующей властью Грузии. Как утверждали некоторые грузинские эксперты, иранская сторона рассчитывала использовать М. Саакашвили в качестве посредника в диалоге с американцами, но от этой идеи пришлось отказаться ввиду чрезмерной лояльности грузинского лидера к США [12, с. 7]. Тем не менее, властям Грузии давалось понять важность поддержания близких отношений с Ираном. В период энергетического кризиса в Грузии зимой 2006 г., вызвавшего безудержный рост цен на энергоресурсы, продукты, товары и услуги, именно Иран пришел на помощь республике, обеспечив ее поставками природного газа. Но затем власти Грузии стали отходить от активных контактов с Ираном. Причиной тому было возросшее давление из-за океана: в частности, в Вашингтоне

предупредили о нежелательных последствиях сотрудничества Грузии с энергетическими компаниями Ирана, находящимися в санкционных списках США. Другим примером американского давления стал произошедший в 2007 г. в Тбилиси инцидент: тогда по требованию спецслужб США в грузинской столице задержали, а затем передали американской стороне гражданина Ирана А. Х. Ардебиля, обвиняемого в приобретении боевых компонентов для иранских ВВС. По словам сотрудника иранского посольства А.М. Фари, предпринимались попытки договориться с местными властями, чтобы экстрадиция А.Х. Ардебиля не состоялась, но они закончились неудачей [14].

После августовской войны 2008 г. в Грузии руководство Ирана воздержалось от официального признания независимости Абхазии и Южной Осетии, мотивируя это тем, что аналогичная позиция была занята в вопросе официального признания Косово. Этот шаг, воспринятый в Тбилиси с большим воодушевлением, способствовал активизации двусторонних связей Грузии с Ираном. Этот процесс сопровождался качественно изменившимися условиями в международной обстановке на Южном Кавказе. Прежде всего, они выражались в достижении согласованной позиции между США и Россией по ядерной программе Ирана. В Москве всегда поддерживали право Ирана развивать свою атомную энергетику, но там оказались в сложном положении из-за обвинений МАГАТЭ властей Ирана, якобы они бойкотируют сотрудничество по ядерной программе. В результате Россия вынуждена была одобрить резолюцию Совета Безопасности ООН от 9 июня 2010 г. о введении новых санкций против Ирана.

В Грузии были озабочены ужесточением санкций против Ирана, впрочем, как и тем, что иранская внешняя политика все более приобретает антизападный характер. После смены дружественной Грузии администрации США во главе с Дж. Бушем-младшим, в Тбилиси стали прилагать усилия для налаживания взаимовыгодных отношений с Ираном. В результате этих усилий расширились торгово-экономические связи двух стран, в том числе, в банковской сфере. После подписания 3 ноября 2010 г. соглашения о безвизовом режиме возросли объемы двусторонней торговли, укрепились связи в сфере туризма. В частности, если в 2010 г. Грузию посетили 21 тыс. иранцев, в 2012 г. этот показатель достиг 90 тыс. человек [16]. Но затем процесс сближения двух стран стал ослабевать. В этом важную роль сыграли базирующиеся лоббистские группы в Вашингтоне, выдвигающие обвинения, что Грузия демонстрирует недостаточную лояльность в отношении США. Там пытались представить ситуацию таким образом, как будто в Тбилиси декларируют дружбу с США, а на деле развивали бизнес-связи с враждебной американцам Ислам-

ской республикой. Но постепенно эта истерия улеглась – особенно на фоне того, что Грузия согласилась участвовать в Международных силах содействия безопасности в Афганистане и, кроме того, присоединилась к обвинениям коллективного Запада, якобы Иран поддерживает международный терроризм.

Таким образом, региональная политика Ирана на Южном Кавказе носила сложный и противоречивый характер. Ее антизападная направленность, а также независимый от России характер затруднял реализацию стратегических целей и задач Ирана в регионе. Тем не менее, географическая близость, исторические и культурные традиции иранских и кавказских народов создавали благоприятную основу для налаживания двусторонних отношений Исламской республики с государствами Южного Кавказа. Беспокоясь из-за нестабильной ситуации в Иранском Азербайджане, власти Ирана принимали меры для недопущения роста влияния Азербайджана в этом регионе. В свою очередь, в Баку критиковали Иран из-за сотрудничества с Арменией, обвиняли его в поддержке армянской стороны в На-

горно-Карабахском конфликте. Неудивительно, что в этих неблагоприятных условиях недоверие и подозрительность стали неизменными спутниками ирано-азербайджанских контактов, мешая налаживанию партнерских связей между двумя странами. Не менее сложный характер носили ирано-грузинские отношения: надежды на конструктивный диалог между Тегераном и Тбилиси не оправдались из-за ориентации Грузии на Запад, стремления интегрироваться в евроатлантические структуры. Тем не менее, несмотря на имеющиеся трудности в реализации своих внешнеполитических акций на Южном Кавказе, Ирану удалось наладить торгово-экономические связи с Азербайджаном, Арменией и Грузией, прежде всего, в энергетической сфере. Но в целом, усилия Ирана по возвышению своего положения над политическим столом Южного Кавказа не дали положительных результатов. Для реализации этой цели необходимо было строго придерживаться прагматичной политики, свободной от идеологических наслоений, что подтвердилось в ходе дальнейшего развития событий на Южном Кавказе.

Литература

1. Calabrese J. *Revolutionary Horizons: Regional foreign Policy in Post-Khomeini Iran*. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 221 p.
2. Hovakimian A. What explains alignment? Armenian-Iranian alignment in the context of Nagorno-Karabakh conflict. Tartu: University of Tartu; Johan Skytte of Political Studies, 2017. 73 p.
3. Hovhannisyan N. The foreign policy of the Republic of Armenia in the Transcaucasian-Middle Eastern Geopolitical Region. Yerevan: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Institute of Oriental Studies, 1998. 108 p.
4. Martirosian T. Recognition of the Armenian genocide as part of South Caucasian and Mid-Eastern politics // *Central Asia and the Caucasus*. 2004. № 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/recognition-of-the-armenian-genocide-as-part-of-south-caucasian-and-mid-eastern-politics> (Accessed: 4.09.2002).
5. Mirsoyan A. *Armenia, the Regional Powers and the West*. New York: Palgrave, 2010. 239 p.
6. Sanikidze G. Turkey, Iran and South Caucasus: Challenges for Regional Policy after the 2008 August War // *Electronic Journal of Political Science Studies*. 2001. No.2. Pp. 78 – 89.
7. Shaffer B. *Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity*. Cambridge: MIT Press. 268 p.
8. Terme S. Iranian foreign Policy towards the South Caucasus: Between revolutionary Ideals and Realpolitik / *Reassessing Security in the South Caucasus. Regional Conflicts and Transformation* / ed. A. Jafalian. Burlington: VT Ashgate. Pp.137–154.
9. Therme C. Irano-Armenian Alliance // *Centre Europeen de Recherches Internationales* &. 2008. Pp. 1–4.
10. Vatanka A. Iran, Turkey, and the Future of the South Caucasus / *MEI@75*. 2022. 4 May. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus> (Дата обращения: 3.09.2002).
11. Vira V., Fitzgerald E. The United States and Iran: Competition involving Turkey and the South Caucasus // *Center for strategic @ international Studies (GSIS)*. 2011. August 4. Pp. 1–28.
12. ბალათურია ე. ირან-საქართველოს ურთიერთობები და ახალი გამოწვევები ბირთვული შეთანხმების შემდეგ. თბილისი: კულტურული ურთიერთობათა ცენტრი «კავკასიური სახლი», 2016. 15 გვ. (Багатурия У. Ирано-грузинские отношения и новые вызовы после ядерного соглашения. Тбилиси: Центр культурных связей «Кавказский дом», 2016. 15 с.).
13. ზვიადური ი. ირანთან უვიზო რეჟიმის გაუქმება: შიდა და გარე იმპულსები // *ტაბულა*. 2013. 8 აგვისტო (Звиადური И. Упразднение визового режима с Ираном: внутренние и внешние импульсы // *Табула*. 2013. 8 августа). URL: <https://tabula.ge/ge/news/555097-irantan-uvizo-rezhimis-gaukmeba-shida-gare> (Accessed: 5.09.2002).
14. წიკლაური მ. ამერიკის და ირანის ფარული ომი // *ლიბერალი*. 2010. 13 იანვარი (Циклаური М. Тайная война между Америкой и Ираном // *Либерал*. 2010. 13 января). URL: <http://liberali.ge/articles/view/234/amerikis-da-iranis-faruli-omi> (Дата обращения: 2.09.2002).
15. წიქარიშვილი გ. ირანის ალყაში მოქცევის შიში – დაძაბულობა თეირანსა და ბაქოს შორის // *ტაბულა*. 2021. 18 ოქტომბერი (Цикаришвили Г. Страх оказаться в окружении Ирана – напряженность между Тегераном и Баку // *Табула*. 2021. 18 октября). URL: <https://tabula.ge/en/news/674714-iranis-alqashi-moktsevis-shishi-dadzabuloba> (Дата обращения: 3.09.2002).
16. 1395 , انتسابات. يدربهار تاخلاطم // [ناري ايلم تي ندم رب لئارسا و ناجا ابردآ يرومجم طباور ري ثأت. يفتصم يريخ , يلغ يديم] , 1395 . (Омид А., Хайри М. Влияние отношений между Азербайджаном и Израилем на национальную безопасность Ирана // *Стратегические исследования*. 2015. № 2. С. 137–158.). URL: <https://www.sid.ir/fa/journal/ViewPaper.aspx?id=478074> (Дата обращения: 4.09.2002).

References

1. Calabrese J. Revolutionary Horizons: Regional foreign Policy in Post-Khomeini Iran. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 221 p.
2. Hovakimian A. What explains alignment? Armenian-Iranian alignment in the context of Nagorno-Karabakh conflict. Tartu: University of Tartu; Johan Skytte of Political Studies, 2017. 73 p.
3. Hovhannissyan N. The foreign policy of the Republic of Armenia in the Transcaucasian-Middle Eastern Geopolitical Region. Yerevan: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Institute of Oriental Studies, 1998. 108 p.
4. Martirosian T. Recognition of the Armenian genocide as part of South Caucasian and Mid-Eastern politics // Central Asia and the Caucasus. – 2004. – №. 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/recognition-of-the-armenian-genocide-as-part-of-south-caucasian-and-mid-eastern-politics> (Accessed: 4.09.2002).
5. Mirsoyan A. Armenia, the Regional Powers and the West. New York: Palgrave, 2010. 239 p.
6. Sanikidze G. Turkey, Iran and South Caucasus: Challenges for Regional Policy after the 2008 August War // Electronic Journal of Political Science Studies. 2001. No.2. Pp. 78–89.
7. Shaffer B. Borders and Brethern: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity. Cambridge: MIT Press. 268 p.
8. Terme S. Iranian foreign Policy towards the South Caucasus: Between revolutionary Ideals and Realpolitik / Reassessing Security in the South Caucasus. Regional Conflicts and Transformation / ed. A. Jafalian. Burlington: VT Ashgate. Pp.137–154.
9. Therme C. Irano-Armenian Alliance // Centre Europeen de Recherches Internationales &. 2008. Pp. 1–4.
10. Vatanka A. Iran, Turkey, and the Future of the South Caucasus // MEI@75. 2022. 4 May. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus> (Accessed: 3.09.2002).
11. Vira V., Fitzgerald E. The United States and Iran: Competition involving Turkey and the South Caucasus // Center for strategic @ international Studies (GSIS). 2011. August 4. Pp. 1 – 28.
12. Baghaturia E. Iran-Georgia relations and new challenges after the nuclear agreement. Tbilisi: Center for Cultural Relations «Caucasian House. (In Georgian).
13. Zviaduri I. Cancellation of the visa-free regime with Iran: internal and external impulses // Tabula. 2013. August 8. URL: <https://tabula.ge/ge/news/555097-irantan-uvizo-rezhimis-gaukmeba-shida-gare> (Accessed: 5.09.2002).
14. Tsiklauri M. The secret war between America and Iran // Liberal. 2010. January 13. URL: <http://liberali.ge/articles/view/234/amerikis-da-iranis-faruli-omi> (Accessed: 2.09.2002). (In Georgian).
15. Tsikarishvili G. Fear of Iran being encircled – tension between Tehran and Baku // Tabula. 2021. October 18. URL: <https://tabula.ge/en/news/674714-iranis-alcashi-moktsevis-shishi-dadzabuloba> (Accessed: 3.09.2002). (In Georgian).
16. Omid A., Khairy M. Impact of relations between Azerbaijan and Israel on the national security of Iran // Strategic research. 2015. No. 2. Pp. 137–158. URL: <https://www.sid.ir/fa/journal/ViewPaper.aspx?id=478074> (Accessed: 4.09.2002). (In Persian).

Сведения об авторе

Дудайти Альберт Константинович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова / adudaiti@mail.ru
Адрес: д. 46, ул. Ватутина, 362025, Владикавказ, Российская Федерация.

Information about the author

Albert K. Dudaity – Doctor of History, Head, Chair of World History, North Ossetian State University named after K. Khetagurov / adudaiti@mail.ru
The address: 46, Vatutina st., 362025, Vladikavkaz, Russian Federation.



УДК 94(470.6).083

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.5>

Е. И. Кобахидзе, Б. В. Туаева

ЯЗЫКОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПРАВОВОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ОСЕТИИ НАЧАЛА XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ)¹

В статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с процессом распространения русского языка в Осетии во второй половине XIX – начале XX в., центральное место среди которых занимала проблема родного языка, оказавшегося на периферии образовательной деятельности местной начальной школы. Статья подготовлена на основе широкого круга разноплановых источников, в том числе законодательно-правовых актов, с преимущественным использованием материалов газетной периодики начала XX в., издававшейся в Терской области. Анализ документальных материалов показал, что распространение русского языка на северокавказской окраине и ее языковая «русификация» обеспечивались правовой поддержкой со стороны законодателя в силу его имманентной значимости маркера российской государственности. Основное внимание в статье уделено анализу публицистического дискурса начала XX в., сложившегося в Осетии в связи с положением осетинского языка в начальной школе, которому отводились функции вспомогательного средства для освоения русского языка. Рассмотрены основные идеи и положения, высказанные представителями осетинской интеллигенции и нашедшие отражение на страницах региональной периодической печати. Признанные в Осетии педагогические авторитеты, писатели и общественные деятели выступали в защиту родного языка, оказавшегося перед угрозой полного забвения на периферии учебно-образователь-

ной работы и потерявшего свои изначальные функции народного воспитателя и педагога. Признавая объективность факторов, определивших второстепенный статус осетинского языка (отсутствие в течение длительного времени учебников, учебных пособий и методических материалов для осетинских школ и пр.), публицисты выступали с требованиями о переводе начального обучения на родной язык учащихся, которые были поддержаны высшей кавказской администрацией. Вместе с тем передовая осетинская общественность признавала историческую обусловленность необходимости освоения горцами русского языкового пространства как фактора, смягчающего болезненный процесс адаптации к новым реалиям и обеспечивающего движение к гражданскому универсуму. Сохранение на этом пути родного языка как ядра национальной культуры воспринималось как нравственный долг интеллигенции, императив ее созидательной деятельности.

Ключевые слова: Осетия, русский язык, осетинский язык, «русификация», начальная школа, интеллигенция, региональная периодическая печать.

Для цитирования: Кобахидзе Е. И., Туаева Б. В. Языковая проблематика в правовом и общественном дискурсе Осетии начала XX в. (на материалах региональной периодики // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 563–569. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.5

Elena I. Kobakhidze, Berta V. Tuaeua

LANGUAGE PROBLEMS IN THE LEGAL AND PUBLIC DISCOURSE OF OSSETIA IN THE EARLY XX CENTURY (BY THE MATERIALS OF THE REGIONAL PERIODICALS)²

The article considers a set of issues related to the process of spreading the Russian language in Ossetia in the second half of the 19th – early 20th centuries, among which the problem of the native language occupied a central place as it was on the periphery of the educational activities of the local elementary school. The article based on a wide range of diverse sources, including legislative acts, with the primary use of materials from newspaper periodicals of the early 20th century, published in the Terek region. An analysis of documentary materials showed that the spread of the Russian language in the North Caucasian outskirts and its linguistic “Russification” was provided with legal support due to its immanent significance as a marker of Russian statehood. The main attention in the article is paid to the analysis of the journalistic discourse of early 20th century formed in Ossetia relatively the position of the Ossetian language in elementary school, which was assigned the functions of an auxiliary tool for mastering the Russian language. The main ideas and provisions expressed by representatives of the Ossetian intelligentsia and reflected in the pages of the regional periodical press are considered. Pedagogical authorities recognized in Ossetia, writers and public figures spoke out in defense of the native language, which faced the threat of complete oblivion on the periphery

of educational work and lost its original functions of a folk educator and teacher. Recognizing the objectivity of the factors that determined the secondary status of the Ossetian language (the absence for a long time of textbooks, teaching aids and methodological materials for Ossetian schools, etc.), publicists came out with demands for the translation of primary education into the native language of pupils, which were supported by the highest Caucasian administration. At the same time, the advanced Ossetian public recognized the historical conditionality of the need for the mountaineers to master the Russian language space as a factor that softens the painful process of adaptation to new realities and ensures movement towards a civil universe. The preservation of the native language as the core of the national culture along this path was perceived as a moral duty of the intelligentsia, an imperative of its creative activity.

Key words: Ossetia, Russian language, Ossetian language, “Russification”, elementary school, intelligentsia, regional periodicals.

For citation: Kobakhidze E. I., Tuaeua B. V. Language problems in the legal and public discourse of Ossetia in the early XX century (by the materials of the regional periodicals) (In Russian) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 563–569. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.5

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00239 А «Государственный язык как инструмент социокультурных трансформаций на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.)»

2 The article was written with the financial support of the RFBR within the scientific project No. 20-09-00239 A «The state language as an instrument of socio-cultural transformations in the North Caucasus (the second half of the 19th - early 20th century)».

Одним из ключевых инструментов реализации государственной национальной политики Российской империи являлся государственный (русский) язык, исполнявший также важные консолидирующие функции, объединяя разнородное население страны в едином социальном и культурном поле. Однако отсутствие у государства устойчивой языковой стратегии обуславливало недостаточную вариативность культурно-языковой политики и ее зависимость от целого ряда сопряженных социально-политических и этнодемографических факторов. И если в отдельных окраинных провинциях империи распространение русского языка связывалось с насильственной «русификацией» и культурно-языковой ассимиляцией, то на Северном Кавказе этот процесс привел в конечном итоге к формированию в местной среде позитивных мотиваций к усвоению государственного языка, наиболее очевидных в Осетии как регионе с более высоким по сравнению с другими северокавказскими областями уровнем развития образования. Активное внедрение русского языка в повседневный быт местного социума инициировало различные виды социальной активности – от осознания и формулирования в публицистическом пространстве ряда вопросов, возникших в процессе распространения в регионе русского языка, до участия разных групп населения в формировании социокультурной инфраструктуры на русской культурно-языковой основе (библиотеки, музеи, культурно-просветительские общества, читальни, театры и пр.).

Совершенно особое место в процессе языковой русификации окраинного населения занимала начальная школа, проблемы которой живо обсуждались в региональной периодической печати конца XIX – начала XX в. Среди всего комплекса вопросов, касающихся школы, наиболее болезненным был вопрос о положении родного языка в учебной программе, широко и горячо обсуждавшийся передовой осетинской общественностью.

Прежде чем говорить о рефлексии осетинской интеллигенции на сложившуюся в Осетии культурно-языковую ситуацию, как в капле отразившуюся в местной начальной школе, кратко остановимся на характеристике правовой базы, обеспечившей русскому языку доминирующие позиции в сфере образования, в частности в ее северокавказском сегменте.

Впервые приоритет русского языка в процессе преподавания в местных учебных заведениях не только среднего, но и начального уровня, был закреплен «Положением о Кавказском учебном округе» 1853 г., разработанным с учетом пожелания императора Николая I о необходимости сближения региональной образовательной системы с общероссийской [14]. «Положение о начальных народных училищах» 1864 г., адаптированное для Кавказа в 1867 г. по инициативе наместни-

ка вел. кн. Михаила Николаевича в виде особого «Положения об учебной части на Кавказе и за Кавказом» [11], подтвердило намерение правительства унифицировать систему народного просвещения в регионе в соответствии с общероссийской и вводило в учебные программы русский язык в качестве языка преподавания, местные же языки («природные») значились в программах в качестве отдельной учебной дисциплины, но в первый год обучение велось на родных языках, чтобы дети, ознакомившись с азами грамоты родной речи, могли переходить к освоению русского языка и таким образом, посредством языка, приобщаться к русской культуре и усваивать основные «гражданские» понятия. Именно образованию горцев наместник придавал значение одной из самых важных и самых радикальных мер, ведущих к «прочному нравственному скреплению горских народностей с Россиею», полагая, что «только духовное оружие может довершить и скрепить окончательно покорение всякой народности» [3, с. 98-99].

Реформы в сфере образования первой половины 1870-х гг. создали условия для формирования в стране унифицированной многоступенчатой системы народного просвещения, для каждого из уровней которого Министерством народного просвещения (МНП) были приняты соответствующие Уставы (1871 – 1873). Их реализация в Кавказском учебном округе регламентировалась специально принятыми Правилами о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих училищных уставов Министерства народного просвещения (1873) [13]. В соответствии с этим документом на низшие казенные, общественные и частные учебные заведения (в том числе и церковно-приходские школы иноверческих вероисповеданий) распространялось действие общего закона относительно обязательности преподавания русского языка, а также русской истории и географии на русском же языке в тех из них, где эти предметы были предусмотрены образовательными программами. Церковные школы, находившиеся в ведении Св. Синода и его институтов, под прямое действие этого закона не попадали, однако их работа основывалась на учебных программах, утвержденных МНП. Это значило, что образовательная практика школ строилась в соответствии с приоритетами, обозначенными государством, в том числе касающимися роли русского (государственного) языка в учебном процессе. Для кавказских начальных школ, находившихся в ведении Общества восстановления православного христианства на Кавказе, уже в следующем, 1874 г., были специально приняты «Правила начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе», в которых подчеркивалась необходимость распространения русского языка [8, с. 134], что

принципиально отличало их от аналогичных Правил редакции 1863 г., где «природный язык» еще значился языком начального обучения [8, с. 118]. Таким образом, правовая база государственной образовательной политики на Северном Кавказе, сформировавшаяся во второй половине XIX в., обеспечила русскому языку доминирующие позиции в начальной школе уже в 1870-х гг., что можно считать одним из наиболее весомых результатов реализации в крае образовательных реформ.

Последним в XIX-м столетии актом, разработанным для образовательной сферы и имеющим обязательную силу, стало издание в 1897 г. МНП примерных программ дисциплин, преподаваемых в начальных училищах, в которых подтверждались позиции русского языка как единственно возможного языка обучения даже на начальных уровнях [9, с. 227]. Тогда же, на основании отдельного закона, русский язык стал обязательным для преподавания и в школах для «иностранных колонистов», на родном же языке разрешалось преподавание лишь богослужебных дисциплин (см.: [12]).

Наступление XX в. существенных изменений в кавказскую школу не принесло – ее деятельность строилась на основе правовой базы, сформированной в предшествующие десятилетия, а проблема языковой «русификации» региональной образовательной среды практически исчезла из правового поля. Но, как показал анализ материалов законодательно-правового характера, опубликованных в различных документальных сборниках (главным образом, в Полном собрании законов Российской империи (3 собрание), ведомственных изданиях (Сборниках постановлений по Министерству народного просвещения, Сборниках распоряжений по Министерству народного просвещения и др.) и относящихся к концу XIX – первому десятилетию XX в., вопросы, связанные с функционированием русского языка в общеимперском пространстве, по-прежнему занимали законодателя. В этот период статус русского языка укреплялся главным образом в официально-деловой сфере за счет унификации и профессионализации языка делопроизводства, выработки стандартов деловой коммуникации и расширения пространства функционирования путем включения в него северо-западных регионов Российской империи.

Но если в предшествующие десятилетия мероприятия властей по укреплению позиций русского языка имели, скорее, спонтанный характер, а сам статус языка по существу никак не определялся (его значение как языка государственного лишь подразумевалось как само собой разумеющееся условие принятия общегражданских ценностей и идей российской государственности всеми жителями империи), то уже в начале нового века положение русского языка в системе маркеров российской государственности было,

наконец, закреплено законодательно: ст. 3. Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. декларировала его общегосударственный статус и обязательность употребления во всех государственных и общественных учреждениях страны одновременно с ограничением практики использования в официальном дискурсе местных языков. Уже с конца XIX в. русский язык вводился в качестве языка делопроизводства в административных учреждениях и в образовательную практику высших учебных заведений на всей территории Российской империи, включая прежде относительно автономные в языковом отношении территории Северо-Западного края. Утверждение русского языка как общегосударственного завершило процесс законодательного оформления его государственного статуса, и с 1907 г. вопросы, касающиеся его функционирования в официальном дискурсе, теряют свою актуальность.

Понятно, что протекционистская политика государства в отношении русского языка обеспечивала ему безусловные доминирующие позиции в образовательном процессе, особенно на его начальных уровнях, что было предопределено прежде всего его государственной (социально-политической) миссией. Значение государственного языка обрел в силу его функционирования в качестве средства распространения в окраинной иноэтничной среде начал «государственности» и «гражданственности», способствуя таким образом включению местного «иностранного» населения в государственно-правовое пространство империи. С другой стороны, русский язык рассматривался как некое связующее начало, обеспечивающее единение пестрого в социокультурном отношении «иностранного» населения страны с русским народом, приобретая таким образом консолидирующие функции. Наконец, русский язык был языком православного «ядра» империи и на «иноверных» окраинах служил для распространения и утверждения в местной среде начала христианского вероучения. Вот почему и школа для горцев Кавказа задумывалась как школа русская, «дабы учившиеся в ней осетины, самурзаканцы, абхазцы и др. впоследствии могли примкнуть к цивилизации русской, выработавшейся по европейскому образцу гражданственности, так как вследствие сложившихся исторических обстоятельств эти народы должны идти с русскими людьми, оставив в стороне свою жалкую особенность» [10, л. 2].

Помимо общей установки на определяющую роль русского языка в учебном процессе в кавказских школах существовали и иные факторы, не позволявшие детям учиться на родном языке даже несмотря на некоторые послабления в этом вопросе в 60-70-х гг. XIX в., когда, к примеру, в осетинских школах ведения Общества восстановления православного христианства на

Кавказе первый год-полтора для учеников, еще не освоившихся с русской грамотой, в качестве языка обучения вводился осетинский. Во-первых, сложно было найти достаточное количество подготовленных учителей, одинаково свободно владевших как осетинским, так и русским языками. Во-вторых, свою роль играло и то обстоятельство, что осетинский язык долгое время был бесписьменным.

Первая печатная книга на осетинском языке «Начальное учение человека, хотящим учиться книг Божественного Писания» увидела свет лишь в 1798 г., представляя собой осетинский перевод краткого катехизиса и заповеди, переведенные со старославянского с параллельным русским текстом. Сборник включал наставления для лиц, обращаемых в христианство, с кратким изложением основ вероучения в форме вопросов и ответов и содержал осетинский букварь на кириллице. Первый алфавит осетинского языка на кириллической основе был разработан А. Шёгреном, изложившим результаты почти десятилетнего изучения осетинского языка в знаменитом труде «Осетинская грамматика», опубликованной в 1844 г. Его работа имела решающее значение в судьбе осетинской письменности, «его азбукой... осетины до сего времени печатают свои книги и пишут. По его грамматике изучало свой родной язык старшее поколение осетинской интеллигенции. Эта же грамматика, с необходимыми поправками и дополнениями, ляжет в основание будущих руководств по осетинской грамматике, если, конечно, таковым суждено когда-нибудь появиться», – оценивали вклад Шёгрена в развитие национальной культуры осетинские просветители в начале XX в. [19]. В 1861 г. на основе грамматики Шёгрена архимандрит Иосиф (И. И. Чепиговский), управляющий осетинскими приходами и духовно-учебными заведениями Военно-Осетинского округа, подготовил букварь для приходских школ Осетии. Письменный осетинский язык развивался главным образом за счет переводов богослужебной литературы (с использованием как кириллической, так и грузинской графики), которые использовались при прохождении в школах курса Закона божьего и церковного пения. В 1884 г. «неутомимый Владикавказский епископ» Иосиф издает свой капитальный труд – «Русско-осетинский словарь с краткою осетинскою грамматикой».

Первый официальный учебник осетинского языка для школ появился лишь в 1890 г., а напечатан в следующем, 1891 г. – это был «Осетинский букварь» («Райдиан чиныг») А. Канукова, выдержавший впоследствии несколько изданий. На 90-е гг. XIX в. приходится и публикация первых светских произведений, созданных на осетинском языке – «Æфхæрдты Хæсанæ» А. Кубалова (1897) и «Ирон фæндыр» К. Хетагурова (1899).

Даже утвержденный кавказским наместником вел. кн. Михаилом Александровичем в 1881 г. учебный план, рекомендовавший первый год обучения в школе вести только на родном языке учащихся, не мог повлиять на ситуацию в целом – осетинский язык оставался лишь вспомогательным средством для изучения русского языка. Даже если осетинский язык и проходил в начальных классах, то преподавание его тормозилось отсутствием учебников и методических руководств на этом языке. «Больше этого в то время на осетинском языке ничего, действительно, нельзя было делать. Преподавание предметов на осетинском языке не могло вестись, потому что не было осетинского учебника; если же он, осетинский язык, как предмет преподавания, не входил в упомянутый курс, то это нужно объяснять тем, что и литературы на этом языке никакой не было», – признавал известный в Осетии педагог и просветитель Х. Уруймагов (цит. по: [1, с. 38]).

Однако интенсивно протекавшие процессы социально-экономического и культурного развития в Осетии в пореформенный период, проникновение и широкое распространение урбанизированных форм организации социальной жизни вкупе со все возрастающим спросом на образование привели к качественным изменениям в социокультурном пространстве региона, в котором своей активностью выделялась молодая национальная интеллигенция. Вторая половина XIX – начало XX в. в истории Осетии по праву считается эпохой национального возрождения, содержание которой определяли процессы кристаллизации национального самосознания и «интенсивное строительство профессиональных основ национальной культуры» [1, с. 38]. Осознание родного языка как центрального ядра национальной культуры и его ключевой роли в сохранении национальной идентичности стало тем идейным фундаментом, на котором строилась культурная деятельность ее ярких представителей.

Положение осетинского языка, «забытого» в церковно-приходской школе и вытесненного оттуда русским языком как языком обучения и старославянским – как языком богослужения стало острым сюжетом для широкого общественного обсуждения, в том числе на страницах региональной периодики. Давая ретроспективную оценку языковой ситуации, сложившейся в начальной школе, публицисты, в числе которых были переловые представители осетинской педагогической интеллигенции, объясняли ее объективно существовавшими причинами, в числе которых не только отсутствие методической базы для успешного функционирования осетинского языка в начальной школе, но и общая нацеленность государственной образовательной политики на скорейшую «русификацию» «инородцев» на основе русского же языка. Именно в 1880-е гг. школа

стала мощным русификаторским фактором, превратившись на Кавказе в «ведомственное орудие для преследования исключительно миссионерских целей» [16]. Основное внимание в учебном процессе уделялось Закону божьему, который «из предмета морали превращается в предмет обучения» [18], из школы «изгоняются» учебники передовых педагогов (например, «Родное слово» К. Д. Ушинского), «осетинский язык в загоне...» (цит. по: [7, с. 350]), и, помимо прочего, для детей, еще не освоившихся с русским языком, вводится изучение церковно-славянского.

Организация учебного процесса, в котором чрезвычайно мало времени уделяется изучению родного языка, вызвала резкую критику передовой осетинской общественности и в начале XX в., последовательно отстаивавшей необходимость преподавания в школах на родном языке, поскольку «тогда дела пойдут лучше» (Х. Уруймагов) [17, с. 104]. Пробудившаяся в народе потребность в просвещении требовала поддержки, которая могла быть обеспечена учебниками и литературой на родном языке. «Грамотность и грамотность на родном языке, “родная книжка”, вот где волшебный ключ к разрешению неразрешенных до сих пор вопросов о разоружении или вооружении горцев, о религии, сословиях, экономике, о разбоях, мести, калымах и других вредных обычаях. Это самое верное, дешевое, скорое лекарство для наших болезней», – именно в этом, по мнению публициста, должны заключаться социальный смысл и настоящая цель образовательный политики по отношению к горцам Кавказа [15, с. 79].

Но, как бы убедительно ни звучали слова осетинской интеллигенции в поддержку родного языка в учебной практике начальной школы, из регионального образовательного пространства он уходил. Это не могло не тревожить кристаллизующееся национальное самосознание, поскольку за утерей родного языка виделось обезличивание самого народа, так как «в родном языке, как воплощении личности нации, каждый народ выражает свое понимание всего существующего, выражает то, что скрывается в недрах народа. В языке видно все содержание духа целого народа», – выражал общее мнение осетинской интеллигенции Г. Дзасохов, публицист, педагог и известный в Осетии общественный деятель, горячо отстаивавший необходимость поддержки родного языка и указывавший на его несомненные воспитательные и образовательные функции в подготовке подрастающего поколения к будущей жизни [6]. Аргументируя свои взгляды, Дзасохов обращается к авторитету К.Д. Ушинского как родоначальника научной педагогики. «По словам К.Д. Ушинского, – отмечает публицист, – первоначальное образование надо вести непременно на родном языке, и только после того, когда ребенок

станет свободно владеть родным словом, когда он научится мыслить на родном языке, можно ожидать положительных результатов от изучения им чуждого языка... язык каждого народа создан самим народом, а не кем-нибудь другим», и, опираясь на высказанные Ушинским мысли, заключает: «Родной язык – есть и самый первый, и самый великий педагог». Задаваясь вопросом «теряют ли что-нибудь инородцы с потерей своего родного языка?», Дзасохов утверждает: «Да, теряют и теряют очень много» [6].

Критически подходя к оценке правительственной политики русификации «инородческого населения» Кавказа и ее ясно читаемых результатов, публицисты пишут о ее изначальной ущербности и неадекватности: «обезличивание инородцев» в целях их скорейшего обрусения и приобщения к «русской гражданственности» приведет только к тому, что они, эти «инородцы», «искалеченные» с потерей родного языка, вряд ли смогут составить «здоровый элемент в организме русского государства».

Однако публицист в общем не возражает против цели «обрусения» – формирования определенного государственного единства, предлагая «рациональный» путь для ее лучшего достижения: предоставление свободы в изучении родного языка. Только таким образом, «развившись на своей почве», горцы смогут постепенно влиться в единый государственный организм. «Цивилизация может объединить воедино и говорящих на разных языках», – заключает Дзасохов. Средством же, способствующим «привитию» горцам гражданственности, автор считает образование [6].

Голос кавказской интеллигенции был услышан и на верхних этажах кавказской администрации (см.: [2, с. 115]). И. И. Воронцов-Дашков, занявший высшую должность после восстановления Кавказского наместничества, предложил широкую программу реорганизации кавказской школы (предусматривающую в том числе открытие в регионе собственного учреждения высшего образования) [2, с. 113–120]. Его план «умиротворительной политики», предложенный в 1907 г., содержал четко разработанные рекомендации по устройству народного образования на всех его уровнях и учитывал конструктивный потенциал преподавания в школах на родных языках учащихся в бесконфликтном решении «национального вопроса» на Кавказе. Указывая на принудительный характер обучения русскому языку в местных школах, наместник видит в этом не только проблемы с качеством образования и «понижением умственного развития обучаемых в низшей школе», но – шире – ущемление национального чувства, «которое на Кавказе, в силу особых исторических причин, у всех крайне повышено», и еще более – «угнетение своей национальности и насильственное обрусение» [2, с. 107]. Наместник констатирует

с сожалением, что в результате проводившейся на Кавказе с 80-х гг. школьной политики, направленной на борьбу с местными языками, школа была скомпрометирована, и убеждает в целесообразности применения на Кавказе системы Н. И. Ильминского как наилучшим образом отвечающей задаче просвещения «инородцев» и сближения их с русским народом «на началах взаимного уважения и доверия» [2, с. 115].

Говоря же о движении кавказской интеллигенции в поддержку родных языков и обеспечения им статуса обязательных в учебном процессе, Воронцов-Дашков проводит мысль о необходимости изменения государственной образовательной политики по отношению к Кавказу [2, с. 115–116], к которому «нельзя применять общего шаблона» [4, с. 33].

В то же время прогрессивно настроенной осетинской общественностью признавалось решающее значение русской школы и русского языка в движении народа к формированию общероссийской гражданской идентичности. На страницах печати высказывались даже мысли об утопичности идеи развития собственной школы у кавказских народов и скудости человеческого потенциала для создания национальной литературы: «Племена кавказские никогда не будут иметь своей школы. Вопрос этот историей уже решен. Над чем же тут еще ломать копья!» – жестко, если не пессимистично, заключает Г. Дзасохов и продолжает: «Отдельные лица, вроде Коста Хетагурова, всегда могут появиться и писать стихи на всех языках. Но для создания литературы творений этих единиц очень мало» [5, с. 223]. Он уверен, что необходимо здраво оценивать действительность и, вооружившись ясно осознанной программой действий, отделять фантазии от осуществимых идей. Главное для народа – это просвещение, а оно в свою очередь заключается в «усвоении русской гражданственности...» Только русская школа и

русский язык для инородцев, по мнению автора, – единственный путь приобщения к русской и европейской культуре, а это в свою очередь требует более серьезного внимания к практике преподавания русского языка в инородческой школе [5, с. 223–224].

В качестве дополнительных каналов распространения русского языка и достижений современной науки среди кавказских народов Дзасохов предлагает задействовать разнообразные формы организации культурно-просветительской деятельности: воскресные школы, устроенные в каждом селе, тематические народные чтения с «туманными картинками», перевод научно-популярных брошюр по разным отраслям знания на местные языки. Все эти меры, как поясняет Дзасохов, сделают «неизбежную ломку жизни... более безболезненной и продуктивной» [5, с. 224–225].

Таков главный вывод из работы общественной мысли Осетии в начале XX века – аргументация позитивной мотивации горцев к усвоению русского языка. Народы Кавказа самой жизнью поставлены перед необходимостью скорейшей адаптации к сложившимся социально-политическим, хозяйственно-экономическим и социокультурным реалиям. Движение к прогрессу возможно только путем приобщения к русской и европейской культуре, формирования общегражданской идентичности на основе русского языка. Но чтобы не потерять собственное национальное лицо, в этом движении к гражданскому универсуму необходимо сберечь родной язык – ядро национальной культуры, хранителя народной души. В условиях отсутствия государственной поддержки сохранение родного языка, возвращение ему воспитательных и педагогических функций в процессе подготовки к будущей жизни подрастающих поколений становится императивом культурной деятельности национальной интеллигенции и лейтмотивом публицистического дискурса начала XX в.

Литература

1. Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 30–77.
2. Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1907. 164 с.
3. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб.: Воен. тип., 1870. 120 с.
4. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1913. 36 с.
5. Дзасохов Г. К ревнителям просвещения инородцев // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1991. Кн. 5. С. 222–225.
6. Дзасохов Гр. Образовательное и воспитательное значение отечественного языка // Казбек. 1904. № 1878.
7. История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Изд. 2-е. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. I. 529 с.
8. Материалы по истории осетинского народа: Сборник материалов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1942. Т. V. 296 с.
9. Миропиев М. О применении школьной системы Н.И. Ильминского на Кавказе // Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А.С. Будиловича. СПб.: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1905. С. 225–230.
10. Научный архив СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 70.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). Т. LXII. Отд. 1-е. № 44748.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XVII. № 13792.
13. ПСЗ-II. Т. XLVIII. Отд. 2-е. № 52808.
14. ПСЗ-II. Т. XXVIII. Отд. 1-е. №27646.

15. Саукудз. Кое-что о письменности среди осетин и других горцев Кавказа // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 75-79.
16. Уруймагов Х. Желательные улучшения церковной школы в Северной Осетии // Терек. 1909. № 3427.
17. Уруймагов Х. Туземный язык в начальных школах Кавказского края // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2. С. 104.
18. Фарфоровский С. Народное образование у осетин // Терек. 1917. № 5709.
19. Цаголов Г. Осетинская письменность (Историческая справка) // Терские ведомости. 1915. № 248.

References

1. Bzarov R.S. Ocherki istorii osetinskoi shkoly (Essays on the history of the Ossetian school) // Istoriko-filologicheskii arkhiv. 2005. No. 3. P. 30–77 (In Russian).
2. Vsepoddanneishaya zapiska ob upravlenii Kavkazskim kraem general-ad'yutanta grafa Vorontsova-Dashkova (Most obedient note on the administration of the Caucasus region by Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov). St. Petersburg: Gos. tip., 1907. 164 p. (In Russian)
3. Vsepoddanneishii otchet glavnokomanduyushchego Kavkazskoyu Armieyu po voenno-narodnomu upravleniyu za 1863-1869 gg. (The Most Submissive Report of the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on the military and people's administration for 1863-1869). St. Petersburg: Voen. tip., 1870. 120 p. (In Russian)
4. Vsepoddanneishii otchet za vosem' let upravleniya Kavkazom general-ad'yutanta grafa Vorontsova-Dashkova (Most obedient report on the eight years of governance of the Caucasus by Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov). St. Petersburg: Gos. tip., 1913. 36 p. (In Russian)
5. Dzasokhov G. K revnitelyam prosveshcheniya inorodtsev (On the zealots of enlightenment of indigenes). Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh (Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians). Tskhinvali: Iryston, 1991. Book 5. P. 222-225. (In Russian)
6. Dzasokhov Gr. Obrazovatel'noe i vospitatel'noe znachenie otechestvennogo yazyka (Educational value of the national language). Kazbek. 1904. No. 1878. (In Russian)
7. Istoriya Severo-Osetinskoi ASSR: S drevneishikh vremen do nashikh dnei. V 2-kh t. Izd. 2-e (History of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic: From ancient times to the present day. In 2 volumes. 2nd. ed.). Ordzhonikidze: Ir, 1987. Vol. I. 529 p. (In Russian)
8. Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik materialov po istorii narodnogo obrazovaniya v Osetii (Materials on the history of the Ossetian people: Collection of materials on the history of public education in Ossetia). Vol. V. Ordzhonikidze: Gos. izd-vo Sev.-Oset. ASSR, 1942. 296 p. (In Russian)
9. Miropiev M. O primenении shkol'noi sistemy N.I. Il'minskogo na Kavkaze (On the application of N.I. Il'minsky school system in the Caucasus). Trudy osobogo soveshchaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev. St. Petersburg: Tip. E. L. Porokhovshchikovoi, 1905. P. 225-230. (In Russian)
10. Nauchnyi arkhiv SOIGSI (NOIHSS Scientific Archive). F. 10. Inv. 1. D.70. (In Russian)
11. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e (PSZ-II) (Complete collection of laws of the Russian Empire. 2nd collection (CCLRI-II). Vol. LXII. Part 1. No. 44748. (In Russian)
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e (Complete collection of laws of the Russian Empire. 3rd collection). Vol. XVII. No. 13792. (In Russian)
13. PSZ-II (CCLRI-II). Vol. XLVIII. Part 2. No. 52808. (In Russian)
14. PSZ-II (CCLRI-II). TVol. XXVIII. Part 1. No. 27646. (In Russian)
15. Saukudz. Koe-что о пис'менности среди осетин и других горцев Кавказа (Something about writing among Ossetians and other highlanders of the Caucasus) // Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. Book 2. Tskhinvali: Iryston, 1982. P. 75–79. (In Russian)
16. Uruimagov Kh. Zhelatel'nye uluchsheniya tserkovnoi shkoly v Severnoi Osetii (Desirable improvements of the church school in North Ossetia). Terek. 1909. No. 3427. (In Russian)
17. Uruimagov Kh. Tuzemnyi yazyk v nachal'nykh shkolakh Kavkazskogo kraia (Indigenous language in primary schools of the Caucasian region) // Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. Book 2. Tskhinvali: Iryston, 1982. P. 104. (In Russian)
18. Farforovskiy S. Narodnoe obrazovanie u osetin (Public education among Ossetians) // Terek. 1917. No. 5709. (In Russian)
19. Tsagolov G. Osetinskaya pis'mennost' (Istoricheskaya spravka) (Ossetian writing (Historical reference) // Terskie vedomosti. 1915. No. 248. (In Russian)

Сведения об авторах

Кобахидзе Елена Исааковна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова / elena_k11@mail.ru
 Адрес: д. 46, ул. Ватутина, 362025, Владикавказ, Российская Федерация.

Туаева Берта Владимировна – доктор исторических наук, проректор по научной, деятельности профессор кафедры новейшей отечественной истории Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова / ms.amaga@mail.ru

Адрес: д. 46, ул. Ватутина, 362025, Владикавказ, Российская Федерация.

Information about the authors

Elena I. Kobakhidze – Doctor of History, Professor, Chair of History and Theory of State and Law, North Ossetian State University named after K. Khetagurov / elena_k11@mail.ru
 The address: 46, Vatulina st., 362025, Vladikavkaz, Russian Federation.

Berta V. Tuueva – Doctor of History, Vice-rector, Professor, Chair of Recent Native History, North Ossetian State University named after K. Khetagurov / ms.amaga@mail.ru
 The address: 46, Vatulina st., 362025, Vladikavkaz, Russian Federation.



УДК 9 (С16)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.6>

А. А. Панарин

РОЛЬ ПРОСТЕЙШИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА И КАЗАЧЕСТВА В ВОССТАНОВЛЕНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1921–1924 гг.)

В статье рассматривается процесс создания и развития простейших производственных объединений крестьянства и казачества на Северном Кавказе в 1921–1924 гг. Поставленная проблема актуальна с точки зрения использования исторического опыта для совершенствования организации сельскохозяйственного производства в современной России. Анализируется состояние сельского хозяйства региона после окончания Гражданской войны. Подчеркивается крайний упадок земледелия и животноводства, приводятся сведения о значительном сокращении средств производства и людских ресурсов. Отмечается негативное влияние проводимой советским государством в начале 1920-х гг. продовольственной политики, препятствующей развитию сельского хозяйства. Освещаются принимаемые партийно-государственными органами меры по созданию производственных объединений крестьянства. Дается характеристика так называемой супряге и раскрывается ее значение в борьбе за расширение посевной площади. Раскрывается роль семенных хозяйств в вопросах выращивания чистосортного зерна. Рассматривается

деятельность мелиоративных товариществ, отмечается их значение в развитии оросительных и водозащитных систем. Анализируется развитие животноводческих товариществ, приводятся примеры их результативной деятельности в вопросах увеличения поголовья скота и улучшения его качественных характеристик. Отмечается слабое развитие в начале 1920-х гг. машинных товариществ. Подчеркиваются положительные результаты участия простейших производственных объединений крестьянства и казачества в восстановлении и развитии сельского хозяйства на Северном Кавказе.

Ключевые слова: простейшие производственные объединения, крестьянство, казачество, восстановление сельского хозяйства, советское государство, Северный Кавказ.

Для цитирования: Панарин А. А. Роль простейших производственных объединений крестьянства и казачества в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа (1921 – 1924 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 570–576. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.6

Andrey A. Panarin

THE ROLE OF ORDINARY PRODUCTION ASSOCIATIONS OF THE PEASANTRY AND COSSACKS IN THE RESTORATION OF AGRICULTURE IN THE NORTH CAUCASUS (1921–1924)

The article examines the process of creation and development of the simplest production associations of the peasantry and Cossacks in the North Caucasus in 1921–1924. The problem posed is relevant from the point of view of using historical experience to improve the organization of agricultural production in modern Russia. The state of agriculture in the region after the end of the Civil War is analyzed. The extreme decline of agriculture and animal husbandry is emphasized, information is provided on a significant reduction in means of production and human resources. The negative impact of the food policy pursued by the Soviet state in the early 1920s, which hindered the development of agriculture, is noted. The measures taken by the party and state bodies to create production associations of the peasantry are highlighted. The characteristic of the so-called supryage is given and its significance in the struggle for the expansion of the sown area is revealed. The role of seed farms in the cultivation of pure grain is revealed. The activity

of reclamation associations is considered, their importance in the development of irrigation and water protection systems is noted. The development of livestock associations is analyzed, examples of their effective activities in increasing the number of livestock and improving its quality characteristics are given. There is a weak development of machine partnerships in the early 1920s. The positive results of the participation of the simplest production associations of the peasantry and Cossacks in the restoration and development of agriculture in the North Caucasus are emphasized.

Key words: ordinary industrial associations, peasantry, cossacks, restoration of agriculture, the Soviet state, the North Caucasus.

For citation: Panarin A. A. The role of ordinary production associations of the peasantry and cossacks in the restoration of agriculture in the North Caucasus (1921–1924) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 570–576 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.6

Простейшие производственные объединения крестьянства и казачества сыграли важную роль в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа после установления здесь весной 1920 г. Советской власти. Вновь созданные на местах партийно-советские органы стремились использовать

в этом процессе все имеющиеся силы и средства, ввиду катастрофического состояния аграрного сектора экономики региона.

В первый послевоенный год подорванное войной состояние сельского хозяйства Северного Кавказа усугубилось сильнейшей засухой, по-

разившей большинство районов. Кроме засухи, причинами крайне низкого урожая зерновых культур стали некачественная обработка почвы, с использованием примитивных средств производства, истребление посевов грызунами и саранчой, а также применение непригодных для посева семян.

В большей степени от неурожая пострадала Ставропольская губерния, где валовой сбор зерна составил 81, 277 млн. пуд, тогда как на продовольствие, откорм скота и обеспечение семенами требовалось как минимум 127, 5 млн. пуд [32, с. 54]. Одним из последствий неурожая стал существенный упадок производительных сил. Так, в Белоглинском уезде Ставрополя население уменьшилось на 27%. В сравнении с 1919 г. лошадей здесь осталось 1/5 часть, крупного рогатого скота – менее половины, свиней – 1/16 часть [8, л. 75].

В Кабардино-Балкарии в 1920 г. в сельскохозяйственном обороте осталось только 46% посевной площади по сравнению с предвоенными годами, что составило 56027 десятин [17, с. 39]. Как отмечает А. Х. Кармов, «для обработки земли крестьяне вынуждены были пользоваться примитивным сельскохозяйственным инвентарем: деревянными плугами и бороной, серпом и косой. Таким отсталым сельскохозяйственным инвентарем часто не успевали обрабатывать имеющуюся посевную площадь, и приходилось оставлять землю на перелог» [17, с. 39].

Вследствие указанных причин в 1921 г. большинство районов Северного Кавказа вновь было поражено неурожаем, что окончательно подорвало имеющиеся ресурсы сельского хозяйства региона. По данным В. В. Наухацкого, по сравнению с 1917 г. поголовье лошадей на Северном Кавказе сократилось к 1922 г. на 78,5 %, крупного рогатого скота – на 56,4, овец – на 79,0, свиней – на 98,1 %; в меньшей степени пострадали волы – на 50,5 % и коровы – на 32,6 %. Посевная площадь уменьшилась по сравнению с 1917 г. на 62,2 %, по сравнению с 1913 г. – на 67,1 %. В 1922 г. посевные площади сократились до 51,4 % к площади посева 1913 г.; общее поголовье скота – до 37,3 %; тягловая сила – до 35,7 % [20, с. 27].

Падение производительных сил сельского хозяйства Северного Кавказа было также связано с сокращением численности трудоспособного населения, что было вызвано распространением эпидемических заболеваний и массовым голодом. Так, по данным ВЧК, в Ставропольской губернии на протяжении 1922 г. от голодной смерти умерло около 12 тыс. человек [26, с. 650]. К весне 1922 г. на Ставрополье в Благодарненском уезде из прежнего состава крестьянских хозяйств отсутствовали 17,2 %, а в числе вымерших хозяйств было 4,7 %, в Белоглинском уезде соответственно – 21,9 % и 5,9 % хозяйств [8, л. 75].

Не лучше было положение и в других районах Северного Кавказа. Например, в ряде районов Донской области доля голодающих весной 1922 г. составляла 85 % всего состава населения. Было зарегистрировано органами ВЧК более тысячи случаев смерти от голода [26, с. 614]. С. Д. Багдасарян по этому поводу отмечает: «Умерших от голода было так много, что их зачастую хоронили, где придётся, а то и вовсе оставляли трупы неприбранными. Так, старожилы станицы Мелиховской вспоминали, что в 1921–1922 гг. умерших «хоронили чаще всего во дворах и даже в дорожных канавах» [1, с. 47].

Кроме засухи и других стихийных бедствий еще одной причиной голода в регионе стала продовольственная политика Советского правительства, связанная с максимальным изъятием продукции сельского хозяйства. Так, 22 сентября 1920 г. Совет Труда и Оборона принял постановление «О мерах по усилению вывоза хлеба из Сибири и Северного Кавказа», согласно которому в максимально сжатые сроки (до 5 октября 1920 г.) Наркомпрод, Наркомпуть, НКВД, Полевой штаб, Всероглаштаб, Главкомтруд, Главвод, Сибпродком, Сибревком, Совтрудармюгвостока, Военпродбюро должны были обеспечить переброску хлеба из Сибири и Северного Кавказа в Центральную Россию и Поволжье, пострадавшие от неурожая и голода [31, с. 62].

В 1921 г., несмотря на введение продналога и начало НЭПа, продолжалось, по сути, использование практики продразверстки в виде единовременного продовольственного наряда, размеры которого для Юго-Восточного края были определены в 10 млн. пудов [27]. Продолжающаяся политика принудительного изъятия зерна в еще большей степени обострила на Северном Кавказе продовольственный кризис, главным выходом из которого являлось восстановление сельского хозяйства.

Наряду с мерами по стимулированию развития индивидуальных крестьянских хозяйств, большое значение в решении этой проблемы имело создание различного рода простейших производственных объединений крестьянства и казачества. Со стороны партийно-советских органов оказывалась поддержка в их организации. Так, 19 марта 1921 г. ЦК РКП(б), Совет Труда и Оборона, и наркомат продовольствия дали указание губернским комитетам партии о проведении агитации среди крестьян за добровольное объединение их в группы для взаимной помощи инвентарем и осуществления максимальной запашки [14, с. 455–456]. 17 мая 1921 г. СНК РСФСР издал декрет, в котором ставил перед местными органами задачу оказывать содействие развитию различных видов сельскохозяйственной кооперации, в том числе, машинных, животноводческих, семенных, мелиоративных товариществ [16, с. 7].

Основное внимание в это время уделялось созданию условий для проведения посевной кампании. Для этого требовалось не только обеспечить крестьянские хозяйства семенным зерном, но и помочь им в снабжении сельхозинвентарем и рабочим скотом. Так, в Ставропольской губернии в большинстве районов до 40% крестьянских хозяйств не имели орудий обработки земли и рабочего скота [22, с. 125]. В Медвежинском уезде данной губернии для перевозки хлеба три или более трех крестьянских дворов разбирали изношенные хода и составляли из них один годный для перевозок [10, л. 49].

Вместе с тем в начале 1920-х гг. разрушенная войной промышленность не могла обеспечить крестьянские хозяйства необходимыми средствами производства. Поэтому, одним из путей ослабления этой проблемы стали меры по сбору уцелевшего инвентаря и его рациональному использованию. Решением этого и других вопросов, связанных с организацией посевной кампании, сосредотачивалось в посевках. Так, созданные в начале 1921 г. Донпосевкомом окружные, волостные и станичные посевкомы осуществляли руководство посевной кампанией, помогали организовать ремонт сельскохозяйственного инвентаря и заготовку семян. Как отмечает В.Д. Дзидзов, «посевкомы фактически были чрезвычайными органами по руководству севом, и именно поэтому они, где бы ни функционировали, применяли военно-полицейские методы, проще говоря, силой принуждали крестьян к севу» [15, с. 18].

Одной из распространенных форм крестьянской взаимопомощи на Северном Кавказе стала супруга, которая представляла соединение средств производства, имеющих у крестьянских хозяйств. В ней участвовали, в основном, середняцкие хозяйства, у которых были в наличии отдельные средства производства (сельхозинвентарь, плуги, рабочий скот и т. п.), но не хватало других, для чего и требовалось объединиться с односельчанами, у которых они были.

Вместе с тем было немало случаев когда супругу образовывали бедные и зажиточные хозяйства. Например, в 1924 г. в Донской области 29,6 % крестьянских хозяйств, не обладающих рабочим скотом и пахотными орудиями, заключали соглашения с зажиточными односельчанами, в соответствии с которым за использование их средств производства, отдавали затем до 50 % урожая [18, с. 22–23]. Руководство большевистской партии оценивало эту ситуацию как пример явной эксплуатации кулаками деревенской бедноты. Наряду со стремлением ввести эти отношения в правовое русло и защитить интересы бедноты, партийно-государственные органы содействовали организации на местах прокатных пунктов, через которые участвующие в супруге крестьянские хозяйства могли получить во временное пользование необходимый инвентарь.

Кроме того, создавались ремонтные мастерские, где крестьяне могли отремонтировать поломанный сельхозинвентарь. Для увеличения в рамках супруги рабочего скота были организованы сельхозартели упряжной тяги. Так, целью создания одной из таких артелей в Донской области было провозглашено предоставление сельским крестьянским и казачьим хозяйствам возможности проводить различные полевые, огородные и усадебные работы, которые требовали использования упряжной силы при помощи наемных рабочих животных, принадлежащих артели [7, л. 2].

Следует отметить, что супруга как разновидность производственного объединения крестьянства и казачества способствовала развитию их трудовой взаимопомощи и вносила некоторые элементы обобществленного производства. Однако, супруга не могла являться в полной мере формой кооперирования крестьянских хозяйств, так как объединение в ней тягла и сельхозинвентаря было сезонным, чаще всего на основе двух- или трехстороннего соглашения между ближайшими соседями или родственниками. Помимо этого, супруга не входила в состав сельхозкооперации и имела временный и вынужденный характер.

Более перспективной с точки зрения потребностей восстановления и развития сельского хозяйства была деятельность различных производственных товариществ. Среди них в начале 1920-х гг. особое значение приобрели семенные хозяйства, в которых объединялись крестьяне и казаки для совместного выращивания чистосортных семян, что было очень важно в условиях острого дефицита качественного посевного материала. В 1922 г. на Дону действовало 223 семенных хозяйства, на Кубани – 113 [22, с. 126]. Со стороны сельхозкооперации семенным хозяйствам оказывалась помощь в приобретении материала для посевов, осуществлялось агротехническое обслуживание, проводились необходимые консультации по вопросам применения правильных приемов выращивания качественных семян.

Достигнутые успехи в организации и деятельности семенных хозяйств, увеличение объемов производимого чистосортного зерна, способствовали повышению их авторитета у заготовительных организаций. Так, в апреле 1922 г. Юго-Восточная краевая контора Госсельсклада предложила руководящему органу сельхозкооперации Северного Кавказа Ювсельсоюзу организовать ударные хозяйства по выращиванию семенных и лекарственных культур, а также их сортировку и хранение с последующей передачей конторе [6, л. 36].

Полученный в 1922 г. хороший урожай способствовал значительному расширению работы по дальнейшему развитию семенного дела. Так, в 1923 г. в Донской области в составе 22 универсальных товариществ были созданы семеноводческие хозяйства, которые в общем засеяли 690

пудов качественного зерна [28, с. 147]. В составе многих действующих на Северном Кавказе товариществ были показательные семенные хозяйства, деятельность которых имела большое значение для крестьянского и казачьего населения.

Так, в Терской области в числе таких товариществ были Ессентукское, Пятигорское, Карреское и Марины-Колодцы [23, л. 9]. В Ставропольской губернии в это время действовало девять образцовых огородно-семенных хозяйств, которые способствовали обеспечению сельского населения чистосортными семенами [11, л. 13]. Организация и деятельность семенных хозяйств сыграли важную роль в борьбе с сокращением посевной площади и в повышении урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур.

Наряду с семенными хозяйствами определенное участие в расширении посевных площадей и повышении урожайности принимали мелиоративные товарищества. 3 августа 1921 г. Совет Труда и Оборона принял постановление «О мелиоративных товариществах», в котором отмечалось, что организация мелиоративных товариществ признавалась руководством страны первоочередной задачей. Наркомзем и его местные органы совместно с губпосевкомами должны были содействовать образованию мелиоративных товариществ, предоставляя крестьянам особый мелиоративный беспроцентный натуральный и денежный кредит, снабжая товарищества специальным мелиоративным персоналом, пропагандируя и разъясняя важность агрикультурных мер. Для осуществления этой задачи наркомату выделялось 2 млрд. руб. [31, с. 59].

На Северном Кавказе, как и в других регионах Советской России, мелиоративные товарищества организовывались в районах, страдающих как от недостатка, так и переизбытка влаги. К числу первых из них относилось Ставрополье, зерновое хозяйство которого подвергалось постоянной засухе. Несмотря на это, площадь орошаемых земель на Ставрополье была ничтожно мала и занимала в 1920 г. до четырех тысяч десятин, занятых в основном под огороды. Их орошение происходило с использованием таких примитивных методов, как прорытие канав. Организации мелиоративных товариществ на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. препятствовала незначительность средств, которые направляло государство, а также отсутствие таковых у абсолютного большинства крестьянских и казачьих хозяйств. В связи с этим, в 1921 г. на территории Юго-Восточного края действовало всего 12 мелиоративных товариществ [21, с. 8].

Определенные улучшения в развитии мелиоративного дела начали происходить в 1922 г. Это было связано с некоторым укреплением крестьянских хозяйств вследствие хорошего урожая и ослаблением продовольственной диктатуры

советского государства. Часть из них, учитывая горькие уроки недавней засухи, проявила желание объединиться в мелиоративные товарищества в целях создания различных оросительных систем, таких как артезианские скважины, земельные плотины и других. Особенно активно это происходило в Ставропольской губернии, где в начале 1923 г. действовало 59 мелиоративных товариществ [12, л. 2], среди которых были такие образцовые, как «Мелиоративное товарищество» Петровского губземотдела [13, л. 18].

В это же время стали проводиться работы по мелиорации засушливых земель в различных районах Донской области. Для этого, в соответствии с решением Юго-Восточного краевого экономического совещания, состоявшегося в ноябре 1922 г., силами Обливского объединения сельскохозяйственных товариществ было создано показательное оросительное хозяйство, которое действовало на площади в 250 десятин. Деятельность этого оросительного хозяйства способствовала организации нескольких мелиоративных товариществ [24, л. 133].

В Кубано-Черноморской области повышенную активность в создании мелиоративных товариществ проявило население Славянского отдела, ежегодно терпевшее убытки от гибели урожая, вследствие разлива рек. В связи с этим, в 1924 г. в Славянском отделе действовало 30 из 34 мелиоративных товариществ Кубано-Черноморской области. Главной их задачей было строительство водозащитных сооружений [22, с. 129]. Так, Калининское мелиоративное товарищество, организованное в августе 1923 г. в составе около трехсот человек, проводило обволаживание реки Адагу-ма, прорытие канала и починку старого вала на реке Кубань [3, л. 11].

Деятельность мелиоративных товариществ на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. имела положительное значение в процессе восстановления сельского хозяйства региона. Однако, ввиду необходимости привлечения значительных материальных средств, они могли функционировать при условии оказания помощи со стороны государства. Ее размеры стали возрастать по мере восстановления экономики, стабилизации и улучшения финансового положения в стране. Так, если в 1922/1923 г. хозяйственном году общая стоимость мелиоративных работ составляла 873547 руб., то в 1923/1924 г. – 1039666 руб., а в 1924/1925 г. уже 1801732 руб. [19, с. 280]. Это позволило улучшить состояние мелиоративного дела и создать благоприятные условия для дальнейшего развития мелиоративных товариществ.

Большое внимание со стороны государственных органов и сельхозкооперации Северного Кавказа уделялось борьбе со значительным сокращением поголовья скота и ухудшением его качественных характеристик. Главной причиной

такой ситуации являлись последствия Первой мировой и Гражданских войн, во время которых погибло огромное количество скота и особенно лошади, большая часть которых участвовала в военных действиях. Серьезный урон животноводству региона нанес также неурожай 1921 г. и последующий после этого массовый голод.

Например, в Ростовском округе Донской области количество лошадей по сравнению с довоенным временем уменьшилось с 74 до 27 тыс., а рабочих волов с 23 до 11 тыс. [2, с. 155]. В Кубано-Черноморской области по сравнению с 1916 г. количество рабочих лошадей сократилось на 50 %, а быков на 19 % [5, л. 165]. Тяжелой была ситуация и в национальных районах, в том числе в Кабардино-Балкарии, где в дореволюционный период всегда было большое поголовье скота. На одно хозяйство здесь в 1916 г. приходилось 2,4 лошадей, 14,5 голов крупнорогатого скота, 61,5 овец и коз, 0,8 ослов и мулов, всего по 72,9 голов на одно хозяйство [29, л. 215]. В 1922 г. почти полное отсутствие лошадей во многих балкарских селениях приводило к тому, что запашку проводили здесь ручным способом.

Принятые государственными органами и кооперацией в начале 1920-х гг. меры по борьбе с сокращением поголовья скота имели ограниченный характер, что объяснялось последствиями разрухи и голода, а также отсутствием необходимых средств. В качестве примера можно привести попытку Ставропольского губсельпромсоюза препятствовать падению поголовья скота с помощью его закупки в других районах Северного Кавказа. Однако за 1921 г. на Кубани, в Карачее и в Курской губернии было закуплено лишь 72 лошади, которые в основном передали в колхозы [9, л. 249].

С 1922 г. принимаемые меры по сохранению и увеличению поголовья скота становятся более действенными. В том числе происходит передача племенного скота в создаваемые совхозы-рассадники и запрещается убой племенных животных. В 1923 г. в Юго-Восточном крае действовали 82 рассадника, которые проводили работу по повышению качественного уровня животноводства [32, с. 80]. Для большей заинтересованности крестьянских и казачьих хозяйств, владеющих племенными производителями, их освобождали от выплаты единого сельхозналога и выполнения ряда других обязанностей. Со стороны сельхозкооперации принимались меры по созданию животноводческих товариществ. Так, в Ставропольской губернии в 1922 г. было организовано 15 таких товариществ. Ставропольский губсельсоюз оказывал им помощь в оформлении документации, в том числе выработке уставов, содействовал в приобретении племенных производителей материала [12, л. 2].

В это же время на Дону повышенное внимание уделялось качественному улучшению молочного стада, прежде всего, увеличению поголовья про-

дуктивного красно-немецкого скота. Животноводческие товарищества, занятые его разведением, действовали в основном в Ростовском округе Донской области. В 1924 г. здесь было 24 таких товарищества, в том числе такие крупные, как Степное-Латышское, в составе которого было 106 коров, 8 бугаев, 125 голов молодняка и Ольнемка, где было соответственно 108, 2, 118 голов [4, л. 193].

Деятельность животноводческих товариществ на Северном Кавказе в 1921 – 1924 гг. дала определенные результаты в укреплении крестьянских хозяйств. Однако, в условиях натурализации сельского хозяйства она носила ограниченный характер и была недостаточно связана с рыночными отношениями.

В данный период на Северном Кавказе практически не получили распространения машинные товарищества, что объяснялось низкой покупательной способностью населения и организационными проблемами. В 1924 г. на территории региона действовало лишь 35 машинных товариществ [30, л. 18], процесс образования которых носил в основном стихийный характер. При создании машинных товариществ обобществлялись лишь совместно приобретаемые крестьянами сложные машины. Участки земли, находившиеся в пользовании крестьянских хозяйств, на которых использовались трактора, существовали отдельно друг от друга.

Вместе с тем, как отмечает В. А. Савельев, «знакомство с производительными возможностями трактора произвело настоящий переворот в экономическом мышлении крестьян и казаков. Он повлек за собой осознание больших преимуществ сложной техники перед используемыми веками традиционными для крестьянского хозяйства средствами производства» [25, с. 95]. Это обстоятельство, наряду с повышением материальных возможностей крестьянства и казачества способствовали быстрому росту машинных товариществ в середине 1920-х гг.

Таким образом, простейшие производственные объединения крестьянства и казачества сыграли положительную роль в восстановлении сельского хозяйства Северного Кавказа. Их деятельность способствовала повышению урожайности, расширению посевных площадей, увеличению поголовья скота, внедрению эффективных способов сельскохозяйственного производства. Вместе с тем, в 1921 – 1924 гг. развитие простейших производственных объединений проходило неустойчиво с частыми распадами создаваемых товариществ и большой текучестью состава. Преодоление этой ситуации стало происходить в период кульминации НЭПа (1925-1927 гг.), в условиях которой наблюдался быстрый рост простейших производственных объединений, игравших важную роль в развитии сельского хозяйства Северного Кавказа.

Литература

1. Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы / отв. ред. А. П. Скорик. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.
2. Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.). Сборник документов. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1962. 496 с.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-269. Оп.1. Д.17.
4. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1390. Оп.1. Д.393.
5. ГАРО. Ф. Р-1390. Оп.1. Д.464.
6. ГАРО. Ф. Р-2075. Оп.1. Д.275.
7. ГАРО. Ф. Р-2075. Оп.1. Д.358.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф.1065. Оп.1. Д.84.
9. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-196. Оп.1. Д.30.
10. ГАСК. Ф. Р-394. Оп.1. Д.35.
11. ГАСК. Ф. Р-397. Оп.1. Д.314.
12. ГАСК. Ф. Р-397. Оп.1. Д.1068.
13. ГАСК. Ф. Р-595. Оп.1. Д.1762.
14. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1989. Т.13. 572 с.
15. Дзидзоев В. Д. Переход к НЭПу и проблемы крестьянства Юга России // Вестник Северокавказского научного центра. 2020. №1. Т. 20. С.14–21.
16. Долматовский А. М. Законы о кооперации. Систематический сборник декретов, постановлений, инструкций, примерных уставов и пр. М.: Право и жизнь, 1924. 406 с.
17. Кармов А. Х. Продовольственный кризис в Кабардино-Балкарии в начале 20-х годов XX в. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. №3. С. 38–47.
18. Летавин Н. Н. Нивелировка или социальная маскировка // Северо-Кавказский край. 1924. № 4–5. С.19 – 27.
19. Наухачкий В. В. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края в годы нэпа: состояние и противоречия государственной аграрной политики // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России: сборник статей к 70-летию проф. В.Н. Никулина. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. С. 272–290.
20. Наухачкий В. В. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края в годы нэпа: состояние и противоречия государственной аграрной политики // Вестник НИИ гуманитарных 26 наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4 (60). С.25-35.
21. Одинцов С. С. Сельское хозяйство края к десятилетию Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. Ростов н/Д, 1927. №11. С. 4–11.
22. Панарин А. А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921 – 1929 гг. 2-е изд., испр. и доп. Армавир: РИО АГПУ, 2017. 336 с.
23. Российский государственный архив экономики. Ф.4106. Оп.3. Д.582.
24. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.14. Д.1003.
25. Савельев В. В. Хозяйственные представления крестьянства и казачества в условиях новой экономической политики: особенности трансформации (на материалах Дона и Кубани). Армавир: АГПА, 2012. 159 с.
26. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: В 4 т. / Т. 1. 1918 -1922 / под ред. А. Берловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.
27. Советский Юг. 1921. 10 мая.
28. Соломонов М. Агркультурные и производственные достижения сельскохозов Юго-Востока // Юго-Восток. 1924. №1. С. 143–151.
29. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-43. Оп.1. Д. 20.
30. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф.7. Оп.1. Д. 81 а.
31. Цинцадзе Н. С. Советская власть и социоестественные проблемы сельского хозяйства РСФСР в 1910-1920-е гг.: опыт нормативно-правового регулирования // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. Вып. 1. С. 53–67.
32. Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1921- 1929 гг. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1987. 230 с.

References

1. Bagdasaryan S. D. Byt, trud i sem'ya krest'yan epohi nepa: istoricheskaya povsednevnost' yuzhno-rossijskoj derevni v 1920-e gody (Life, labor and family of peasants of the NEP era: the historical everyday life of the South Russian village in the 1920s) / ed by A. P. Skorik. Novocherkassk: Lik, 2015. 312 p. (In Russian)
2. Vosstanovitel'nyj period na Donu (1921–1925 gg.). Sbornik dokumentov (The restoration period on the Don (1921–1925). Collection of documents). Rostov-on-Don: Kn. izd-vo, 1962. 496 p. (in Russian)
3. State archive of Stavropol territory (GASK). F. R-269. Inv.1. D.17. (in Russian)
4. State archive of Rostov territory (GARO). F. R-1390. Inv.1. D.393. (in Russian)
5. GARO. F. R-1390. Inv.1. D.464. (in Russian)
6. GARO. F. R-2075. Inv.1. D.275. (in Russian)
7. GARO. F. R-2075. Inv.1. D.358. (in Russian)
8. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F.1065. Op.1. D.84. (in Russian)
9. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK). F. R-196. Op.1. D.30. (in Russian)
10. GASK. F. R-394. Op.1. D.35. (In Russian)
11. GASK. F. R-397. Op.1. D.314. (In Russian)
12. GASK. F. R-397. Op.1. D.1068. (In Russian)
13. GASK. F. R-595. Op.1. D.1762. (In Russian)

14. Dekrety Sovetskoj vlasti (Decrees of Soviet power). Vol. 13. Moscow: Politizdat, 1989. 572 p. (In Russian)
15. Dzidzoev V.D. Perekhod k NEPu i problemy krest'yanstva Yuga Rossii (Transition to the NEP and problems of the peasantry of the South of Russia) // Vestnik Severokavkazskogo nauchnogo centra. 2020. No. 1. Vol. 20. P. 14–21. (In Russian)
16. Dolmatovskij A.M. Zakony o kooperacii. Sistematicheskij sbornik dekretov, postanovlenij, instrukcij, primernyh ustavov i pr. (Laws on cooperation. A systematic collection of decrees, resolutions, instructions, model charters, etc). Moscow: Pravo i zhizn', 1924. 406 p. (In Russian)
17. Karmov A.H. Prodovol'stvennyj krizis v Kabardino-Balkarii v nachale 20-h godov HKH V. (The food crisis in Kabardino-Balkaria in the early 20s of the twentieth century) // Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij. 2018. No.3. P. 38–47. (In Russian)
18. Letavin N. N. Nivelirovka ili social'naya maskirovka (Leveling or social masking) // Severo-Kavkazskij kraj. 1924. No. 4–5. P. 19–27. (In Russian)
19. Nauhackij V.V. Sel'skoe hozjajstvo Severo-Kavkazskogo kraja v gody nepa: sostoyanie i protivorechiya gosudarstvennoj agrarnoj politiki (Agriculture of the North Caucasus region in the years of the NEP: the state and contradictions of the state agrarian policy) // Vekov nespeshnyj hod: problemy social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii: sbornik statej k 70-letiyu prof. V.N. Nikulina. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2018. P.272-290. (In Russian)
20. Nauhackij V.V. Sel'skoe hozjajstvo Severo-Kavkazskogo kraja v gody nepa: sostoyanie i protivorechiya gosudarstvennoj agrarnoj politiki (Agriculture of the North Caucasus region in the years of the NEP: the state and contradictions of the state agrarian policy) // Vestnik NII gumanitarnyh 26 nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2021. No. 4 (60). P. 25–35. (In Russian)
21. Odincov S. S. Sel'skoe hozjajstvo kraja k desyatiletiyu Oktyabr'skoj revolyucii (Agriculture of the region to the decade of the October Revolution) // Izvestiya Severo-Kavkazskogo krajspolkoma. 1927. No. 11. P. 4–11. (In Russian)
22. Panarin A. A. Evolyuciya kooperacii na Donu i Severnom Kavkaze v 1921-1929 gg. (Evolution of cooperation on the Don and the North Caucasus in 1921–1929) 2-e izd., ispr. i dop.. Armavir: RIO AGPU, 2017. 336 p. (In Russian)
23. Russian State Archive of Economics. F.4106. Inv.3. D.582. (In Russian)
24. Russian State Archive of Socio-Political History. F.17. Inv.14. D.1003. (In Russian)
25. Savel'ev V. V. Hozjajstvennye predstavleniya krest'yanstva i kazachestva v usloviyah novej ekonomicheskoy politiki: osobennosti transformacii (na materialah Dona i Kubani) (Economic representations of the peasantry and the Cossacks in the conditions of the new economic policy: features of transformation (based on the materials of the Don and Kuban). Armavir: AGPA, 2012. 159 p. (In Russian)
26. Sovetskaya derevnya glazami VCHK-OGPU-NKVD. 1918-1939. Doku-menty i materialy (The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD. 1918-1939. Documents and materials): In 4 Vols / Vol. 1. 1918 -1922 / ed by A. Berlovicha, V. Danilova. Moscow: ROSSPEN, 1998. 864 p. (In Russian)
27. Sovetskij YUg. 1921. May 10. (In Russian)
28. Solomonov M. Agrikul'turnye i proizvodstvennye dostizheniya sel'skosoyuzov YUgo-Vostoka (Agricultural and industrial achievements of rural unions of the South-East) // YUgo-Vostok. 1924. No.1. P. 143–151. (In Russian)
29. Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic. F. R-43. Inv.1. D.20. (In Russian)
30. Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region. F.7. Inv.1. D. 81 a. (In Russian)
31. Cincadze N. S. Sovetskaya vlast' i socioestestvennye problemy sel'skogo hozjajstva RSFSR v 1910-1920-e gg.: opyt normativno-pravovogo regulirovaniya (Soviet power and socio-natural problems of agriculture of the RSFSR in the 1910s–1920s: experience of regulatory regulation) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2016. Vol. 21. Issue. 1. P.53–67. (In Russian)
32. Chernopickij P.G. Derevnya Severokavkazskogo kraja v 1921- 1929 gg. (Village of the North Caucasus region in 1921–1929). Rostov on Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1987. 230 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета / panarin.arm@mail.ru
 Адрес: д. 159, ул. Розы Люксембург, 352901, Армавир, Российская Федерация.

Information about the author

Andrey A. Panarin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of World and National History, Armavir State Pedagogical University / panarin.arm@mail.ru
 The address: d. 159, Roza Luxembourg st., 352901, Armavir, Russian Federation.



УДК 94(47/55)»1914/19»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.7>

Т. В. Пантюхина

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В БОРЬБЕ ЗА ИРАНСКУЮ НЕФТЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье освещается участие Великобритании в борьбе за установление контроля над нефтяными месторождениями и нефтяной промышленностью в Иране (Персии) и на Южном Кавказе в 1914–1918 гг., что не являлось предметом специального исследования в отечественной историографии. Накануне войны Великобритания фактически контролировала добычу и переработку нефти в Персии посредством Англо-Персидской Нефтяной Компании. С началом войны британские интересы в регионе оказались под угрозой со стороны Германии и Османской империи, стремившихся оспорить британскую монополию на персидскую нефть. Несмотря на то, что территория Персии осталась в стороне от крупных сражений Первой мировой, страна являлась стратегически важным театром военных действий прежде всего для Великобритании. Английские войска, дислоцированные в Персии, держали под контролем территорию южной Персии, в то время как север страны контролировался русскими войсками. После выхода России из войны в конце 1917 г. возникла угроза усиления

позиций турецких войск и их союзников в Персии и их продвижения на Кавказ, к нефтеносным месторождениям Баку. Для противодействия данной угрозе был сформирован специальный экспедиционный корпус, получивший название «Данстерфорс». В течение 8-месячного пребывания в Персии Данстерфорс укрепил британские позиции в стране, успешно подавив антибританские силы с помощью оружия, дипломатии и фунта стерлингов. Спецгруппе Данстерфорс не удалось защитить Баку от захвата турками в сентябре 1918 г. Однако уже в ноябре 1918 г. британские войска изгнали противника из Баку. В итоге к концу войны западный, восточный и южный берега Каспия оказались под полным контролем британских военных.

Ключевые слова: Первая мировая война, Персия, Великобритания, нефть, оборона Баку.

Для цитирования: Пантюхина Т. В. Великобритания в борьбе за иранскую нефть в годы Первой мировой войны (на англ.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 577–582. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.7

Tat'yana V. Pantyukhina

GREAT BRITAIN IN THE CONFLICT OVER IRAN OIL: THE FIRST WORLD WAR PERIOD

The article highlights the activities of Great Britain in the competition for control over oil fields and the oil industry in Iran (Persia) and the South Caucasus in 1914–1918, which was not the subject of special research in Russian historiography. On the eve of the war, Great Britain actually controlled the production and refining of oil in Persia through the Anglo-Persian Oil Company. With the outbreak of the war, British interests in the region were put under threat by Germany and the Ottoman Empire, which sought to challenge the British monopoly on Persian oil. Despite the fact that the territory of Persia remained far from the major battles of World War I, the country was a strategically important war theater for Great Britain. The British troops stationed in Persia controlled the territory of southern Persia, while the north of the country was controlled by Russian troops. After Russia's withdrawal from the war at the end of 1917, there was a threat of strengthening the positions of Turkish troops and their

allies in Persia and their advance to the Caucasus, to the oil fields of Baku. To counter this threat, a special taskforce was formed, called «Dunsterforce». During its 8-month stay in Persia, Dunsterforce strengthened the British position in the country, successfully suppressing anti-British forces with weapons, diplomacy and the pound sterling. Dunsterforce failed to protect Baku from capture by the Turks in September 1918. However, in November 1918, British troops managed to take over Baku. As a result, by the end of the war the western, eastern and southern shores of the Caspian Sea were under the full control of the British military.

Key words: World War I, Persia, Great Britain, oil, defense of Baku.

For citation: Pantyukhina T.V. Great Britain in the conflict over Iran oil: the First World War period // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 577–582. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.7

On the eve of the First World War, the technological, military and industrial shift from coal to oil fuels made oil a key military asset due to the adoption of oil-powered naval ships, new army vehicles such as trucks and tanks, and military airplanes. In Britain, a special commission investigated transitioning the British fleet from coal to oil since 1911. In 1914 admiral John Fisher, the head of the commission, was appointed the head of the British Admiralty. He

succeeded in getting the British navy to convert from coal to oil, which made the ships faster and lighter but committed Britain to importing fuel rather than relying on home-produced coal.

Oil was discovered in Persia (now Iran) in the early XX century. In 1901 a wealthy Englishman, William Knox D'Arcy, ventured into the Iranian desert to search for oil. For seven years D'Arcy battled with difficult terrain, and an uncertain political

situation. In 1908 oil was found in southwest Persia. A year later, Anglo-Persian Oil company (APOC) was established and first exports started in 1912. Anglo-Persian became the first company to produce oil in commercial quantities in the Middle East. At that time the company was owned by the Burmah Oil company (BOC), which soon lost majority control. Shortly before World War I, in 1914, Anglo-Persian managed to find a new sponsor and customer – the British government. Due to efforts of Winston Churchill, the First Lord of the Admiralty, an alliance was forged. The Anglo-Persian Oil Company signed a deal with the British government to supply the navy with 40 million barrels of oil over the coming 20 years. In return the British government invested £2 million into the company, acquired a controlling 51 percent share and became de-facto the hidden power behind the oil company [9].

The Anglo-Persian Oil company obtained exclusive rights to oil deposits throughout the Persian Empire, except for five provinces. As a major shareholder, the British government significantly supported the expansion of the oil industry under its indirect control [1].

A 145-mile pipeline was constructed running from Masjid Suleiman oil field to the port town of Abadan, where the oil was refined. Abadan became a key point in the transport network due to its location in the Shatt al-Arab River delta, about 50 km from the Persian Gulf. Abadan refinery supplied the Royal Navy with up to two-thirds of its fuel, in addition to nearly 200,000 tons of refined petroleum products to the British forces in Mesopotamia [4, p. 288–290].

Since the outbreak of World War I the increasingly mechanized war machine created a high demand for fuel. Controlling oil in Persia through the Anglo-Persian Oil Company, British strategists wanted still more reserves to assure the future needs. Mesopotamia (now Iraq), an area of the Ottoman Empire, shared the same geology as neighboring Persia. M. Hankey, Secretary of the British War Cabinet, argued that oil had become absolutely vital to Britain and that oil resources in Mesopotamia would be crucial in the future [5]. Mesopotamia and Persia became a key focus, especially as Germany was able to use the Berlin-Baghdad Railway to supply its Ottoman allies and potentially transport oil to Europe.

As for the Ottoman Empire, the Ottomans realized the importance of oil in running the war machinery in the early months of the war. Together with the Germans they planned to seize, preferably intact (and if not, to dismantle), the oilfields and refineries of Masjid Suleiman, Abadan and Baku. However, the major objective of Ottomans' war strategy was the recovery of territories lost in the XIX and early XX centuries. They focused their military efforts on the Caucasus war theater against Russia as well as the Sinai and Palestine Fronts. As for Mesopotamia and

Persia, those were low priorities for the Ottomans, and they did not expect any major action in the region.

On the contrary, for the British Mesopotamia and Persia became a key focus of their war strategy in the Middle East. Although military campaigns in the two countries were closely intertwined and influenced each other, the paper is mainly focused on the British activities in Persia.

Persia declared neutrality in World War I but ended up being occupied by Turkish, Russian and British troops. The two allies had divided Persia into spheres of influence: the British controlled the south while the Russians controlled the north of the country.

Persia turned into one of the major theaters of World War I due to vast deposits of oil and its geographic location as a bridge between Europe and the Indian subcontinent although there were no major military confrontations on its territory. In Iranian historical memory World War I is remembered for devastating famine and epidemic diseases rather than major battles.

The oilfields of Masjid Suleiman and Abadan were close to the front, hence Ottoman and German attacks on the oil refinery were highly likely. Some 30,000 Ottoman troops were reported to be stationed in Basra in 1914 [1]. Moreover, it was known that the Germans planned a secret operation to set fire to the Abadan refinery, and then to sink some vessels south of Abadan to block the British from travelling up the river to rescue their European employees at the burning refinery [1].

In order to secure the oil refinery and prevent possible Ottoman and German attacks on it, a British military contingent landed in the south of Persia on 1 November 1914. It was made up of mainly Indian infantry. British warship "Odin" patrolled the Shatt al-Arab River. On 22 November 1914 the British seized Basra and turned it into the bastion of British forces in Mesopotamia, which prevented the Ottomans from further direct offensives against the oil industry in southern Persia.

In the early 1915 after heavy losses in the north at the battle of Sarikamish, the German-Ottoman alliance focused their efforts more on the south. The Ottomans reinforced their southern frontiers and transferred a large proportion of their troops to Persia and Mesopotamia. However, they avoided any major military confrontation with the Allied troops. Instead, they tried to raise popular rebellions against the Allied forces and to sabotage and destroy British installations and interests. A number of German agents were sent to southern Iran with a mission to stir up popular uprisings and to rally the local population to the Central Powers. The most celebrated of these secret agents was Wilhelm Wassmuss, initially the German Acting Consul at Bushehr, nicknamed "The Lawrence of Persia" [6]. The Germans managed to create an extensive network of agents among

the locals. They successfully organized revolts and sabotage ventures against the British, with the oilfields of Masjid Suleiman and the Abadan refinery as the most attractive targets for the attacks.

In February 1915 local Arab tribes attacked pipelines and some oil installations of Anglo-Persian Oil Company in the city of Ahvaz in Khuzestan. They set fire to the oil spilled from the broken pipelines, cut telephone lines between Abadan and the oilfields, and looted the company's stores. The sabotage was the only significant, direct attack on oil installations in Khuzestan (southwestern Iran) during the wartime [4, p.280]. In the following years no other major incidents occurred. One of the reasons for this was that the British managed to gain the support of some influential local tribe chiefs – the Bakhtiari Khans. The chiefs committed to protecting British interests in the south, including the oilfields, the refinery and communication routes. Moreover, the Bakhtiari Khans made rival tribe chiefs accept their authority as well as stop anti-British subversive activities. That did not mean that the strategic interest of the British in the south were no longer under threat as tribal rivalry existed in various forms. Yet, there were no major attacks on oil installations of Anglo-Persian Oil Company after February, 1915 [1].

Due to an increase in demand for the Persian oil during the war, the APOC expanded its exploration to new territories. A discovery mission was dispatched to south-eastern Iran, to a region along the Persian Gulf shore of Mokran, from Baluchistan to Bushehr, including Qeshm Island. The excavations in Qeshm discovered vast oil deposits, which meant that Qeshm could become another major oilfield in southern Persia [4, p.282].

APOC's activities in south-eastern Persia were followed with interest and concern by German and Ottoman agents. As a result, they refocused their attention from the southwest, the main zone of German and Ottoman presence, to south-eastern Iran. They skillfully exploited rivalries among tribes and encouraged the locals to launch a Jihad against the British and Russians. In fact, they opened a new front in south-eastern Persia.

In June 1915 local tribes in Qeshm with the support of the Ottoman secret agents organized a surprise attack against the APOC installations on the Qeshm Island. The oil company had to stop its work on the island. The British sent troops to Bushehr, an important commercial port city in the south of Persia. In August 1915 the British military forces in Bushehr came under siege by the local tribes. In retaliation, the British introduced martial law and occupied the port, which caused public protests. The local 'ulama called on their people to rise up in a Jihad against the Allied troops [1]. Moreover, in the spring of 1916 the British established a special military unit – the South Persia Rifles (SPR). Its task was to put down local resistance. The unit consisted of locally recruited troops, about 8,000 Persian, Arab and Baluchi men in cavalry,

infantry and artillery units. The force also included an attached force of 600 Indian Army sepoys. The unit was commanded by British officers with Brigadier-General Percy Sykes in charge of it [7].

After establishing his headquarters at Shiraz, P. Sykes set about restoring order in the south. He paid subsidies to tribes who were loyal to the British and neutralized enemy agents and their Persian allies. When hostile tribes and bandits attacked British posts and the villages of allied tribes and officials, the Rifles responded with force, rescuing hostages or retrieving stolen goods and cattle. The Rifles also guarded roads and the lines of communication to the Persian Gulf coast.

By founding the South Persia Rifles unit and suppressing local protests the British authorities could not win the local tribal chiefs over to their side and pacify them.

The revolution of 1917 in Russia had a major impact on the development of war in Iran. Until the summer of 1917 the Russian troops held firm. Their line extended from South Russia, through the Caucasus, across the Caspian, through North-West Persia until its left joined up with the British right on the frontier of Persia and Mesopotamia, east of Baghdad. By the autumn of 1917 this line was melting away, the Russian troops occupying Iran were in total disarray deserting en masse. As a result, the right or eastern flank of the British forces fighting in Mesopotamia became now exposed. In November 1917 it became obvious that a gap of some 450 miles would be left open on the right flank of the British Mesopotamian army, through which Turkish and German agents and troops could flood Central Asia unopposed [2, p.3].

In addition to this, the Russian armies opposing the Turks on the Caucasian Front began to disintegrate. After the conclusion of the Erzincan Armistice in December 1917, the withdrawal of the Russian army from the Caucasian Front began. The British command was concerned about the prospects of further progress of Turkish troops and Germans by way of the Caspian Sea into Central Asia, which might threaten British positions in India [3, p.153]. The British were not ready to immediately bring their troops into the South Caucasus to close the gap on the Caucasian front. In order to resist the advancing Ottoman army, the British military command turned to local armed formations in the South Caucasus. It was assumed that in the face of the Turkish threat, they could become a serious force if the allies took on the task of raising, training and reorganizing them [2, p.3]. The decision was made to send a special contingent for a special mission. Its purpose was to consolidate British positions in Persia, establish control over the southern and western coasts of the Caspian Sea, including the Persian port of Anzali and the main Russian port of Baku. To complete the task, a task force was created under the command of General Lionel Dunsterville, called «Dunsterforce» («Dunsterville Troops»).

Dunsterforce, the commander of the 1st Infantry Brigade in India, received the order to lead the mission at the end of December 1917. On January 18, 1918, he arrived in Baghdad. He was to form a special unit from officers and soldiers of the Mesopotamian Front. Dunsterforce had at his disposal a convoy of 40 Ford cars, an armored car and unlimited financial credit. Having assembled a core of the unit-to-be of 12 officers, Dunsterforce went to Anzali, a Persian port on the Caspian coast, from where he intended to get to the Caucasus by ship. But the revolutionary authorities of Anzali (Russian Bolsheviks and the Jangalis of Gilan – Persian nationalists) did not allow the British to leave the port by sea, putting armed guards on ships. Dunsterforce had to go back. He set up his headquarters in the Persian city of Hamadan, waiting for a new opportunity to go to the Caucasus.

For eight months (February-August 1918), Dunsterforce desperately bombarded War Office in London and British Minister in Baghdad with a request to send him reinforcements. In the diary entry for 03/17/1918 he wrote with despair: "It is vile being helpless without troops... German and Austrian agents plot against us – the town is full of Turks, the Bolsheviks have a plot to seize the Bank and I could not stop them with my 40 chauffeurs. It is just all bluff, my 40 Ford cars, which strike the inhabitants as death-dealing machines, and my brave chauffeurs, who hardly know one end of a gun from another" [8].

L. Dunsterforce urged the War Office to allocate him a division, then a brigade, but he received only one cavalry regiment and an infantry battalion. With these small forces he had to control the vast territory between Tabriz, Teheran and Kermanshah, an equilateral triangle with the sides of 400 miles, which is a bigger area than the British Isles, Dunsterforce wrote in his diary [8].

The British General willingly accepted Russian officers to serve in his unit. In addition, he concluded an agreement with the commander of the Tersk Cossack detachment, Colonel L.F. Bicherakov with several hundred Cossacks under his command. L. Dunsterforce admired the personal bravery of L. F. Bicherakov and his men, their professionalism and discipline, which was rare in those revolutionary times [8]. With the help of L. F. Bicherakov, the British conducted military operations and managed to take under control some towns in Persia in the vicinity of Turkish positions, «in order to give the Turks the impression of the significant military power of the Allies in this area».

During 8-month stay in Persia Dunsterforce was busy strengthening British positions in the country. Firstly, the British built an intelligence system, which achieved valuable results. Through their agents they were thoroughly in touch with the general situation in Persia, the local situation in Hamadan, the location of their headquarters, and the strength and position of the nearest Turkish detachments.

Great emphasis was put on establishing good relations with the locals. The officers learnt Farsi, got familiar with Persian traditions and customs, made the acquaintance of the officials, the landowners, the politicians and the merchants treating them with respect. As L. Dunsterforce wrote in his memoirs, "The numerous visits and return visits constituted a somewhat arduous task, but the experience was on the whole enjoyable." All these helped the British to overcome the hostility of the people of the country, whose neutrality they had violated. In addition to this, friendly relations with the locals facilitated the problem of food and petrol supply for Dunsterforce as well as their safety [2, p. 62–64; 92–97].

Another measure to win the support of the local population was relief work. In 1918 the country was famine-stricken. In his memoirs L. Dunsterforce wrote with great sympathy, "Signs of the famine had greeted us at the very outset of our journey in January when we encountered the dead and dying on the road, and passed through half-ruined villages with their starving inhabitants" [2, p.102]. The Government and local authorities made no efforts to solve the problem. Only foreign charities conducted relief work. One relief centre was at the Imperial Bank of Persia and the other at the American Mission, but their activities were limited in scope. The numbers of people they were able to deal with fell far short of those who were in acute distress. The British joined in the relief work in Hamadan, the location of their headquarters. They arranged relief in the form of cash payment for a day's labour. People were offered to do roadworks and construct new roads. The scheme proved to be rather beneficial for both sides. Laborers got money to feed their families while the British got improved transportation system for their vehicles [2, p.p.103-113].

The fame of British relief works spread down even as far as Gilan (northern Persia). The British intended to spread their efforts to other regions but limited human resources prevented them from implemented the intention.

Summarising their efforts to gain support of the population of Persia L. Dunsterforce wrote in his letter on 18 May, 1918, "Being practically without troops my weapons have been propaganda, winning over leaders by personal methods, and also famine relief work. All of these have been successful and have resulted in turning the inhabitants of this district from an attitude of hostility to one of marked friendliness." [2, p.119–120].

By June 1918 Dunsterforce had received enough reinforcements to gain a foothold on the southern coast of the Caspian Sea. Dunsterforce managed to reach the Persian port of Anzali and to take it under British control.

Dunsterforce's expedition to the Caucasus became a reality after the political events in Baku in July 1918. Until the end of July, the leadership of the Baku commune had been in the hands of the Bolsheviks

headed by S. Shaumyan. In July 1918 Baku faced the threat of capture by the Turks. On July 25, 1918 the Council of the Baku Commune voted to invite British troops to Baku to participate in the defense of the city from Turkish-German aggression. On July 30, a new coalition government, the Dictatorship of the Central Committee of the Caspian Sea, was created. The new government confirmed the decision of July 25 to invite the British to Baku [2, p.224].

The General received news about the decision of the Baku Commune on July 28, 1918 [8]. By that time, the British had occupied the southern coast of the Caspian Sea and began to form a military fleet. They signed an agreement with Russian Road Company, which owned the port by concession. In accordance with the agreement the British established control over the port, acquired several Russian merchant ships and armed them [2, p. 247]. One of the best Russian ships in the Caspian – the “President Kruger” – ended up in the hands of the British. It is noteworthy that they decided against renaming the ship named after the leader of the Boer Republic. On the ship with the «sinister name», as Dunsterville called it, he placed his headquarters [2, p. 210].

On August 4, 1918, the first British detachment of 40 soldiers under the command of Colonel Stokes landed in the Baku port, announcing the upcoming arrival of the main British units of General Dunsterville. During August, British troops moved from Baghdad to the port of Anzali, from which they headed on to the port of Baku. The redeployment of troops was accompanied by great difficulties. There was no railway connection between Anzali and Baghdad, so the troops had to move by car and on foot. On August 11, Dunsterville wrote in his diary with despair: “Delays are terrible, no convoy ever arrives when expected and Baku just hangs on a thread – all the cars break down and everything seems against me. In addition to all the Persian strings, I have Baku, now Krasnovodsk begs for troops, and Lenkoran, and Bicherakov at Derbend, and the Russian colony at Meshed-i-sar and the Jangalis threaten to attack here, and everyone is against us – but God is with us. My temperament is a calm one or I should go mad. Baku and all the others being to think I am leaving them in the lurch. I am left in the lurch myself by Baghdad and by the motor-cars. And I run all this with one half size Brigade – it’s worse bluff than any game of poker!” [8].

On August 17, Dunsterville arrived in Baku. He was astonished by the situation he found in the city. Instead of fighting, Russian and Armenian soldiers held endless political rallies. The troops were in a total disarray. Dunsterville recalled in his memoirs: arriving in the city, he realized that the request for help was sent to the British too late. The chances of success were low. The enemy significantly outnumbered the city’s defenders. However, the General did not consider the case completely hopeless. He expected that the city could mobilize six thousand people for defense.

By the end of August, the Turks had surrounded the city, and on August 26, they attacked the British positions at the Mud volcano. The attack was successful for the Turks: they captured the position. The British lost 73 men, another 46 soldiers and officers were wounded. Dunsterville wrote in his diary: “The attack was a very determined one and had Baku troops been there I’m afraid Baku would have been taken. The odds were 4 to one and we had no artillery support and the Armenian infantry sent to support refused to go” [8].

Untrained Baku troops often abandoned their positions, leaving the British detachments alone. L. Dunsterville wrote about the disorder and confusion in the Baku army in his diary entry on September 1: “Baku is still holding on, but this is a prolonged miracle, nothing more. There is no discipline and order in the city, the five leaders of the commune are weak people. They are all young, they are about 25–30 years old, and I do not believe in councils without grey-beards. There is no order, discipline and organization among the troops. They retire whenever the enemy attack, and my troops are annihilated owing to failure of support. I told some Armenian troops to occupy a position already prepared and they entrenched because the enemy were about to attack it. They refused to go, because the enemy were about to attack it. Alice in Wonderland” [8].

On September 1, L. Dunsterville called a meeting to which he invited the five leaders of the Dictatorship, the Baku army and navy commanders and the Armenian National Council. He outlined his vision of the situation. In his view, the facts were as follows: the British were fighting alone, but there were only 900 of them, and reinforcements were not expected. The Turks were winning victory after victory, and they could enter the city at any moment. The situation in the Baku army was deteriorating. Dunsterville pointed out that he saw no point in developing any military plans in a situation where troops refused to fight.

Having stated those facts, the British general concluded that it was pointless to continue the defense of the city. L. Dunsterville added that he was not going to risk the lives of his soldiers anymore and intended to take them out of the city. Despite this, the leaders of the city decided to continue the defense [8].

At the beginning of September there was a brief lull in military activities. On September 5, the General wrote in his diary: “We still hold the town, I don’t know how, one can only believe in God’s miracles” [8].

The collapse and desertion on the front line continued. For instance, on September 4, an English officer inspecting the troops found that there was not a single fighter in the most dangerous sector of the front, where there were supposed to be 1,500 Baku soldiers with 2 machine guns. At another sector of the front where a whole Baku battalion was supposed to be deployed only 75 soldiers were present [8].

On September 12, some intelligence was received about a Turkish offensive planned for September 14. Dunsterville reorganized the line of defense. He chose an advantageous location – a hill near the Wolf Gorge, where the terrain itself helped to restrain the enemy's offensive. A battalion of Baku troops was sent there. On September 14, at 4 a.m., the Turks attacked the Wolf Gorge, but before the start of the attack, the Baku's soldiers had left their positions. No-one defended the Wolf Gorge. By 11 o'clock, the Turks had captured the heights above the city. For the British, it was a disaster: their left and right flanks became exposed. All day long there were heavy battles at the Radio Mast Hill, and the British suffered heavy losses. Dunsterville asked the Baku army to send reinforcements, but received no help. He wrote in his diary the day after the battle: "Our troops fought magnificently and their 800 rifles coupled with artillery under our control – about 40 guns – bore the whole brunt of the battle against, perhaps, 7000 Turks – the armored cars too, did splendid work. The Baku troops were, as usual, retiring, instead of fighting, and leaving my troops exposed. Bicherakov's men and his artillery did splendidly – the Armenians were no use" [8].

On the same day, Dunsterville ordered his troops to leave Baku. The British left the city after a 6-week stay there. Next day, on September 15, Turkish troops occupied Baku.

After the evacuation from Baku L. Dunsterville was recalled from Persia. His troops along with some British units from Mesopotamia formed a core of a new British military task force – «Northernforce». General Thompson was put in charge of it. On November 17, 1918, Northernforce succeeded in retaking Baku under British control. Thompson declared himself Governor-General of Baku. Thus, the British military forces took full control of the western, eastern and southern shores of the Caspian Sea.

The significance of the defense of Baku in the summer of 1918 should not be underestimated in the background of major battles and military operations of the Great War. The defense of Baku, which lasted two and a half months, influenced the outcome of the First World War, in terms of supplying the Turkish and German troops with strategic resource – oil. It is difficult to imagine how the German offensive on the Western Front on Paris, undertaken in the summer of 1918, would have ended if the fuel so necessary for the German troops had come from Baku.

Литература / References

1. Atabaki T. The Battle for Control over the Oil Supply. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/persiairan#cite_note-ftn34-34 (Accessed: 12.08.2022).
2. Dunsterville L. C. The Adventures of Dunsterforce. London: Edward Arnold, 1920. 323 p.
3. Dunsterville L. C. From Baghdad to the Caspian in 1918 // The Geographical Journal. Vol. 57. #3 (March, 1921). P. 153–164.
4. Ferrier, R.W. History of the British Petroleum Company. Vol. 1: The Developing Years 1901-1932. London, 1982. 801 p.
5. Paul, James A. Great Power Conflict over Iraqi Oil: The World War I Era / Global Policy Forum. October, 2002. URL: <https://archive.globalpolicy.org/component/content/article/185-general/40479-great-power-conflict-over-iraqi-oil-the-world-war-i-era.html> (Accessed: 12.08.2022).
6. Sykes C., Byron R. Wassmuss: «the German Lawrence». London, New York: Longmans, Green, 1936. 271 p.
7. South Persia Rifles URL: <https://www.nam.ac.uk/explore/persia-mission> (Accessed: 12.08.2022).
8. The Diaries of General Lionel Dunsterville. 1918. URL: http://www.gwpda.org/Dunsterville/Dunsterville_1918.html (Accessed: 12.08.2022).
9. The BP Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20070210043340/http://www.busman.qmul.ac.uk/abh/archive5.htm> (Accessed: 12.08.2022).

Сведения об авторе

Пантюхина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета / pantyukhina@rambler.ru
Адрес: д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Tat'yana V. Pantyukhina – PhD in History, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, North-Caucasus Federal University / pantyukhina@rambler.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.



УДК 94(470)»16/18»+355.48»1654/1667»:930.2+81'27

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.8>

А. И. Прокофьев

ТРИНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1654–1667 ГГ. И «ОСВОБОЖДЕНИЕ»: ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА И ПРИМЕНЕНИЯ НАРРАТИВА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Русская историография второй половины XVII – первой половины XIX вв. сконструировала модель, из которой объяснялись бы замыслы, цели и ход военных действий в 1654 – 1667 гг. Семантическая единица «освобождение» и ее синонимы позволяли говорить об «освободительной» составляющей войны Московского государства с Речью Посполитой. Во второй половине XVII в. появился общий нарратив войны с религиозным наполнением (И. Гизель). Во время Великой Северной войны 1700–1721 гг. от него отделилась секуляризованная версия (А. Манкеев). Периодизация нарратива построена на двух моментах: разделении на два дискурса во второй половине XVII – первой половине XVIII вв.: на религиозный и политический; с довольно прозрачной границей. И размеченном рубеже, по которому углубились и расширились дискурсы в семиосфере имперских историков, проходящем по ноябрьскому Польскому восстанию (политическое влияние), 1830–40-е гг. (идеологический ракурс). Под политическим влиянием понимается первая фаза деполонизации земель Литовского и Белорусского генерал-губернаторств после польского Ноябрьского восстания (1830–1831 гг.). Идеологическим ракурсом видятся: прора-

ботка «триады» С. С. Уварова со стороны историка Н. Г. Устрялова; Полоцкий собор 1839 г. – акт ликвидации униатской церкви на землях Белоруссии и Литвы. Оба фактора, резко усилившие церковное влияние в историографической эволюции Тринадцатилетней войны, фактически возвращали семиозис к допетровской эпохе. Применение двух моделей не вело к конфликту языков описания, скорее сосуществованию. Цель исследования заключается в нахождении и интерпретации семантических единиц в историографии. Изучение нарративных свойств «освобождения» производится через оптику исторической семантики, семиотики и герменевтики.

Ключевые слова: Тринадцатилетняя война, Московское государство, «освобождение», нарратив, язык описания.

Для цитирования: Прокофьев А. И. Тринадцатилетняя война 1654–1667 гг. и «освобождение»: особенности генезиса и применения нарратива в русской историографии (вторая половина XVII – первая половина XIX в.). // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 583–590. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.8

Alexandr I. Prokofiev

THIRTEEN YEARS' WAR 1654–1667 AND «LIBERATION»: PECULIARITIES OF GENESIS AND APPLICATION OF NARRATIVE IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY (SECOND HALF OF THE 17TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES)

Russian historiography of the second half of the 17th – the first half of the 19th centuries constructed a model that would explain the plans, goals and course of hostilities in 1654 – 1667. The semantic unit «liberation» and its synonyms made it possible to talk about the «liberatory» component of the war between the Moscow State and the Polish-Lithuanian Commonwealth. In the second half of the XVII century a common war narrative with religious content appeared (I. Giesel). During the Great Northern War of 1700 – 1721 a secularized version separated from it (A. Mankeev). The periodization of the narrative is built on two points: the division into two discourses in the second half of the 17th – the first half of the 18th centuries: religious and political; with a fairly see-through border. And the marked line, along which discourses deepened and expanded in the semiosphere of imperial historians, passing through the November Polish uprising (political influence), the 1830–40s. (ideological perspective). Political influence is understood as the first phase of the depolonization of the lands of the Lithuanian and Belarusian Governorate-General after the Polish November Uprising (1830–1831).

From an ideological perspective, they see: the elaboration of the «triad» of S. S. Uvarov by the historian N. G. Ustryalov; Synod of Polotsk in 1839 – an act of liquidation of the Uniate Church in the lands of Byelorussia and Lithuania. Both factors, which sharply increased the church influence in the historiographic evolution of the Thirteen Years' War, actually returned semiosis to the pre-Peter era. The use of the two models did not lead to a conflict of description languages, but rather to coexistence. The aim of the study is to find and interpret semantic units in historiography. The study of the narrative properties of «liberation» is carried out through the optics of historical semantics, semiotics and hermeneutics.

Key words: Thirteen Years' War, Moscow State, «liberation», narrative, descriptive language.

For citation: Prokofiev A.I. Thirteen years' war 1654–1667 and «liberation»: peculiarities of genesis and application of narrative in Russian historiography (second half of the 17th – first half of the 19th centuries) (In Russian) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 583–590. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.8

Что приносила воинствующая вражда испокон веков? Смерть в ряды противоборствующих армий; населения, втянутого в военные действия; разную картину войны: оборонительной или наступательной / освобождающей или оккупационной. *Casus belli* раннего Нового времени, выводимый из религиозных соображений (не означая собственно религиозной войны – А. П.) – особенно для защиты единоверного населения или «очищения ереси» – до Вестфальского мира немаловажен (на фоне династического аргумента объявления войны). Тринадцатилетняя война 50–60-х гг. XVII в. на территории «Восточной Европы» – не последняя война подобного рода. Так или иначе, «диссидентский вопрос», связанный с православием и протестантизмом в истории Речи Посполитой после царя Алексея Михайловича, решался не одной силой оружия, но и мерами политического воздействия на Речь Посполитую.

Задачи исследования: 1) обозначить методологический инструментарий работы с материалом исторической семантики; 2) определить окказиональность / целенаправленность использования понятия «освобождение»; 3) разделить применение понятия и его синонимов в религиозном / секуляризованном пространстве; 4) выделить дискурсы, в которые «освобождение» помещалось.

Хронологические рамки работы обусловлены появлением «Синописа Киевского» И. Гизеля (нижняя рамка) и работами Н. Устрялова (верхняя рамка). «Синописис» стал не только мощной исторической компиляцией, выполненной в духе общерусского единства, но и был широко известен в XVIII в. (что подтверждается наличием вставок из «Синописа» в трудах А. И. Манкеева и М. В. Ломоносова). Н. Устрялов применил идеологему «православие – самодержавие – народность» в своих работах, которую министр народного просвещения С. С. Уваров предоставил в виде записки императору Николаю I за несколько лет до этого. Н. Устрялов стройно сформулировал и обосновал важность исторического исследования Великого княжества Литовского как органической части русской истории. Своими размышлениями, таким образом, придав свежий импульс западнорусизму.

Границы и случайность в появлении языковых единиц

Изучая особенности историографического накопления информации, необходимо избрать набор (но не универсальный; подобранный под решение задач – А. П.) инструментальных подходов. Разъяснение «освобождения» сопряжено с семиотическими и герменевтическими проблемами. Семиосфера, сформированная историографической традицией имперского периода, сообщает сведения об исторических событиях в разных дискурсах.

Х.-Г. Гадамер, говоря о единицах в языковых уровнях семантики и синтаксиса, вводит в их область явление окказиональности: «Окказиональность означает зависимость от конкретного случая, по поводу которого употребляется то или иное выражение. Герменевтический анализ мог бы показать, что такая зависимость от случая сама по себе не случайна, в отличие от окказиональных выражений типа «здесь» или «этот», которые, уже в силу своей семантической изолированности, не имеют определенного, поддающегося передаче содержания, а представляют собой пустые формы, позволяющие, по причине их пустоты, вкладывать в них любое содержание» [4, с. 66]. Приспосабливая параметр к понятию «освобождение», исследуется контекст завуалированного / умышленного появления на страницах исторических штудий.

Раскрытие «освобождения» в исторических трудах укладывается на временные отрезки. Граница научного и донаучного понимания войны 1654–1667 гг. возведена Н. Устряловым в конце 1830-х гг. За основу берется значение границы, представленное Ю. М. Лотманом: «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»). Как это бинарное разбиение интерпретируется — зависит от типологии культуры. Однако само такое разбиение принадлежит к универсалиям. Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» [10, с. 175]. Семиотика и герменевтика призваны выявить и воспроизвести протяженную инкорпорацию «освобождения» в семиотическом пространстве. Сам семиозис понятия – процесс развития языковой единицы в имперском историографическом ландшафте.

«Освобождение» и его дефиниция

В семиосфере Тринадцатилетней войны нарратив менялся до 1917 г. не кардинально. Скорее, переставлялись слагаемые, воздействующие на мировоззрение и историка, и его читателя. Религиозный и династический мотив оставался преобладающим, после 1917 г. сменившись классовой и национальной борьбой трех народов против польского: русского, белорусского и украинского. Марксистско-ленинская идеология, сменив «Бога» на «Класс» / «большую русскую нацию» на «русских, украинцев и белорусов», переформатировала традиционалистский взгляд историографии на прогрессивистский. Упрочивая идеологическое понимание истории. Такова оказалась цена «родовой травмы» всех применяемых единиц.

Обращаясь к истокам нарратива, вникнем в единицу «освобождение», ее современной полисемичной денотацией и десигнацией в прошлом

[Определение см.: 6, с. 87–88]. Понятие «освобождение» (в нашем понимании, не претендующим на исчерпывающее объяснение – А. П.) несет несколько значений:

- 1) индивидуальный / массовый акт, – от чего или кого-либо, ограничивающего свободу (с нейтральным / идеологическим оттенком);
- 2) освобождение от занимаемой должности / обязанностей, – акт, соотносящий власть и подчинение внутри определенного сообщества;
- 3) в дхармическом смысле – достижение мокши в индуизме и джайнизме / нирваны в буддизме;
- 4) освобождение как военно-политическое событие, сопряженное с боевыми действиями, операцией военного характера и т. д.

Обратимся к весьма абстрактным десигнам, предлагаемых в словарях первой половины XIX в. «Словарь Академии Российской» (1822 г.) предоставил такое объяснение: «Избавление, доставление свободы» [13, с. 387]. «Словарь церковно-славянского и русского языка» (1847 г.) содержит следующее определение: «действие освобождающего и освободившего» [14, с. 80]. Актор действия объединяется в одном лице. В первом прилагательном действие еще не завершено, во втором, напротив, закончено. Исходя из представления первой половины XIX в., проясняется лексико-семантическое проявление «освобождения» в историографии в качестве осуществленного действия.

Эпизод конвергенции, произошедший в 1830-е гг., увенчался успешностью «официальной народности». Этому способствовала религиозная частность Тринадцатилетней войны Московского государством с Речью Посполитой в 1654–1667 гг., да и схематичность «Синописа Киевского» эксплуатировалась в имперской историографии (с заметными изменениями).

Две версии войны: пример «Киевского Синописа» и «Ядра российской истории»

Симбиозу религии и политики, случившемуся в 70-е гг. XVII в., премного помог И. Гизель, архимандрит Киево-Печерской лавры. Им осуществлен синтез «милости Божией» со «всея великия и малыя и белыя России самодержцем» на страницах «Синописа Киевского» (1674 г.), обосновывая права на владение Киевом и защиту царского титула [5, с. 142–144]. Дополнительно архимандрит наделил государя эпитетами «отчича и дедича и наследника и государя и обладателя» к тем землям, на какие имеет династические права [5, с. 142]. В известной степени богослов заложил фундамент «западнорусистской» традиции. И. Гизель придал царю Алексею Михайловичу статус «освободителя», сформировав преимущество генерировать *casus belli* последующим монархам. Изменилась ли ситуация в XVIII в.?

А. Манкеев и М. Ломоносов, авторы двух общих курсов по истории России, уделили место Тринадцатилетней войне в разных пропорциях. М. Ломоносов, в «Кратком российском летописце» (1760 г.), кроме примечательных «летописных» фрагментов, не задерживал свой взгляд. Описание сводилось к следующему: «Сам Государь ходил с войском под Смоленск, и взяв его воевал во всей Польше, к чему заведенные им новые регулярные полки много помогали» [9, с. 44]. А. Манкеев, в «Ядре российской истории» (в 1770 г. труд издал Г. Ф. Миллер, а фактически, «Ядро» написано во время войны со Шведским королевством 1700–1721 гг. – А. П.), рассказал о событиях 1654–1655 гг.: «с войсками впал в Литву и сверх иных многих стольный город литовский Вилну взял. А потом Киев, Чернигов и Северское Княжение со всеми належавшими городами и пригородки от Польши оружием отвратил» [12, с. 354].

Далее, А. Манкеев погрузил читателя в предысторию Киева, окончательно закрепленного за Московским государством по Вечному миру 1686 г. Стилистически, «Ядро...» не столько копировало особенности текста «Синописа», сколько дополняло рассуждения И. Гизеля о «западнорусском наследии» [5, с. 142–144; 12, с. 354–356]. Что характеризует осведомленность Алексея Ильича (в шведском плену во время Великой Северной войны – А. П.) по части предшествующей ему историографической традиции.

Отступление от общей линии исторического повествования выделось, не брав в расчет божественный промысел завладения Киевом, политическим актом военных действий. Отражено это в перечне предшествующих царю Алексею Михайловичу «владельцев» города. Важными маркерами, акцентирующими первенство политического над религиозным в тексте стали: «Киев от Руси оторван»; «всю Украину под покровительство взял» (речь о царе Алексее Михайловиче – А. П.); «под рускую власть замирил, которые все и до ныне к самоначеству Рускому надлежат» (здесь говорится о царе Федоре Алексеевиче – А. П.) [12, с. 356].

Очевидно, что «Киевский синописис» не сильно уступил «Краткому российскому летописцу» в количестве и качестве информации о крупной войне середины XVII в. А «Ядро...» выявило не только мозаичный набор перипетий военного времени, но и дало тем, кто читал работу, понимание, почему и за что воевало Московское государство с Польско-Литовским. Вместе с этим, А. Манкеевым, как государственным служащим, проведена секуляризация исторических сведений о военной истории 50–60-х гг. XVII в., где религиозное начало не доминировало в допетровских пропорциях. Добавив к вышесказанному следующее: автор «Ядра...» допустил политическое видение Тринадцатилетней войны в русской историографии.

**Между «покорением» и «освобождением»:
ситуация первой половины XIX в.**

Начало XIX в. известно не одними многочисленными войнами Российской империи эпохи Александра I, а также укреплением интереса государства к истории. Н. М. Карамзин был назначен официальным историографом империи, история все больше отмежевывалась от словесности и философии при Императорском Московском университете. Что, разумеется, не служило преградой к появлению исторических сочинений вне академической среды за авторством П. Ю. Львова и Р. М. Зотова.

Речь пойдет о «Похвальном слове великому государю, царю Алексею Михайловичу, самодержцу всея России» (1806 г.), зачитанном в Императорской Российской Академии П. Львовым. Беглый обзор внешней политики Московского государства середины XVII в. и Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. подается хвалой взятия Смоленска и Витебска, сокрушения польско-литовских войск, захватом в 1655 г. столицы Великого княжества Литовского – Вильны [11, с. 91–94].

Внимание привлекают языковые единицы, относящиеся к соединению двух сторон, Московского государства и Войска Запорожского. Первая: «Присоединение Малороссии к Великой России несносно было Королю Польскому и Крымскому Хану», считая их виновными в объявлении войны [11, с. 93]. Вторая: «Великая Россия ликует посреди торжеств, объемля возвращенных ей чад, кои приносят в дар Избавителю своему сердца, благодарностию и усердием пламенеющих» [11, с. 94]. Не отрицается завоевательный момент: «покорено Российской Державе более двух сот больших и малых городов» [11, с. 92].

Данное «повествование» сопрягало историческое начало с литературным, притом достаточно сильным. Создавая пафосное настроение, П. Львов прибегал к встраиванию гомеологии. Это применимо ко второму предложению, где звуковые повторы на «и» встречаются во всех частях слов [Определение см.: 17, с. 101]. Авторская речь обрела возвышенность и торжественность, воспроизводя необходимое представление читателю. «Освобождение» незаметно в прямом выражении по тексту, но согласовано в связи с «Избавителем». Апеллируя к образу царя Алексея Михайловича («Избавителя») и населения («чад») в качестве религиозных акторов, П. Львов литературными приемами связывает церковную версию войны И. Гизеля и секулярную А. Манкеева. Тем не менее, конвергенции в полном смысле не произошло, представившись позже, в 1830-е гг.

«Военная история Российского Государства» (1839 г.) Р. М. Зотова представила начало Тринадцатилетней войны идентично сведениям Д. Бантыш-Каменского и В. Берха. Религиозная

составляющая, отображенная в высказывании о «несчастном состоянии наших единоверцев, некогда принадлежавших общей матери-России», не вела к появлению эпитета «Избавитель» [7, с. 187–188].

Успехи кампании 1655 г. сообщены так: «Никогда еще Русское оружие так далеко не простиралось на запад; никогда победы и завоевания не были так блистательны»; в тексте наличествует отсылка к «древнерусскому наследию Святого Владимира» [7, с. 191]. «Освобождение» не соотносилось здесь с завоеванием, поэтому Тринадцатилетнюю войну представляется «освободительной». Или «войной за возвращение», как и написал Р. Зотов: «Россия окончательно приобрела возвращение Смоленска, Северской области с округами, как то: Дорогобужем, Невелем, Белицей, Себежем, Красным, Велижем и всеми землями от Днепра и Киева до Путивля. Киев и Монастырь Печерский оставался во временном владении России» [7, с. 195].

Р. Зотов не выступил на страницах «Военной истории...» самостоятельным автором, подобно П. Львову, скорее отличился историографической компиляцией. Несамостоятельность исторических оценок объясняется практически прямым заимствованием из текстов Д. Н. Бантыш-Каменского, В. Н. Берха, И. К. Кайданова.

Д. Бантыш-Каменский представил труд «История Малой России» (1830 г.). В первой части заметным достоинством книги является внушительный список используемых источников, подробно разделенных историком на «рукописи» и «печатные» [1, с. VII–XX]. Касаемо Переяславской Рады 1654 г., идентифицируются «присоединение», «торжественное присоединение», «царь Алексей Михайлович уважил просьбу покорившегося ему правоверного народа» [1, с. 349, 351, 359].

Что указывается о характере войны во второй части «Истории...»? Есть ли здесь «освобождение»? Рассказывая о возвращении в Чигирин (1656 г.), Дмитрий Николаевич упоминал: «Хмельницкий отправил к Государю благодарственное письмо от всей Малой России, за освобождение сего края от Египетского ига Польского и за принятие под крепкую его Высокомонаршую руку»; сославшись на «Летописца Малыя России», изданного Ф. О. Туманским (1793 г.) [2, с. 7].

Признание Б. Хмельницкого об «освобождении» носило религиозный оттиск, наподобие «Избавителя» у П. Львова. В случае с иносказанием «Похвального слова...», Д. Бантыш-Каменский счел необходимым обратиться к первоисточнику, что выгодно отличило его от предшественников. «Освобождение» Войска Запорожского и «присоединение» Великого княжества Литовского и Королевства Польского (попытка царя Алексея Михайловича избраться королем Речи Посполитой – А. П.) различается на страницах «Истории...» че-

рез диалог В. Бутурлина и Б. Хмельницкого (когда гетман находился при смерти – А. П.) [2, с. 14–18]. Историческая оценка Д. Бантыш-Каменского в отношении Б. Хмельницкого примечательна своей взвешенностью: «Столь много сделал добра Малороссиянам, что им нельзя не любить его, и столько зла причинил Полякам, что они могли его ненавидеть» [2, с. 22]. При заключении Андрусовского перемирия «освобождение» не выглядело таковым. Историк больше склонился к мысли о большем подчинении Войска Запорожского Московскому государству, вызванного долгой войной с Речью Посполитой и внутренними распрями между казацкими группами [2, с. 85–88].

В 1831 г., в Санкт-Петербурге, вышел труд В. Берха об эпохе царствования Алексея Михайловича. Историк взаимосвязывает Московское государство и Войско Запорожское в качестве «подданства Малороссии», «спасения казаков» и религиозного *casus belli*: «Унияты хотят истребить в Польше и Литве Греческую веру и предать мечу всех исповедующих оную, почему Богдан Хмельницкий и просит принять его в подданство и дать ему трехтысячный корпус вспомогательного войска» [3, с. 78, 137. Цит. на с. 83].

На первый взгляд, хроника должна разворачиваться в привычном понимании войны освободительной. Излагая год начала Шведского похода, Василий Николаевич обратил внимание, что «шведы завладели большею частью оной (Королевства Польского – А. П.), россияне разорвали Литву, а казаки отторгли Чермную Россию (Червонную Русь – А. П.)». Идентично П. Львову, присутствуют упоминания о завоевательной перспективе Тринадцатилетней войны. Сверх того, интересен приезд царя в Вильну (конец июля – начало августа 1655 г. – А. П.) после ее разорения: «Сожгли все мечети, Католическия и Лютеранския кирхи. Пребывание Москвитян поселило во всех страх и ужас. Все желали, чтобы Шведы скорее заняли страну сию»; В. Берх сомневается в том, что именно так все и происходило, ввиду христианской натуры царя Алексея Михайловича, но не исключил случаев грабежа [3, с. 102–103].

Полоцкий эпизод, связанный с пребыванием царя в 1656 г. в городе, примечателен эпитетом «преданности их к России (полочан – А. П.)», увязывавшемся с ускорением сдачи города и хорошим отношением с царской стороны [3, с. 111]. Сам факт «преданности» не означал конкретного «освобождения», не встречающегося в тексте. «Освобождение» встретилось в смысле сокращения царских обязательств по отношению к казакам Правобережья при заключении перемирия в Андрусове: «Казаков же, обитающих по другую сторону Днепра, от Киева, Российский Царь освобождает от присяги на верноподданство и не примет их под свое покровительство»; аналогичное относилось и к польскому королю [3, с. 198].

Принадлежность Великого княжества Литовского в военные годы к Московскому государству описывается не иначе как «владея всем», что не являлось таковым (крепости, вроде Старого Быхова, Несвижа, Слуцка и Ляховичей, не были взяты до Виленского перемирия 1656 г. – А. П.) [3, с. 123]. Комментируя завоевания, В. Берх указывал именно на «занятие» литовских земель [3, с. 132].

Автор учебников по русской истории, И. Кайданов, в «Начертании истории Государства Российского» (1834 г.), свел воедино языки описания, религиозный и политический. Помимо общего для первой половины XIX в. религиозного *casus belli*, историк высказался о прагматической стороне военных событий: «Политика, слава и выгоды должны были побудить Царя принять Малороссию под власть Свою» [8, с. 189]. Вместе с тем, усилив антагонизм отношений Москвы и Варшавы: «Узы родства и единоверия побудили их (Б. Хмельницкого и Войско Запорожское – А. П.) отдаться также в подданство Царя Российского» [8]. Набор глаголов, отражающих действия Московского государства, весьма примечателен: «обратил свое оружие; покорил; овладел; удержала владычество» [8, с. 190, 192].

Такой дискурс явил царя Алексея Михайловича защитником православия и покорителем земель Речи Посполитой. Трудности войны И. Кайдановым больше сопрягались с экономическими причинами, а не истощением военных сил государства [8, с. 191]. По внутренней структуре, «Начертание...» ближе к литературоцентричным работам П. Львова и Р. Зотова, нежели Д. Бантыш-Каменского и В. Берха. Последние два историка стремились к научному видению русской истории, первые двое же, напротив, использовали литературные приемы для передачи возвышенных / негативных оттенков иллюстрируемой истории Московского государства.

Более всех вышеперечисленных, научный и литературный элементы Тринадцатилетней войны скрепил Н. Устрялов. Его *cujus regio, ejus lingua* (чья страна, того и язык – А. П.), «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское?» (1838 г.), станет настольной книгой нескольким поколениям будущих западнорусистов, начиная с М. О. Кояловича. Усилить авторитетность мнения, впервые устремляющегося к истории Великого княжества Литовского, могло и избрание Н. Устрялова в Академию наук (с 1837 г.). Что представил историк на 42 страницах?

Во-первых, Н. Устрялов начал с дедукции русской истории; придавая ей непознанность: «поля ея еще так мало возделаны, что редкий соберет с них обильную жатву» [15, с. 7]. Из этого следует: проблемная область исследования будет обнаружена через частные примеры. Какие конкретно подбирал историк?

Во-вторых, корень частных примеров помещался Н. Устряловым в период удельного Средневековья: «Мы думали найти в удельном периоде феодальную систему, и результатом одной этой ошибки был неправильный, односторонний взгляд на всю Русскую Историю» [15, с. 8].

В-третьих, историк отразил проблему историописания через ракурс двух версий (интегрирующей / обособляющей); либо как часть единой Руси, или регион польского государства [15, с. 11–12]. До него подобные вопросы о значении истории литовской применительно к русской не поднимались. Задав высокие запросы, Н. Устрялов придерживался генерального плана своего дискурса во всем тексте.

Сквозь труд проходила мысль о двух вариантах Руси, Восточной (оформленной в Московское государство) и Западной (в ситуации удельного периода, покоренной литовцами) [15, с. 15–16]. Упадок русского начала в Литве Н. Устряловым разбирался католичеством, полонизацией и унией; также и неизменными интересами русских царей [15, с. 18–20, 24–25]. Из того появилась мысль об окончании «ига татарского» в Восточной Руси и наступлении «ига польского» в Западной?

Правильный, с точки зрения Н. Устрялова, дискурс раскрывался наличием наследственных врагов, сформировавших иго, – католичества, иезуитов, польских историков, – мешающих понять положение вещей [15, с. 31–32, 37]. В итоге, все составляющие идеологемы С. Уварова обретали жизнь в недрах исторической работы. Вернее, ее пролога / пролегомены.

Насыщенный фрагмент не показывал «освобождения» напрямую, указывая на степень подданства: «Видеть, как страдала Русь под ярмом польским, как боролась она со своими гонителями, как изнемогала, падала, изобразить все бедствия наших единоплеменников, отторгнутых от лона общей матери случайным сцеплением обстоятельств, и снова возвращенных под кров родимый, представить все это, – есть без сомнения одна из важнейших черт Русского бытописателя» [15, с. 38]. Очевидно, наблюдается присутствие не канцелярита, а гиперболы. По этой причине, сложно сразу отличить мнение историка с воспроизводимым им дискурсом государственной политики.

Иллюстрируемый пассаж решительным образом возвеличивает религиозный оттенок войны «за возвращение». В XVII – XVIII вв. историописатели использовали языки описания, выстраивая нарратив по пропорциям, ими подобранными. Наставление Н. Устрялова отчетливо указывает на способ дальнейшего исторического изучения Великого княжества Литовского. Тем самым, связав экспрессивную подачу поводов для военных действий со стороны Московского государства с

прямым государственным интересом. Таковой предстала реализация запроса на историю Великого княжества Литовского.

О Тринадцатилетней войне историк отозвался кратко, предпочтя использовать «соединение Литовского княжества с Московским в одну державу» [15, с. 24]. Война шире раскрыта в учебном студенческом пособии «Русская история» (1839 г., ч. II). На конкретном историческом примере Н. Устрялов поэтапно воплотил задуманное.

Повод к войне, возводимый к религиозному компоненту, у историка обрел новое дыхание: Яну Казимиру, по сути своей, был отправлен ультиматум (у Н. Устрялова – посольское объявление; ультиматум – личное мнение – А. П.) с требованием выполнить статьи Зборовского договора, прекратить преследования диссидентов и избавить Малороссию от уни; в обмен царь прощал обиды за старые оскорбления по части титула [16, с. 227]. Условия, затребованные со стороны Московского государства, вряд ли являлись исполнимыми. Показывая ход кампаний первых двух годов, Николай Герасимович использовал единицы «овладение», «занятие», «присоединение», «возвращение» [15, с. 229–231, 239]. «Освобождения» среди них не обнаруживается.

Дополняя свой дискурс, Н. Устрялов обращался к очевидному, не избегаемому презентизму: (подразумеваются слова Сигизмунда III про будущее Речи Посполитой – А. П.) «Польша рано или поздно будет добычею соседей, что Россия, Австрия, Пруссия разделят ее по частям и уничтожат ее самобытность» [15, с. 239]. Актуализация исторического прошлого подводится к невозможности иного варианта событий.

Пруссии в виде самостоятельного государства, как таковой, в эти времена не существовало. До 1657 г. герцогство Пруссия находилось в вассальной зависимости от Речи Посполитой. Фактической стороной в Велявско-Быдгощском договоре выступал Бранденбург, а не сама Пруссия. Все это дает основание полагать, что слова Сигизмунда III использованы Н. Устряловым для обоснования субъективного видения истории.

Таким образом, семиотическая «граница» и герменевтическая «окациональность» частично выполнили свое назначение. Понятие «освобождение» расположено посередине между религиозным и политическим пространствами; по большей части, оно заменено синонимами, меньше использовано по прямому назначению. Нарратив «освобождения» проделал огромный путь от слова, вначале скрытого, но воспринимаемого по тексту исторических работ. Отразившись, прежде всего, «присоединением» и «возвращением». К целой конструкции, обслуживавшей политико-идеологическое (на религиозном и династическом мотивах – А. П.) сопровождение Тринадцатилетней войны, продолжив завуалированное и эксплуатируемое состояние.

В XVII–XVIII вв. накапливались знания о войнах Московского государства и Речи Посполитой, излагаясь в виде хроники. Вариативность дискурсивного описания предлагала несколько познавательных траекторий, не отменяющих / нивелирующих информацию друг друга. Во времена Николая I не случайно активизировалась «экспансия» на историческое пространство Российской империи, объясняющаяся подавлением польского Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Закономерен вывод, что историография первой половины XIX в. подготовила и выпустила «в тираж» эмоциональную окраску Тринадцатилетней войны, лишь используя ее. Сенсуальность не оглашалась объясняющим инструментом, – признавалась на свидетельствах завоеваний.

Год выхода «Русской истории» отмечен важным событием, Полоцким собором 1839 г., положившим конец существованию самостоятельной униатской церкви и иерархов на территории Российской империи. Семья будущего историка М. Кояловича была близка епископу Литовской греко-униатской епархии И. Семашко. Вместе с большинством униатского духовенства епископ упразднил последствия Брестской унии 1596 г. Вторая половина XIX в. придется на М. Кояловича и его учеников-западнорусистов «звездным часом». Религиозная версия войны 1654–1667 гг., с опорой на политический контекст, обретет вторую жизнь, а вместе с ней создаст жизнеспособную интерпретацию военных событий как акт собирания древнерусских земель, в противовес польскому видению истории Великого княжества Литовского.

Литература

1. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. Часть первая. М.: В Типографии Семена Селивановского, 1830. 360 с. + 84 с. примеч.
2. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. Часть вторая. М.: В Типографии Семена Селивановского, 1830. 223 с. + 62 с. примеч.
3. Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. В 2-х ч. Часть первая / Издал И. Слѣнин. СПб.: Печатано в типографии Х. Гинце. 1831. 314 с.
4. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: «Искусство», 1991. 367 с.
5. Гизель И. Киевский синопсис или Краткое собрание от различных летописцев о начале Славенороссийского народа и первоначальных Князех Богоспасаемого града Киева / Второе издание Киевское исправнейшее. Киев: Печатано в Типографии Киевопечерской лавры, 1823. 105 с.
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
7. Зотов Р. М. Военная история Российского государства в 2-х ч. Часть первая. СПб.: В типографии Александра Смирдина, 1839. 210 с.
8. Кайданов И. К. Начертание истории Государства Российского / Сост. Иваном Кайдановым. Издание четвертое. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1834. 444 с.
9. Ломоносов М. В. Краткой российской летописец с родословием / Сочинение Михаила Ломоносова. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1760. 75 с.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман; ред. Т. Д. Кузовкина. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
11. Львов П. Достопамятное повествование о великих государях и знаменитых боярах XVII в., взятое из российской истории / Сочинение Павла Львова. М.: В Университетской Типографии, 1821. 189 с.
12. Манкеев А. И. Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь А. Я. Хилковым / Предисл. Г. Ф. Миллер. М.: Печатано при Императорском Московском Университете, 1770. 392 с.
13. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Часть IV. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1822. 1272 с.
14. Словарь церковно-славянского и русского языка / Составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. Т. III. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1847. 590 с.
15. Устрялов Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? / Соч. Н. Устрялова, читанное на торжественном акте, в Главном Педагогическом Институте, 30 декабря 1838. СПб.: в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.
16. Устрялов Н. Г. Русская история. Издание второе, исправленное. Часть вторая. СПб.: в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. 364 с.
17. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд. М.: Изд-во «Флинта» 2011. 480 с.

References

1. Bantysh-Kamensky D. N. Istoriya Maloi Rossii. Chast' pervaya (History of Little Russia. Part one). Moscow: In the Printing House of Semyon Selivanovskiy, 1830. 360 p. + 84 p. notes. (In Russian).
2. Bantysh-Kamensky D. N. Istoriya Maloi Rossii. Chast' vtoraya (History of Little Russia. Part two). Moscow: In the Printing House of Semyon Selivanovskiy, 1830. 223 p. + 62 p. notes. (In Russian).
3. Berkh V. N. Tsarstvovanie tsarya Alekseye Mikhailovicha. V 2-kh ch. Chast' pervaya (The reign of Tsar Alexei Mikhailovich. In 2 parts. Part one) / Published by I. Slyonin. Saint Petersburg: Published in the Printing House of H. Ginze, 1831. 314 p. (In Russian).
4. Gadamer H.-G. Aktual'nost' prekrasnogo (The Relevance of the Beautiful) / Trans. from German A. V. Mikhailov. Moscow: «Art», 1991. 367 p. (In Russian).

5. Giesel I. Kievskii sinopsis ili Kratkoe sobranie ot razlichnykh letopistsev o nachale Slavenorossiiskogo naroda i pervonachal'nykh Knyazekh Bogospasaemogo grada Kieva (Kiev synopsis or Brief collection from various chroniclers about the beginning of the Slavic Russian people and the original Princes of the God-saved city of Kiev) / The second edition of the Kiev most correct). Kiev: Printed at the Kiev Pechersk Lavra Printing House, 1823. 105 p. (In Russian).
6. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov (Dictionary of linguistic terms). 5th edit, corr. and suppl. Nazran: Ltd "Pilgrim", 2010. 486 p. (In Russian).
7. Zotov R. M. Voennaya istoriya Rossiiskogo gosudarstva v 2-kh ch. Chast' pervaya (Military history of the Russian state in 2 parts. Part one). Saint Petersburg: In the Printing House of Alexander Smirdin, 1839. 210 p. (In Russian).
8. Kaidanov I. K. Nachertanie istorii Gosudarstva Rossiiskogo (Tracing of the history of the Russian State) / Comp. Ivan Kaidanov. 4th edition. Saint Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1834. 444 p. (In Russian).
9. Lomonosov M. V. Kratkoi rossiiskoi letopisets s rodosloviem (Brief Russian chronicle with ancestry) / Composition by Mikhail Lomonosov. Saint Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1760. 75 p. (In Russian).
10. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya (Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history) / Yu M. Lotman; ed. by T. D. Kuzovkina. Moscow: «Languages of Russian Culture», 1996. 464 p. (In Russian).
11. Lvov P. Yu. Dostopamyatnoe povestvovanie o velikikh gosudaryakh i znamenitykh boyarakh XVII v., vzyatoe iz rossiiskoi istorii (Memorable story about the great sovereigns and famous boyars of the 17th century, taken from Russian history) / Composition by Pavel Lvov. Moscow: In the University Printing House, 1821. 189 p. (In Russian).
12. Mankeev A. I. Yadro rossiiskoi istorii, sochinennoe blizhnim stol'nikom i byvshim v Shvetsii rezidentom, knyaz' A. Ya. Khilkovym (The Core of Russian history, composed by a neighbour stolnik and former resident in Sweden, by Prince A. Ya. Khilkov) / Foreword G. F. Miller. Moscow: Printed at the Imperial Moscow University, 1770. 392 p. (In Russian).
13. Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi. Chast' IV (Dictionary of the Russian Academy, alphabetically arranged. Part IV). Saint Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1822. 1272 p. (In Russian).
14. Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka (Dictionary of Church Slavonic and Russian) / Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. Vol. III. Saint Petersburg: In the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1847. 590 p. (In Russian).
15. Ustryalov N. G. Issledovanie voprosa, kakoe mesto v russkoi istorii dolzhno zanimat' Velikoe knyazhestvo Litovskoe? (Study of the question, what place in Russian history should the Grand Duchy of Lithuania take?) / Comp. by N. Ustryalov, read at the solemn act, at the Main Pedagogical Institute, December 30, 1838. Saint Petersburg: In the Printing House of the Expedition for the Provision of State Papers, 1839. 42 p. (In Russian).
16. Ustryalov N. G. Russkaya istoriya. Izdanie vtoroe, ispravlennoe. Chast' vtoraya (Russian history. 2nd edition, corrected. Part two). Saint Petersburg: In the Printing House of the Expedition for the Provision of State Papers, 1839. 364 p. (In Russian).
17. Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety (Encyclopaedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings) / ed. by A. P. Skovorodnikov. 3rd edit. M.: FLINTA, 2011. 480 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Прокофьев Александр Игоревич – аспирант Центра социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук / al_prokofjew@mail.ru
Адрес: 16, ул. С. Ковалевской, 620108, Екатеринбург, Российская Федерация

Information about the author

Alexandr I. Prokofiev – Post-graduate student, Centre for Social History of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences / al_prokofjew@mail.ru
The address: S. Kovalevskoy str., 16, 620108, Ekaterinburg, the Russian Federation



УДК 94(47).084.8

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.9>

Н. Д. Судавцов

ЖЕНЩИНЫ-ТРАКТОРИСТКИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом Великой Отечественной войны, когда в действующую армию была призвана значительная часть мужчин, им на смену пришли женщины, старики и подростки. В трудных условиях войны они овладевали рабочими профессиями на курсах, методами бригадного ученичества, рядом с опытными работниками. Они считали, что для них линия фронта проходила через рабочее место и что боец на фронте и боец в тылу вместе куют победу над врагом. Объединившись в тракторные бригады, они выступили инициаторами высокопроизводительного труда, добиваясь высоких результатов в труде, обеспечении фронта и тыла продукцией сельского хозяйства. Однако это не нашло должного отражения в исторической литературе.

Женщины-трактористки Ставрополя, среди которых было немало последовательниц известной украинской трактористки Паши Ангелиной в начале 1942 г. выступили с инициативой развернуть в стране Всесоюзное социалистическое соревнование женщин-трактористок и женских тракторных бригад и призвали женщин-трактористок страны активно включиться в это общенародное движение. При этом они решили работать по-фронтовому и взяли на себя высокие обязательства по выполне-

нию производственных заданий. Трактористки страны с горячим энтузиазмом поддержали инициативу ставропольчанок.

Работать трактористкам приходилось в очень трудных условиях, в слякоть, стужу, не доедая, не досыпая, испытывая огромную нужду в запасных частях. Среди них немало было тех, кто не достиг и совершеннолетия, но кто горел желанием внести свой вклад в победу над врагом. Особенно трудно было работать на территориях, освобожденных от оккупации, которые были разграблены и уничтожены фашистами, а сельскохозяйственная техника была приведена в негодность. С большим трудом её приводили в порядок и работали. Но и эту тяжесть женщины-трактористки вынесли на себе. В процессе работы многие из них становились мастерами своего дела и не уступали в работе мужчинам. Женщины-трактористки страны внесли достойный вклад в победу над врагом.

Ключевые слова: война, женщины, молодёжь, трактористки, пахота, уборка, труд, бригады, соревнование, механизаторы.

Для цитирования: Судавцов Н. Д. Женщины-трактористки СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 591–597. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.9

Nikolay D. Sudavtsov

WOMEN TRACTOR DRIVERS OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

With the beginning of the Great Patriotic War, when a significant part of the men were called up to the active army, they were replaced by women, the elderly and teenagers. In the difficult conditions of the war, they mastered working professions in courses, methods of brigade apprenticeship, next to experienced workers. They believed that for them the front line passed through the workplace and that the fighter at the front and the fighter in the rear together forged victory over the enemy. Having united in tractor brigades, they acted as the initiators of highly productive labor, achieving high results in labor, providing the front and rear with agricultural products. However, this has not been adequately reflected in the historical literature.

At the beginning of 1942, female tractor drivers of Stavropol, among whom there were many followers of the famous Ukrainian tractor driver Pasha Angelina, took the initiative to launch the All-Union Socialist Competition of Women Tractor Drivers and Women's Tractor Brigades in the country and called on the country's female tractor drivers to actively join this nationwide movement. At the same time, they decided to work in a front-line manner and

assumed high obligations to fulfill production tasks. Tractor drivers of the country with ardent enthusiasm supported the initiative of the Stavropol women.

Tractor drivers had to work in very difficult conditions, in slush, cold, without eating, not sleeping, experiencing a huge need for spare parts. Among them there were many who had not even reached the age of majority, but who were eager to contribute to the victory over the enemy. It was especially difficult to work in the territories liberated from occupation, which were looted and destroyed by the Nazis, and agricultural equipment was rendered unusable. With great difficulty it was put in order and worked. But the women – tractor drivers bore this burden on themselves. In the process of work, many of them became masters of their craft and were not inferior to men in work. Women tractor drivers of the country made a worthy contribution to the victory over the enemy.

Key words: war, women, youth, tractor drivers, plowing, cleaning, labor, brigades, competition, machine operators.

For citation: Sudavtsov N. D. Women tractor drivers of the USSR during the Great Patriotic War // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 591–597 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.9

Одним из проявлений трудового подвига советских женщин в годы Великой Отечественной войны явилось их участие во Всесоюзном соревновании женских тракторных бригад. О женщинах периода Великой Отечественной войны написано немало. И в то же время их участие в соревновании женских тракторных бригад не нашло должного отражения в публикациях. Эта тема на наш взгляд требует к себе более пристального внимания исследователей. Во время войны женщины заняли лидирующее положение на производстве, в том числе среди механизаторов, профессия которых в довоенное время считалась мужской.

Когда началась война, значительная часть механизаторов страны была призвана в действующую армию. Это было связано с тем, что в довоенные годы профессия тракториста была делом мужчин. Но среди женщин увеличивалась тяга к технике.

В 1930-е гг. на всю страну стало известно имя украинской трактористки Паши Ангелиной. Овладев специальностью тракториста, она доказала, что женщины могут работать на тракторах не хуже мужчин. Она не только работала на равных с мужчинами, но многих из них и превосходила. Обладая хорошими организаторскими способностями, она вскоре создала и возглавила женскую тракторную бригаду [8, с. 332, 333].

Девушки работали дружно, творчески, добиваясь высоких результатов в труде. И вскоре о делах бригады узнала вся страна. В 1935 г. Пашу Ангелину за трудовые успехи наградили орденом Ленина. В 1937 г. её избрали депутатом Верховного Совета СССР. Она стала кумиром советских женщин. В 1938-м Паша Ангелина обратилась с призывом: «Девушки – на трактор!», который поддержал ЦК ВЛКСМ. На него откликнулись 200 тыс. девушек [6, с. 342]. Они пошли на курсы трактористов при машинно-тракторных станциях, совхозах, школах механизации и окончили их, получив профессию тракториста, комбайнера. По разным причинам не все из них смогли работать по полученной специальности, но это был хороший резерв квалифицированных кадров.

С первых дней войны по решению местных органов власти стали ускоренно готовить кадры механизаторов. Женская молодёжь горячо откликнулась на призыв в кратчайший срок овладеть механизаторскими профессиями, чтобы заменить ушедших на фронт. На курсах учились девушки, подростки. Данный процесс шёл в течение всей войны непрерывно. Это в значительной мере было связано с тем, что мужчины и ребята вскоре после окончания курсов призывались в армию.

Когда в 1941 г. перед началом уборки началась Великая Отечественная война, мужчин, призванных в армию, заменили женщины. На рабочие места уже в первые дни войны пришли те, кто

по призыву Паши Ангелиной закончили накануне войны курсы трактористов. Они активно включились под лозунгом: «Всё для фронта! Всё для победы!»

Чтобы решить кадровые проблемы с механизаторами, местные советские и партийные органы принимали меры по ускоренной подготовке кадров через различного рода курсы, школы механизации, методами бригадного ученичества. Значительное место среди них занимали женщины. Уже к октябрю 1941 г. в стране было подготовлено 174239 трактористок и 56150 комбайнеров и их помощниц. К середине войны в числе подготовленных в стране трактористов женщины составляли 62,5%, а среди комбайнеров 47 %. Всего за годы войны из числа молодёжи было подготовлено около полутора миллионов механизаторов. Общая прослойка юношей и девушек среди механизаторских кадров достигла 70 % [4, с. 195, 196].

Поскольку количество женщин среди трактористов значительно увеличилось, то стали создаваться женские тракторные бригады, в составе которых было много молодёжи. Нередко их по составу работающих называли молодёжными, комсомольско-молодёжными. В процессе работы они боролись за звание фронтовых, подчёркивая, что работают за себя и за того, кто в это время находился на фронте. Многие из них показывали образцы высокопроизводительного труда.

В это время боевыми лозунгами советских людей были: «Работать так, как воюют на фронте наши земляки», «В труде, как бою!», «Больше хлеба, мяса, овощей – сильнее удар по врагу!», которые призывали тружеников к ударному труду. Благодаря их титаническим усилиям в крае успешно справились с уборкой урожая 1941 г., несмотря на сокращение рабочей силы, квалифицированных специалистов. Работали без отдыха от зари до зари, хлеба косили, пока вымолачивалось зерно. Главным было как можно быстрее убрать хлеба. Поэтому сопутствующие работы оставлялись на потом. Не всегда соблюдались технические условия. Поэтому техника изнашивалась значительно быстрее.

Но положение с техническим обслуживанием сельского хозяйства с каждым месяцем усложнялось. Дело в том, что с началом войны значительно ухудшилось обеспечение тракторов, комбайнов, сельхозмашин запасными частями. С переключением промышленности на производство военной продукции поставка техники и запасных частей в МТС, совхозы, колхозы практически прекратилась. В первые месяцы войны ещё было небольшое количество запасных частей. Но в ходе почти безостановочной работы техники в период уборочных работ, ухудшения технического обслуживания потребность в запасных частях значительно увеличивалась и запасы быстро таяли.

Машинно-тракторные мастерские МТС, совхозов, колхозов изготавливать более сложные запасные части не могли. Они могли их только частично реставрировать. Уже в ходе осенне-полевых работ техника всё чаще простаивала из-за поломок. В результате во многих хозяйствах не была произведена в полном объёме осенняя вспашка под посевы весной.

В связи с тем, что летом и осенью пахота почти не производилась, значительно увеличился объём весенне-полевых работ, а рабочих рук, техники и тягловой силы становилось все меньше, в то время как сделать нужно было значительно больше. И это при том, что в сельском хозяйстве уменьшилось количество тракторов. Часть из них была мобилизована для фронта, ещё часть вышла из строя и требовался капитальный ремонт, шёл призыв для работы на промышленных предприятиях, строительстве оборонительных укреплений, военных объектов и т. д.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в ноябре 1941 г. приняли постановление о плане сельскохозяйственных работ в 1942 г. Намечалось увеличить посевные площади на 2517 тыс. гектаров, под технические культуры на 867 тыс. га, под овоще-бахчевые на 867 тыс. и под картофель на 767 тыс. га. [7, с. 168]. Это было связано с тем, что значительная часть территории Европейской части СССР была оккупирована, поэтому восточные районы должны были компенсировать значительный недобор сельскохозяйственной продукции.

Согласно постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) колхозам и совхозам Ставрополя весной 1942 г. предстояло расширить посевные площади на 228 тысяч гектаров за счёт распахивания целины. Весновспашки в крае приходилось в 1942 г. 6,1 га на условную лошадиную силу, против 1,24 га в 1941 г. или ПОЧТИ в 5 раз больше. Первый военный весенний сев требовал тщательной подготовки сельскохозяйственной техники. При подготовке к весенне-полевым работам 1942 г. повсеместно сложились огромные трудности с ремонтом машинно-тракторного парка и сельскохозяйственных машин. Это было связано, прежде всего, с трудными условиями военного времени. В стране прекратился выпуск не только сельскохозяйственной техники, но и запасных частей к ней. [1, л. 5,10] Осенне-зимний ремонт техники оказался под угрозой срыва.

В ходе ремонта техники с ценной инициативой выступили комсомольские организации, объявившие поход по сбору и выявлению запасных частей. В эти дни широкое распространение получила инициатива сельских комсомольских организаций, выступивших застрельщиками в деле выявления, сбора, реставрации и изготовления запасных частей, инструментов. Инициатива молодёжи была поддержана советскими, партийными, комсомольскими органами. Бюро крайко-

ма комсомола поручило горкомам и райкомам ВЛКСМ возглавить эту работу на местах, а комсомольским организациям вовлечь в поиск запасных частей, деталей, инструмента несоюзную молодёжь и школьников. Крайком ВКП(б), придавая исключительно важное значение выявлению и максимальному использованию всех имеющихся в крае ресурсов для обеспечения запасными частями тракторов и других сельскохозяйственных машин, 29 января 1942 г. обязало партийные комитеты, политотделы совхозов и МТС оказать помощь и поддержку комсомольским организациям в проведении этой работы [2, л.14].

В ходе ремонта техники с ценной инициативой выступили комсомольские организации края, объявившие поход по сбору и выявлению запасных частей. В эти дни широкое распространение в стране получила инициатива сельских комсомольских организаций, выступивших застрельщиками в деле выявления, сбора, реставрации, изготовления запасных частей, инструментов. Эту инициативу поддержали крайком, обкомы ВЛКСМ, которые поручали горкомам и райкомам ВЛКСМ возглавить работу на местах, а комсомольским организациям вовлечь в поиск запасных частей, деталей, инструмента несоюзную молодёжь и школьников. Местные органы власти поддерживали начинания молодёжи. Так, Орджоникизевский крайком ВКП(б), придавая исключительно важное значение выявлению и максимальному использованию всех имеющихся в крае ресурсов для обеспечения запасными частями тракторов и других сельскохозяйственных машин 29 января 1942 г. обязало партийные комитеты, политотделы совхозов и МТС оказать помощь и поддержку комсомольским организациям в проведении этой работы [2; 3].

Скептики не верили в эту затею. Однако молодёжь и школьники, создав поисковые бригады и звенья, взялись за дело серьёзно. Были перевернуты все свалки металлолома, обошли дворы бригад и жителей и всё мало-мальски пригодное было извлечено и доставлено в машинно-тракторные мастерские и колхозные кузницы. В колхозные кузницы доставляли конские плуги, оставшиеся ещё со времен, предшествовавших коллективизации, различные шестерни, цепи, гайки, болты и многое другое. Но были и особо ценные детали, и узлы, выброшенные в своё время: коробки передач, коленчатые валы, радиаторы. Всё это сносилось в мастерские, где местные умельцы их реставрировали и ремонтировали.

Движение молодёжи по сбору и реставрации запасных частей имело важное значение для развития экономики, поскольку способствовало обеспечению технической оснащённости сельского хозяйства, улучшению обработки почвы и повышению её урожайности.

Работа по выявлению запасных частей и инструмента имела внушительные результаты. Всего за первые два года войны было собрано запасных частей и инструмента на 62 млн рублей. За счёт этого в стране было отремонтировано 30 тыс. тракторов [4, с. 190].

К этому следует добавить, что коллективы промышленных предприятий оказали огромную помощь сельчанам, изготавливая запасные части во внеурочное время, из сэкономленных материалов, направляя в МТС, совхозы ремонтные бригады. В крае широкое распространение получило шефство промышленных предприятий над машинно-тракторными станциями и оказания им конкретной помощи. В конечном итоге это позволило МТС и совхозам подготовиться к весенне-полевым работам.

Трактористки Ставрополя, отремонтировав тракторы и сельскохозяйственную технику, проведя необходимые расчеты, в марте 1942 г. выступили с инициативой развернуть Всесоюзное социалистическое соревнование трактористок и женских тракторных бригад за достижение наивысших результатов в проведении сельскохозяйственных работ в условиях войны. Инициаторы соревнования трактористки Новогорлыцкой, Ипатовской, Книгинской, Дивенской, Буйволинской, Григорьевской, Джалгинской МТС обязались выработать в 1942 г. на 15 сильный трактор по 700 га мягкой пахоты, провести сев, уборку, подъем паров и зяби в максимально сжатые сроки, при высоком качестве работ; сэкономить 5 % горюче-смазочных материалов, 10 % средств, отпускаемых на ремонт тракторов. В своем обращении они писали: «Своим стахановским трудом ускорим полный разгром и уничтожение гитлеровской армии. Пусть 1942 год станет годом небывалого урожая всех культур, изобилия всех сельскохозяйственных продуктов, необходимых для фронта и тыла, годом полного разгрома гитлеровских полчищ» [11].

Эта инициатива была поддержана ЦК ВЛКСМ и Народным комиссариатом земледелия СССР, которые учредили для победителей переходящие красные знамена и денежные премии. Первостепенное значение придавалось массовости Всесоюзного соревнования, достижению наивысших показателей и пропаганде достижений. Важное значение придавалось организации действенного внутрихозяйственного и индивидуального соревнования с конкретными обязательствами. Победителем считался тот, кто добился более высокого перевыполнения плана по обработке полей, экономии горючего не менее чем на 10 %.

Во Всесоюзное социалистическое соревнование включились трактористки и женские тракторные бригады всей страны. Отвечая на призыв инициаторов соревнования, многие коллективы женских тракторных бригад брали на 1942 г. по-

вышение социалистические обязательства. Так родилось, пожалуй, единственное в своём роде соревнование не только по профессиональному, но и половому признаку.

Женская тракторная бригада Черкесской МТС Черкесской автономной области, включившись в социалистическое соревнование и подсчитав свои возможности, решила в 1942 г. выработать на каждый 15 сильный трактор по 1000 гектаров и сэкономить 20 % горюче-смазочных материалов против нормы. Трактористки Больше-Зеленчукской МТС, обсудив обращение трактористок края, обязались выработать в 1942 г. на каждый условный 15-сильный трактор не менее 900 га и сэкономить 6 % горюче-смазочных материалов и обратились ко всем трактористкам Черкесской АО последовать их примеру. Следует подчеркнуть, что в этом соревновании участвовали практически все женщины-трактористки края. За первенство в крае боролись 7900 трактористок из 8544 и 157 женских тракторных бригад, из которых 102 были созданы при подготовке к севу. В составе трактористов края 48,5% были женщины [3, л. 3].

Женские тракторные бригады создавались повсеместно. В Горьковской области в соревновании участвовало 102 бригады и 3538 трактористок, в Казахстане 183 бригады и 10 тыс. трактористок, в Саратовской области 120 бригад и 8150 трактористок и т. д. Всего по данным тыловых областей, краёв и республик в стране в 1942 г. в соревнование включилось 3580 бригад и 145128 трактористок. Работали они с максимальной отдачей и добились высоких показателей. В их числе была и бригада Паши Ангелиной, эвакуированная в Западный Казахстан. Несмотря на изношенность техники на весеннем севе бригада выполнила план на 200 процентов. По итогам весеннего сева 1942 г. 680 трактористок СССР за высокие показатели в работе были награждены знаком «Отличник социалистического сельского хозяйства». [5, с. 188]

О работе женских тракторных бригад и трактористок широко рассказывалось в средствах массовой информации. Это способствовало тому, что весной 1942 года в стране все шире входило в жизнь соревнование между фронтом и тылом. Вот один из примеров. Воины Северо-Западного фронта обратились к труженикам села Молотовской области с призывом начать боевое и трудовое соревнование за лучшие результаты в бою и труде. Району, добившемуся лучших показателей в труде, командование фронта решило вручить Красное знамя. Хлеборобы области живо откликнулись на этот призыв. Соревнование с фронтовиками стало могучим рычагом борьбы за повышение производительности труда, всемерную помощь фронту. В колхозах области было создано 348 комсомольско-молодежных бригад, 150 звеньев и 80 фронтовых тракторных бригад. Труженики сел Свердлов-

ской области соревновались за получение Красного знамени 3-й гвардейской дивизии, сформированной на Среднем Урале, в Башкирской АССР за получение Красного знамени добровольческой кавалерийской дивизии [17, с. 213].

Воины и политработники одной из артиллерийских частей писали трактористам и трактористкам Казьминской МТС Орджоникидзевского края: «Давайте соревноваться, товарищи трактористы. Вы на колхозном поле, а мы на поле боя совершаем одно и тоже дело. Удвоим, утроим наши усилия для приближения часа окончательного разгрома гитлеровской банды головорезов».

Это письмо было обсуждено во всех бригадах МТС. В ответе казьминцы писали: «Коллектив Казьминской машинно-тракторной станции с большим удовлетворением принимает ваш вызов, товарищи фронтовики. Мы обязуемся поддерживать с вами систематическую связь, в трудовой доблести не отстать от героев Красной Армии. Наша МТС первой в крае провела подготовку и ремонт тракторов, комбайнов, и других сельскохозяйственных машин. Наша первоочередная задача полностью и досрочно провести сев, так же выполняется с честью. За 9 рабочих дней мы засеяли 2850 гектаров ранних колосовых культур при плане 2786. Вслед за севом колосовых успешно проходит сев подсолнечника и трав. Шесть бригад МТС объявили себя фронтовыми, работают так, как воюют бойцы. В ходе социалистического соревнования рождаются героини и герои социалистического труда. Дорогие товарищи фронтовики! Будьте уверены и спокойны за тыл. Мы не подведем» [10].

И казьминцы делом доказывали верность своим обещаниям, будучи в первых рядах соревнующихся. Женская тракторная бригада МТС №8 по итогам весенне-полевых работ была признана одной из лучших в крае, вспахав 839 га вместо плановых 488 га, сэкономив 880 кг горючего [3, л. 3].

Когда говорят о самоотверженности в труде, о том, что комсомолы и молодежь работали во время войны, преодолевая огромные трудности, не щадя своих сил, то это не просто слова, это отражение той реальной действительности, которая была на самом деле. Трактора тогда в основном были открытыми. У многих одежда была не ахти какая. Трактористкам приходилось работать под палящим солнцем, в стужу, на ветру, коченея от холода, скудно питаясь. И примеров тому масса. Молодой организм, огромное нервное напряжение усиливали сопротивляемость различным хворям. Это потом с возрастом стали всё чаще проявляться последствия перенесённого в годы войны.

Включившись в соревнование, трактористки работали с максимальной отдачей. ЦК ВЛКСМ и Народный комиссариат земледелия СССР итоги Всесоюзного социалистического соревнования

женских тракторных бригад и женщин-трактористок на весеннем севе подвели в июне 1942 года. В нём принимало участие 3932 тракторные бригады 164775 трактористок. Наилучших результатов в социалистическом соревновании добились трактористки Московской области, Орджоникидзевского и Красноярского краев, Коми АССР. За дни весеннего сева 1360 трактористок Московской области выполнили план полевых работ на 109,6 % и сэкономили для государства 24 705 кг горючего. Первенство в социалистическом соревновании завоевала женская тракторная бригада Д. М. Гармаш из Рыбновской МТС, Рязанской области. За период весеннего сева бригада работала в переводе на мягкую пахоту 1296 га вместо 487 га по плану. Бригада выполнила годовую производственную программу, дала отличное качество полевых работ и сэкономила 2110 кг горючего. Примечательно, что бригада Д. Гармаш всю войну удерживала переходящее красное знамя. В 1943 г. Д. Гармаш была удостоена сталинской премии. Среди женских тракторных бригад совхозов на первое место вышла бригада И. М. Левинцовой из Воронежской области. Пятью тракторами СТЗ бригада обработала 632 га вместо 364 га по плану и сэкономила 1211 кг горючего. Бригадам М. Гармаш и И. М. Левинцовой присуждены переходящие Красные знамёна ЦК ВЛКСМ и первые премии, 27 женских тракторных бригад колхозов были выдвинуты кандидатами на получение Почетной грамоты Народного комиссариата земледелия СССР, Народного комиссариата совхозов СССР и денежной премии [15, с. 261].

В феврале 1943 г. женская тракторная бригада Рыбновской МТС, Рязанской области, Дарьи Гармаш выступила инициатором развертывания социалистического соревнования женских тракторных бригад за высокий урожай. Это, по существу, был призыв продолжить Всесоюзное социалистическое соревнование женских тракторных бригад и женщин-трактористок. Бригада обязалась каждым 15-сильным трактором вспахать не менее 1100 га в переводе на мягкую пахоту, высококачественно и в сжатые сроки провести сев, уборку урожая, подъем паров и зяби и сэкономить 15 % горючего и смазочных материалов [13].

Примечательным в развертывании соревнования было то, что в него всё активнее включались женские тракторные бригады и трактористки районов, освобождённых от оккупации – Северного Кавказа, Придонья, Восточных областей Украины.

А вскоре были подведены итоги Всесоюзного социалистического соревнования женщин-трактористок и женских тракторных бригад за 1942 г. В соревновании участвовало 145128 женщин-трактористок и 3486 женских тракторных бригад. ЦК ВЛКСМ наградил Почетной грамотой 118 трактористок, каждая из которых выполнила годовой план тракторных работ больше чем на

200 % при большой экономии горючего. Народный комиссариат земледелия СССР наградил 860 женщин-трактористок значком «Отличник социалистического сельского хозяйства», народный комиссариат совхозов СССР – 120 передовых трактористок знаком «Отличник социалистического соревнования». Каждая из награжденных выполнила план не менее чем на 150 % при экономии горючего. Переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и первая премия Народного комиссариата земледелия СССР были присуждены женской тракторной бригаде Дарьи Гармаш из Рыбновской МТС, Рязанской области. Бригада выполнила годовой план на 256 %, выработав на каждый условный трактор 1084 га и сэкономив 6148 кг горючего. Переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и первая премия Народного комиссариата совхозов были присуждены бригаде Веры Беспаловой из хлопкосовхоза им. Ленина Азербайджанской ССР, которая выполнила план на 211% и сэкономила 3927 кг горючего [12].

Обращает на себя внимание то, что тракторная бригада Д. Гармаш высоко держала марку лучшей бригады страны. В июле 1943 г. бригада выполнила 4 годовых нормы [14]. А всего за годы войны бригада выполнила 20 годовых норм, сэкономив при этом 34 тонны горючего [4, с. 202].

В ходе соревнования число его участников с каждым годом росло. В их ряды вливались всё новые и новые силы, движимые чувством ответственности за судьбу отчизны и работавшие под главным лозунгом войны: «Всё для фронта! Всё для победы!». Особенно это видно было в национальных районах. К примеру, в МТС Казахстана в 1941 г. было 1235 женщин-механизаторов, а в 1942 г. их стало 12520 [4, с. 196].

В соревнование всё активнее включались трактористки территорий, освобождённых от немецко-фашистских захватчиков. Этому во многом способствовали трактористки, возвращавшиеся из эвакуации. Так, в 1943 г. из Казахстана в Старо-Бекшевскую МТС Сталинской области возвратилась бригада Паши Ангелиной и стала лидером соревнования в области и на Украине.

Одной из важных составляющих соревнования была борьба за высокую культуру земледелия, которая в годы войны значительно снизилась, получение 100-пудовых урожаев. Это было очень важно в условиях засорённости полей, особенно на территориях, освобождённых от оккупации.

Нередко женские тракторные бригады заключали договоры о соревновании с мужскими бригадами и часто выходили победителями. Так, в 1944 году бригада Д. Гармаш соревновалась с бригадой Сальцова из Тощкой МТС Чкаловской области и вышла победителем [16, с. 275].

В 1944 г. в соревновании участвовало уже 5585 женских тракторных бригад. Одновременно ширилось движение комсомольско-молодёжных тракторных бригад, в которых большинство составляли женщины. В 1944 году их было более 20 тыс. человек и все они стремились показать наивысшие результаты в работе. Так, в этом году все 675 бригад Московской области выполнили планы тракторных работ [5, с. 193].

В 1945 г. по данным наркомата земледелия во Всесоюзном социалистическом соревновании молодёжных тракторных бригад участвовало 25330 бригад и более 260 тысяч молодых трактористов и трактористок на 6440 бригад больше, чем в 1944 г. [9, с. 443, 445].

В годы войны женщины –трактористки совершили массовый трудовой подвиг, проявляя в работе творческий подход, инициативу, ответственность и самоотверженность. Поэт Исаковский о женщине того времени писал:

*Да разве об этом расскажешь –
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла...!
За все ты бралась без страха,
И как в поговорке такой,
Была ты и пряхой и ткахой
Умела иглой и пилой.
Рубила, возила, копала –
Да разве же все перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто отлично живешь.*

Участвуя в соревновании, многие из трактористок по-настоящему становились мастерами своего дела. Закалившись в годы войны, они в послевоенное время были основой восстановителей разрушенного фашистами и содействовали поступательному развитию экономики СССР. Среди них было немало тех, кого сегодня называют «Дети войны», у которых война отняла детство, у многих отцов, дедов. Многие из них, покинув школу, с малолетства трудились в народном хозяйстве, чтобы работать для приближения победы над врагом. Они на практике осуществляли лозунг: «Всё для фронта! Всё для победы!».

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее - ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 130.
2. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 132.
3. ГАНИСК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 178.
4. Ерёмин В.Г., Исаков П.Ф. Молодежь в годы Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1984. 285 с.
5. История крестьянства СССР. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). Т.3. М.: Наука, 1987. 447 с.
6. Ленинский комсомол. Очерки истории ВЛКСМ. М.: Молодая гвардия. 1961. 702 с.
7. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. 681 с.

8. Марш ударных бригад. Молодёжь в годы восстановления народного хозяйства и социалистического строительства 1921–1941 гг. М.: Молодая гвардия. Сб. документов. 1965. 479 с.
9. Огненные годы. Молодёжь в годы Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. М.: Молодая гвардия. 1965. 527 с.
10. Орджоникидзевская правда. 1942. 8 мая.
11. Правда. 1942. 8 марта.
12. Правда. 1943. 10 марта.
13. Правда. 1943. 12 февраля.
14. Правда. 1943. 30 августа.
15. СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945: Краткая хроника / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С.М. Кляцкина и канд. ист. наук А. М. Синицына. М.: Воениздат, 1970. 855 с.
16. Степанов А.С. Безумство храбрых. О молодёжи 1917–1991 годов. М.: Алгоритм, 2008. 573 с.
17. Урал-фронту. М.: Экономика. 1985. 343 с.

References

1. State archive of recent history of Stavropol territory (GANISK). F. 1. Inv. 1. D. 130. (In Russian).
2. GANISK. F. 1. Inv. 1. D. 132. (In Russian).
3. GANISK. F. 63. Inv. 1. D. 178. (In Russian).
4. Erjomin V. G., Isakov P.F. Molodezh' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (The youth of the Great Patriotic War). Moscow: Mysl', 1984. 285 p. (In Russian).
5. Istorija krest'janstva SSSR. Krest'janstvo nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1938-1945 gg.) (History of the peasantry of the USSR. The peasantry on the eve and during the Great Patriotic War (1938-1945). Vol.3. Moscow: Nauka, 1987. 447 p. (In Russian).
6. Leninskij komsomol. Ocherki istorii VLKSM (Lenin Komsomol. Essays on the history of the Komsomol). Moscow: Molodaja gvardija. 1961. 702 p. (In Russian).
7. Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza 1941-1845 gg. (History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1845). In 6 Vols. Vol.2. Moscow: Voenizdat, 1961. 681 p. (In Russian).
8. Marsh udarnyh brigad. Molodjosh' v gody vosstanovlenija narodnogo hozjajstva i socialisticheskogo stroitel'stva 1921-1941 gg. (March of shock brigades. Youth in the years of restoration of the national economy and socialist construction 1921 – 1941). Moscow: Molodaja gvardija. 1965. 479 p. (In Russian).
9. Ognennye gody. Molodjosh' v gody Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. (Fire Years. Youth during the Patriotic War of 1941-1945). Moscow: Molodaja gvardija. 1965. 527 p. (In Russian).
10. Ordzhonikidzevskaja pravda. 1942.May 8. (In Russian).
11. Pravda. 1942. March 8. (In Russian).
12. Pravda. 1943. March 10. (In Russian).
13. Pravda. 1943. February 12. (In Russian).
14. Pravda. 1943. August 30. (In Russian).
15. SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941 – 1945: Kratkaja hronika (USSR in the Great Patriotic War. 1941–1945: Brief Chronicle) / ed by S.M. Kjackin, A. M. Sinicyn. Moscow: Voenizdat, 1970. 855 p. (In Russian).
16. Stepanov A.S. Bezumsvo hrabryh. O molodjosh' 1917 – 1991 godov (Madness of the brave. About the youth of 1917–1991). Moscow: Algoritm, 2008. 573 p. (In Russian).
17. Ural-frontu (Ural Front). Moscow: Jekonomika. 1985. 343 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Судаевцов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России, Северо-Кавказский федеральный университет / 249609@mail.ru
 Адрес: д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Nikolay D. Sudavtsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History, North-Caucasus Federal University / 249609@mail.ru
 The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.



УДК 94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.10>

Е. П. Тельменко

«ВАМ БЫЛ ДАН СВЕТ ПИСАНИЯ...». НАСТАВЛЕНИЯ ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ ПАСТВЕ В ПОСТИЖЕНИИ БИБЛИИ

Флорентийский пророк и реформатор Джироламо Савонарола (1452–1498), в конце XV в. проповедовал своей пастве необходимость и неизбежность обновления Церкви, которая, по его словам, вступила в состояние «равнодушных» (*tiepidi*). Как утверждал доминиканец, единое мистическое тело Церкви может преобразиться, если изменятся ее члены – сами верующие. В своих проповедях монах неоднократно раскрывал слушателям признаки «доброго христианина»: вера, любовь к Богу и ближнему, внутренняя и внешняя простота. А поскольку идеальным образцом для подражания в культивировании этих качеств являлся Христос и его ранние последователи, закономерным условием реформирования нынешних христиан являлось их обращение к изучению Библии. Одновременно, о стремлении современников Савонаролы к самостоятельному чтению Священного Писания свидетельствует тот факт, что в 1471 г. в печати появляются, а затем неоднократно переиздаются его полные переводы на итальянский язык (*volgare*).

Проповедь «простоты» христианской жизни приводит Савонаролу к утверждению, что именно обычным прихожанам («простым сердцем») предназначено обновить Церковь. При этом, обнаруженные в выступлениях доминиканца два пути в постижении Библии – ее чтение и посещение проповедей, порождают вопрос о том, какова была допускаемая Савонаролой мера самостоятельности

паствы в изучении священных текстов. Для ответа на него к анализу были привлечены проповеди монаха на ветхозаветную Книгу Руфи, в которых в концентрированном виде присутствуют наставления о том, как следует изучать Библию, в том числе – рассуждения о месте и роли проповедников и специфике собственных усилий верующего в освоении ее смыслов. Преимущество «простых» людей, согласно монаху, заключается в их способности прочувствовать Писание и сделать его императивом повседневного существования. Однако, поскольку, во-первых, не все современные верующие способны на это, а во-вторых, они ограничены в понимании более тонких смыслов библейских текстов, им требуется помощь более сведущих людей – «добрых пастырей». Таким образом, в проповедях Савонаролы присутствует как поощрение к постижению Писания, так и довольно сдержанное отношение к устремлениям по его самостоятельному освоению, сопровождающееся рядом оговорок и опасений.

Ключевые слова: Джироламо Савонарола, Священное Писание, Книга Руфи, проповедники, «простота», добрый христианин, равнодушные (*tiepidi*).

Для цитирования: Тельменко Е. П. «Вам был дан свет Писания...». Наставления Джироламо Савонаролы пастве в постижении Библии // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 598–604. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.10

Elena P. Telmenko

«YOU HAVE BEEN GIVEN THE LIGHT OF THE SCRIPTURES...» GIROLAMO SAVONAROLA'S INSTRUCTIONS TO THE FLOCK IN UNDERSTANDING THE BIBLE

The Florentine prophet and reformer Girolamo Savonarola (1452–1498), at the end of the 15th century preached to his flock the necessity and inevitability of the renewal of the Church, which, according to him, had entered a state of «the indifferent» (*tiepidi*). The Dominican argued that the unified mystical body of the Church could be transformed if its members, the believers themselves, change. In his sermons, the monk repeatedly revealed to his listeners the signs of a «good Christian»: faith, adoration of God and neighbourly charity, inner and outer simplicity. Since Christ and his early followers were the ideal role models for cultivating these qualities, the natural condition for reforming the Christians of the day was their turn to the study of the Bible. At the same time, the desire of Savonarola's contemporaries to read the Holy Scriptures on their own is evidenced by the fact that in 1471 its full translations into Italian (*volgare*) appeared in print and then were repeatedly republished.

The preaching of the Christian life «simplicity» led Savonarola to assert that ordinary parishioners («simple in heart») were destined to renew the Church. Moreover, the two ways in comprehending the Bible discovered in the speeches of the Dominican – reading it and attending sermons, raise the question of what was the degree of independence of the

flock allowed by Savonarola in the study of sacred texts. To answer this question, we analyzed the monk's sermons on the Old Testament Book of Ruth, giving in concentrated form instructions on how to study the Bible, including reasoning about the place and role of preachers and the specifics of the believer's own efforts in mastering its meanings. The advantage of «ordinary» people, according to the monk, lies in their ability to feel the Scripture and make it an imperative of everyday existence. However, since, firstly, not all the believers of the day were capable of this, and secondly, they were limited in understanding the finer meanings of biblical texts, they needed the help of more knowledgeable people – «good shepherds». Thus, Savonarola's sermons contain both an encouragement to comprehend the Scriptures, and a rather restrained attitude towards the aspirations for its independent development, accompanied by a number of reservations and fears.

Key words: Girolamo Savonarola, Holy Bible, Ruth, preachers, «simplicity», good Christian, the indifferent (*tiepidi*).

For citation: Telmenko E. P. «You have been given the light of the scriptures...» Girolamo Savonarola's instructions to the flock in understanding the Bible // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 598–604 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.10

Флорентийский реформатор и пророк Джироламо Савонарола, проповедуя в последнее десятилетие XV в. своим прихожанам необходимость и неизбежность обновления современной Церкви, представлял ее в качестве единого мистического тела, преображение которого заключалось в том, чтобы каждый его член стал истинным христианином. Внушая своим слушателям определенный оптимизм, этот доминиканский монах утверждал, что «всякий раз, когда она (Церковь) подходит к пределу», Господь «преобразует ее, дабы она не исчезла», и что со времени своего появления община верующих уже претерпела несколько таких «обновлений»: первое – «от начала (Церкви) до Христа; второе было во времена мучеников; третье – во времена еретиков, которые выступали против Учителей (Dottori)»; и, наконец, «наступило четвертое состояние ложных братьев, то есть равнодушных¹, которое продолжается вплоть до сего дня», а чтобы выйти из него «следует преобразиться»; причем суть нынешнего обновления состоит в том, что «не изменится ни закон евангельский, ни власть церковная, но люди станут лучше» [9, p. 188].

В своих проповедях Савонарола неоднократно излагал прихожанам признаки «доброго христианина» – это человек веры, основа существования которого заключается в любви к Богу и ближнему; достижение этого идеального состояния невозможно без культивирования добродетельной жизни; главным же принципом «*ben vivere*» является внутренняя и внешняя «простота». А поскольку Христос² и его последователи, составлявшие раннюю Церковь, являли собой, согласно доминиканцу, идеальный образец для подражания для тех, кто стремится взрастить в себе эту «простоту», одним из существенных условий реформирования и обновления современных христиан становилось их обращение к изучению Библии. И эту мысль флорентийский пророк настойчиво повторял в своих выступлениях перед паствой: «В предыдущих проповедях мы видели, что форма христианина – это любовь, простота и чистота (непорочность) сердца, что очень хорошо приобретается во время слушания Св. Писания» [9, p. 161].

1 «Равнодушные» или «теплохладные» – *tepidi*. Наихудшее духовное состояние, осуждаемое Богом, который объявил Лаодикийской церкви: Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (*Sic quia tepidus es et nec calidus nec frigidus, incipiam te evomere ex ore meo*). Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Откр. 3: 15–17.

2 Так, например, в одной из проповедей цикла на Псалмы фра Джироламо, обосновывая необходимость следования принципу простоты, утверждал: «Насколько некая вещь проще, настолько она лучше... если следовать этому доводу, Господь, который есть наиболее простое существо, является самым совершенным. Пойди, почитай о жизни Христа, и подумай, была ли когда-либо подобная простота» [8, p. 91].

Проповедь «простоты» христианской жизни приводит Савонаролу к утверждению, что в настоящее время ее носителями являются лишь немногие обычные прихожане, и именно им предстоит обновить Церковь [9, p. 132]. Так, в одной из майских проповедей 1496 г., – времени, когда доминиканец начинает уделять значительно большее внимание религиозно-нравственной реформе во Флоренции, – он, вступает в мысленный диалог с сомневающимися. На их вопросы: «Ты полагаешь, что посредством этих немногих простецов и добрых людей должна обновиться Церковь? ... Ах, брат, тебя так понимать, что этим немногим надлежит преобразовать мир?», монах, ссылаясь на опыт раннехристианской общины, отвечает: «Скажи мне, Бог не делал этого прежде? ... Следовательно, если Господь посредством рыбаков, которые были грубыми людьми, распространил веру по всему миру, когда ничего не было известно о Христе, тебе стоит более легко поверить в то, что сейчас Церковь обновится» [9, p. 117–118]. Провозглашение «простых сердец» главным двигателем духовных преобразований, и направленный к ним призыв обратиться к постижению Св. Писания, порождает неизбежный вопрос: насколько велика была допускаемая проповедником степень самостоятельности паствы в обращении к библейским текстам? Составить определенное представление о позиции пророка-реформатора позволяют его проповеди-толкования на ветхозаветную Книгу Руфи, в которых в концентрированном виде присутствуют его наставления «простецам» о том, как следует изучать Библию.

На протяжении нескольких майских дней 1496 г. проповедник излагает своим слушателям историю Руфи: от буквального воспроизведения текста он переходит к разъяснению его символического значения, сближая ветхозаветную историю с современной, и раскрывая сущность божественного плана по преобразованию избранного города в частности и христианского мира в целом. Главная героиня книги – Руфь, символизировала собой «простоту», необходимую каждому доброму христианину, и понимаемую как отсутствие двуличия, двойственности в мыслях и делах; собственно, эта моавитянка и отождествляла тех самых «простецов», которым предназначено преобразить весь христианский мир.

Так, вместе с паствой он доходит до того момента, когда Руфь, не захотевшая расставаться после смерти своего мужа со свекровью Ноемией, пожелала принять ее веру и переселиться из Моава (куда прежде бежали Ноемий с супругом, спасаясь от голода) в Вифлеем. Здесь нужда в пропитании приводит к тому, что Руфь испрашивает у своей свекрови позволения пойти подбирать колосья, и оказывается на поле Вооза. Тот проявляет к женщине особое расположение,

предлагая не искать другого поля, а трудиться вместе с его жнецами и служанками (Руф. 2). Закончив изложение текста, Савонарола переходит к его аллегорическому толкованию. Вооз, в интерпретации доминиканца, это Иисус Христос, его поля – книги Св. Писания, засеянные разным «зерном»: «одно поле – это (книга) Бытия, одно – Исхода, одно – Левит, и так все прочие книги Ветхого и Нового Завета». Ячмень, на жатве которого оказалась Руфь, это текст Ветхого Завета, который является «более жестким, трудным (*più duro*)», и «жатва» его во Флоренции уже идет на проповедях Савонаролы, «ибо мы уже несколько лет толкуем этот Ветхий Завет». Пшеница – Новый Завет, поскольку «он более открыт и ясен» для понимания. «Солома означает общий смысл и буквальное значение текста» [9, р. 147–148, 129]. Соответственно, «жатва» – это проповедь. «Пойдем вместе на жатву: идите к колосьям¹, то есть идите слушать проповеди; собери колосья в твоём гумне, то есть в твоей душе», – призывает проповедник свою паству.

На «жатве»-проповеди паства следует за жнецами – сведущими в священных текстах проповедниками, подбирая оставленные за ними «колосья» – «сентенции Писания»: «Вот наша Руфь, которая пошла собирать колосья на поле Вооза, то есть на поле Христа и в его Писании, где был юноша, поставленный над жнецами: юноша, поставленный над теми, кто жал, то есть над теми, которые изучают это Писание, – это тот, кто учнее других (*il Dottore delli altri*). Юноша, то есть сильный для тебя (*forte per te*), тот, кто преисполнен Святым Духом. Жнецы – это те, кто более образован. Там же были также служанки Вооза, для того, чтобы жать; эти женщины означают простых и необразованных (*grossi* – грубых), которые также пребывают на поле Писания, чтобы собрать несколько колосьев».

За жатвой следует обмолот зерна: отделять его от «колосьев и соломы» – «значит извлекать аллегорический, анагогический и прочие смыслы» из буквального текста. Эту молотьбу можно произвести, как с помощью «быков» – «возьми Ученых (*Dottori*), которые являются быками, что идут впереди и толкуют это Писание», так и «цепом собственного разума (*virga discretionis*)», причем, в последнем случае, «если ты скажешь: Я не умею, Господь тебя просветит», здесь главное – действовать «в простоте, а Он тебя научит остальному». И, наконец, зерно следует «перемолоть», поместив на «мельничные жернова, то есть в оборот

своего разума», размышляя над словами Св. Писания и обдумывая их, превращая зерно в муку «с помощью воды благодати» [9, р. 147–149].

Итак, Писание – источник духовной пищи истинного христианина. «Насытиться» им прихожане могут на проповеди, под руководством тех, кто превосходит их ученостью. Прежде всего, это касается той части паствы, которая не является грамотной и не имеет книг. О них доминиканский брат упоминает, когда, приступив к изложению Книги Руфи, сначала подробно пересказывает ее текст, предварительно заметив, что «следует рассказать эту историю тем женщинам и мужчинам, которые не умеют читать» [9, р. 136], а затем, представляя воображаемый диалог с простым человеком, который сетует: «У меня нет книг, я не могу изучать», советует: «Иди собирать колосья на других полях, то есть на проповедь» [9, р. 149]. Сходная мысль озвучивается Савонаролой и в другой проповеди, где он, рассуждая о благодеяниях Бога в отношении Флоренции, указывает, что первым среди них был «свет Писания», его «постижение». На предполагаемую же реплику не понимающих грамоты простецов: «Я не обрел его, ибо я не образован», монах рисует картину того, как «вышестоящие» ангелы «сообщают то, что знают, нижестоящим, просвещая тем, что было им открыто Богом», и поэтому также «нижестоящие ангелы считаются озаренными Господом», а затем заключает, что сходным образом тому, кто не учен, достаточно, «что сказано другими и открыто тебе понимание Св. Писания» [10, р. 85].

Разумеется, в одном из ведущих центров Ренессанса, городе торговцев и ремесленников, имевшем свои школы и университет, среди слушателей доминиканца было значительное количество образованных людей, как мужчин, так и женщин. По словам биографа и сторонника Савонаролы – Псевдо-Бурламакки, последователи брата Джироламо готовились к его выступлениям и «приходили на проповедь, уже изучив текст из означенного Писания, который слуга Божий утром должен был толковать» [7, р. 92]. В проповедях самого доминиканца также встречаются призывы обратиться к чтению священных книг. «Читайте, что сможете, прочтите жизнеописания Святых Отцов, и соберите их колосья» [9, р. 151], – увещевает он в одном своем выступлении, а в другом, наставляя о необходимости размышлять о Христе, говорит: «Читай его Писание, где описаны благодеяния, которые наш Спаситель оказал для человеческой природы» [9, р. 183–184]. О том, что прихожане имели возможность постигать Св. Писание на итальянском языке (*volgare*), свидетельствует тот факт, что первое печатное издание полного перевода Библии, выполненное с латыни монахом-камальдулом Николо Малерми (*Bibbia dignamente vulgarizzata per il clarissimo religioso duon Nicolao Malermi Veneziano*

¹ andate a spigare: здесь глагол *spigare* – колоситься, очень похож по звучанию на другой глагол *spiegare* – объяснять, толковать. По этой причине представляется наиболее приемлемым вариантом перевода указанной фразы текста – идите к колосьям, то есть, обратитесь к толкованиям, объяснениям Св. Писания, которые простые люди могут получить, слушая проповеди.

et dil Monasterio de Santo Michele di Lemo Abbate dignissimo), появилось в Венеции в августе 1471 г., и судя по многочисленным переизданиям¹, пользовалось значительной популярностью. Кроме того, спрос на подобные публикации на народном языке подтверждает появление здесь же в Венеции, в октябре этого же 1471 г., еще одного анонимного перевода Библии (*La Bibbia sacra del Testamento Vecchio e Nuovo in lingua volgare tradotta [Bibbia d'ottobre, anonima]*, 3 voll., Venezia, Niccolò Jenson (o Adam de Ammergau), 1471) [3; 5; 6]. Появление возможности самостоятельно проникать в тексты Священного Писания, все же, судя по высказываниям Савонаролы в публичных выступлениях перед паствой, не могло происходить без помощи наставников – сведущих в нем людей, ученых, проповедников. «Следуй за жнецами», призывает своих прихожан монах, уточняя, что «простым, следует идти позади тех, кто более образован (*che sono di grande intelletto*), и собирать их колосья, то есть их слова и их комментарии (*esposizione*)» [9, p. 151].

Однако, при наличии «пищи» – Библии, и «жнецов» – проповедников, современники, по словам флорентийского пророка, испытывали, и до сих пор ощущают, «большой голод Писания», ибо «не проповедовалась простота, а проповедовалась философия и тщета с амвонов», «не изучается и клочка Писания: оно оставлено в пыли» [9, p. 120, 150]. 15 августа 1496 г. Савонарола описывает тот тип проповедей, который был распространен во Флоренции в начале 90-х годов, когда доминиканец только начинал завоевывать расположение паствы: «Открыто признаем истину: Св. Писание было заперто, этот свет был как бы потушен в людях. Мы должны сказать правду: Не было ли оставлено Св. Писание? Не возшли ли на этот амвон Аристотель и Платон? Не проповедовалось ничего, кроме вопросов (*questioni*). Сознаемся, говорю, в наших ошибках. В Пост говорилось только небольшое из Евангелия, а затем резко обращались к вопросам и диспутам (*alle questioni e alle dispute*)². Даже еще хуже, не возо-

шел ли на это место Овидий? Ах, ты скажешь, что *Метаморфозы* Овидия все же хороши. Я тебе отвечу: Овидий – сказочник (*fabuloso*), Овидий – сумасброд (*razzo*) ... Скажи мне, следует ли проповедовать отсюда Овидия, или же христианскую жизнь? Это то время, о котором говорит Павел: «Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням» (2 Тим. 4: 3–4)». И далее, повествуя о себе, монах вспоминает о замешательстве слушателей, которое вызывали в то время его выступления: «И уже шесть лет как, первого августа ... когда я начал толковать вам Апокалипсис, многие обращались ко мне: Отец, вы не произносите нам никаких вопросов (*nessuna questione*); и я обратился к Господу и произнес: О Господи, когда-нибудь станет возможным, чтобы эта жажда вопросов (*questioni*) исчезла, и чтобы искали исключительно света и изложения Св. Писания? И тебе был в итоге предоставлен этот дар Божий. И отверзся храм Божий на небе (Откр. 11: 19)» [10, p. 88–89].

Таким образом, изысканности форм, практикуемых в то время популярными флорентийскими проповедниками, фра Джироламо противопоставил «простоту» разъяснения истин веры, основанную на толковании Священного Писания. И это не осталось незамеченным современниками, сообщавшими, что этот монах не следует обычному, «старому» (*antiquo*), «общепринятому» (*secondo consueto modo delli altri*) методу проповедования. Как указал в своей «Флорентийской истории» очевидец событий – Бартоломео Черретани, уже «начав проповедовать в Сан Марко», этот доминиканец «ввел как бы новый обычай провозглашения слова Божия, а именно – простоту, неотделимую от проповеди, без внесения вопросов (*non proponendo quistione*), пения песен и украшательств красноречием, исключительной его целью было истолкование некоторых вещей Ветхого Завета и введение простоты первоначальной церкви» [4, p. 192].

Изошренность же духовных пастырей, для которых внешняя красота и изысканная риторика проповеди важнее ее содержания, согласно Савонароле, являлась признаком «теплохладности». Такие проповедники могут изумлять, вызывать восторженные аплодисменты публики [10, p. 88], но не достигнут главной цели – обращения паствы к доброй жизни. «Дурной проповедник», – наставляет Савонарола своих прихожан, – «проповедует как хочет, не производит никакого плода, не обращает людей к доброй жизни»; «кто не обладает благодатью (*grazie*), не порождает любовь; он может хорошо проповедовать, но не произведет никакого результата; поскольку всякое подобие производит свое подобие»; «плохой учитель производит плохого ученика».

1 Bibbia dignamente vulgarizzata per il clarissimo religioso duon Nicolao Malermi Veneziano et dil Monasterio de Santo Michele di Lemo Abbate dignissimo, 2 voll., Venezia, Vandelino da Spira, 1471 (poi ripubblicata, sempre a Venezia, da Gabriele di Piero, 1477; Antonio Miscomini, 1478; Ottaviano Scoto, 1481; Andrea Paltasichi, 1484; Tommaso Trevisano, 1487; Lucantonio Giunta, 1490, 1492, 1494, 1502, 1507; Guglielmo Anima Mia, 1493; Giorgio Rusconi, 1517; Lazzaro Soardi e Bernardino Benali, 1517; Stefano Nicolini da Sabio, 1524; Elisabetta Rusconi, 1525; Guglielmo Fontaneto e Melchiorre Sossa, 1532; Bernardino Bindoni, 1535, 1541, 1544; Aurelio Pinzi, 1553; Andrea Muschio, 1566; Gerolamo Scoto, 1567).

2 Здесь аналогия с основными принципами преподавания, принятыми в средневековых университетах: лекции (*lectio*) заключались в чтении текста книги, выделении основной проблемы и вычленении вопросов; умение выделять вопросы (*questio*) считалось важнейшим, как и умение вести полемику – диспуты (*disputatio*), которые проводились еженедельно.

В свою очередь, «добрый пастырь» «ведет овец наружу, на пастбище вечной жизни, и пасет их Св. Писанием» [9, р. 194, 210]. И чтобы быть таким проповедником, необходимо обратиться к «простоте», взять пример с апостолов, «которые действовали с величайшей простотой, и произвели значительные плоды» [9, р. 142].

И здесь, как представляется, стоит обратить внимание на рассуждения Савонаролы о построении проповедей. Адресуясь к тем, кто чрезмерно увлечен изощренностью (*artificio*) своих речей перед прихожанами, монах замечает: «Этот текст Писания кажется тебе грубым (*cosa grossa*), он тебе, ритор, не по нраву; но, если ты поищешь внутри, обнаружишь много зерен в этой соломе» [9, р. 147]. При этом, нельзя сказать, что доминиканец полностью отрицает искусство красноречия. Его подход тоньше, и, кажется, фра Джироламо, рассуждая об этой материи, раскрывает особенности собственной практики общения с паствой. В одной из проповедей монах иллюстрирует его на примере искусства живописцев, указывая, что на вопрос «что им больше нравится, фигура напряженная или естественная и непринужденная» те, несомненно ответят, что «намного лучше и привлекательней естественная», а после заключает: «Также и ораторское искусство более привлекательно, когда незаметно» [9, р. 142–143].

О том, насколько сам фра Джироламо преуспел в этом искусстве «незаметности», свидетельствуют привлеченные здесь для анализа тексты проповедей на Руфь, где, при самом поверхностном рассмотрении, заметно, как, переходя от буквального воспроизведения истории моавитянки к аллегорическому толкованию, монах периодически обращается к сложным богословским вопросам, вплетая в ткань своих рассуждений Платона и Аристотеля, Фому Аквинского и Августина (причем, в одном из случаев присутствующие на проповеди интеллектуалы могли уловить отсылку к «Буколикам» Вергилия), Афанасия Великого, а для лучшего проникновения слушателей в суть тонких теологических проблем, вкрапляет в свою речь примеры из обыденной жизни. При этом, что важно отметить, Савонарола никогда не упрощает свои проповеди в части их интеллектуальной составляющей, как бы пытаясь поднять паству до своего уровня. Прекрасное владение ораторским искусством проявляется и в том, как монах умело реагировал на непредвиденные ситуации, возникавшие во время проповедей, включая в свою речь пассажи относительно случившегося, содержащие какое-либо наставление присутствующим. К примеру, нотариус Лоренцо Виоли (1465–1556), подробно записывавший проповеди доминиканца, 25 мая 1496 г. сообщает, как в то время, когда монах, завершая толкование Книги Руфи, переходил от рассуждения об ангельских иерархиях к мысли о том, что люди «обретают благодать согласно их расположению (*disposizione*)» и должны

быть «крепкими» в своей вере, рухнули скамьи с сидящими на них детьми; Савонарола тотчас вспомнил новозаветную историю юноши Евтиха, который внимая проповеди Св. Павла заснул, выпал из окна и умер (Деян. 20: 9–12), и заключил наставлением: «Остерегайтесь, однако, чтобы не упасть, ибо у нас нет Св. Павла» [9, р. 233–234]. Другое качество фра Джироламо как оратора, владение манипулятивными техниками, также исторически фиксируется в записях Л. Виоли. Пример способности вызывать сильные эмоции у паствы флорентийский нотариус отметил двумя днями ранее, 23 мая 1496 г. Монах, призывая паству обратиться к Распятию и размышлениям над Писанием, где описана совершенная ради спасения людей жертва Христа, чрезвычайно экспрессивно завершает проповедь следующим обращением к Спасителю: «Где ты, Господи? О, Господи, что ты делаешь? О, Господи, – в третий раз, – где кровь твоя, которую ты пролил за нас? Не оставляй народ свой, Церковь твоя уже на земле. Ты – первопричина, ты сотворил весь мир, ты затем его искупил; не желаешь ли теперь, когда он испорчен, послать сюда свой Дух. Это наше убежище (*riposo*), ниспосли сюда свою сладостную любовь. Это то, о чем мы молим тебя, то, чего ищем: Ах, сокруши нас. Ах, заставь нас изнемогать от твоей сладкой любви». В итоге народ воодушевился так, что всякий рыдал и кричал: «Милосердия!» [9, р. 183–184].

Похоже, основная мысль, которую Савонарола внушает прихожанам – невозможность постижения Св. Писания без руководства более сведущих людей. Однако не все проповедники хороши, и тому, кто хочет научиться доброй христианской жизни, стоит остерегаться «теплохладных». «Послушай, возлюбленная душа, не ходи на другие поля, то есть не ходи на другие проповеди, где можешь оказаться в опасности», – предупреждает монах своих слушателей. При этом, чтобы его не поняли превратно, и не обвинили в переманивании паствы, уточняет: «О, брат, значит нам не следует слушать других проповедников? – Я не говорю об этом, но о том, чтобы не ходить сейчас на поле равнодушных» [9, р. 151]. Необходимость в наставниках – «добрых пастырях», пророк-реформатор связывает с тем, что его современники в большинстве своем утратили качества истинных христиан – любовь к Богу и ближнему, «простоту» и «чистоту сердца», которые имелись в «первоначальной Церкви», когда ее адепты, обладая «избытком Духа», «читали послания Св. Павла», «понимали все», «постигали и проповедовали Св. Троицу, положения веры, и вещи трудные и сложные», и поэтому «не нужно было столько комментариев для их понимания, сколько необходимо сейчас» [9, р. 189]. Собственно, этот недостаток в настоящее время, присущ, как духовным лицам, так и их подопечным, именно он приводит к тому, что Писание для «скверных людей» стано-

вится «западней», «силком», а Христос – «каменем преткновения». «Бог, – наставлял Савонарола своих слушателей, – устроил все свои Писания хорошо, но для дурных людей, которые обладают злой волей, Писания неоднократно становились западней и ловушкой, куда они попадались и оказывались в передрыге». Так было с Арием, который «имел порочную волю» и, наткнувшись на текст «Отец Мой более Меня» (Ин. 14:28) попал в силки, и от него пошла секта ариан; с Юлианом Отступником, которого «подстерегла ловушка в тексте Св. Луки, гласящем, что Иосиф был сыном Илии, а Св. Матфей утверждал, что он был сыном Иакова (Лк. 3:23; Мф. 1:16); отчего он говорил о несогласии Евангелистов», и даже с ранними последователями Христа, которые, «кроме двенадцати учеников», отошли от него, буквально восприняв слова Спасителя «не будете есть плоть Сына человеческого, не вступите в жизнь вечную» (Ин. 6:55, 60). В итоге доминиканец подводит прихожан к тому, что им следует признать: «Господь сотворил Писание, оно хорошо обосновано и не может ошибаться, и, если этот отрывок мне кажется странным, я его не понимаю – это мой недостаток». Кроме того, существует множество теологических проблем, разрешение которых дано не всякому, и многие, обладавшие интеллектом, превосходящим окружающих, впадали в ересь (проповедник здесь ссылается на примеры Оригена и Пелагия). Каков же, в таком случае, выход для простого человека? Монах отвечает: «Не поднимайся выше в этом вопросе, а то свалишься на камень преткновения»; если «имеется нечто, чего ты не разумеешь, не обращай на это внимание, позаботься о доброй жизни» [9, р. 177–179, 226].

Итак, удел паствы – подбирать и сохранять колосья, то есть сентенции, оставленные учителями (Dottori) и проповедниками после толкования Св. Писания; размышлять над ними, «перемалывать»; затем действовать согласно усвоенным принципам, ибо «вера без дел мертва» [9, р. 175]. «Простые, говорю, обозначенные посредством Руфи, собирают эти колосья, которые утоляют их голод на протяжении всей их жизни. Это, говорю, и есть блаженная жизнь: существовать в простоте», – наставляет монах паству, и одновременно сопровождает свою мысль примером из жития Антония Великого, одного из основателей монашества, который, «будучи на проповеди, услышал такое изречение из Евангелия: Si vis perfectus esse, vende omnia quae habes, da pauperibus et sequere me (Мф. 19:21), то есть, “если хочешь быть совершенным, продай, что имеешь, и раздай нищим, и следуй за Христом” ... подобрал этот колос, обратился к покаянию и стал совершенным» [9, р. 148–149; 1, с. 10–11]. Примечательно, что сходные поучения о том, как необходимо читать Библию, – очистить свое сердце от всяческой тщеты и греховности, чтобы в нем «Св. Дух мог написать то, что читается снаружи (в тек-

сте – Е. Т.)», обратиться с молитвой к Богу, дабы он «осветил путь истины», читать «прилежно, не торопясь, обдумывая сентенции и сохраняя их в памяти», размышлять над прочитанным, а затем действовать согласно усвоенным принципам, – содержатся в послании сестрам Третьего ордена Св. Доминика 17 октября 1497 г. В нем брат, также как в проповедях на Руфь, внушает своим последователям: «Лучше читать немного и исполнять это, чем читать много и не соблюдать», и приводит в качестве примеров для подражания различных Святых. Так, доминиканец рассказывает историю о Павле Простом – ученике Антония Великого, попросившем некоего монаха разъяснить ему один псалом. Выслушав начало: «Буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешить мне языком моим» (Пс. 38 (39): 2), Павел заявил, что не желает обучаться далее, пока не выполнит то, о чем говорит этот текст. Через несколько лет они встретились, и на вопрос монаха, почему Павел не пришел продолжить изучение остальной части псалма, тот ответил, что причина в том, что он «еще не выполнил то, о чем говорит первая строка» [2, р. 184–187]. Таким образом, в адресованных пастве поучениях Савонаролы, Св. Писание, – как удачно выразилась специалист по истории христианства Адриана Валерио, – выступает в качестве важного «элемента обновления сердца, необходимого для осуществления реформы»: оно должно быть «не проанализировано тонкостью философского разума, а скорее обдуманно сердцем, подвергнуто созерцанию в молитве, услышано в своем глубоком смысле, испытано в проведении “доброй жизни”» [11, р. 256].

И все же, обнаруженные в проповедях Савонаролы два пути в постижении Св. Писания – посещение проповедей и самостоятельное чтение текстов Библии, все еще требуют ответа на вопрос о пределах самостоятельности паствы в вопросах веры, поскольку ответ на него связан как с попыткой понять насколько монах был близок к идеям грядущей Реформации, так и с темой культивирования индивидуальной религиозности в городской среде, чреватой, в том числе, отходом от официальной Церкви. Как видим, постижение науки доброй христианской жизни, согласно фразе Джироламо, основано на изучении Писания, не нуждающегося в дополнительных «украшательствах», которые являются плевелами, скрывающими «зерно» священных текстов. «Самое скверное, – заявлял доминиканец, – если ты соединяешь двойное знание – Писание и философию», ибо за этим может скрываться «двойное лукавство равнодушных» [9, р. 199]. Библия открывается «простым» – мужчинам, женщинам, детям, ибо на страницах этой Книги Господь говорит разными голосами: «когда он вводит женщину, чтобы та говорила, она говорит, как обыкновенно говорят женщины; когда ребенка, тот говорит по-детски» [9, р. 106]. «Простому» человеку, очистившему сердце от грехов и лишенному

«двойственности», в ответ на его мольбы «придет Спаситель или ангел и откроет многие смыслы Писания» [9, р. 150, 219] при его чтении, либо посещении проповедей. В сущности, смысл книг Ветхого и Нового Завета предельно «прост» – любовь и страх Божий [9, р. 157–158, 205]. «Следовательно, мудрец, – заявляет в одной из проповедей Савонарола, – вера не нуждается в твоей науке, хотя, когда к этому добавляется знание, это хорошо» [9, р. 237–238]. В понимании же более тонких смыслов Писания необходима помощь тех, «кто хорошо видит», а значит «идет впереди» [9, р. 208] – добрых пастырей, «святых прелатов, кротких подобно овцам, и усиленно трудящихся и ревнующих о спасении душ» [9, р. 239]. Однако, в настоящее время Церковь простых оказалась в небрежении тех, кто в первую очередь должен пещся о ней, поэтому Вооз (Христос) должен лично вмешаться и взять замуж Руфь («простых» верующих), и вместе они породят сына Овида – тех, кто будет служить Богу, истинных христиан [9, р. 238–240, 243]. Здесь, казалось бы, и открывается «окно» для самостоятельного постижения Писания, а также проявления индивидуальной религиозности. Однако флорентийский проповедник, стимулируя индивидуальное благочестие, не склонен поощрять индивидуальную религиозность, ибо в качестве пророка предстает перед паствой инструментом Господа, его устами, необходимыми еще и потому, что «простых сердцем» ничтожно

мало, и они, не будучи еще до конца совершенными в доброй жизни, нуждаются в помощи и поддержке (а в некоторой степени и контроле). Вместе с тем, эти немногочисленные простые верующие, как и «простой, смиренный проповедник» (собственно, Савонарола), уподобляются доминиканцем евангельскому горчичному зерну (Мф. 13: 31–32), которое «уже произвело дерево и ветви», и «некоторые мудрецы, каковые высоко летали своим интеллектом, прилетели укрыться на ветвях этого горчичного семени», которое разрастется за пределы избранного Богом города, и реформа охватит весь христианский мир [9, р. 120–121]. Сложно судить, насколько в этом мире реформированной Церкви сохранилась бы необходимость в «толкователях» Св. Писания, но судя по приведенным в проповедях на Книгу Руфи примерам ранних христиан, преобразившиеся верующие могли бы предаться чтению священных текстов с меньшим риском попадания в его «ловушки», и, как следствие, отпадения от истинной веры. Таким образом, проповеди Савонаролы, несомненно, отражают тягу представителей городского социума к самостоятельному изучению Писания; появившаяся с выходом в свет печатных Библий возможность сделать это; и одновременно довольно сдержанное отношение проповедника к подобным устремлениям, где поощрение сочетается с рядом оговорок и опасений. Можно ли назвать это ростками грядущей Реформации? Отчасти да.

Литература / References

1. Преподобный Антоний Великий. Житие и послания. М: ООО «Синтагма», 2010. 256 с. Prepodobnyj Antonij Velikij. Zhitie i poslanija (St. Antony the Great. Life and Epistles). Moscow: ООО «Синтагма», 2010. 256 p. (In Russian).
2. Alle suore del Terz'Ordine di S. Domenico dette di Annalena [Firenze, 17 ottobre 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 182 – 187.
3. Barbieri E. Malerbi (Malermi, Manermi), Nicolò // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2007. Vol. 68: Malatucca-Mangelli. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/nicolo-malerbi_%28Dizionario-Biografico%29/ (Accessed: 15.05.2021)
4. Cerretani B. Storia fiorentina / a cura di Giuliana Berti. Firenze: L.S. Olschki, 1994. XIX, 474 pp.
5. Garavaglia G. Traduzioni bibliche a stampa fra Quattrocento e Settecento // Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Age. 1993. T. 105. No. 2. P. 857–862. URL: https://www.persee.fr/doc/mefr_1123-9883_1993_num_105_2_3327 (Accessed: 15.05.2021).
6. La Bibbia in italiano / a cura di Norman Gobetti // Tradurre – Pratiche, teorie, strumenti. 2016. № 11. URL: La Bibbia in italiano – tradurre (rivistatradurre.it) (Accessed: 15.05.2021).
7. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII, 284 pp.
8. Savonarola G. Prediche sopra i salmi / a cura di Vincenzo Romano. Roma: Belardetti, 1969. Vol. 1. 305 p.
9. Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1962. Vol. 1. 470 p.
10. Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1962. Vol. 2. 525 p.
11. Valerio A. La predica sopra Ruth, la donna, la riforma dei semplici // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 2001. P. 249 – 261.

Сведения об авторе

Тельменко Елена Павловна – доктор исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета / teilman@mail.ru
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Elena P. Telmenko – Dr. of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, North-Caucasus Federal University / teilman@mail.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.



УДК 94(47)“1919”

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.11>

А. А. Чемакин

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ В СТАВРОПОЛЬСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ В СЕНТЯБРЕ – НОЯБРЕ 1919 г.¹

Статья посвящена выборам в городскую думу Ставрополя, состоявшимся осенью 1919 г. В это время город находился под контролем Вооруженных сил на Юге России, и местная белая военная администрация, желая получить лояльную думу, активно вмешивалась в избирательный процесс и делала ставку на умеренные и правые политические силы, выдвинувшие сразу несколько кандидатских списков (районных попечительств, мещанский и домовладельческий). Основным оппонентом властей был социалистический блок, объединивший эсеров, меньшевиков и ряд общественных организаций. Промежуточное положение между властью и оппозицией занимал список «прогрессивных избирателей». На выборах, прошедших 15 сентября, победили социалисты, но окружной суд отменил итоги голосования, ссылаясь на формальные нарушения при подаче кандидатских списков. Нельзя исключать, что эти нарушения были допущены избирательной комиссией сознательно на тот случай, если победу одержат левые. Повторные выборы были назначены на 10 ноября. Представители несоциалистических сил, не желая повторения ошибок первых выборов, объединились в блок, который в итоге победил социалистов и получил большинство мест в городской думе. В ходе обеих избирательных кампании социалисты обвиняли власти

во вмешательстве в выборный процесс и даже высказывали подозрения, что итоги голосования сфальсифицированы, хотя прямых доказательств последнего утверждения нет. Правые и умеренные силы, в свою очередь, обвиняли социалистов в демагогии, разжигании классовой борьбы и натравливании «пролетариев» на «буржуев». Несмотря на бурное обсуждение выборов в прессе, жители Ставрополя остались безучастными к ним, о чем свидетельствует крайне низкая явка. Ставропольские избирательные кампании осени 1919 г. стали самыми скандальными за все время проведения муниципальных выборов на территориях, контролируемых южнорусским Белым движением. В статье подробно описывается ход обеих кампаний, даются характеристики избирательных списков, приводятся итоги голосования, в том числе по районам города, и примеры агитационных материалов.

Ключевые слова: выборы, городская дума, Ставрополь, Белое движение, Гражданская война, социалисты, правые.

Для цитирования: Чемакин А. А. Избирательные кампании в Ставропольскую городскую думу в сентябре – ноябре 1919 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 605–614. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.11

Anton A. Chemakin

ELECTION CAMPAIGNS TO STAVROPOL CITY DUMA IN SEPTEMBER – NOVEMBER 1919²

The article deals with elections to the Stavropol City Duma in autumn 1919. In that time the city was under control of Armed Forces of South Russia and the local White military administration working for a loyal Duma actively meddled in the race and put on moderate and right-wing political forces which put forward straightway several lists of candidates (neighborhood guardianships, burghers and house owners). A main opponent of authorities was a socialist block consolidating Socialist-Revolutionaries, Mensheviks and a number of public organizations. The list of “progressive voters” was in between. Elections on the 15th of September were won by socialists, but the district court invalidated the voting returns on the pretext of technical infraction in presentation of the candidate lists. It cannot be excluded that this infringement was made by the electoral commission deliberately in the event leftists would win the elections. The repeat election was scheduled on November 10. Representatives of non-socialist forces in order to avoid errors made during the first election merged into a single bloc that eventually won and got the majority of seats. During both election campaigns, socialists put

the blame on authorities for intervention in the election process and even expressed suspicion that the returns were falsified though there was no direct proofs of the last assumption. In their turn, right-wing and moderate forces charged socialists with demagoguery, stirring of class struggle and setting “proletarians” on “bourgeois”. In spite of stormy discussion in press, residents of Stavropol remained unconcerned as evidenced by a very low turnout. Stavropol election campaigns in autumn 1919 were the most scandalous for the whole period of municipal elections on territories controlled by the South Russian White movement. The article goes into details of the course of both campaigns, characterizes electoral lists, presents voting returns, including by city districts, and examples of propaganda materials.

Key words: elections, City Duma, Stavropol, White Movement, Civil War, socialists, rightists.

For citation: Chemakin A.A. Election campaigns to Stavropol City Duma in September – November 1919 // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 605–614 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.11

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00015, <https://rscf.ru/project/21-78-00015/>

2 The study was funded by the Russian Science Foundation, project № 21-78-00015, <https://rscf.ru/en/project/21-78-00015/>.

Осенью 1919 г. на территориях Юга России, занятых белыми, были проведены выборы в городские думы. В большинстве городов победу одержали лояльные по отношению к властям избирательные списки, само же голосование прошло в целом спокойно, хотя и при крайне низкой явке. Порой возникали спорные ситуации (например, в Севастополе и Одессе), но наиболее скандальной оказалась избирательная кампания – точнее, две избирательные кампании, следующие одна за другой – в Ставропольскую городскую думу. К сожалению, до сегодняшнего дня они не были освещены в историографии, а единственное краткое упоминание о ставропольских выборах 1919 г. можно найти в диссертации А. А. Кондрашовой [16, с. 235–237] (она же является автором статьи, посвященной предыдущей избирательной кампании 1917 г. [17]).

«Демократическая» дума Ставрополя, избранная в 1917 г., а затем разогнанная большевиками, была восстановлена белыми летом 1918 г. Ставропольская дума оказалась единственным на белом Юге органом местного самоуправления, продолжившим свою деятельность, в других же городах военные власти восстанавливали только управы. 10 января 1919 г. военный губернатор генерал-майор П. В. фон Глазенап на основании телеграммы главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) А. И. Деникина объявил, что срок полномочий городской думы Ставрополя истек 1 января, но городские гласные должны оставаться при исполнении своих обязанностей и пользоваться всеми предоставленными им правами впредь до проведения новых выборов [40]. В мае 1919 г. начальник управления внутренних дел Н. Н. Чебышев обратился к новому военному губернатору генерал-лейтенанту А. М. Валуеву с вопросом, считает ли тот желательным назначить выборы на вторую половину августа и пройдут ли они в благоприятной обстановке? Валуев после совещания с местными общественными деятелями ответил, что выборы придется отложить до сентября, чтобы иметь время обнародовать положение о выборах и закончить полевые работы. Кроме того, полагал военный губернатор, «деловых элементов пройдет тем больше, чем устойчивее будет наше стратегическое положение на фронтах» [18]. В итоге голосование было назначено на 15 сентября [41].

Еще в октябре 1918 г. ставропольская дума постановила провести следующие выборы по закону Временного правительства, т. е. по пропорциональной системе, но с небольшими поправками: возрастной ценз поднимался с 20 лет до 21, также вводился ценз оседлости в 1 год проживания в городе [8, л. 2–2об., 29–36 об.]. Эта самостоятельность была проигнорирована военными властями, и новые выборы проводились по закону, действовавшему на территории ВСЮР и предпо-

лагавшему одну из разновидностей мажоритарной системы, а именно одобрительное голосование в многомандатных округах с неограниченным вотумом (блоковая система). Списки кандидатов выдвигались только избирательными объединениями, но при подсчете голосов они никакой роли не играли. Избиратель мог проголосовать за симпатичный ему список целиком или частично, вычеркнув из него тех кандидатов, которые ему не нравились, или же составить свою собственную избирательную записку, включив в нее кандидатов из разных списков. В думу избирались те кандидаты, которые получали относительное большинство голосов [3].

Социалисты неодобрительно отнеслись к новому избирательному закону, предпочитая ему закон Временного правительства [20], но все же приняли участие в выборах. Незадолго до начала кампании ходили слухи, что они пойдут под вывеской союза квартиронанимателей. На собрание союза, по сведениям газеты «Родная речь», звали всех, кто «демократически настроен». В итоге из 900 членов организации пришло человек 70, «довольно плотная кучка, мало общего с союзом квартиронанимателей имеющая», «но имеющая очень много с остатками социалистических партий». Собрание рекомендовало выдвинуть кандидатами в думу преимущественно представителей социалистов, а почти всех их оппонентов забаллотировало. Один из присутствующих на собрании громко иронизировал над происходящим: «Адриан Петрович Булыгин очень дельный работник, очень знающий, но он не социалист и его вы не выберете». Не выбрали. «Александр Петрович Булыгин – человек совсем не деловой, любит болтать, но он эсер и его выберете». Так и произошло [21].

В конце концов эсеры решили не идти по списку Союза квартиронанимателей, а создать блок – Список демократических организаций и социалистических партий (№ 5). Главенствующую роль в блоке играла Партия социалистов-революционеров, которая, по сведениям Отдела пропаганды, захватила «в свои руки органы земского и городского самоуправления и продовольственные учреждения». Кроме эсеров, в блок вошли еще 7 организаций: меньшевики, менее влиятельные в силу отсутствия в губернии фабрично-заводской промышленности, союзы городских и коммерческих служащих, квартиронанимателей, губернское бюро профессиональных союзов, семейное собрание служащих, школьный союз [5, л. 144]. Список отличался открыто оппозиционным настроением по отношению к местным военным властям и занимал крайний левый фланг легального политического поля. Печатным органом блока была эсеровская газета «Право народа» (к сожалению, сохранилось очень мало номеров этого издания, впрочем, точку зрения ставропольских

социалистов можно узнать из екатеринодарского журнала «Местное самоуправление на Северном Кавказе»).

Основным конкурентом социалистов был Список районных попечительств и общества «За Россию» (№ 3), занимавший центристские, умеренно-либеральные позиции. Районные попечительства вообще не декларировали приверженности какому-то политическому доктринам, высказываясь в первую очередь по хозяйственным вопросам, а общество «За Россию», находившееся под покровительством Отдела пропаганды [6, л. 102], стояло на платформе декларации генерала А. И. Деникина. В состав общества «За Россию» перешли наиболее активные местные кадеты, собственная организация которых никакой деятельности не вела; к нему также примыкала часть развалившейся местной ячейки Трудовой народно-социалистической партии (другая ее часть вошла в социалистический блок) [5, л. 144–144об.]. Позиция списка доводилась до общественности при помощи газеты «Родная речь», органа общества «За Россию». На общегородское собрание районных попечительств пришли не только представители союза «За Россию», но и союзов городских, земских и коммерческих служащих, торгово-промышленного союза, бюро профессиональных союзов, а также эсеров и меньшевиков. Социалисты и представители связанных с ними организаций пытались включить своих кандидатов в списки районных попечительств, но большинством голосов была признана нежелательность соглашения с партийными организациями, а представителям партий было отказано в праве решающего голоса на собрании [22].

На правом фланге находился список союза домовладельцев (№ 2), который не декларировал какой-то четкой политической позиции, призывая к деловой работе, но за ним стояла влиятельная и близкая к военным властям газета «Северокавказский край», редактор которой А. М. Воскресенский был вождем местных русских националистов и одним из руководителей ячейки Союза русских национальных общин (СРНО), а с 17 ноября 1919 г. – товарищем председателя губернской общины СРНО, в учреждении которой приняли участие представители городского самоуправления, мещан и чиновников государственных учреждений [5, л. 304 об.–305]. Левые круги характеризовали Воскресенского как лидера «реакционной части чиновничества» и «крупных землевладельцев», «специализировавшегося на травле социалистов всех течений» [15, с. 35].

Свой список выдвинуло и мещанское общество, причем во время обсуждения кандидатур на одном из районных мещанских собраний произошел занятный инцидент. На совещании перед собранием было решено выдвинуть в кандидаты трех хлебобобов-мещан, но затем, уже на са-

мом собрании, при обсуждении кандидатур все трое оказались забаллотированы, а выдвинули исключительно интеллигентов – учителей и чиновников. По закрытии заседания мещане, выйдя на улицу, начали упрекать друг друга: «Как ты смел, такой-сякой, говорить это?! Ты сам мошенник!», «Тебе морду надо набить!», «Как же это случилось?! Хотели выбрать своих, а выбрали “барин”?» Один из незадачливых выборщиков даже предположил, что «баре» подтасовали результаты [19]. К списку мещан присоединилось ташлянское районное попечительство, не пожелавшее вступать в общий список районных попечительств [22].

«Группой прогрессивных избирателей» был предложен список, в который было внесено до 20 учителей, около 20 земских и городских служащих, до 15 чиновников, 10 врачей, 10 священников, 20 лиц свободных юридических профессий (судей, адвокатов, нотариусов), а также домовладельцы, коммерсанты и мещане. «Думаем, что он вполне приемлем для беспартийной служилой интеллигенции города», – заключала «Родная речь», симпатизировавшая и «прогрессистам» [23]. Особенностью этого списка было то, что многие его кандидаты уже были включены в другие списки, так что количество собственно «прогрессистов», идущих исключительно по этому списку, являлось крайне незначительным.

Как свидетельствовала «Родная речь», социалисты стремились «провести городские выборы в плоскости классовой борьбы» и поэтому призывали выбирать «только пролетариев, только “трудящихся”», запугивая обывателей возможным засильем в думе домовладельцев и «буржуазии», а также опасностью возвращения «старого режима». «Скрытая подкладка всего этого – дать дорогу не общественным деятелям, а демагогам-политиканам, всегда прикрывающимся “интересами трудового народа”», – заключала газета, отмечая при этом, что никакой резкой границы между трудящимися и домовладельцами нет, а большинство домовладельцев (за исключением нескольких десятков, живущих за счет сдачи квартир в наем) – такие же трудящиеся [19]. «Северокавказский край» также иронизировал по этому поводу: вот в социалистическом списке председатель банка, получающий 30 тыс. в месяц, – он пролетарий, вот в списке их противников чиновник, получающий 30 тыс. в 30 лет, – он буржуй. Согласно такой логике, и социалиста в лакированных ботинках и изящном сюртуке вполне можно считать пролетарием, ведь у него «пролетарское мировоззрение» [36].

Режим, установленный военными властями в Ставрополе, даже на фоне соседних губерний и областей выделялся репрессивностью и административным произволом, чем снискал себе недобрую славу в левых кругах. Неудивительно, что

в ответ на активную агитацию социалистического блока местная военная администрация арестовала 10 социалистов, в том числе бывшего депутата Учредительного собрания Е. А. Деметьева, служившего в продовольственном отделе екатеринодарской городской управы и приехавшего в Ставрополь по личным делам – власть и официозная пресса попытались представить его одновременно эмиссаром кубанских самостийников, привезшим деньги на предвыборную кампанию, и большевиком [12]. Кроме него, были арестованы такие видные социалистические деятели как член правления Союзбанка А. Г. Малий, секретарь редакции газеты «Право народа» В. Надалец, рабочий-металлист Оберченко, председатель общества «Объединение» меньшевик И. П. Соколов [5, л. 198–199; 13].

«Ввиду большого недовольства населения деятельностью ставропольской администрации, не освободившейся от навыков старого режима и срывающей на социалистической демократии свою злобу на большевиков, пятый список имеет значительные шансы на успех в городских выборах», – писал левый журнал «Местное самоуправление на Северном Кавказе» в начале сентября [12]. И он оказался прав – «административная горячка», запугивание оппонентов и кампания против них в подконтрольной прессе в конечном итоге дали обратный результат. Кроме того, активную работу левых признавали и их оппоненты, отмечавшие, что другим группам «следовало бы поучиться у социалистов» технике и организованности [31]. Остальные же списки вообще не вели агитации, положившись на «сознательность» избирателей [14].

Газета «Родная речь» описывала ход избирательной кампании в стихотворении, в котором упоминались издатель «Права народа» эсер Я. И. Дулин [7, л. 1] и его сотрудник «Киб» (псевдоним), а также редактор «Северокавказского края» А. М. Вознесенский:

*Опять настали выборы...
С сетями красных слов
Эсеры словно рыбаки
Выходят на «улов».
Трещат передовицами,
Пугают мелких рыб
Своими небылицами
Им помогает «Киб».
Фельетонист неграмотный
следит за поплавком,
А Дулин глушит наотмашь
Словесным молотком...
Да рыбка – безучастная:
Хвостом не поведет!
Известно, – тварь безгласная,
И кто ее примет?..
Пустынно на собраниях,
Что вдале, что поперек, –
О рыбкиных желаниях*

*Не скажет и пророк!..
Лишь Александр Михайлович
Предчувствует «беду»:
«Ужель и тут я в гласные
Себя не проведу?..
Отцом родного города
Быть хочется мне страсть.
По списку овцеводному
Я думаю попасть!..
Сомненья с сожаленьями
В одну сплелись нить:
«Ах, если б назначениями
Избранные заменить!»
Внезапно вдохновляется
«Идею» своей,
И до рассвета мается
Над длинной статьей.
Рыбешка же безгласная
Меж тем в заводях спит.
Что в том, кто влезет в гласные
И кто будет побит?..
Не в этом дело главное:
Важней для пескарей –
Управу видеть «справною»
Да... корм подешевей!.. [27]*

День голосования прошел при полном равнодушии избирателей. «Утром в день выборов Ставрополь представлял собою картину будничного дня, – писал местный журналист. – Ни движения, ни оживления на улицах не наблюдалось» [31]. Попытки мешать социалистам власти предпринимали и в ходе голосования, ненадолго арестовав агитаторов списка № 5 Румбешта и Коровина, раздававших на главной улице избирательные записки, под предлогом «препятствования свободному передвижению публики» [43]. «Северокавказский край» этот случай не упомянул, зато отметил, что был арестован рабочий Яценко, в нарушение закона агитировавший за социалистов у входа в один избирательный участок. Около другого участка был убран незаконно размещенный плакат списка № 5. При этом, как отмечала правая газета, тех «рекламистов» списка № 5, которые раздавали свои избирательные записки без нарушения закона, никто не трогал, хотя они и были весьма назойливы [31]. Уже после окончания голосования власти провели обыски в помещении бюро профсоюзов, связанном с эсерами газетном киоске Сафроновой (в нем были взяты избирательные списки блока № 5), и на квартирах председателя и товарища председателя правления профсоюзов [2]. Все это, очевидно, только злило сторонников социалистов.

На участки явилось 5623 избирателя из 25113, т. е. 22,4 % [4, с. 4] (вероятно, в данной статистике не учитывались недействительные записки, так что реальная явка могла быть несколько выше). Победа досталась социалистам (Таблица 1) [5, л. 197, 232; 24].

Таблица 1.

Общие итоги голосования по Ставрополю / Table 1. General results of voting in Stavropol

	Название и № списка	Количество записок	Процент	Количество мест в думе
1	Демократических организаций и социалистических партий (№ 5)	2018	35,9	49
2	Районных попечительств и общества «За Россию» (№ 3)	1233	21,9	7
3	Мещанского общества (№ 1)	711	12,7	5
4	Союза домовладельцев (№ 2)	708	12,6	5
5	Прогрессивных внепартийных избирателей (№ 4)	310	5,5	6
	Смешанные записки	643	11,4	-
	Итого	5623	100	72

«Списочные» результаты достаточно плохо показывают итоговое соотношение сил в думе, так как значение имели только голоса за конкретного кандидата. Первыми прошли 8 кандидатов, включенных во все списки, кроме № 5 – каждый из них получил примерно по 3000 голосов. Из лиц, шедших по трем спискам, прошли не все. Те, кто был включен в списки 1, 2 и 3, получили около 2650 голосов, в 2, 3, 4 или 1, 3, 4 – по 2250. Последних опережали 8 человек, идущих по спискам 4 и 5 – они получили примерно по 2300 голосов. Большинство мандатов досталось кандидатам, идущим по одному 5-му списку – их результаты совпадали со «списочными» (около 2000 голосов). Лица, шедшие по спискам 1, 2 и 4 получали меньше, чем кандидаты одного списка № 5, и имели шансы только за счет вычеркиваний из социалистического списка. Кандидаты, включенные только в один из списков, за исключением 5-го, шансов на прохождение в думу не имели [24]. Эти данные также хорошо показывают коалиционную политику: с одной стороны были правые и центристские списки (1, 2 и 3), с другой левый (5), а промежуточное положение между ними занимали «прогрессивные избиратели» (4). В ходе выборов наблюдалось вычеркивание из списков еврейских фамилий, в результате чего гласным стал лишь один еврей [33].

В силу того, что кандидаты могли идти по разным спискам, распределение мандатов тоже является во многом условным – видимо, в данном случае бралось во внимание то, какой список сам прошедший кандидат считал для себя основным. Особенности избирательной системы, использовавшейся на белом Юге, проявились в полной мере – список, набравший относительное большинство голосов, получил абсолютное большинство мест в думе. Также весьма показательно то, что «прогрессивные избиратели» за счет союзов и направо, и налево получили больше мест, чем мещане и домовладельцы, хотя непосредственно за их список целиком голосовали в два с лишним раза реже.

Результаты голосования по районам города, приведенные в местной прессе [24], очевидно, не совсем точны, потому что местами они противоречат общим итоговым результатам, но, так как проверить и исправить их вряд ли представляется возможным (в архивах не сохранились официальные протоколы), мы публикуем их в имеющемся виде с целью показать примерное соотношение между списками в центре и на окраинах (таблицы 2 и 3).

Таблица 2

Итоги голосования по районам (в абсолютных величинах) /

Table 2. Results of voting by regions (in absolute terms)

	Участок	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	Смеш.
1	Центральный	1	155	46	69	251	99
2	Воронцовский	4	133	82	94	197	103
3	Приармарочный	5	88	98	41	201	103
4	Ново-Форштадтский	13	20	281	0	112	19
5	Воробьевский	44	93	121	64	84	82
6	Станичный	9	133	76	20	230	52
7	Подгорненский	2	47	31	11	200	11
8	Каменоломский	12	21	64	3	206	7
9	Старо-Форштадтский	250	9	65	0	134	67
10	Мамайский	78	0	139	0	108	12
11	Монастырский	112	0	215	0	81	0
12	Ташлянский	183	4	0	4	206	11

Таблица 3

Итоги голосования по районам (в относительных величинах) /
Table 3. Results of voting by districts (in relative terms)

	Участок	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	Смеш.
1	Центральный	0,16	24,96	7,41	11,11	40,42	15,94
2	Воронцовский	0,65	21,70	13,38	15,13	32,14	16,80
3	Приямарочный	0,93	16,42	18,28	7,65	37,50	19,22
4	Ново-Форштадтский	2,92	4,49	63,15	0	25,17	4,27
5	Воробьевский	9,02	19,06	24,80	13,11	17,21	16,80
6	Станичный	1,73	25,58	14,62	3,85	44,23	10,00
7	Подгорненский	0,66	15,56	10,26	3,64	66,23	3,64
8	Каменоломский	3,83	6,71	20,45	0,96	65,81	2,24
9	Старо-Форштадтский	47,62	1,71	12,38	0	25,52	12,76
10	Мамайский	23,15	0	41,25	0	32,05	3,56
11	Монастырский	27,45	0	52,70	0	19,85	0
12	Ташлянский	44,85	0,98	0	0,98	50,49	2,70

Весьма примечательно, что в центральных районах был значительный процент смешанных записок – более обеспеченные и образованные избиратели, задумывавшиеся над тем, кого посылают в думу, включали в них представителей разных списков, в то время как жители окраин чаще всего подавали готовые печатные записки, получаемые от агитаторов.

По мнению сотрудников Отдела пропаганды, наблюдавших за кампанией, социалисты победили благодаря широко поставленной агитации, напомиравшей выборы 1917 г. и ведшейся с огромной энергией, затратой сил и полученных от кубанских эсеров денежных средств, обывателю, еще не вкусившему плодов политики большевиков из-за краткости их пребывания в Ставрополе, и евреям, почти в полном составе явившимся к урнам и отдавшим голоса за левых. Кроме того, неудачное выступление общества «За Россию» объяснялось тем, что в него проникли несколько эсеров, выполнявших решение своей партии по разложению оппонентов [5, л. 198, 232–232об., 234]. Основной же причиной поражения было наличие нескольких несоциалистических списков, из-за чего обыватели подумали, что они будто бы ведут между собой борьбу, хотя в действительности этого не было [34].

Тот факт, что социалисты, набрав около 36 % голосов (а если считать от имеющих право голоса, то 8 %), получили 68 % мест гласных, возмутил газету «Северокавказский край»: «Создается полнейший абсурд: 20 тыс. избирателей по тем или другим причинам к урнам не явились и своей воли не выразили. Более трех тысяч избирателей голосовало за другие списки, т. е. высказалось против эсеров и, тем не менее, получив около двух тысяч голосов, они оказываются хозяевами города, т. е. абсолютное меньшинство, забаллотированное большинством, однако, оказывается победителем, и это на «законном основании»!». Этому способствовали многочисленность списков и то, что массы плохо ориентировались в требованиях закона,

зачастую предпочитая готовые избирательные записки, причем те, которые были просто всунуты в руки. Записки эсеров и районных попечительств широко раздавались, мещанские выдавали в мещанской управе, списки же домовладельцев и прогрессистов можно было найти только случайно. Правые раскритиковали избирательный закон, составленный, «может быть, отличными юристами, но плохими логиками, математиками и знатоками народного хозяйства», и предлагали или вообще отказаться от «четырёххвостки», или же, если это невозможно и сохранится мажоритарная система, подвергать баллотировке только два списка, которые могут быть выработаны на специальном предвыборном собрании [32].

«Северокавказский край» был недоволен и тем, что «сферы расслабленного кадетизма» (список № 3) пустились в «пропаганду непротестования победе социалистов, ненадобности протеста против неправильности выбора их», и таким образом, вся общественная жизнь города и его хозяйство сдавались в руки эсеров, «так блистательно подготовивших большевизм и всю разруху нашей родины и, в частности, местной жизни». По мнению редактора газеты А. М. Воскресенского, речь шла не просто о поражении на муниципальных выборах, а о сдаче города изменникам и предателям, врагам Добровольческой армии [36]. В силу этого он решил опротестовать итоги выборов, подав жалобу в административное отделение окружного суда. Ходили слухи, что планирует обратиться в суд и мещанский староста Беляев [25]. Кроме того, было подано несколько жалоб на производство выборов еще от нескольких частных лиц, но, по всей видимости, в них не было ничего особо серьезного, и, к тому же, они не были приняты из-за неоплаты гербового сбора [10, л. 1, 4; 11, л. 1, 3].

Правые горевали недолго – результаты были опротестованы не только ими, но и военным губернатором генерал-майором Г. И. Кортацци.

3 октября 1919 г. административное отделение окружного суда отменило итоги выборов [42]. Основанием для кассации послужило то, что списки кандидатов были составлены с нарушением закона: в №№ 1 и 2 не у всех кандидатов были указаны профессия или общественное положение, а количество избирателей, подписавших списки, было меньше положенного; №№ 3, 4 и 5 были представлены в комиссию 4 сентября, в последний день, но рассмотрели их 5 сентября, то есть уже после окончания срока выдвижения, а кроме того, заявления о согласии баллотироваться были представлены не от всех кандидатов списков 1, 2, 3 и 4 (из 327 кандидатов не подали заявления 35). Кандидатские списки были составлены небрежно, подписи под ними часто были неразборчивы, не содержали сведений о подписавших, часто все ограничивалось одной фамилией без имени и отчества. Городская избирательная комиссия не проверила лично списки, хотя должна была сделать это при приеме их, а вместо этого поручила проверку заведующему статистическим отделом и, заслушав его доклад, признала списки правильными. Таким образом, списки 1 и 2 были совершенно недействительны и не подлежали принятию, 3 и 4 подали с некоторыми отступлениями от закона, и лишь 5-й не содержал ошибок, но он был рассмотрен после установленного законом срока. Очевидно, что вина лежала не только на кандидатах, но и на избирательной комиссии, допустившей, несмотря на наличие в своем составе 5 юристов, опубликование неполных сведений и нарушившей целый ряд статей закона (суд отметил, что она проявила «крайнюю небрежность»). Победивший социалистический список был составлен вполне корректно, а срок его регистрации был нарушен опять же по вине избирательной комиссии. Неудивительно, что левые круги подозревали комиссию, возглавляемую городским головой Р. Р. Глиндзичем и собственноручно создавшую повод для кассации выборов, в работе на «цензиков» [1, с. 66–67; 26]. Остается только гадать, что это было? Просто некомпетентность избирательной комиссии или заранее продуманный план: специально допустить ряд нарушений и, в случае победы социалистов, при помощи этих нарушений отменить результаты?

Новые выборы были назначены на 10 ноября, и в общественных кругах началось обсуждение возможных комбинаций. Имелись сторонники широкого объединения, пытавшиеся соединить списки 1, 2, 3 и 4, но другим оно виделось бессмысленным: «Вряд ли такой список привлечет кого-нибудь. При возможности вычеркивать такой список рискует обратиться фактически в 3–4 списка, так как домовладельцы будут подавать его, повычеркав всех домовладельцев, а недомовладельцы – повычеркав всех домовладельцев. Мещане будут подавать, оставив одних мещан, и т. д.» [26]

Представители трех проигравших списков в конце концов решили не повторять ошибок и объединиться [34]. Нельзя исключать и того, что губернская военная администрация сознательно способствовала объединению несоциалистических сил, чтобы не разбивать голоса. Для ведения кампании организациями, вошедшими в блок, было ассигновано 15 тыс. руб., кандидатов объединенного списка отобрали на основе результатов отмененных выборов [5, л. 278]. В своей программе они обещали «не делать несбыточных обещаний, не ловить журавлей в небе, а вести планомерную и упорную борьбу со всеми насущными нуждами населения без различия классов и групп его» [36].

На новых выборах конкурировало 3 списка – объединенный «деловой» список домовладельцев, мещан и районных попечительств (№ 1), демократических организаций и социалистических партий (№ 2), прогрессивных внепартийных избирателей (№ 3). Список прогрессистов, особой роли не игравший, был дополнен лицами, отколовшимися от основных списков (частью квартиранимателей – от левого, группой чиновников – от правого), при этом 46 его кандидатов присутствовали в списке домовладельцев, в силу чего наблюдатели оценивали его как «подсобный» список № 1-го [5, л. 298]. Левые полагали, что домовладельцы включили в свой список «мещан» и «районные попечительства» без согласия собраний соответствующих организаций, причем, по их сведениям, одно из районных попечительств – воробьевское – даже протестовало против произошедшего. Давление на оппозицию продолжилось и во время новой кампании – семейное собрание служащих и школьный союз под нажимом администрации заставили отказаться от идеи вновь вступить в левый блок (в итоге они сомкнулись с прогрессистами), причем первому дали понять, что в случае участия в выборах вместе с социалистами оно может быть закрыто или, по меньшей мере, лишиться на зиму своего зимнего помещения. Государственная стража запретила печатать плакаты левых на том основании, что в них содержалась критика правых (тогда как домовладельцы в своей агитации постоянно критиковали социалистов), и лишь протест, заявленный губернатору, дал возможность выпустить агитационную продукцию [1, с. 67]. Впрочем, приведенная выше информация исходила из левых кругов, более умеренная печать считала, что не все так однозначно: и члены союза квартиранимателей выражали недовольство тем, что на прошлых выборах их затащили в компанию твердокаменных социалистов, и руководитель школьного союза, бывший попечитель учебного округа В. А. Васильев, был уже не таким ярким сторонником блока с социалистическими партиями, как прежде [26]. Впрочем, давление, по всей видимости, все же имело место, и даже Отдел пропаганды отмечал, что семейное собрание вышло из блока

с социалистами из-за возможности «нежелательных последствий». Кроме того, выход семейного собрания должен был ударить по финансированию кампании социалистов, т. к. на первых выборах оно ассигновало на агитацию списка до 7 тыс. руб. Отколоть от социалистического блока еще и квартиронанимателей не удалось – на их собрании 18 из 30 присутствовавших членов проголосовали за сохранение коалиции [5, л. 278–278об.].

Кампания велась вяло, причем в особенности социалистами, которые, ожидая провала, ограничивались выпадами против оппонентов в печати. Из 5 предвыборных собраний, запланированных ими, состоялось только 2. Куда более активно занимались агитацией представители списков 1 и 3 [1, с. 67; 5, л. 304–304об.]. Отдел пропаганды не скрывал, что ожидает победы «правого, государственно мыслящего элемента» [5, л. 298].

«Северокавказский край» призывал к «добровольной мобилизации всех умеренных элементов города» [36] и агитировал при помощи стихов:

*Не называюсь к тебе я учителем:
Вилы сготовишь на свой же ведь бок,
Если окажется вновь победителем
Демократический блок...*

*Помни: лишь только в управу и в головы,
В думу ворвется эсерская рать, –
«Были вы голодны, будете голы вы...»
Списка второго не брать и не брать!.. [35]*

В итоге кампании, проходившей под административным прессом, явка упала с 22,4 до 14, 1 % (3537 избирателей из 25113 [4, с. 4]), часть интел-

лигентов и многие рабочие не голосовали (в рабочих кругах даже слышалась фраза: «Выбирай не выбирай, все равно назначат, кого сами хотят»), но зато некоторые мещане, недовольные объединением списков, отдали свои голоса социалистам [1, с. 67–68; 5, л. 278об.]. Согласно «Северокавказскому краю», день голосования прошел при полной апатии электората: в Воробьевском районе «к урнам подходили, что называется, через час по столовой ложке», в Старом Форштадте «выборы протекали в высшей степени вяло», «излучалась картина полного абсентеизма», на Мамайке «в участке пусто», но «изредка показываются избиратели», на Новом Форштадте, в Приярмарочном и Станичном районах наблюдалось некоторое оживление, и лишь в Ташлянском участке выборы «прошли дружно», а в урну было опущено списков больше, чем в центре. По сведениям председателей избирательных комиссий, участие в выборах в центре города принимала интеллигенция, большей частью женщины преклонного возраста. На окраинах доминировали старики. Молодежь как в центре, так и на окраинах отнеслась к выборам безразлично. Социалисты лидировали в Каменоломне, Новом Форштадте, на Мамайке (в последних двух, по всей видимости, за счет части электората мещанского списка, недовольного союзом с домовладельцами), в большинстве других районов преобладал объединенный список, «прогрессисты» неплохо выступали в Воронцовском районе [37]. В итоге победу одержали противники социалистов (таблица 4) [5, л. 304].

Таблица 4

Общие итоги голосования по Ставрополю (повторные выборы) /
Table 4. General results of voting in Stavropol (by-elections)

	Название и № списка	Количество записок	Процент	Количество мест в думе
1	Союза домовладельцев, мещанского общества и районных попечительств (№ 1)	1610	45,5	67
2	Демократических организаций и социалистических партий (№ 2)	1551	43,9	5
3	Прогрессивных внепартийных избирателей (№ 3)	188	5,3	0
	Смешанные записки	188	5,3	-
	Итого	3537	100	72

Любопытно, что социалисты увеличили свой процент, потеряв при этом всего около 1/5 голосов по сравнению с первыми выборами (домовладельцы и прогрессисты – 2/5). Но при этом, уступив объединенному «правому» блоку буквально несколько десятков голосов, они получили вместо 49 мандатов – 5. От домовладельцев, районных попечительств и мещан в думу прошли 67 кандидатов (в том числе и А.М. Воскресенский, со второй попытки все же ставший гласным, хотя и занявший одно из последних проходных мест

[38]), 46 из них также фигурировали в списке прогрессистов [1, с. 67–68; 5, л. 298, 304–304об.]. По другим данным, избранных кандидатов от социалистов было 6, но один из них – В.А. Лукаш – был включен во все три списка (и получил рекордное количество голосов – 3093), а еще пятеро также значились в списке № 3. Впрочем, особого противоречия нет, т. к. Лукаш хотя и был включен в список социалистов, куда ближе он, один из лидеров районных попечительств, был к списку № 1. Первый чисто социалистический кандидат, А. Шу-

ваев, занял 80-е место с 1546 голосами. Также было примечательно, что среди гласных не было ни одной еврейской фамилии, которые усердно вычеркивались даже сторонниками списка № 2. «Родная речь» увидела во всем произошедшем «определенный сдвиг вправо среди городского населения, не оставляющий места иллюзиям социалистических партий» [28], а Отдел пропаганды с удовлетворением констатировал, что «новая городская дума будет аполитичной и проявит свою деятельность исключительно в работах по улучшению быта населения, в области налаживания разрушенного городского хозяйства и экономических вопросов» [5, л. 304]. Левые же, подозревавшие фальсификацию выборов, так как за 10 дней после дня голосования от избирательной комиссии не удавалось добиться никаких данных с подсчетами, сокрушались, что в итоге получилась домовладельческая дума, а состав ее, «в смысле реакционности, гораздо резче, чем это было до революции» [1, с. 67–68]. Обжалования выборов на этот раз не последовало [29; 39].

Новая ставропольская дума, избранная то ли вследствие закономерного «сдвига вправо», то ли фальсификации – оценка, даваемая итогам скандальных выборов, зависела от политических взглядов наблюдателя, что, впрочем, вполне естественно – просуществовала недолго, как и все белые институты в годы Гражданской войны. Она успела лишь избрать своим председателем Е. Г. Маслова, а городским головой – Р. Р. Глиндзича (оба представляли умеренно-либеральную часть объединенного списка, т. к. из 67 гласных победившего блока 46, входившие также в список прогрессистов, принадлежали к умеренным, и лишь 21 – к правым [4, с. 6]), обсудить некоторые хозяйственные проблемы и вопросы обороны города от наступающей Красной армии. Если на заседании 10 января 1920 г. было еще достаточно многолюдно (51 гласный из 72) [9, л. 7–7об.], то в последующие недели обозначились проблемы с кворумом, а 1 февраля многие народные избранники и вовсе эвакуировались из Ставрополя [30].

Литература

1. Бурь. Выборная эпопея // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 16–18. С. 66–68.
2. Вольная Кубань. 1919. 6 октября.
3. Временное положение о выборах городских гласных. Ставрополь, 1919. 31 с.
4. Гельфгот А. Городские Думы в 1919 году // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 19–20. С. 3–7.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69.
6. ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 83.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 68. Оп. 2. Д. 9004.
8. ГАСК. Ф. 96. Оп. 3. Д. 38.
9. ГАСК. Ф. 96. Оп. 3. Д. 343.
10. ГАСК. Ф. 398. Оп. 54. Д. 20.
11. ГАСК. Ф. 398. Оп. 54. Д. 21.
12. Гр. Накануне выборов // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 13. С. 34.
13. Жизнь. 1919. 24 сентября.
14. Жизнь. 1919. 19 октября.
15. Земский. Ставрополь-Губернский. В земстве // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 4–5. С. 35.
16. Кондрашова А.А. Городское самоуправление России в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Ставрополья): дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2013. 278 с.
17. Кондрашова А.А. Ставропольское городское общественное управление после Февральской революции 1917 года // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. С. 36–41.
18. Приазовский край. 1919. 21 мая.
19. Родная речь. 1919. 15 августа.
20. Родная речь. 1919. 17 августа.
21. Родная речь. 1919. 18 августа.
22. Родная речь. 1919. 20 августа.
23. Родная речь. 1919. 3 сентября.
24. Родная речь. 1919. 19 сентября.
25. Родная речь. 1919. 1 октября.
26. Родная речь. 1919. 8 октября.
27. Родная речь. 1919. 30 октября.
28. Родная речь. 1919. 23 ноября.
29. Родная речь. 1919. 28 ноября.
30. Родная речь. 1920. 2 февраля.
31. Северокавказский край. 1919. 17 сентября.
32. Северокавказский край. 1919. 20 сентября.
33. Северокавказский край. 1919. 24 сентября.
34. Северокавказский край. 1919. 11 октября.
35. Северокавказский край. 1919. 8 ноября.
36. Северокавказский край. 1919. 10 ноября.
37. Северокавказский край. 1919. 12 ноября.
38. Северокавказский край. 1919. 21 ноября.
39. Северокавказский край. 1919. 30 ноября.
40. Ставропольские губернские ведомости. 1919. 19 января.

41. Ставропольские губернские ведомости. 1919. 1 июня.
42. Ставропольские губернские ведомости. 1919. 9 октября.
43. Утро Юга. 1919. 20 сентября.

References

1. Bur. Vybornaya epopeya (Electoral epopee) // Mestnoe samoupravlenie na Severnom Kavkaze. 1919. 20 dekabrya. No. 16–18. S. 66–68. (In Russian).
2. Vol'naya Kuban'. 1919. October 6. (In Russian).
3. Vremennoe polozhenie o vyborakh gorodskikh glasnykh (Provisional regulations on the election of city councilors). Stavropol', 1919. 31 p. (In Russian).
4. Gel'fgot A. Gorodskie Dumy v 1919 godu (City Dumas in 1919) // Mestnoe samoupravlenie na Severnom Kavkaze. 1919. No. 19–20. P. 3–7. (In Russian).
5. State Archive of the Russia Federation (GARF). F. R-446. Inv. 2. D. 69. (In Russian).
6. GARF. F. R-9427. Inv. 1. D. 83. (In Russian).
7. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 68. Inv. 2. D. 9004. (In Russian).
8. GASK. F. 96. Inv. 3. D. 38. (In Russian).
9. GASK. F. 96. Inv. 3. D. 343. (In Russian).
10. GASK. F. 398. Inv. 54. D. 20. (In Russian).
11. GASK. F. 398. Inv. 54. D. 21. (In Russian).
12. Gr. Nakanune vyborov (Before the elections) // Mestnoe samoupravlenie na Severnom Kavkaze. 1919. № 13. P. 34. (In Russian).
13. Zhizn'. 1919. September 24. (In Russian).
14. Zhizn'. 1919. October 19. (In Russian).
15. Zemskii. Stavropol'-Gubernskii. V zemstve (In Zemstvo) // Mestnoe samoupravlenie na Severnom Kavkaze. 1919. 5 aprelya. No. 4–5. P. 35. (In Russian).
16. Kondrashova A.A. Gorodskoe samoupravlenie Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (na materialakh Stavropol'ya) (City self-government of Russia in the late XIX – early XX centuries (on the materials of Stavropol region)): thesis. Stavropol', 2013. 278 p. (In Russian).
17. Kondrashova A.A. Stavropol'skoe gorodskoe obshchestvennoe upravlenie posle Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda (Stavropol city public administration after the February Revolution of 1917) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2014. No. 4. P. 36–41. (In Russian).
18. Priazovskii krai. 1919. May 21. (In Russian).
19. Rodnaya rech'. 1919. August 15. (In Russian).
20. Rodnaya rech'. 1919. August 17. (In Russian).
21. Rodnaya rech'. 1919. August 18. (In Russian).
22. Rodnaya rech'. 1919. August 20. (In Russian).
23. Rodnaya rech'. 1919. September 3. (In Russian).
24. Rodnaya rech'. 1919. September 19. (In Russian).
25. Rodnaya rech'. 1919. October 1. (In Russian).
26. Rodnaya rech'. 1919. October 8. (In Russian).
27. Rodnaya rech'. 1919. October 30. (In Russian).
28. Rodnaya rech'. 1919. November 23. (In Russian).
29. Rodnaya rech'. 1919. November 28. (In Russian).
30. Rodnaya rech'. 1920. February 2. (In Russian).
31. Severokavkazskii krai. 1919. September 17. (In Russian).
32. Severokavkazskii krai. 1919. September 20. (In Russian).
33. Severokavkazskii krai. 1919. September 24. (In Russian).
34. Severokavkazskii krai. 1919. October 11. (In Russian).
35. Severokavkazskii krai. 1919. November 8. (In Russian).
36. Severokavkazskii krai. 1919. November 10. (In Russian).
37. Severokavkazskii krai. 1919. November 12. (In Russian).
38. Severokavkazskii krai. 1919. November 21. (In Russian).
39. Severokavkazskii krai. 1919. November 30. (In Russian).
40. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1919. January 19. (In Russian).
41. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1919. June 1. (In Russian).
42. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1919. October 9. (In Russian).
43. Utro Yuga. 1919. September 20. (In Russian).

Сведения об авторе

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета / a.chemakin@spbu.ru

Адрес: д. 7–9, Университетская набережная, 199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Information about the author

Anton A. Chemakin – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer, Chair of History for Teaching at the Natural and Humanitarian Faculties, Institute of History, Saint Petersburg State University / a.chemakin@spbu.ru

The address: 7–9, Universitetskaya naberezhnaya, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.



УДК 94 (479) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.12>

В. А. Шкерин

«ОСМОТРЕТЬ ВСЬ ПОЛУДЕННЫЙ ВОСТОК РОССИИ»: КАВКАЗСКИЕ ТРАВЕЛОГИ СТЕПАНА НЕЧАЕВА

Степан Дмитриевич Нечаев – поэт и прозаик первой четверти XIX в., известный не столько литературными произведениями, сколько своими литературными связями. Он дружил с А. А. Бестужевым (Марлинским), был знаком с К. Ф. Рылеевым, В. К. Кюхельбекером, Д. В. Давыдовым, Н. А. Полевым, печатался в альманахах «Полярная звезда», «Мнемозина», «Уrania», в журналах «Вестник Европы», «Московский телеграф», «Благонамеренный», «Дамский журнал». В 1823 г. С. Д. Нечаев предпринял большую поездку по Кавказу для этнографического изучения и литературного описания малознакомого края. Результатом этой поездки стали два литературных травелога – большое стихотворение «Воспоминания» и прозаические «Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России». Большую часть времени автор-путешественник провел на Горячих Водах (будущем Пятигорске) и в Кисловодске. Однако весь кавказский маршрут получился гораздо длиннее: через Старочеркасск, Ставрополь и Георгиевск на Кавказские Воды и обратно – через Георгиевск, Моздок и Кизляр на Астрахань и далее вверх по Волге. Во время этого вояжа С. Д. Нечаев имел ряд важных встреч. Состоявший при генерале А. П. Ермолове чиновник и

литератор В. Ф. Тимковский, возможно, открыл Нечаеву тайные замыслы окружения «проконсула Кавказа». Кабардинский просветитель Ш. Б. Ногмов познакомил его с культурой и бытом своего народа. Опальный офицер и будущий участник восстания на Сенатской площади А. И. Якубович стал другом Нечаева и героем одного из его стихотворений. Кавказские травелоги Нечаева были опубликованы в 1825–1826 гг., оказавшись одними из последних прижизненных публикаций этого автора. После разгрома восстания декабристов, в числе которых были друзья и знакомые Нечаева (К. Рылеев, А. Бестужев, В. Кюхельбекер, А. Якубович), он также оказался под подозрением. Большой вины за Нечаевым найдено не было, но от своей мечты о литературной славе он предпочел отказаться.

Ключевые слова: кавказский травелог, Кавказские Минеральные Воды, русская литература, движение декабристов, С. Д. Нечаев, первая четверть XIX в.

Для цитирования: Шкерин В. А. «Осмотреть весь полуденный Восток России»: кавказские травелоги Степана Нечаева // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 615–622. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.12

Vladimir A. Shkerin

“EXPLORE THE ENTIRE SOUTH EAST OF RUSSIA”: CAUCASIAN TRAVELOGUES BY STEPAN NECHAEV

Stepan D. Nechaev is a poet and prose writer of the first quarter of the 19th century, who is known not so much for his literary works as for his literary connections. He was friends with A. Bestuzhev (Marlinsky), was familiar with K. Ryleev, V. Kyuchelbeker, D. Davydov, N. Polevoy, published in almanacs “Polar Star”, “Mnemosyne”, “Urania”, in the journals “Herald of Europe”, “Moscow Telegraph”, “Well-intentioned”, “Ladies’ Magazine”. Nechaev undertook a long trip around the Caucasus for ethnographic study and literary description of an unfamiliar region in 1823. The result of this trip was two literary travelogues – a large poem “Memories” and prose “Excerpts from travel notes about South-Eastern Russia”. Most of the time the author-traveler spent on the Caucasian Mineral Waters – in Goryachevodsk (future Pyatigorsk) and Kislovodsk. However, the entire Caucasian route turned out to be much longer: through Starocherkassk, Stavropol and Georgievsk to the Caucasian waters and back – through Georgievsk, Muzdok and Kizlyar to Astrakhan and further up the Volga. During this voyage, Nechaev had a number of important meetings. The official and writer V. Timkovsky, who was under General A. Yermolov, may have

revealed to Nechaev the secret plans of the environment of the “proconsul of the Caucasus”. The Kabardian educator Sh. Nogmov introduced him to the culture and way of life of his people. A disgraced officer and future participant in the uprising on Senate Square A. Yakubovich became a friend of Nechaev and the hero of one of his poems. Nechaev’s Caucasian travelogues were published in 1825–1826, being one of the last lifetime publications of this author. After the defeat of the Decembrist uprising, among whom were friends and acquaintances of Nechaev (K. Ryleev, A. Bestuzhev, V. Kyuchelbeker, A. Yakubovich), he also came under suspicion. No great fault was found for Nechaev, but he preferred to give up his dream of literary glory.

Key words: Caucasian travelogue, Caucasian Mineral Waters, Russian literature, the Decembrists movement, Stepan D. Nechaev, the first quarter of the 19 century.

For citation: Shkerin V. A. “Explore the entire South East of Russia”: Caucasian travelogues by Stepan Nechaev (In Russian) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 615–622. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.12

Литературная известность Степана Дмитриевича Нечаева (1792–1860) не выдержала испытания временем: имя это знакомо теперь лишь специалистам. Изредка его стихи включаются

в антологии, но не столько из-за литературных достоинств, сколько из-за причастности автора к когорте поэтов-декабристов [13, с. 269, 595–596; 35, с. 97–115; 42, с. 250–256]. Впрочем, образу

поэта-декабриста, каким представляло его советское литературоведение, Нечаев тоже не соответствует. Большую часть его литературного наследия составили не трагедии, оды, сатира или героические гимны, т. е. не те жанры гражданской поэзии, с которыми питты из тайных обществ противостояли сентиментализму карамзинистов [16, с. 151–152]. Нечаев же сам входил в круг московских последователей Карамзина и был плодотворен на ниве альбомной лирики.

Популярность литературного травелога в России, как и литературная слава Н. М. Карамзина начинались с публикации в 1790-х гг. его «Писем русского путешественника». «Путешествие питательно для духа и сердца нашего», – поучал «Русский Стерн» и призывал: «Путешествуй, кто только может!» [17, с. 144]. По проторенной им дороге устремились к известности и другие русские литераторы. В феврале 1823 г. Нечаев познакомился со столичным писателем и критиком, соиздателем альманаха «Полярная звезда» А. А. Бестужевым [44, с. 44–53]. Первым крупным произведением Бестужева, изданным отдельной книгой и имевшим успех, также был травелог – «Поездка в Ревель» (1821 г.). «Надобно путешествовать, чтобы научиться, говорят все; я думаю: надо учиться, чтобы с пользою путешествовать, – рассуждал автор «Поездки». – Тогда всякий предмет, одушевленный воспоминанием, принимает новую жизнь и голос» [5, с. 23].

В мае 1823 г. «директор училищ Тульской губернии г. коллежский асессор Степан Нечаев» был «уволен ... для излечения к Кавказским Минеральным Водам» [39, л. 1]. Отъезд итожил его службу на поприще народного просвещения, отчасти совпавшую с членством в Союзе благоденствия, плодотворную (основывал училища, пополнял за свой счет библиотеки и т. д.) и бескорыстную (отказался от жалования) [12]. «В 1823-м году был я на водах Кавказских не с одним намерением поправить свое здоровье, но гораздо более для того, чтоб удовлетворить справедливое любопытство, чтоб осмотреть весь полуденный Восток России», – признавался Нечаев в комментариях к большому стихотворению «Воспоминания» [26, с. 626].

По времени публикации «Воспоминания» стали первым кавказским травелогом Нечаева. Появились они в «Полярной звезде на 1825 год», которая, по мнению советского литературоведа В. А. Архипова, «отличалась особой целеустремленностью и революционным пафосом»: «В третьей книжке помещено минимальное число политически нейтральных произведений и исключительно широко представлены декабристские опыты в стихах и в прозе» [3, с. 854]. В спор с ним вступил ирландский историк П. О'Мара, отметивший, что «из более чем тридцати участников издания 1825 г. только четверо были декабристами: два издателя –

Рылеев и А. Бестужев, а также два других автора – Н. Бестужев и А. О. Корнилович» [29, с. 222]. Уточним, что действительных членов декабристских организаций среди авторов было еще меньше: книжка вышла в марте, а Корнилович вступил в тайное общество в мае [20, с. 311]. Бывшие члены обществ представлены в том же ряду Ф. Н. Глинкой, С. Е. Раичем и С. Д. Нечаевым. Отдельно отметим А. С. Грибоедова, членство которого в Северном обществе остается предметом дискуссии [15, с. 181–212; 28, с. 53–84 и др.].

Свое заключение В. А. Архипов основывал на анализе почти исключительно произведений издателей – Рылеева и Александра Бестужева. В публикациях иных настоящих и бывших членов тайных обществ «революционный пафос» найти мудрено. Разве только в очерке Николая Бестужева «Гибралтар» имеется описание захвата и обороны крепости Тарифа (Кадис) «остатками конституционных испанцев», «революционерами» и «инсургентами». Глинка дал для сборника сентименталистские стихи и прозу, Грибоедов – перевод из И. В. Гете, Раич – перевод отрывка из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (в 1828 г. он издал уже полный перевод поэмы).

Нет «пафоса» и в поэтическом травелого Нечаева. Бестужевская «Поездка в Ревель» была подана в стернианской манере: «ученость» изложения перемежалась беседами с читателями, лирическими отступлениями и переходами от прозы к стихам [33, с. 75–76]. «Воспоминания», напротив, написаны нарочито-возвышенным стихом, сопровождаемым «учеными» прозаическими комментариями: «Из Москвы выбрал я путь кратчайший на Воронеж и Черкасск, но из Георгиевска возвратился в свою сторону совсем иною дорогою, чрез Моздок, Кизляр, Куманскую степь, Астрахань и Сарепту. Стихотворение ... есть не что иное, как беглый обзор любопытнейших предметов, поразивших меня в путешествии» [26, с. 626]. Из пояснения следует, что на Кавказ Нечаев добирался по-новому, учрежденному в 1804 г. почтовому тракту – через Старочеркасск, Ставрополь и Георгиевск, обратно же отправился по старому и более долгому пути [22, с. 10].

Стихотворный текст вместе с прозаическими комментариями позволяют проследить маршрут сочинителя и по самому Кавказу. «С подножия громады пятиглавой» (Бештау) автор осматривает Главный Кавказский хребет и Эльбрус, затем упоминает кисловодские гидронимы: Нарзанну, Улькуш (Березовку) и Кассаду (Ольховку). С Кавказских Вод он устремляется на Терек – в Моздок, к гребенским казакам и, преодолев «влажный их рубеж», посещает «чеченцев мрачных», издала любителю ледяной вершиной «Казбека гордого». Затем спускается по Тереку до Кизляра и уже по берегу Каспия едет на север – через калмыцкие степи («Там праздный элеут под войлочным

наметом Нам неизвестную свободу бережет») к Астрахани. Последний этап вояжа – вверх по Волге до Сарепты и переезд на Дон, где находилось родовое имение Нечаевых («Где в юности моей, брегов его владелец, Я в первый раз прижал пастушечью свирель»).

Стихотворение посвящено Василию Федоровичу Тимковскому, чиновнику особых поручений при генерале А. П. Ермолове. Тимковский сам считался поэтом, переводчиком и автором путевых записок, хотя публикаций почти не оставил. По свидетельству его племянника М. А. Максимова среди сочинений Тимковского были «записки о Кавказе; и нельзя не пожалеть, что все это осталось без вести, если не пропало» [23, с. 270]. Декабрист П. А. Муханов, хлопотавший в 1824 г. об издании «Военного журнала», пользовался рекомендациями Тимковского при выборе авторов, могущих писать статьи о Кавказе [24, с. 197].

В «Воспоминаниях» Нечаев поставил имя генерала Ермолова рядом с именем Митридата Евпатора: «дел великих соглядайте! Эльбрус «равну тень дарил неравным знаменам Ермолова и Митридата». Знамена были неравны, поскольку лишь один из двух прославленных полководцев носил царский венец. Посвящение Тимковскому позволяет предположить, что именно он открыл автору тайные замыслы и надежды ермоловского окружения. Лидер Южного общества П. И. Пестель показал на следствии: «Князь Сергей Волконской ездил в 1824 году летом на Кавказ и там познакомился с Якубовичем, а потом и с Тимковским... От них двух узнал он, что в Кавказском корпусе существует тайное политическое общество с революционными намерениями. <...> Давали чувствовать, что их общество весьма склонно к введению новой династии Ермоловых, что их сила очень значительна, ибо располагать могут всеми войсками Кавказского корпуса, который неограниченно предан Ермолову» [10, с. 117]. В позднейших мемуарах князь С. Г. Волконский подтвердил давние показания Пестеля, но источником сведений о Кавказском обществе назвал одного Якубовича, в правдивости которого усомнился [8, с. 368–370].

Штабс-капитан Нижегородского драгунского полка Александр Иванович Якубович также попал в число «водяных» знакомцев Нечаева, стал адресатом и героем восторженного стихотворения «К Я-у», сопровождаемого пометой: «10 августа 1823. Кисловодск». Будучи ранен в голову за Кубанью в июне 1823 г., Якубович прибыл на Воды для восстановительного лечения. Вообще же на Кавказ он угодил в наказание за участие в знаменитой четверной дуэли из-за балерины А. И. Истоминой. Якубович считал свою ссылку несправедливой и не скрывал обиды на царя, что и нашло отражение в стихотворении: «судьбы самой ты победитель», «тоску изгнания презираешь», «в бедах покой свой сохранил».

Целебные воды не смогли заживить рану Якубовича. В ноябре 1824 г. кавказский герой, ставший к тому времени капитаном, получил отпуск для лечения в клинике петербургской Медико-хирургической академии. По пути капитан задержался в Москве, где в конце апреля 1825 г. встретился с А. Бестужевым, который в то время «жил гостем» у Нечаева [31, с. 325]. Бестужев с Якубовичем «либеральничали вместе» недели три, затем отправились в столицу, где Якубович объявил Бестужеву и Рылееву, что решил убить царя: «Тогда пользуйтесь случаем: делайте, что хотите! Созывайте ваш великий собор и дурачьтесь досыта!» [9, с. 181].

9 ноября 1825 г., Нечаев писал А. Бестужеву: «С нетерпением жду твоих повестей. Давыдов догадывается, что “Кровь за кровь” родом из Кавказа. Якубович был твоею Музою. Пожми за меня его богатырскую руку. Привези его с собою. Обнимаю почтенного Рылеева...» [19, с. 319–320]. Не гадая о личности Давыдова (есть версия, что речь о поэте-гусаре Д. В. Давыдове [34, с. 24], герое одного из нечаевских альбомных стихотворений [25]) обратим внимание на переданную Нечаевым догадку. Действие бестужевской повести «Кровь за кровь» («Замок Эйзен») происходит в Ливонии XVI в. Роднить эту историю с Якубовичем может только тираноборческий сюжет: барона Бруно фон Эйзена убивает обиженный им племянник Регинальд.

Случаи с Тимковским и Якубовичем позволяют предположить, что декабристы и близкие к ним лица делились с Нечаевым крамольными мыслями и дерзновенными замыслами, а тот не без удовольствия помещал намеки на эти мысли и замыслы в свои стихи и письма. Таков был «беспокойный дух времени», когда можно было «слышать за обедом, что один пистолетный выстрел в Петербурге подымет всю Европу, и деспотам придется искать убежища в Азии или в свободной Америке» [36, с. 232].

Обратимся ко второму нечаевскому травелогу – к «Отрывкам из путевых записок о Юго-Восточной России», изданным в одном из номеров «Московского телеграфа» за 1826 г. и ставшим самой большой прозаической публикацией автора. Однако в соответствии с названием это было не законченное произведение, а лишь его фрагменты. Предваряя публикацию, издатель Н. А. Полевой призывал «сочинителя продолжить помещение путевых своих записок» и выражал уверенность, что «описание Моздока, чеченцов, гребенских казаков, Кизляра и проч., виденные им в рукописи, будут любопытны и занимательны для просвещенных читателей» [27, с. 26].

Но продолжения не последовало, «Отрывки» остались описанием Горячих Вод с окрестностями. «Жителя равнин» Нечаева восхитил вид Главного Кавказского хребта «с подножия Машуки» (горы Машук): «снеговые горы, как зубчатая,

сплошная стена, соединяющая две крайние твердыни: Эльбрус и Казбек». Одновременно испытал он «мучение Танталово»: «Желалось бы полюбоваться на них поближе, желалось бы сколько можно далее проникнуть в каменистые их недра, но недреманная их стража не выпускает из рук оружия – и горе любопытному, дерзающему проникнуть в последний приют необузданной свободы!» [27, с. 27–28, 29]. За полвека до Нечаева, глядя на Эльбрус от Бештау, подобное смешение чувств испытал профессор И. А. Гильденштедт: «Моему желанию подняться на эту снежную вершину воспрепятствовали кабардинцы; им она служит прибежищем в случае, если им изменяет военное счастье, поэтому кабардинцы не хотят, чтобы прибежище это стало известно» [11, с. 27–28, 29]. Нечаев мог познакомиться с книгой о кавказском путешествии профессора как по русскому переводу 1809 г., так и по ее немецкому изданию 1787–1791 гг.¹

Сам молодой курорт (которому еще предстояло в 1830 г. обрести статус города и имя Пятигорска) Нечаева не впечатлил. Дома «в один этаж и почти все покрыты тростником» («исключая двух домов кизлярского купца Орешева»²), зной, мухи и блохи. Так же и композитор М. И. Глинка, посетивший Горячие Воды в том же 1823 г., вспоминал, что вид их «в то время был совершенно дикий» [14, с. 42]. Зато еще один посетитель Вод того же года, подполковник И. Т. Раджицкий, бывавший тут и прежде, отмечал перемены к лучшему: «Домы беспрестанно выстраиваются деревянные и каменные, ибо они доставляют жителям значительный прирост» и «Съезд посетителей нынешнего лета, говорят, значительнее всех прошедших. Одних пашпортов собрано до 200. Некоторые семейства приехали с большою прислугой» [38, № 44, с. 404–405, 406]. За май-июнь 1823 г. на Кавказские Воды прибыло более 200 дворян и с ними свыше 70 особ женского пола, да полтысячи слуг, не считая «курсовых» из купцов и разночинцев [37, с. 72]. Очевидно, обустроенность курорта по-разному воспринималась приезжими из Центральной России и из ближнего Георгиевска (где тогда служил Раджицкий).

Зато очень схожие впечатления оставили у Нечаева и Раджицкого посещения колонии Каррас (ныне пос. Иноземцево), основанной в 1802–1803 гг. миссионерами из Эдинбурга и к 1820-м гг. населенной преимущественно немцами-гернгутерами [21]. Нечаев: «Чистенькие домики окружены садами; посредине селения протекает ручей, который, разделяясь на побочные канавки, орошает ого-

род каждого земледельца. Везде довольство, порядок, опрятность» [27, с. 32]. Раджицкий: «Деревня небольшая, домов 30 в одну улицу. Домики чистые, белые, с большими окнами, хотя покрытые камышом и соломой, но по свойству нации опрятные; пред каждым палисадник, в котором Итальянские тополи составляют красивую аллею по улице» [38, № 45, с. 422]. На Железных Водах Раджицкий познакомился с Александром Патерсоном, возглавлявшим миссию с 1813 г., и из беседы с ним многое узнал о жизни европейской колонии на Северном Кавказе. Для Нечаева, судя по «Отрывкам», Каррас остался лишь попутным впечатлением, цель же его поездки была иная: «При подошве Бештовой горы видны два аула мирных черкесов. Я имел случай быть в одном из сих селений, у жены сосланного в Сибирь узденя Каспаго» [27, с. 32–33]. Описание домов, одежды, обычаев и хозяйства жителей этого аула Нечаев сделал подробнее, чем для других виденных им народов. Но о каком именно ауле идет речь, остается не вполне понятным.

На «Плане Кавказской области, Георгиевского уезда» за 1819–1827 гг. вблизи Бештау отмечены два кабардинских аула – Аджиев и Кармов [18]. Другие источники называют еще как минимум два здешних аула – Абезыванов и Кошев. Так, писатель и издатель П. П. Свинын, посетивший Курбан-байрам в Аджи-ауле в 1825 г., отмечал, что на празднике присутствовали «черкешенки из соседних аулов», а на скачках призовые места достались лошадям Аджиева и Абазинванова (Абезыванова) [41, с. 244, 248]. Путешественники той поры отмечали полуоседлый образ аульской жизни, при котором переезд мог быть вызван скоплением отбросов и навоза [6, с. 138; 7, с. 107]. Ермоловские репрессии также не способствовали оседлости аулов, снимавшихся с мест, как по воле «проконсула», так и в бегстве от нее [4, с. 41–45].

С жизнью аула Нечаева мог познакомить описанный в «Отрывках» кабардинский просветитель и фольклорист, будущий автор «Истории адыгейского народа» Шора Бекмурзин Ногмов. О его местожительстве близ Бештау исследователи спорят, перечисляя упомянутые выше аулы: Аджиев (Хаджихабле, Хаджи-Кабак), Кармов (Кармовхабле), реже – Кошев. Имеется и донесение самого «поручика Бермурзы Ногмова», позволяющее предположить, что у Бештау какое-то время находился его родовой аул (возможно, как часть Кармова). Ногмов мог проживать в 1821 г. в Хаджи-Кабак (сообщение миссионера Гендерсона) и в 1825 г. – в Кармове (перепись Я. Шарданова) [4, с. 218–227; 43].

Лакуны в биографии просветителя не позволяют ставить точку в вопросе о виденном Нечаевым ауле, но интерес к общению двух творческих личностей этим не исчерпывается. По свидетельству Нечаева, Шора тоже был поэтом, хотя творения

1 О популярности И. А. Гильденштедта у путешествовавших по Кавказу россиян можно судить по статье П. А. Муханова «Красный мост» [24, с. 89–95].

2 Т. е. предводителя кизлярского дворянства В. К. Арешева, который в 1822 г. купил на Горячих Водах земельный участок и уже в сезон 1823 г. сдавал комнаты во вновь построенных флигелях [1, с. 8; 32, с. 28, 33].

его не сохранились: «он сочиняет иногда небольшие поэмы во славу нашего оружия, которые не может распространить между соотечественниками иначе, как чрез изустное предание и медленное изучение на память» [27, с. 36]. Ногмов познакомил Нечаева с поэзией своего народа: «Черкесские барды носили общее название гию-ко. Один уцелевший от общих бедствий, престарелый песнопевец и теперь еще жив. Я хотел посетить обитаемый им аул, но отдаленность не допустила меня видеть здешнего Оссиана. В стихотворениях кабардинских, древних и новых, не нашел я правильного размера, но везде богатую рифму по образцу арабских и персидских. Из перевода Шоры, за точность которого он сам отвечать не мог, замечается некоторое сходство с шотландскими песнями, изданными Макферсоном. Те же сравнения из дикой, величественной природы, те же предметы: кровавые битвы, похищения красавиц, сетования о убиенных воинах и тому подобное» [27, с. 37]. Кельтские предания в вольной обработке Дж. Макферсона, выдаваемые за подлинные «оссиановские» поэмы, пользовались в Европе и России огромной популярностью. Сходство, о котором писал Нечаев, может объясняться как его собственными ассоциациями, так и быть привнесенным Ногмовым, совмещавшим традиционную адыгскую культуру с современной ему европейской [2, с. 219–221].

Ногмов открыл Нечаеву свой замысел составить кириллический алфавит для кабардинского языка: «Один из их узденей, занимающийся разным торгом на Горячих Водах, известный всем приезжим Шора, намеревался представить правительству опыт таковой азбуки для напечатания» [27, с. 35]. Нечаев, как недавний работник народного просвещения, оценил этот проект чрезвычайно высоко, видя в нем если не альтернативу, то необходимое дополнение военному покорению Кавказа: «По введении собственной грамоты, легче будет рассеять в Кабарде и даже за Кубанью благонамеренные писания, которые конечно могут послужить к смягчению нравов диких наших соседей, хотя скудная и непроходимыми горами пресекаемая их отчизна, долго еще полагать будет преграды к соединению взаимных выгод общим миром. Может быть, предположение постепенного их образования покажется мечтательным; но с другой стороны грустно думать, что одно истребление может положить конец их разбойнической жизни» [27, с. 36].

Описал Нечаев и калмыков, сдававших «куровым» на Водах кибитки для проживания. В калмыцких стихах и танцах он нашел сходство с русскими народными из южных губерний. «Калмыки очень неглупый народ, — писал литератор. — Жаль, что духовная каста, прибравшая к рукам своим все средства образования, для собствен-

ной своей выгоды, не дает ему распространяться в простом народе» [27, с. 38]. Влияние буддийского духовенства вместе с соблазнами, привнесенными «водяным обществом», привели к пагубным последствиям: «Прежде почитали калмыков храбрыми воинами; свойство сие совершенно изменилось. Их обвиняют теперь в наклонности к воровству, к пьянству и к картежной игре» [27, с. 38–39]. Мнение, сформированное в той поездке, Нечаев не забыл и в 1832 г., уже исполняя обязанности обер-прокурора Святейшего Синода, подал на высочайшее имя предложение привлечь миссионеров к обращению калмыков в православие. Николай I такое предложение одобрил, и в Астраханской семинарии открылись курсы калмыцкого языка для будущих миссионеров [30, с. 89, 146–147].

Казаки в «Отрывках» упомянуты лишь ради сравнения донцов с их гребенскими и линейными товарищами. Первые «не имея более безпкойных соседей, утратили в некоторой степени воинственный дух», и, прибывая «по очереди ... на Кавказскую стражу», не хотят «подвергать жизнь свою ежечасной опасности», даже не имеют «исправного оружия, с которым бы они могли дерзнуть в единоборство с горскими рыцарями». Линейные и гребенские, напротив, ведут простую жизнь во всегдашнем ожидании битвы, владеют превосходным добытым у врага оружием и страшны для немирных горцев [27, с. 39]. Не случайно Полевой призывал Нечаева поместить в журнале описание виденных им гребенских казаков: вероятно, они послужили источником не вполне объективного сравнения.

После кавказского турне С. Д. Нечаева минуло полтора года. В Петербурге и на Украине восстали и были разгромлены декабристы. Репрессии ударили по ближнему кругу Нечаева: Рылеев был повешен, А. Бестужев, В. Кюхельбекер и Якубович — осуждены. Тимковский, вовремя перебравшийся с беспокойного Кавказа в Бесарабию, счастливо уцелел. Нечаеву, казалось бы, тоже ничего не угрожало: отставшие от движения члены Союза благоденствия мало интересовали следователей. Но он дал ложную подписку в том, что не состоял в тайных обществах и за это мог быть заключен в крепость минимум на месяц. Нечаев спасла длительная командировка в Пермскую губернию на рубеже 1826–1827 гг., из которой он уже не привез нового травелога. Последние его публикации датируются 1826 г.: три стихотворения и рассмотренные здесь «Отрывки». В пути он еще пытался писать стихи — карандашом в записной книжке [40, л. 52], но отношений с журналами по приезду уже не возобновлял. Осторожный Нечаев решил не рисковать и отказался от мечты о литературной славе ради спокойной жизни и чиновничьей карьеры.

Литература

1. Акопян В. З., Ильясова А. А. Вклад предпринимателей-армян в развитие Пятигорского курорта в досоветский период // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. С. 8–14.
2. Амбарцумян К. Р. Историографические подходы к изучению истории адыгского народа в XIX и XXI веках: сравнительный анализ // Метаморфоз vs трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв. Мат.-лы междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2013. С. 217–226.
3. Архипов В. А. Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 803–884.
4. Бейтуганов С. Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 784 с.
5. Бестужев А. Поездка в Ревель. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1821. 150 с.
6. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Пер. с франц. И. М. Назаровой. М.: Изд. Надыршин, 2010. 400 с.
7. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2-х ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. II. 485 с.
8. Волконский С. Г. Записки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 512 с.
9. Восстание декабристов: Материалы. Под ред. М. Н. Покровского. М., Л.: Гос. изд-во, 1925. Т. I. 540 с.
10. Восстание декабристов: Материалы. Под ред. М. Н. Покровского. М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. Т. IV. 486 с.
11. Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 508 с.
12. Глаголева О. Е. Основатель народных училищ Степан Дмитриевич Нечаев // Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края). Тула: Приокское кн. изд-во, 1991. Т. II. С. 337–342.
13. Декабристы: Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика / Сост. Вл. Орлов. М., Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. 688 с.
14. Записки М. И. Глинки. М.: Гарева, 2004. 448 с.
15. Ильин П. В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и обнаруженные участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 664 с.
16. История русской литературы: в 4 т. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализму / Ред. Е. Н. Купреянова. Л.: Наука, 1981. 655 с.
17. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. 544 с.
18. Кармов Р. К., Янова М. В. Обзор источников по происхождению аула «Кармово» (1793–1825 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 2. С. 43–51.
19. К литературной и общественной истории 1820–1830 гг. Сообщил В. Е. Якушкин // Русская старина. 1888. С. 149–168, 311–332, 583–600; 1889. С. 319–330.
20. Корнилович А. О. Записки из Алексеевского равелина. М.: Российский архив, 2004. 656 с.
21. Краснокутская Л. И. Шотландская миссия на Северном Кавказе, 1802–1835 гг. Пятигорск: РИА-КМВ, 2018. 307 с.
22. Летопись Пятигорска / Авт.-сост. Л. Н. Польской. Пятигорск, 1993 (1994). 122 с.
23. Максимович М. А. Воспоминание о Тимковских // Киевская старина. 1898. Октябрь. С. 254–272.
24. Муханов П. А. Сочинения и письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 496 с.
25. Нечаев. К портрету Д. В. Давыдова // Вестник Европы. 1816. № 7. С. 169–170.
26. Нечаев. Воспоминания // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым / Отв. ред. В. Г. Базанов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 619–628.
27. Нечаев. Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 1. С. 26–41.
28. Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. М.: Мысль, 1982. 102 с.
29. О'Мара П. К. Ф. Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста. М.: Прогресс, 1989. 336 с.
30. Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX вв. М.: Восточная литература, 2006. 207 с.
31. Письма Александра Александровича Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым, писанные в 1831–1833 годах // Русский вестник. 1861. Март. С. 285–335.
32. Польская Е. Б., Розенфельд Б. М. Дорогие адреса: Памятные места Кавказских Минеральных Вод. Ставрополь: Кн. изд-во, 1974. 176 с.
33. Полякова А. А. Творческая история «Поездки в Ревель» А. А. Бестужева // Русская литература. 2019. № 2. С. 68–77.
34. Попов А. В. Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь: Кн. изд-во, 1963. 168 с.
35. Поэты 1820–1830-х годов / Вступ. ст. и общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Биогр. справки, сост. и примеч. В. Э. Вацура. Т. I. Л.: Советский писатель, 1972. 792 с.
36. Пущин М. И. Из «Записок» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1980. Т. I. С. 231–237.
37. Пятигорск в исторических документах 1803–1917 гг. Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. 352 с.
38. Радожицкий И. Прогулка к Кавказским Минеральным Водам // Отечественные записки. 1823. Ч. XVI. № 44. С. 387–411; 1824. Ч. XVII. № 47. С. 411–456.
39. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1005. Оп. 1. Д. 4.
40. РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 5.
41. Свинын П. Письмо Издателя Отечественных Записок к Издателю // Отечественные записки. 1825. Ч. XXIII. № 64. С. 241–250.
42. Струн вещей пламенные звуки... Стихотворения поэтов-декабристов / Сост., вступ. ст., биогр. оч. и примеч. Вл. Муравьева. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 368 с.
43. Фоменко В. А. Шора Ногмов и район Пятигорья: малоизвестные сведения о жизни кабардинских селений конца XVIII – первой трети XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6 (74). С. 116–122.
44. Шкерин В. А. От тайного общества до Святейшего Синода: Декабрист С. Д. Нечаев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 421 с.

References

1. Akopyan V. Z., Il'yasova A. A. Vklad predprinimatelei-armyan v razvitie Pyatigorskogo kurorta v dosovetskii period (Contribution of Armenian entrepreneurs to the development of the Pyatigorsk resort in the pre-Soviet period) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2017. No 2. P. 8–14. (In Russian).
2. Ambartsumyan K. R. Istoriograficheskie podkhody k izucheniyu istorii adygskogo naroda v XIX i XXI vekakh: sravnitel'nyi analiz (Historiographical approaches to the study of the history of the Adyghe people in the XIX and XXI centuries: comparative analysis) // Metamorfoz vs transformatsiya. Mul'tidistsiplinarnyi podkhod k izucheniyu istorii adygov v XIX–XXI vv. Mat-ly mezhdunar. nauch. konf. Rostov-on-Don: SFU publ., 2013. P. 217–226. (In Russian).
3. Arkhipov V. A. Literaturno-esteticheskie pozitsii "Polyarnoi zvezdy" (Literary and aesthetic positions of the "Polar Star") // Polyarnaya zvezda, izdannaya A. Bestuzhevym i K. Ryleevym. Moscow, Leningrad: AS of USSR publ., 1960. P. 803–884. (In Russian).
4. Beituganov S. N. Kabarda: istoriya i familii (Kabarda: history and surnames). Nal'chik: El'brus, 2007. 784 p. (In Russian).
5. Bestuzhev A. Poezdka v Revel' (Journey to Revel). St. Petersburg: Printing house of A. Plushard, 1821. 150 p. (In Russian).
6. Blaramberg I. Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza (Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus). Moscow: Nadyrshin publ., 2010. 400 p. (In Russian).
7. Bronevskii S. M. Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze: v 2-kh ch. (The latest geographical and historical news about the Caucasus: in 2 parts). Moscow: S. Selivanovskii publ., 1823. Vol. II. 485 p. (In Russian).
8. Volkonskii S. G. Zapiski (Memories). Irkutsk: Vost.-Sibir. publ., 1991. 512 p. (In Russian).
9. Vosstanie dekabristov: Materialy (Decembrist uprising: Materials). Moscow, Leningrad: Gos. publ., 1925. Vol. I. 540 p. (In Russian).
10. Vosstanie dekabristov: Materialy (Decembrist uprising: Materials). Moscow, Leningrad: Gos. publ., 1927. Vol. IV. 486 p. (In Russian).
11. Gil'denshtedt I. A. Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 gg. (A journey through the Caucasus in 1770–1773). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 508 p. (In Russian).
12. Glagoleva O. E. Osnovatel' narodnykh uchilishch Stepan Dmitrievich Nechaev (Founder of public schools Stepan Dmitrievich Nechaev) // Gordost' zemli Tul'skoi (Zamechatel'nye lyudi nashego kraya). Tula: Priokskoe publ., 1991. Vol. II. P. 337–342. (In Russian).
13. Dekabristy: Poeziya. Dramaturgiya. Proza. Publitsistika. Literaturnaya kritika (Decembrists: Poetry. Dramaturgy. Prose. Publicism. Literary criticism) Moscow, Leningrad: Khudozh. literatura, 1951. 688 p. (In Russian).
14. Zapiski M. I. Glinki (Memories by M. I. Glinka). Moscow: Gareeva, 2004. 448 p. (In Russian).
15. Il'in P. V. Novoe o dekabristakh: Proshchennye, opravdannye i neobnaruzhennye uchastniki tainykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg. (New about the Decembrists: Forgiven, justified and undetected participants in secret societies and military uprisings of 1825–1826). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2004. 664 p. (In Russian).
16. Istoriya russkoi literatury: v 4 t. T. 2: Ot sentimentalizma k romantizmu i realizmu (History of Russian literature: in 4 vols. Vol. 2: From sentimentalism to romanticism and realism). Leningrad: Nauka, 1981. 655 p. (In Russian).
17. Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika (Letters from a Russian traveler). Moscow: Pravda, 1988. 544 p. (In Russian).
18. Karmov R. K., Yanova M. V. Obzor istochnikov po proiskhozhdeniyu aula «Karmovo» (1793–1825 gg.) (Review of sources on the origin of the village "Karmovo" (1793–1825)) // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2015. Vol. 7. No. 5. Part 2. P. 43–51. (In Russian).
19. K literaturnoi i obshchestvennoi istorii 1820–1830 gg. Soobshchil V. E. Yakushkin (To literary and social history 1820–1830. Reported by V. E. Yakushkin) // Russkaya starina. 1888. P. 149–168, 311–332, 583–600; 1889. P. 319–330. (In Russian).
20. Kornilovich A. O. Zapiski iz Alekseevskogo ravelina (Memories from Alekseevsky ravelin). Moscow: Rossiiskii arkhiv, 2004. 656 p. (In Russian).
21. Krasnokutskaya L. I. Shotlandskaya missiya na Severnom Kavkaze, 1802–1835 gg. (Scottish mission in the North Caucasus, 1802–1835). Pyatigorsk: RIA-KMV, 2018. 307 p. (In Russian).
22. Letopis' Pyatigorska / Avt.-sost. L. N. Pol'skoi (Chronicle of Pyatigorsk / Ed.-comp. L. N. Polskoy). Pyatigorsk, 1993 (1994). 122 p. (In Russian).
23. Maksimovich M. A. Vospominanie o Timkovskikh (Memories of the Timkovskys) // Kievskaya starina. 1898. October. P. 254–272. (In Russian).
24. Mukhanov P. A. Sochineniya i pis'ma (Essays and letters). Irkutsk: Vostochn.-Sibir. publ., 1991. 496 p. (In Russian).
25. Nechaev. K portretu D. V. Davydova (To the portrait of D. V. Davydov) // Vestnik Evropy. 1816. No 7. P. 169–170. (In Russian).
26. Nechaev. Vospominaniya (Memories) // Polyarnaya zvezda, izdannaya A. Bestuzhevym i K. Ryleevym. Moscow, Leningrad: AN SSSR publ., 1960. P. 619–628. (In Russian).
27. Nechaev. Otryvki iz putevykh zapisok o Yugo-Vostochnoi Rossii (Excerpts from travel notes about South-Eastern Russia) // Moskovskii telegraf. 1826. Part 7. No. 1. P. 26–41. (In Russian).
28. Nechkina M. V. Sledstvennoe delo A. S. Griboedova (Investigative case of A. S. Griboyedov). Moscow: Mysl', 1982. 102 p. (In Russian).
29. O'Mara P. K. F. Ryleev: Politicheskaya biografiya poeta-dekabrista (K. F. Ryleev: Political Biography of the Decembrist Poet). Moscow: Progress, 1989. 336 p. (In Russian).
30. Orlova K. V. Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX vv. (History of the Christianization of the Kalmyks: the middle of the 17th – the beginning of the 20th centuries). Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. 207 p. (In Russian).

31. Pis'ma Aleksandra Aleksandrovicha Bestuzheva k N. A. i K. A. Polevym, pisannye v 1831–1833 godakh (Letters from Alexander Alexandrovich Bestuzhev to N. A. and K. A. Polev, written in 1831–1833) // Russkii vestnik. 1861. March. P. 285–335. (In Russian).
32. Pol'skaya E. B., Rozenfel'd B. M. Dorogie adresa: Pamyatnye mesta Kavkazskikh Mineral'nykh Vod (Dear addresses: Memorable places of Caucasian Mineral Waters). Stavropol': publ., 1974. 176 p. (In Russian).
33. Polyakova A. A. Tvorcheskaya istoriya "Poezdki v Revel'" A. A. Bestuzheva (The creative history of A. A. Bestuzhev's "Journey to Revel") // Russkaya literatura. 2019. No 2. P. 68–77. (In Russian).
34. Popov A. V. Dekabristy-literaty na Kavkaze (Decembrist writers in the Caucasus). Stavropol': publ., 1963. 168 p. (In Russian).
35. Poety 1820–1830-kh godov (Poets of the 1820s–1830s.). Vol. I. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1972. 792 p. (In Russian).
36. Pushchin M. I. Iz "Zapisok" (From "Memories") // Pisateli-dekabristy v vospominaniyakh sovremennikov. Moscow: Khudozh. literatura, 1980. Vol. I. P. 231–237. (In Russian).
37. Pyatigorsk v istoricheskikh dokumentakh 1803–1917 gg. (Pyatigorsk in historical documents 1803–1917). Stavropol': publ., 1985. 352 p. (In Russian).
38. Radozhitskii I. Progulka k Kavkazskim Mineral'nykh Vodam (Walk to the Caucasian Mineral Waters) // Otechestvennye zapiski. 1823. Vol. XVI. No 44. P. 387–411; 1824. Vol. XVII. No 47. P. 411–456. (In Russian).
39. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 1005. Inv. 1. D. 4. (In Russian).
40. RGIA. F. 1005. Inv. 1. D. 5. (In Russian).
41. Svin'in P. Pis'mo Izdatel'ya Otechestvennykh Zapisok k Izdatel'yu (Letter from the Publisher of Domestic Notes to the Publisher) // Otechestvennye zapiski. 1825. Vol. XXIII. No 64. P. 241–250. (In Russian).
42. Strun veshchikh plamennye zvuki... Stikhotvoreniya poetov-dekabristov (Strings of prophetic fiery sounds ... Poems of Decembrist poets). Sverdlovsk: Sred.-Ural. publ., 1987. 368 p. (In Russian).
43. Fomenko V. A. Shora Nogmov i raion Pyatigor'ya: maloizvestnye svedeniya o zhizni kabardinskikh selenii kontsa XVIII – pervoi treti XIX v. (Shora Nogmov and the Pyatigorye region: little-known information about the life of Kabardian villages in the late 18th – first third of the 19th centuries) // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2020. No. 6 (74). P. 116–122. (In Russian).
44. Shkerin V. A. Ot tainogo obshchestva do Svyateishego Sinoda: Dekabrist S. D. Nechaev (From a secret society to the Holy Synod: Decembrist S. D. Nechaev). Yekaterinburg: Ural University publ., 2005. 421 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Шкерин Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии Уральского отделения РАН / shkerin_uit@mail.ru
Адрес: 16, ул. С. Ковалевской, 620108, Екатеринбург, Российская Федерация

Information about the author

Vladimir A. Shkerin – Doctor of History, Leading Researcher, Center of Social History, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS / shkerin_uit@mail.ru
The address: S. Kovalevskoy str., 16, 620108, Ekaterinburg, Russian Federation

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ LEGAL SCIENCES



УДК 343.73

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.13>

А. Е. Апанасенко

СИСТЕМА ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена изучению современной системы обязательного страхования в Российской Федерации. Автор дает характеристику функциональным подсистемам входящих в структуру обязательного страхования и определяет их особенности. Актуальность исследования темы настоящей статьи определена тем, что обязательное страхование в России – растущий вид финансовой деятельности, способствующий экономической стабильности общества. Обязательное страхование в современной России – это сложное, организованное образование со стратегическими целями и действенными способами ее достижения. В подтверждении вышесказанному необходимо отметить, что в период финансовых кризисов 2008, 2014 годов и глобальной пандемии 2020 года, организация обязательного страхования продемонстрировала свою эффективность. В это время удалось сохранить стабильность социально-экономической сферы страны и избежать резкого оттока вкладов, что способствовало устойчивости банковской системы.

Реализующиеся в процессе осуществления финансовой деятельности общественные отношения в области обязательного страхования, представляют собой определенную систему экономических отношений, имеющих строго направленную последовательность, регламентированную государством. Становление системы обязательного страхования определяется развитием страхового рынка.

Важным фактором такого развития служит взвешенная и последовательная макроэкономическая политика, в основе которой лежат финансовая стабильность. Повышенное внимание в статье уделяется структурированию системы обязательного страхования, как основополагающих элементов функционирования деятельности страхования. Автором определены ключевые подсистемы, непосредственно влияющие на организацию страхового дела в России, а также обозначены присутствующие современные проблемы и определены способы их устранения.

Особое внимание уделено контрольно-надзорной подсистеме обязательного страхования, определяющей состав субъектов страхового надзора, функции и задачи реализации контрольно-надзорных полномочий исполнительно-распорядительных органов и Центрального Банка России. Автором подчеркивается необходимость применения превентивных мер при осуществлении страхового надзора к субъектам обязательного страхования.

Ключевые слова: обязательное страхование, система, финансовая система, страховой надзор, фонды страхования, страховщики, страховые брокеры, страховые актуарии, финансовые отношения.

Для цитирования: Апанасенко А. Е. Система обязательного страхования: понятие и особенности // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 623–629. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.13

Anna E. Apanasenko

OBLIGATORY INSURANCE SYSTEM: CONCEPT AND FEATURES

The article is devoted to the study of the modern system of obligatory insurance in the Russian Federation. The author characterizes the functional subsystems included in the structure of obligatory insurance and defines their features. The relevance of the research topic of this article is determined by the fact that obligatory insurance in Russia is a growing type of financial activity that contributes to the economic stability of society. Obligatory insurance in modern Russia is a complex system with strategic goals and effective ways to achieve it. In confirmation of the above, it should be noted that during the financial crises of 2008, 2014 and the global pandemic of 2020, the organization of obligatory insurance has demonstrated its effectiveness. At this time, it was possible to maintain the stability of the socio-economic sphere of the country and avoid a sharp outflow of deposits, which contributed to the stability of the banking system.

The social relations in the field of obligatory insurance implemented in the course of financial activity represent a certain system of economic relations having a strictly directed sequence regulated by the state. The formation of the obligatory insurance system is determined by the development of the insurance market. An important

factor in this development is a balanced and consistent macroeconomic policy, which is based on financial stability. The article pays special attention to the structuring of the obligatory insurance system as the fundamental elements of the functioning of insurance activities. The author identifies the key subsystems that directly affect the organization of the insurance business in Russia, and also identifies the present modern problems and identifies ways to eliminate them.

Special attention is paid to the control and supervisory subsystem of obligatory insurance, which determines the composition of the subjects of insurance supervision, the functions and tasks of implementing the control and supervisory powers of the executive and administrative bodies and the Central Bank of Russia. The author emphasizes the need to apply preventive measures in the implementation of insurance supervision to subjects of obligatory insurance.

Key words: obligatory insurance, system, financial system, insurance supervision, insurance funds, insurers, insurance brokers, insurance actuaries, financial relations.

For citation: Apanasenko A.E. Obligatory insurance system: concept and features // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 623–629 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.13

Обязательное страхование охватывает отношения по предупреждению или ликвидации негативных последствий, ухудшивших социальное или материальное положение трудящегося населения, а также в других случаях, установленных законодательством Российской Федерации, иных групп граждан, достигших пенсионного возраста или получивших статус инвалида. Посредством обязательного страхования реализуется материальное и социальное обеспечение для граждан пострадавших в результате несчастного случая на производстве или в результате профессионального заболевания, в случае получения производственной травмы, потере кормильца, беременности и родам, рождения или ухода за ребенком (детьми) и других социально-значимых событий в жизни общества.

Выступая в обязательной и добровольной форме, личное страхование является самым востребованным видом обязательного страхования. Объекты личного страхования закреплены в Законе РФ от 27.11.1992 N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» которые представляют собой социальные (вред здоровью, заболевание, травма, смерть) и имущественные интересы (финансовое обеспечение за оказание услуг государственных медицинских организаций, выдача лекарств, а так же иных услуг необходимых для восстановления ухудшения состояния здоровья гражданина, финансовое обеспечение на поддержание или восстановление благополучного состояния здоровья, а также реализация комплекса превентивных профилактических мероприятий, направленных на снижение степени опасных для жизни или здоровья граждан каких-либо угроз или ликвидирующих их (медицинское страхование).

Обязательное страхование распространяется на все предусмотренные в России объекты личного страхования и служит социальной защитой для современного общества. В теории российского права социальная защита рассматривается как система социально значимых отношений по реализации мероприятий направленных на развитие благополучной жизнедеятельности населения, посредством проведения государством, муниципальной властью, общественными организациями и иными организациями мероприятий по созданию благоприятной для человека социальной среды, экологической безопасности, охране детства и материнства, содействие укрепления института семьи, благополучия граждан, в том числе финансового оздоровления населения и др.

Экономической основой современного социального обеспечения служит система обязательного социального страхования, управляемая органом исполнительной власти в пределах своих полномочий.

Каждому виду социальных страховых рисков, предусмотренные Ст. 8 Закона «Об основах обязательного социального страхования» гарантируется страховое обеспечение по обязательному социальному страхованию посредством выплаты пенсий и пособий.

Социально-страховые отношения являются публичными отношениями, поэтому регулируются, прежде всего, нормами финансового права. С учетом того, что деятельность по обязательному социальному страхованию непосредственно регулируются государством, а средства их фондов аккумулируются в государственные внебюджетные фонды, регулируемые бюджетным законодательством, они давно отделились от гражданско-правовых также, как и трудовой договор когда-то отделился из гражданско-правовых договоров найма. Несомненно, данная позиция носит дискуссионный характер, между тем, бесспорным является то, что публичные начала в отношениях обязательного социального страхования преобладают над частными.

Вышесказанное дает основание утверждать, что обязательное страхование представляет собой сложную систему, функционирующую за счет денежных фондов страхования.

В зарубежной и отечественной экономической литературе слово «система» применяется в различных значениях, в зависимости от области знаний, контекста, значения и т.д. [3, p.12–13]. В частности, некоторые авторы охарактеризовывают «систему», как нечто-то целостное, составленное из различных частей соединение; множественное количество элементов, существующих в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство [2, p.11–12].

В другом значении, система представляет собой некий порядок, регламентированный логичным расположением элементов и их взаимосвязями [6, p.3 – 4].

С точки зрения российского права, «система» трактуется как внутренняя организация строения права, которая является отражением существующих общественных отношений. Известный советский ученый С. С. Алексеев охарактеризовал систему права как макроструктуру права, то есть строение, закон, связи между отраслями права [1, p. 223 – 224].

Как отмечают авторы, одна и та же система может иметь различные структуры, аналогично, как и одна и та же структура может быть реализована в разных системах. Элемент обозначает пределы дискретности компонентов системы. Движение, развитие в рамках системной идеологии описывается терминами «функция», «поведение», «состояние» системы. Ценностные аспекты мира обозначаются термином «иерархия». Система есть иерархическая структура элементов, а мир – иерархическая структура, состоящая из систем разной степени сложности [9, p.146 – 147].

Как всякая система, обязательное страхование представляет собой совокупность взаимозависимых и взаимодополняющих элементов, структурированных таким образом, что исключение какого-либо из элементов не приведет к сбою всей системы. Стабилизатором эффективной работы системы будет являться ее структура.

Выступая институтом финансовой системы государства, обязательное страхование, представляет собой систему финансовых отношений, возникающих в результате создания и деятельности целевых фондов денежных средств (страховых фондов), соответственно отношения по обязательному страхованию регулируются в первую очередь нормами финансового права.

Так, финансово-правовые нормы регулируют порядок аккумулирования страховых фондов и их взаимоотношения с другими звеньями финансовой системы государства, в частности бюджетной системой; порядок расходования средств фондов страхования; государственное регулирование в области страхования (совместно с нормами административного права).

В структуре системы обязательного страхования можно выделить следующие функциональные подсистемы:

► **1. Институциональная подсистема**, которая представляет собой совокупность субъектов, обеспечивающих организацию обязательного страхования. К таким субъектам следует отнести:

- государство, в лице уполномоченных федеральных и территориальных органов, наделенных в соответствии со специальными законами об обязательных видах страхования соответствующими правами и обязанностями;
- финансово-кредитные учреждения (государственный (негосударственный) пенсионные фонды, федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования в субъектах, фонд социального страхования Российской Федерации);
- страховщики, которыми согласно положениям ч. 1 ст. 6 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 26.07.2017) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее – Закон № 4015-1), признаются страховые организации и общества взаимного страхования, занимающиеся на основании лицензии страхованием, перестрахованием;
- страховые актуарии, которыми в соответствии с ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 02.11.2013 N 293-ФЗ «Об актуарной деятельности в Российской Федерации» признаются физические лица, осуществляющие на профессиональной основе в соответствии с трудовым договором или гражданско-пра-

вовым договором актуарную деятельность и являющиеся членом саморегулируемой организации актуариев.

- страховые агенты и страховые брокеры, физические или юридические лица, осуществляющие в интересах страховщиков или страхователей услуги, путем заключения и поэтапного сопровождения договора страхования (перестрахования), согласованию изменений и внесения соответствующих правок к оформлению документов, условий урегулирования требований о страховом возмещении, контактированием со страховщиком или перестраховщиком, консультирование деятельности по организации страхования [4].
- Банк России – мегарегулятор финансового рынка, осуществляющий функции страхового контроля и надзора;
- уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг осуществляющий порядок досудебного урегулирования споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями [7].

► **2. Нормативно-правовая подсистема** системы обязательного страхования, которая включает в себя:

- 1) международно-правовую (международные договоры, соглашения, рекомендации и т. д.);
- 2) отечественную

Как уже отмечалось выше, отношения по обязательному страхованию реализуются в процессе плановой финансовой деятельности, регулируемой органами страхового надзора, соответственно данные отношения представляют собой некую систему экономических отношений, выражающуюся в четко обозначенной последовательности, регламентированную государством. По аргументированному мнению Фогельсона Ю. Б., реализация обязательного страхования, осуществляется при помощи императивных норм, в результате которых обеспечивается платежеспособность и финансовая стабильность страховщиков, санация страховых организаций, страховой надзор и контроль, в который входит в том числе и вопросы лицензирования деятельности субъектов страхового дела [8, p.27 – 43]. Особый характер нормативности финансовых правоотношений по обязательному страхованию заключается в том, юридические нормы распространяются на всей территории страны и действуют непрерывно во времени, вплоть до их изменения или отмены.

► **3. Обеспечивающая подсистема.**

Материальной базой обязательного страхования являются специально создаваемые целевые денежные фонды. Каждый фонд денежных средств представляет собой самостоятельное звено системы финансов и выступает целевым страховым фондом.

Аккумуляция денежных средств в бюджеты страховых фондов обязательного страхования происходит путем внесения страховых взносов, дотаций, а также предусмотренных законодательством средств из федерального бюджета (бюджетов субъектов) в случаях, обозначенных бюджетным законодательством Российской Федерации. Указанные источники представляют собой основные фонды пополнения бюджетов страховых фондов. К неосновным можно отнести штрафы, пени, прибыль от деятельности страховщика по размещению временно свободных денежных средств обязательного страхования, а также другие поступления, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Вышесказанное предопределяет, что финансовая деятельность государства, направленная на аккумуляцию фондов страхования – разнородна, при этом необходимо помнить, что страховые фонды денежных средств по своей сути индивидуальны, поскольку каждый из них имеет различное целевое направление, функционирование страховых фондов, связанное с перераспределением и использованием денежных средств – различно, а значит и различны и правовые режимы вышеперечисленных фондов.

Традиционно страховые фонды обязательного страхования формируются централизованным и децентрализованным методами. К числу централизованных бюджетных фондов относятся те, создание которых обусловлено распределением и перераспределением национального дохода, организованного в отраслях материального производства. Функционирование данных фондов связано с обязательным государственным социальным страхованием.

К числу таких фондов относится Пенсионный фонд Российской Федерации, фонд социального страхования Российской Федерации, федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования в субъектах. Исключительностью вышеперечисленных образований служит то, что они представляют собой самостоятельные финансово-кредитные учреждения. Денежные ресурсы таких фондов являются федеральной собственностью, но при этом не входят в бюджеты соответствующего уровня, а имеют строго целевую (страховую) направленность, которая проявляется в связи между доходами и расходами бюджета соответствующего фонда, а также оценки прогнозируемых доходов исходя из анализа предстоящих выплат.

Как справедливо отмечает Косаренко Н. Н., что при помощи централизованного метода образования фондов денежных средств страховщиков реализуется непосредственное выделение денег на обозначенные задачи из средств внебюджетных фондов или централизованных бюджетных

средств. Например, на создание страховых фондов, денежные средства которых будут направлены на ликвидацию или предупреждение последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, Российская Федерация ежегодно предусматривает в федеральном бюджет соответствующую статью расходов. Таким образом государство образует специальный финансовый резервный фонд для финансирования необходимых мероприятий и процедур по предупреждению, устранению и недопущению чрезвычайных ситуаций на транспорте, промышленных предприятиях, в строительстве и т.п.» [7, р.127–128].

Основной источник образования страховых фондов денежных средств по обязательным видам страхования, как уже говорилось ранее, это взносы – платежи страхователей, которыми выступают юридические и физические лица. Одним из распространенных методов поступления денежных средств в фонды обязательного страхования выступает децентрализованный метод. Примером децентрализованного метода формирования страхового фонда служат финансовые отношения в сфере организации обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО). На страхователя возлагается законом обязанность самостоятельно в течение 10 дней после получения права собственности на недвижимое имущество обратиться в страховую организацию и приобрести полис страхования.

► 4. Контрольно-надзорная подсистема.

Как справедливо отметили Е. В. Покачалова и А. Ю. Рыбкова, «финансы страхования, к которым относятся страховые денежные фонды, являются неотъемлемым звеном финансовой системы Российской Федерации. Стабильное и поступательное развитие финансовой системы Российской Федерации невозможно при отсутствии системы страховой защиты субъектов страхового дела, поэтому страховой надзор, представляющий собой один из способов страховой защиты, направлен на совершенствование финансовой системы Российской Федерации, а также формирование и укрепление финансовой дисциплины в Российской Федерации» [5, р.11–16].

Законом «Об организации страхового дела» установлены правила надзора за деятельностью субъектов страхового дела, который заключается в следующем:

- соблюдение всеми субъектами страхового дела страхового законодательства;
- предупреждение и пресечение нарушений участниками отношений по страхованию страхового законодательства (превентивная мера);
- обеспечение защиты прав и законных интересов страхователей, иных заинтересованных лиц и государства;
- эффективное развитие страхования.

При этом страховой надзор должен базироваться на принципах законности, гласности и организационного единства, как это предусмотрено ч. 2 ст. 30 Закона РФ «Об организации страхового дела».

Проанализировав правовую и научную литературу, можно констатировать, что в России в системе обязательного страхования существуют четыре основополагающие формы страхового надзора, а именно:

- 1) государственный, который представляет собой контроль уполномоченными органами государственной власти;
- 2) общественный, реализуемый общественными организациями (профсоюзами);
- 3) внешний, проводимый независимыми аудиторскими компаниями;
- 4) внутренний, который осуществляется непосредственно страховщиками, направленный на координацию и эффективное функционирование системы организации. Примером внутреннего контроля является осуществляемая территориальным фондом обязательного медицинского страхования деятельность ревизионной комиссии.

Участие государства в контрольно-надзорной подсистеме проявляется в различных формах: реализация специальной налоговой политики, установление видов обязательного страхования для конкретных категорий граждан в целях обеспечения гарантий их интересов, реализация специальных программ бюджетного регулирования и финансирования видов обязательного страхования, стимулирование деятельности страховщиков, определения для них специальных льгот, а так же создание и реализация особого правового режима, обеспечивающего страховой надзор за финансовой деятельностью страховых организаций и предприятий.

Одной из основополагающих целей страхового надзора выступает создание условий гарантированности финансовой устойчивости и способности исполнять свои обязательства перед страхователем в полном объеме, а также наличие объективной информации о стабильности страховщиков. Таким образом, и государство и страхователи смогут объективно оценивать финансовое состояние страховщиков при заключении договора обязательного страхования. При этом финансовая устойчивость страховых организаций зависит в том числе и от них самих. В частности, деятельность страховых организаций самым взвешенным способом должна быть направлена на прогнозирование рисков возникновения страховых случаев и от размеров, которые эти риски могут повлечь. В свою очередь, деятельность страховых организаций влияет на эффективность функционирования финансового рынка. Все это объясняет, почему роль государства в системе обязательного страхования так велика.

Целью государственного страхового надзора является:

- Во-первых, принуждение в неукоснительном соблюдении всеми субъектами страховых правоотношений требований страхового законодательства;
- Во-вторых, побуждение страховых организаций к действиям, направленным на снижение риска вероятности наступления страховых случаев;
- В-третьих, обеспечение развития конкурентоспособного страхового рынка;
- В-четвертых, повышение инвестиционной привлекательности страхового рынка.
- В-пятых, усиление доверия со стороны граждан к страховой индустрии, посредством гарантированности эффективной защиты прав и интересов страхователей, в том числе застрахованных лиц и выгодоприобретателей повышения финансовой грамотности и вовлеченности в сферу страховой деятельности;
- В-шестых, обеспечение сопоставимости российского страхового законодательства с международными признанными принципами и правилами регулирования и надзора в отношении страховых организаций.

Как видно, в страховом надзоре переплетаются финансово-правовые и административно-правовые начала. Тем не менее, анализ правоприменительной практики показал, что новая система страхового надзора реализуется отчасти посредством мер административного принуждения, что, по мнению диссертанта, является существенным недостатком. Проведение проверок субъектов страхового дела, выдача предписаний, применение штрафных санкций реализуется как Банком России – мегарегулятором страхового надзора, так и со стороны правоохранительных структур, осуществляющих общий контроль и надзор в сфере обеспечения требований законодательства.

Кроме того, наиболее частая реализация страхового надзора происходит путем обеспечения Банком России специальных мер государственного принуждения к страховщикам и иным участникам публичных отношений в сфере организации страхового дела в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения ими регламентированных законом и указаниями Банка России обязательств. Тем не менее, в страховом законодательстве отсутствует установленный перечень мер государственного принуждения. Применяемые меры принуждения в публичных страховых отношениях носят отчасти предупредительный или пресекающий характер (например, приостановление лицензии на осуществление конкретных видов страховых операций, вынесение соответствующего предписания о нарушении и устранении выявленных в ходе проверок нарушений и др.).

По нашему мнению, частое применение административно-правового механизма регулирования в сфере страхового надзора негативным образом отражается на обеспечении финансовой устойчивости страховых компаний. Страховой надзор должен регулироваться преимущественно финансово-правовыми методами, а меры административного принуждения должны использоваться только в крайнем случае, поскольку применение наказания к нарушителям не должно являться первоочередной целью страхового контроля и надзора. Страховой надзор должен быть направлен на деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению и ликвидации каких-либо нарушений участниками страхового дела путем организации и реализации проверок, либо мероприятий по профилактике недопущения нарушений, контролю своевременности исполнения обязательств, принятия мер, связанных с пресечением и устранением последствий выявленных нарушений, может и должна применяться посредством финансово-правовых методов.

По мнению диссертанта, обеспечение эффективного страхового надзора возможно добиться путем применения превентивных мер. Одним из таких предупреждающих действий, является аудит. Полагая, повышение роли внешнего аудита в страховом надзоре обеспечит своевременное получение достоверной информации о финансовом положении страховщиков – участников финансового рынка, укреплении доверия к их бухгалтерской (финансовой) отчетности и снижении рисков, связанных со слабой финансовой устойчивостью страховых организаций. Такой

подход, по нашему мнению, позволит Банку России предупреждать возможные нарушения страхового законодательства. В подтверждение вышесказанному, стоит озвучить мнение доктора юридических наук, Е. В. Покачаловой, которая абсолютно справедливо полагает, что определенная часть надзорных полномочий, который осуществляет Банк России вполне возможно может осуществляться аудиторскими компаниями совместно с актуариями по поручению Центрального Банка или, например, саморегулируемым организациям по поручению Комитета финансового надзора Банка России, кураторам страховых организаций по поручению Департамента страхового рынка Центрального банка Российской Федерации). Возможность перенесения части властных полномочий государственных органов негосударственным организациям, а в отдельных случаях и физическим лицам, делает возможным реализацию эффективного и действенного страхового надзора в отношении субъектов страхового дела.

Таким образом, под системой обязательно-го страхования понимается сложное структурированное образование, обусловленное целями экономической, финансовой и социальной стабильности, устойчивого развития, а также единством целей страхового надзора, находящих свое отражение в системе правового регулирования и текущей деятельности. В регулировании системы обязательно-го страхования преобладают публичные начала, соответственно данная система является самостоятельным объектом финансово-правового регулирования.

Литература

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ справоч. том]. Т.8. М.: Статут, 2010. 781 с.
2. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 2003, 1437 с.
3. Волкова В. Н., Денисов А. А. Теория систем и системный анализ. М.: Юрайт, 2014. 678 с.
4. Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 02.07.2021) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 // Российская газета. 12.01.1993.
5. Покачалова Е. В., Рыбкова А. Ю. Страховой надзор как универсальный финансово-правовой институт предупреждения правонарушений в сфере страхования и организации страхового дела // Финансовое право. 2018. №10. С. 11–16.
6. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие / В. Н. Чернышов, А. В. Чернышов. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. 95 с.
7. Федеральный закон № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 04.06.2018 // Российская газета. 06.06.2018.
8. Фогельсон Ю. Б. Систематизация страхового законодательства (Часть 1) // Юридическая и правовая работа в страховании. 2008. № 3 (15). С. 27–43.
9. Шулевский Н. Б. Объективность философского знания. Дисс. ... докт. философ. наук. М., 2001. 34 с.

References

1. Alexeyev S. S. Sobraanje sochinenii (Collected works). In 10 Vol. Vol. 8. Moscow: Status, 2010. 781 p. (In Russian).
2. Bolshoy rossiyskiy enciklopedicheski slovar (Great Russian Encyclopedic Dictionary). Moscow: BR, 2003, 1437 p. (In Russian).
3. Volkova V. N. Denisov A. A. Teoria system i systemniy analiz (System theory and systems analysis). Moscow: Jurit, 2014. 678 p. (In Russian).
4. The Federal Law No. 4015-1 «Ob organizacii strahovogo dela v rossiyskoy federacii» («The Federal Law» organizations terrible cases in the Russian Federation») (27.11.1992) // Rossiyskaya Gazeta. 12.01.1993. (In Russian).
5. Pokachalova E. V., Rybkova A. Y. Strahovoy nadzor kak universalniy finansovo – pravovoy predupregdeniya pravonarusheniy v sfere strahovania b strahovogo dela (Institute of Insurance supervision as a universal financial and legal institution for the prevention of offenses in the field of insurance and insurance business organization) // Finansovoe parvo. 2018. No. 10. P. 11–16. (In Russian).

6. Teoria system i systemniy analiz (System theory and systematic analysis: study. Equipment) / V. N. Chernyshov, A. V. Chernyshov. Tambov: TSU publ., 2008. P. 3–4. (In Russian).
7. The Federal Law No 123-FZ «Ob upolnomochennom po pravam potrebitelya finsnsovix uslug» (The Federal Law «organizations terrible cases in the Russian Federation») (06.06.2018) // Rossiyskaya Gazeta. 06.06.2018. (In Russian).
8. Vogelsong Yu. B. Sistematizacia strahovogo zakonodatelstva (Systematization of the insurance legislations) (Part 1) // Yuridicheskaya i pravovaya rabota v strakhovanii. 2008. No. 3 (15). P. 27–43. (In Russian).
9. Shulevsky N. B. Obyektivnost filosofskogo znanya (Objectivity of philosophical knowledge): abstract of thesis. Moscow, 2001. 34 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Апанасенко Анна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского федерального университета / aeapanasenko@ncfu.ru

Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Anna E. Apanasenko – Senior Lecturer, Chair of Administrative and Financial Law, North-Caucasus Federal University / aeapanasenko@ncfu.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.



УДК 340.0

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.14>О. В. Белянская
А. А. Чомаев**ПРОЦЕСС ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Рассматривается специфика выражения процесса правореализации в условиях цифровизации в целях выявления особенностей форм и субъектов данного процесса, а также поиска проблем, возникающих в ходе реализации норм права с использованием цифровых технологий индивидуальными субъектами права и органами власти.

Оригинальность и новизна исследования проявляется в постановке проблемы, целях исследования и авторских выводах относительно форм реализации права в цифровой среде, теоретико-прикладном анализе проблем процесса правореализации в условиях цифровизации.

Делается вывод, что правореализация с использованием цифровых технологий встроена в общий механизм реализации права и включает процедуры характерные для правоприменения и непосредственной формы реализации норм права. Непосредственная форма реализации норм права используется в целях самостоятельного выбора процедур и средств осуществления своих прав и законных интересов пользователями инфокоммуникационных технологий.

Доказывается, что фактором, влияющим на качество правореализации является цифровая культура, основанная на цифровой грамотности лица, реализующего свои правовые возможности.

Констатируется, что применение цифровых технологий органами власти необходимо и востребовано как способ современной коммуникации и бесконтактного взаимодействия с гражданами по поводу реализации прав и свобод граждан и юридических лиц.

Выявлены основные проблемы, возникающие в процессе реализации норм права с использованием цифровых технологий, в частности это необходимость кодификации законодательства о цифровых технологиях и принятие Цифрового кодекса. Авторы полагают, что требуется активное внедрение процедур по защите ключевых конституционных прав граждан, ввиду наличия потенциальных угроз правам и свободам личности, исходящие от процесса тотальной цифровизации общественных отношений. Особая роль в процессе защиты прав субъектов в цифровой среде принадлежит процедурам по обеспечению сохранности персональных данных пользователей инфокоммуникационных технологий. Защита персональных данных является одним из важнейших направлений в обеспечении информационной безопасности граждан в связи цифровизацией всех элементов правовой системы.

Обосновывается необходимость преодоления угроз существования коррупционных рисков и коррупционных предложений в цифровой среде. Высказываются опасения, что с углублением цифровизации и применения искусственного интеллекта коррупционные схемы значительно расширятся.

Ключевые слова: правореализация, цифровизация, реализация норм права, непосредственная форма реализации, цифровая культура, цифровые технологии, персональные данные.

Для цитирования: Белянская О. В., Чомаев А. А. Процесс правореализации в условиях цифровизации // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 630–637. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.14

Olga V. Belyanskaya
Albert A. Chomaev**THE PROCESS OF LAW ENFORCEMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION**

The peculiarities of law enforcement process in the context of digitalization is considered in order to identify the features of the forms and subjects of this process, as well as to search for problems that arise in the course of the implementation of legal norms using digital technologies by individual subjects of law and authorities.

The originality and novelty of the study is manifested in the formulation of the problem, the objectives of the study and the author's conclusions regarding the forms of realization of law in the digital environment, the theoretical and applied analysis of the problems of the process of law enforcement in the context of digitalization.

It is concluded that law enforcement with digital technologies is built into the general mechanism for the implementation of law and includes procedures specific to law enforcement and the direct form of implementation of the law. The direct form of law enforcement is used for the purpose of independent choice of procedures and means of exercising their rights and legitimate interests by users of infocommunication technologies.

It is proved that the digital culture based on the digital literacy of the person exercising his legal capabilities is a factor influencing the quality of law enforcement.

It is stated that the use of digital technologies by the authorities is necessary and in demand as a way of modern communication and contactless interaction with citizens regarding the implementation of the rights and freedoms of citizens and legal entities.

The main problems that arise in the process of implementing the rules of law using digital technologies are identified, in particular, the need to codify legislation on digital technologies and the adoption of the Digital Code. The authors believe that the active implementation of procedures to protect the key constitutional rights of citizens is required, in view of the presence of potential threats to the rights and freedoms of the individual, emanating from the process of total digitalization of public relations. A special role in the process of protecting the rights of subjects in the digital environment belongs to the procedures for ensuring the safety of personal data of users of infocommunication technologies. The protection of personal data is one of the

most important areas in ensuring the information security of citizens in connection with the digitalization of all elements of the legal system.

The necessity of overcoming the threats of the existence of corruption risks and corruption proposals in the digital environment is substantiated. There are fears that with the deepening of digitalization and the use of artificial intelligence, corruption schemes will expand significantly.

Постановка проблемы. Повседневная жизнь граждан становится все более «цифровой», а развитие электронных способов взаимодействия граждан с органами власти предполагает высокий уровень ожиданий от их деятельности и повышает как прозрачность и открытость при их взаимодействии, так и объем привлечения граждан к принятию управленческих решений и процессу реализации различных прав и свобод.

Определяя важность и актуальность анализа процесса правореализации через призму цифровизации, отметим следующее. Во-первых, это относительная новизна исследования взаимосвязи правореализации и применения цифровых технологий. Цифровое, а также научно-технологическое развитие является необходимым условием обеспечения суверенитета страны, конкурентоспособности нашей экономики. Однако усиливающаяся цифровизация несет определенные риски в процессе реализации и соблюдения прав и свобод граждан.

В эпоху цифрового общества меняется смысл права, как объективной категории, но в большей степени меняется смысл содержания прав субъектов права и способов их реализации. Изменение форм и характера правоотношений приводит к развитию возможностей человека и их выражения.

Во-вторых, практическая значимость выявления специфики и проблем правореализации в условиях цифровизации обусловлена повсеместным применением информационных технологий в различных областях человеческой деятельности и необходимостью организации обеспечения режима информационной безопасности и защиты информации, содержащей персональные данные человека, применение которых является необходимым условием использования информационно-коммуникационных технологий как площадки для реализации многих прав, свобод и обязанностей субъектов права. Очевидно, что современное общество всецело зависит от получаемых, обрабатываемых и передаваемых данных и особую ценность представляет информация, заключающаяся в себе данные о личной, индивидуальной или семейной жизни человека. Обеспечение конфиденциальности персональных данных при реализации основополагающих прав и законных интересов личности как одной из базовых основ ее безопасности требует особого внимания государства и специального технологического и правового регулирования.

Key words: law enforcement, digitalization, implementation of legal norms, direct form of implementation, digital culture, digital technologies, personal data.

For citation: Belyanskaya O. V., Chomaev A. A. The process of law enforcement in the conditions of digitalization // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 630–637 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.14

В-третьих, необходимо учитывать, что размещение правовой информации с помощью цифровых технологий способствует правовому просвещению населения, вследствие чего повышается уровень качества реализации прав и свобод граждан их вовлеченность в правореализационный процесс. У населения появляется видение того, как работать с цифровыми технологиями и что они из себя представляют. Официальные порталы правовой информации, сайты органов государственной власти, органов местного самоуправления, на которых публикуется информация о действующих актах и порядке их применения это шаг в развитии процедур формирования правовой культуры общества и расширение возможностей в реализации для различных субъектов права своих прав и законных интересов.

В-четвертых, недавняя трансформация социальной среды, появление новых прав человека, вытекающие из ранее выделенных или кардинально новых прав, которые ученые часто относят к четвертому поколению прав человека, обуславливают потребность не только в определении их сущности и корреляции с основополагающими правами человека, но и анализа процесса их реализации с учетом новых цифровых технологий.

Очевидно, что все нововведения, вызванные цифровизацией требуют осмысления через призму специфики процедур реализации субъектами своих правовых возможностей, в том числе цифровых прав, под которыми мы понимаем «комплекс прав, основанных на возможностях пользоваться современными IT-технологиями и Интернет, как средством передачи информации, которые дополняют имеющиеся права и свободы личности, но при этом имеют свой специфический предмет, так как, по сути, являются средством реализации иных прав и средством выражения своих интересов в сфере права» [13, с. 228].

Целью исследования является выявление особенностей процесса правореализации в условиях цифровизации, определить наличие специфики форм и способов правореализации, выразить авторское мнение относительно имеющихся проблем при реализации норм права с использованием цифровых технологий.

Для анализа правореализации в условиях цифровизации были применены различные общенаучные методы исследования: анализ, синтез, метод абстрагирования, моделирования. В частности, метод моделирования позволил

определить общую модель правореализации в условиях цифровизации, где цифровые технологии внедряются во все правоотношения, а также специфические формы проявления.

Активно применялся формально-юридический метод, как частно-научный метод, при помощи которого был проведен критический анализ законодательства в целях выявления тенденций в развитии процедур по реализации норм права в условиях влияния Интернет-технологий.

В условиях широкого распространения и применения цифровых технологий, большое значение приобретают вопросы не только их использования для получения информации и повышения качества жизни, но и как средства реализации прав и законных интересов различных субъектов права. Согласимся с мнением о том, что «цифровизация существенно влияет на современное развитие права, которое, с одной стороны, способствует данному процессу, обеспечивает его, но, с другой стороны, трансформируется под его воздействием. Существенные изменения наметились в сфере конституционного права, гражданского права, правового регулирования международной торговли и т. д.» [2, с. 15].

Научно-теоретическое осмысление любого правового явления невозможно без четкого понимания содержания базовых понятий и категорий, на основе которых это явление функционирует. Поэтому, исследуя вопросы влияния цифровых технологий на процессы правореализации, необходимо прежде всего обратиться к анализу основных понятий и категорий, составляющих сущность нашего предмета исследования.

О цифровизации. В российском законодательстве отсутствует легально закрепленное понятие цифровизации. В научных источниках активно используют такие понятия как «цифровые технологии», «информационные технологии», «информационно-коммуникационные технологии», «информационно-компьютерные технологии». Причем, как показывает анализ практики их применения, как правило, эти понятия определяются как тождественные, что не совсем соответствует действительности.

Что касается информационно-коммуникационных технологий, то в научной литературе отмечается, что их основу составляют распределенные информационные ресурсы, компьютерные сети, программное обеспечение, развитые коммуникации. Цифровые информационные технологии позволяют не только аккумулировать, хранить, трансформировать информацию, но и регенерировать новую информацию и новые знания.

Полагаем, что цифровой способ передачи и цифровая форма хранения информации отличаются от других способов организации информационного обмена в информационно-коммуникационных системах по критериям скорости,

качества и функциональности. Соответственно, технологии, в которых применяется цифровые сигналы для передачи информации, относятся к цифровым.

В специализированных научных источниках цифровые технологии толкуются как технологии, основанные на представлении сигналов дискретными полосами аналоговых уровней, а не в виде непрерывного спектра. Исходя из этого, цифровыми можно считать такие технические средства, в которых происходит сохранение и передача информации особым способом – цифровым.

О.Л. Солдаткина, отмечает, что «процесс цифровизации различных сторон правовой действительности неизбежно вносит изменения в состав приоритетов отечественной информационно-правовой политики, добавляя к ним создание и законодательное закрепление терминологического аппарата процесса цифровизации, изменение статуса и расширения области применения электронных документов (включая возможное изменение официальной единицы информации с документа на данные), повышение прозрачности процессов цифровой модернизации как права, так и государственных органов» [7, с. 158].

Цифровые технологии охватили большую часть жизнедеятельности человека, поэтому влияние цифровой модели не ограничивается правотворчеством, правореализацией и правовым просвещением. Современному праву достаточно хорошо известны, ставшие полноценными правовыми институтами, такие понятия как «электронный документ», «электронный документооборот», «электронная подпись». Так, в 2019 г. цифровизации подверглись трудовые книжки, с 2021 г. – обсуждается появление цифровых паспортов. В 2020 г. из-за предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) введены QR-паспорта, а в 2021 г. – электронные сертификаты о вакцинации против COVID-19 и о положительном тесте на COVID-19. Отсутствие QR-паспорта влекло невозможность воспользоваться определенными услугами, а значит и реализовать некоторые права, связанные с пребыванием человека в публичном пространстве. Отсутствие электронного сертификата против COVID-19 или наличие положительного теста на COVID-19 – означало препятствие в реализации права на въезд и выезд из определенной территории. Вывод – цифровизация активно влияет на все стороны правовой жизни общества, в том числе и правореализацию.

О правореализации и ее формах. Традиционно под правореализацией понимают «реализацию норм права, облакаемых в соответствующие специальные юридические формы, так и реализацию индивидуальных правовых актов» [6, с. 26], то есть правореализация есть деятельность различных субъектов права в которой происхо-

дит воплощение в жизнь предписаний правовых норм как непосредственно субъектом права, так и специально уполномоченным лицом, наделенным для это необходимым объемом полномочий. Процесс правореализации происходит либо в непосредственной форме, то есть в ходе выполнения субъектами права самостоятельных действий по соблюдению, исполнению, использованию норм права, либо в форме правоприменения – при участии как правило властных субъектов и должностных лиц.

Процедура реализации норм права зависит от их содержания. В том случае, если правовая норма не связывает осуществление субъективного права с деятельностью правоприменительного органа, личность вправе самостоятельно его реализовывать, а в некоторых случаях определять и процедуру такой реализации. Непосредственная реализация представляет собой возможность для личности осуществлять свои права без помощи публичных органов власти, что значительно упрощает процесс реализации. Но при этом на личность возлагается ответственность за правильность своих действий, иначе либо право не будет реализовано, либо могут быть затронуты интересы иных лиц [1, с. 28, 34].

При непосредственной реализации права важен уровень правовой культуры человека, который позволит ему ориентироваться в возможностях, предоставляемых правом. И если реализация права происходит с использованием цифровых технологий, то необходима и элементарная цифровая грамотность и культура. То есть на качество процесса правореализации субъективных прав оказывает множество факторов правового и технико-юридического характера. Так, распространение цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, беспилотный транспорт, цифровая медицина, сервисы государственных услуг, формируют новые возможности для реализации прав человека, но одновременно порождает риски при их реализации, а также угрозы для государственного суверенитета, остающегося необходимым условием реализации прав и свобод человека.

В цивилистике сегодня прорабатывается концепция «электронного договора», «смарт-контрактов», «цифровой валюты», «криптовалюты», «виртуальной собственности». В 2019 г. в Гражданский кодекс РФ была введена статья 141.1, предусматривающей цифровые права в виде разновидности имущественных прав [12]. Сегодня получает свое теоретическое осмысление концепция и «электронного лица», как предполагается, автономного носителя искусственного интеллекта.

Таким образом, цифровизация охватывает две основные формы реализации права – непосредственную, включающую такие способы как ис-

полнение, использование и соблюдение и форму правоприменения. Специфика правореализации в условиях цифровизации проявляется в действиях субъектов, осуществляющих нормы права – это субъекты, которые действуют в своих частных интересах, и субъекты публичного права.

О цифровой культуре как факторе эффективной правореализации в цифровой среде. Проблематика правореализации в условиях цифровизации приобретает двойное содержание. Во-первых, важным является анализ факторов, необходимых для осуществления процедур по реализации норм права с применением цифровых технологий, во-вторых, влияние цифровых технологий на возможности реализовывать свои правомочия субъектами права, доступность и скорость их использования.

В этой связи считаем необходимым, в отличие от традиционных подходов к анализу содержания и сущности процесса правореализации рассматривать его через призму понятий «информационная культура» и «цифровая культура», ведь именно повышение их уровня, должно создать условия для качественной и эффективной процедуры реализации норм права всеми субъектами – частными и публичными. Это мнение подтверждается многими учеными. Так, И. М. Расолов определяет, что возможности реализации прав и свобод человека существенно зависят от адаптированности к ним самого лица, институтов общества и государства, а также системы права, что в первую очередь обусловлено высокой степенью информационной и правовой культуры [5].

Цифровые компетенции – это умение использовать цифровые технологии при реализации своих прав, ключевую роль из которых придают цифровой грамотности. Осведомленность о возможностях использования Интернета («цифровая грамотность») – это предпосылка эффективно использовать свои права, выражать их при помощи цифровых технологий. В российском законодательстве отсутствует единство в использовании терминологии таких понятий как «электронная культура», «медиа-культура» и «цифровая культура», которые, как мы полагаем, можно объединить в единое целое – информационную культуру.

Под информационной культурой личности следует понимать свойство личности, которое характеризует ее как субъекта информационной деятельности и определяет отношение к функционированию и развитию информационной сферы общества. Таким образом, наличие цифровой грамотности предполагает формирование цифровой культуры как общества, так и отдельной личности.

В нашей стране процесс формирования информационного общества и цифровой культуры начался в 1993 г., когда был принят один из первых законодательных актов в этой сфере. Указ

Президента РФ от 28.06.1993 № 966 «О Концепции правовой информатизации России» [8]. Позже был принят еще ряд важных концептуальных документов, которые определили направления и способы становления информационного общества в России, порядок введения системы предоставления электронных государственных услуг, целью которых является упрощение реализации многих прав граждан, сокращение непосредственного общения гражданина с органами власти и повышение качества процедур реализации прав и обязанностей субъектов права.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [9] формирует цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики. Анализ этого программного документа вызывает научный интерес, прежде всего связанный с информационной деятельностью государства и развитием информационного общества. В частности, Стратегией вводятся в правовой оборот термины «информационное общество», «информационное пространство», «цифровая экономика» и другие, раскрывается содержание этих понятий, определяются основные принципы и цели цифрового развития российского общества.

Среди основных целей цифрового развития Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. определено, в частности, развитие и углубление цифровой компетенции граждан для обеспечения их готовности к использованию цифровых возможностей, а также преодоление сопутствующих рисков.

Об особенностях правореализации с участием органов власти. Применение цифровых технологий давно практикуется в деятельности органов власти различного уровня. При взаимодействии с гражданами для реализации их прав они могут воспользоваться цифровыми платформами, позволяющими экономить время и материальные ресурсы. К числу таких цифровых платформ, следует отнести ЕИС «Госуслуги», ЕИС «Госзакупки», ЕИС «Нотариат», ГАС «Выборы», ГАС «Законодотворчество», ГАС «Правосудие», «Электронное правосудие», ГИС «Электронный бюджет», ГАС «Управление», АИС «Налог-3», ГАС «Государственный оборонный заказ», ГАС «Правовая статистика», АИС «Адвокатура», ЕС межведомственного электронного взаимодействия. Все указанные сервисы позволяют гражданам реализовать в правоприменительной форме свои права и обязанности. В частности, при помощи сервиса «Электронное правосудие» гражданин может подать заявление в суд, через «Госуслуги» оплатить налоги, получить документы, заказать справки и т. п.

Важным направлением в деятельности судебных органов является использование такого цифрового инструмента как видеоконференцсвязь, которая уже используется при проведении судебных заседаний (ст. 155.1 ГПК РФ, ст. 153.1 АПК РФ, ст. 278. 1 УПК РФ, ст. 142 КАС РФ, ст. 29.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Эти цифровые средства активно вошли в повседневную деятельность органов власти и способствует эффективности реализации их полномочий.

Стремительное применение цифровых технологий при реализации правомочий публичными субъектами права спровоцировала начавшаяся в 2020 г. пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) и деятельность по предотвращению ее распространения. В этот период технологии видеоконференцсвязи оказались весьма необходимыми и востребованными. Благодаря современным возможностям видеоконференцсвязи, которая систематично использовалась во время пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) при проведении заседаний Правительства РФ, глав государств, Федерального Собрания РФ, в деятельности иных органов власти, различных учреждений и организаций, во многом удалось обеспечить их беспрепятственную работу.

Необходимо отметить, что активное формирование информационной основы деятельности различных органов судов, прокуратуры, полиции, нотариата и т. д., базирующееся на вводе и использовании персональных данных личности требует пристального внимания к законодательству и функционированию правоприменительной практики с позиции защиты персональных данных пользователей и повышения эффективности обеспечения права на неприкосновенность частной жизни как части мероприятий по обеспечению качества и эффективности реализации норм права.

О проблемах применения цифровизации при правореализации. Очевидно, что в любом новом явлении заложены прогрессивные начала, способствующие развитию общества и государства, но одновременно их внедрение происходит на фоне проблем, возникающих вследствие неподготовленности к использованию новых технологий. Применение цифровизации в процессе реализации права связано с необходимостью решения следующих проблем.

Во-первых, отсутствие сформированной законодательной базы для применения цифровых технологий. Если при функционировании многих пространств есть свои кодексы, например, Воздушный кодекс, Правила дорожного движения, Градостроительный кодекс и т.п., то для цифровой среды кодифицированного правового регулирования пока не создано. Да, приняты законы «О персональных данных» [11] и «Об информации, информационных технологиях и о защите ин-

формации» [10] и ряд других в нормах которых затрагиваются вопросы реализации прав личности с применением цифровых технологий, но все равно они не отражают всех потребностей в регулировании процедур применения и защиты прав личности при использовании цифровых технологий.

Весьма актуальны предложения ряда ученых и практиков о принятия «Цифрового кодекса» и формировании правовых основ по реализации и защите прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации. В частности, это обсуждалось в рамках специальной дискуссионной площадки на X Петербургском юридическом форуме, состоявшемся в конце июня 2022 года [3].

Во-вторых, проблемой применения цифровых технологий как государственными органами, так частным бизнесом является то, что при их использовании часто оставляется без внимания защита ключевых конституционных прав граждан. Справедливости ради отметим, что работа в этом направлении ведется. Так, Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека совместно с Правительством Российской Федерации был подготовлен проект Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации. Эта Концепция была подготовлена во исполнение подп. «г» п. 3 перечня поручений Президента Российской Федерации от 28 января 2021 г. № Пр-133 [4] в которой формулируются потенциальные угрозы правам и свободам личности, исходящие от процесса тотальной цифровизации общественных отношений.

Важность и актуальность анализа защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве вызвана среди прочих вопросов необходимостью защиты персональных данных пользователей инфокоммуникационных технологий, которые проникли в различные области человеческой деятельности, что порождает необходимость организации обеспечения режима информационной безопасности и защиты информации, содержащей персональные данные. Обеспечение конфиденциальности персональных данных как одной из базовых основ безопасности личности требует особого внимания государства и специального технологического и правового регулирования.

Считаем, что защита персональных данных является на сегодняшний день одним из важнейших направлений в обеспечении информационной безопасности граждан в связи цифровизацией всех элементов правовой системы.

В-третьих, проблема, возникающая при использовании цифровых технологий в процессе правореализации – это существование коррупционных рисков. Выражается это в том, что

цифровая среда часто обезличена и позволяет нивелировать коррупционные предложения и деятельность (уничтожать информацию, подменять данные и тому подобное). Коррупционные услуги могут оплачиваться также с применением цифровых средств и, в большинстве случаев, это происходит анонимно и часто трансгранично с применением цифровых денежных единиц. Все это скрывает факт причинения вреда людям, снимает риск ответственности.

Есть проблемы и с применением систем искусственного интеллекта (ИИ), которые как бы беспристрастно принимают решения в отношении поступков людей, их достижений или мер ответственности за неправомерные действия, но при этом дают возможность коррупционеру прикрываться в своих решениях выбором ИИ. Часто происходит абсолютизация решений, принятых ИИ, и невозможность их пересмотра. Если оспорить решение конкретного должностного лица возможно и для этого есть специальные юридические процедуры, то оспаривание решений/оценок ИИ и их пересмотра (апелляций, кассаций и т. п.), весьма затруднительна. Выскажем опасения, что с углублением цифровизации и применения ИИ схемы коррупционных услуг значительно расширятся.

Анализ публикаций последних лет позволяет сделать вывод, что вопросы интеграции цифровых технологий во все сферы юридической деятельности и проблем, которые в этой связи неизбежно возникают или могут возникнуть, сегодня находятся в центре внимания ученых и политиков. Цифровизация в процессе правореализации является довольно новым, сложным, системным и многоуровневым явлением, с приходом которого данный процесс рационализируется. Правореализационный процесс, протекающий в цифровой среде, должен формироваться с учетом следующих положений.

1. Правореализация в условиях цифровизации должна быть встроена в общий механизм реализации права, включающий процедуры правоприменения и непосредственной реализации норм права. Считаем, что процесс правореализации с применением инфокоммуникационных технологий имеет специфику если протекает в непосредственной форме, так как фактором, который влияет на качество правореализации является наличие цифровой культуры, основанной на цифровой грамотности лица, реализующего свои правовые возможности.
2. Процесс правореализации в условиях цифровизации имеет особенности при реализации своих полномочий органами власти. Важно учесть, что необходимыми условиями успешного внедрения цифровых технологий в деятельность органов власти является, в-первых, нормативно-правовое обеспечение

данного процесса, упорядочение основных понятий и терминов, которые применяются в этой сфере, их четкое определение и систематизация; во-вторых, комплексное урегулирование правоотношений, основанных на использовании персональных данных пользователей, взаимодействующих с органами власти. Это есть необходимый элемент процесса защиты пользователей инфокоммуникационных технологий и часть условий для качественного функционирования процесса обеспечения прав граждан, реализующих их при помощи цифровых технологий.

3. Актуальной задачей, стоящей перед нашим государством, владельцами интернет-ресурсов, средствами массовой информации,

общественными объединениями является поиск эффективных способов реализации субъектами права своих прав и законных интересов, обязанностей с использованием цифровых технологий, за которыми будущее. Поиск оптимального правового регулирования и процедур основан на комплексном решении проблем, обозначенных в настоящем исследовании. Не претендуя на истинность и глубину анализа предмета исследования ввиду сложности и объемности поднятых проблем, исследование правореализации в условиях цифровизации будет продолжено с учетом поиска решений поставленных проблем.

Литература

1. Белянская О. В. Непосредственная реализация прав и свобод личности: монография. Тамбов: Першин, 2005. 140 с.
2. Дорская А.А. Трансформация права в условиях цифровизации общественных отношений: кризисные явления и новые возможности // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Воронцовой. Казань: Отечество, 2020. С. 11–15.
3. Концепция обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве URL: <https://roscongress.org/sessions/spif-2022-kontseptsiya-obespecheniya-zashchity-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-tsifrovom-prostranstve/about/#> (Дата обращения: 11.06.2022).
4. Поручение Президента России от 28 января 2021 г. № Пр-133 «По итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64952> (Дата обращения: 11.06.2022).
5. Рассолов И. М. Информационное право: учебник и практикум для академического бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 346 с.
6. Решетов Ю. С. Правореализация и правовые отношения // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2014. №4. С. 24–30.
7. Солдаткина О. Л. Стратегические направления развития в сфере цифровизации права как приоритеты информационно-правовой политики // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2021. № 2. С. 154–160.
8. Указ Президента РФ № 966 «О Концепции правовой информатизации России» от 28.06.1993 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 27. Ст. 2521.
9. Указ Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 09.05.2017 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.
10. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
11. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
12. Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.
13. Belyanskaya O.V., Kazanovskaya J.A., Strutinskaya T.A. Updating human rights and freedoms in a digitalizing society // *Advances in Science, Technology and Innovation*. 2022. № w/n. P. 225-228.

References

1. Belyanskaya O.V. Neposredstvennaya realizatsiya prav i svobod lichnosti: monografiya. (Direct realization of the rights and freedoms of the individual: monograph) Tambov: Pershina, 2005. 140 p. (In Russian).
2. Dorskaya A.A. Transformatsiya prava v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestvennykh otnoshenii: krizisnye yavleniya i novye vozmozhnosti (Transformation of law in the context of digitalization of public relations: crisis phenomena and new opportunities) // *Transformatsiya i tsifrovizatsiya pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii v sovremennykh realiyakh i usloviyakh pandemii: kolektivnaya monografiya / ed by I.V. Vorontsova. Kazan: Otechestvo, 2020. P.11-15. (In Russian).*
3. Kontseptsiya obespecheniya zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v tsifrovom prostranstve (The concept of ensuring the protection of the rights and freedoms of man and citizen in the digital space). URL: <https://roscongress.org/sessions/spif-2022-kontseptsiya-obespecheniya-zashchity-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-tsifrovom-prostranstve/about/#> (Accessed: 11.06.2022). (In Russian).
4. Poruchenie Prezidenta Rossii ot 28 yanvarya 2021 g. No. Pr-133 «Po itogam zasedaniya Soveta po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka» (Following the meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64952> (Accessed: 11.06.2022). (In Russian).

5. Rassolov I.M. Informatsionnoe pravo: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata (Information law: textbook and workshop for academic bachelor's degree). Moscow: Yurait, 2017. 346 p. (In Russian).
6. Reshetov Yu.S. Pravorealizatsiya i pravovye otnosheniya (Law enforcement and legal relations) // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2014. No. 4. P. 24–30. (In Russian).
7. Soldatkina O.L. Strategicheskie napravleniya razvitiya v sfere tsifrovizatsii prava kak priority informatsionno-pravovoi politiki (Strategic directions of development in the field of digitalization of law as priorities of information and legal policy) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. Nauchno-teoreticheskii zhurnal. 2021. No. 2. P. 154-160. (In Russian).
8. Ukaz Prezidenta RF No. 966 «O Kontseptsii pravovoi informatizatsii Rossii» (Decree of the President of the Russian Federation «On the Concept of Legal Informatization of Russia») (28.06.1993) // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'sta Rossiiskoi Federatsii. 1993. No. 27. Art. 2521. (In Russian).
9. Ukaz Prezidenta RF No. 203 «O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2030 gody» (Decree of the President of the Russian Federation On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 - 2030) (09.05.2017) // Sobranie zakonodatel'sta Rossiiskoi Federatsii. 2017. No. 20. Art. 2901. (In Russian).
10. The Federal Law No. 149-FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» (Federal law «On information, information technologies and information protection») (27.07.2006) // Sobranie zakonodatel'sta RF. 2006. No. 31 (chast' I). Art. 3448. (In Russian).
11. The Federal Law No. 152-FZ «O personal'nykh dannykh» (Federal Law «On Personal Data») (27.07.2006) // Sobranie zakonodatel'sta Rossiiskoi Federatsii. 2006. No. 31 (chast' I). Art. 3451. (In Russian).
12. The Federal Law No. 34-FZ «O vnesenii izmenenii v chasti pervuyu, vtoruyu i stat'yu chasti tret'ei Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» (Federal Law «On Amendments to Parts One, Two and Article Three of the Civil Code of the Russian Federation») (18.03.2019) // Sobranie zakonodatel'sta Rossiiskoi Federatsii. 2019. No. 12. Art. 1224. (In Russian).
13. Belyanskaya O. V., Kazanovskaya J. A., Strutinskaya T. A. Updating human rights and freedoms in a digitalizing society // Advances in Science, Technology and Innovation. 2022. № w/n. P. 225–228. (In Russian).

Сведения об авторах

Белянская Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета / 520877@mail.ru
 Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Чомаев Альберт Ансарович – ассистент кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета / albert.chomaev@mail.ru
 Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Olga V. Belyanskaya – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law, North-Caucasus Federal University / 520877@mail.ru
 The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.

Albert A. Chomaev – Assistant, Chair of Theory and History of State and Law, North-Caucasus Federal University / albert.chomaev@mail.ru
 The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.



УДК 343.734

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.15>Д. А. Смирнов,
Е. А. Первышов**О ПОНЯТИИ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

В данной статье раскрываются вопросы современного состояния правового регулирования цифровых финансовых активов. Существует масса вопросов, касающихся определения ряда технологий, активно используемых в международной и национальных финансовых системах. К числу таковых следует отнести майнинг, нфт, централизованные и децентрализованные криптовалютные биржи, криптовалюту, токенизированные акции и др. Авторы уделяют внимание актуальным проблемам, существующим в связи с опережением общественных отношений основных аспектов правового регулирования. Существующие нормативные акты лишь в тезисном виде регулируют уже полноценно сложившиеся финансовые и гражданские отношения, в которых активно участвуют физические и юридические лица. Цифровые финансовые активы представляют собой новое явление в мировом финансовом рынке. Российская федерация отличается начальной стадией правового регулирования блокчейнизации и связанных с ней событий. Основа для развития рынка цифровых финансовых активов создается благодаря финансово-правовому регулированию, а также развитию гражданско-правовой базы, благодаря которым вносится ясность для участников новых общественных отношений. Мошенничество и коррупционные действия различных участни-

ков общественных отношений становятся массовыми в условиях недостаточного правового регулирования. Задача данного исследования обратить внимание на актуальные пробелы правового регулирования, благодаря которым страдает пользователь цифровых финансовых активов. На данный момент необходимо внести дополнения и изменения в законодательство, регулирующее порядок оборота цифровых финансовых активов. Государство в условиях международных санкций нуждается в создании новейшего механизма функционирования финансовой системы Российской Федерации. Трансграничные финансовые переводы становятся необходимостью, которая может быть осуществлена только благодаря внедрению на официальном уровне блокчейна как технологии, способной изменить скорость и качество функционирования финансовой системы. Цифровой рубль выступает основой для реализации глобальных финансовых задач Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровой финансовый актив, криптовалюта, токен, цифровой рубль, финансовая система.

Для цитирования: Смирнов Д. А., Первышов Е. А. О понятии цифровых финансовых активов в условиях современных реалий: финансово-правовые аспекты // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 638–642. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.15

Dmitry A. Smirnov
Evgeny A. Pervyshov**ON THE CONCEPT OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE CONDITIONS
OF MODERN REALITIES: FINANCIAL AND LEGAL ASPECTS**

This article reveals the issues of the current state of legal regulation of digital financial assets. There are a lot of questions concerning the definition of a number of technologies that are actively used in international and national financial systems. These include mining, NFT, centralized and decentralized cryptocurrency exchanges, cryptocurrency, tokenized shares, etc. The authors pay attention to the current problems that exist in connection with the advance of public relations of the main aspects of legal regulation. The existing normative acts regulate already fully developed financial and civil relations, in which individuals and legal entities actively participate, only in the abstract form. Digital financial assets represent a new phenomenon in the global financial market. The Russian Federation is distinguished by the initial stage of legal regulation of blockchain and related events. The basis for the development of the digital financial assets market is created thanks to financial and legal regulation, as well as the development of the civil legal framework, thanks to which clarity is introduced for participants in new public relations. Fraud and corrupt actions of various participants in public relations are becoming widespread in conditions of insufficient

legal regulation. The purpose of this study is to draw attention to the current gaps in legal regulation, due to which the user of digital financial assets suffers. At the moment, it is necessary to make additions and amendments to the legislation regulating the procedure for the turnover of digital financial assets. The state in the conditions of international sanctions needs to create a new mechanism for the functioning of the financial system of the Russian Federation. Cross-border financial transfers are becoming a necessity that can be implemented only through the introduction of blockchain at the official level as a technology that can change the speed and quality of the functioning of the financial system. The digital ruble is the basis for the implementation of the global financial objectives of the Russian Federation.

Key words: digital financial asset, cryptocurrency, token, digital ruble, financial system.

For citation: Smirnov D. A., Pervyshov E. A. On the concept of digital financial assets in the conditions of modern realities: financial and legal aspects // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 638–642 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.15

Цифровые финансовые активы (ЦФА) представляют собой цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Впервые данное определение было законодательно закреплено в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Федеральный закон № 259-ФЗ)¹. Данный Закон вступил в силу 1 января 2021 года (за исключением отдельных положений).

Указанный выше закон фактически определяет ЦФА в качестве объекта гражданских прав, отличающегося цифровой (электронной) формой, обладающего экономической ценностью и существующего благодаря внесению записи в реестр электронной информационной системы, где закрепляются необходимые данные. Ценностью обладает не сама запись в информационной системе, а удостоверенное ею право на зашифрованный в ней объект, включающее в себя правомочие на доступ к коду (логину, паролю и т.п.), а также правомочие на распоряжение цифровым активом².

Допускается осуществление сделок с ЦФА. В законе нет закрытого списка сделок, которые можно будет совершать с ЦФА. Сделки купли-продажи ЦФА, иные сделки, включая обмен одного вида активов на активы другого вида либо на цифровые права, предусмотренные законом, в том числе сделки с ЦФА, выпущенными в информационных системах, организованных в соответствии с иностранным правом, совершаются через оператора обмена цифровых финансовых активов, который обеспечивает заключение сделок с ЦФА путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение таких сделок либо путем участия за свой счет в сделке с ЦФА в качестве стороны такой сделки в интересах третьих лиц.

На практике уже существуют случаи использования ЦФА в гражданских и финансовых правоотношениях. В частности, Норникель выпустил токен для погашения финансовых обязательств перед кредиторами. Покупателем ЦФА становится один из кредиторов, а именно поставщик производственного оборудования «Норникеля». Поставщик

получает возможность продать ЦФА на вторичном рынке, чтобы быстрее получить деньги, полностью или частично, а может оставить ЦФА у себя или продать обратно эмитенту с дисконтом³.

Новый тип ЦФА получил название New Money Market (NMM). Его обеспечение – финансовое обязательство «Норникеля» по возврату денежных средств инвестору в дату, определенную эмиссионной документацией. Параметры токена соответствуют кредиторской задолженности «Норникеля» перед поставщиком.

Новый инструмент позволяет крупным компаниям-эмитентам и их поставщикам управлять оборотным капиталом и эффективно вкладывать временно свободные денежные средства.

Таким образом, NMM — перспективный инструмент краткосрочного торгового финансирования и высоколиквидных надежных инвестиций. Кроме того, он обладает преимуществами блокчейн-продукта. Это безбумажная цифровая форма, мгновенные безопасные расчеты на базе смарт-контракта, абсолютная надежность и верифицируемость прав владельца актива, отсутствие посредников.

По сути, это тот же вексель, но в цифровом исполнении. Пока идея выглядит как «проба пера». Но если такие сделки примут массовый характер и появится вторичный рынок таких токенов, то частные инвесторы и вообще любые компании смогут инвестировать свои деньги. И это не единственный случай. В октябре 2022 г. на платформе «Атомайз» был выпущен первый цифровой финансовый актив (ЦФА) на 7 драгоценных металлов: золото, серебро и металлы платиновой группы – платину, палладий, родий, иридий и рутений. Все 7 металлов производится эмитентом – ОАО «Красцветмет». Инвестором выступил брокер «Вектор Икс».

Данный инструмент поможет инвесторам составить готовую стратегию для диверсификации своего инвестиционного портфеля. Цель стратегии: вложить средства в драгметаллы как альтернативу активам на валютном и фондовом рынках [3].

Цифровые финансовые активы – новый виток развития цифровой экономики, главное их преимущество – возможность быстро, безопасно и удобно перемещать ценности между участниками рынка.

Но, несмотря на то, что ЦФА могут использоваться при осуществлении сделок, не стоит забывать о следующем законодательном запрете. Они не выступают средством платежа в отличие от цифровой валюты. Федеральный закон № 259-ФЗ закрепляет самостоятельное понятие цифровой валюты как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые принимаются в качестве средства платежа, не являясь при этом денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства и международной денежной или расчетной единицей (п. 3 ст. 1).

1 <http://www.rcb.ru/> по состоянию на 08.04.2021.

2 Ведущими биржами на международном криптовалютном рынке выступают Binance, Coinbase, FTX, CME, Gate и другие. Российских бирж, оказывающих криптовалютные услуги на данный момент не существует, поскольку отсутствует нормативно-правовая основа регулирования.

3 <https://t.me/BizLike> по состоянию на 17.10.2022.

В то же время, в соответствии с п. 7 ст. 14 российские юридические и физические лица не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, услуги или в качестве оплаты иным образом. Это противоречит признанию цифровой валюты средством платежа. На практике цифровая валюта не используется как средство платежа. Давая определение цифровой валюте в Федеральном законе № 259-ФЗ, законодатель допустил противоречие норм, которое следует исправить в будущем. На данный момент комментарий Федерального закона № 259-ФЗ в справочной системе КонсультантПлюс содержит следующее разъяснение: цифровую валюту можно принять как инвестиции или средство платежа, который не является денежной единицей. К сожалению, в законе не определен статус национальной цифровой валюты – цифрового рубля. В то же время Центральный Банк РФ активно исследует данный вопрос и проводит первичное нормативное регулирование на подзаконном уровне.

Центральный Банк РФ утвердил в апреле 2021 г. Концепцию цифрового рубля¹. В 2022 г. планируется экспериментальное внедрение в финансовую систему России цифровой финансовой валюты (CBDC) – цифрового рубля, что позволит перейти на новый уровень функционирования финансовой системы России. В результате потребуются изменения финансового законодательства, в том числе Федерального закона № 259-ФЗ. Цифровой рубль будет эмитироваться Банком России, а также обладать дополнительными преимуществами, повышающими его привлекательность как платежного средства. Цифровой рубль позволит гражданам и бизнесу иметь доступ к своему цифровому кошельку через любую финансовую организацию, клиентами которой они являются. Цифровой рубль обеспечит расчеты без доступа к сети Интернет (офлайн-режим), а также использование смарт-контрактов. С 2023 г. Банк России введет в бухучет банков цифровой рубль. Кредитные организации смогут отразить виртуальную национальную валюту в качестве активов².

Федеральный закон № 259-ФЗ не содержит определения криптовалюты, токена или монеты, а также целого ряда других категорий, которые активно используются на финансовом рынке. Правоприменитель относит криптовалюту к цифровой валюте. В результате возникает парадоксальная ситуация отставания нормативно-правового регулирования фактических рыночных отношений, имеющих в своей основе значительную капитализацию. На данный момент только планируется принятие ряда нормативных актов, направленных на регулирование криптовалютных отношений. Особую роль играют нормы налогового, административного и гражданского права. В частности, возникают вопросы, связанные с деятельностью

криптовалютных бирж³, которые осуществляют обмен цифровых валют на фиатную валюту и на другие цифровые валюты; с функционированием криптокошельков и криптообменников, с участием физических и юридических лиц в процедурах первичной и иной распродажи криптовалюты, с внедрением технологий блокчейн⁴ и NFT (токенизация (цифровизация) предметов искусства, электронных игр и иных предметов материального мира), налогообложением дохода и получения прибыли и др.

Следует более подробно остановиться на технологиях блокчейн и NFT. Блокчейн – база данных, состоящая из цепочки последовательных блоков. Блок – сущность, содержащая транзакционные данные внутри блокчейна. В каждом блоке также записывается информация и данные о предыдущих блоках для невозможности подмены информации.

Это способ надежно хранить и передавать данные. Все выстраивается в цепь, информация о которой хранится у каждого пользователя этой сети, что позволяет избежать внешнего вмешательства в цепь и создает высокий уровень безопасности. Применительно к цифровой валюте каждая монета в сети имеет свой уникальный код, который переписывается при смене владельца.

Если не вдаваться в технические нюансы, принцип работы блокчейна достаточно прост. Его можно представить как планшет, который есть у каждого участника мероприятия и который постоянно обновляется. По сути, в этот планшет можно занести любое событие – от финансовых транзакций с участием биткоина до результатов голосования и т. д.⁵

3 Ведущими биржами на международном криптовалютном рынке выступают Binance, Coinbase, FTX, CME, Gate и другие. Российских бирж, оказывающих криптовалютные услуги на данный момент не существует, поскольку отсутствует нормативно-правовая основа регулирования.

4 Из компаний, вошедших в глобальный рейтинг топ-100: 63 % – из США, 12 % базировались в материковом Китае и специальном административном районе Гонконг. Не все 100 компаний активно внедряют технологию блокчейн. От Berkshire Hathaway и Texas Instruments пока нет активности (в открытых источниках). Однако 86 компаний активно ищут решения, связанные с блокчейном, для своих бизнес-потребностей. Из них только 44 компании активно использовали блокчейн за последние 12 месяцев. Финтех, СМИ и телекоммуникационные компании – главные инвесторы в технологию блокчейн (16 компаний) за последний год. Второе место совместно делят сразу 2 сектора: товары и розничная торговля (9 компаний), материалы и Промышленность (9).

5 Российские власти уже несколько месяцев обдумывают более комплексную нормативно-правовую базу для криптоактивов. Ожидается, что депутаты Государственной Думы рассмотрят новый законопроект «О цифровой валюте» и законопроект «О майнинге в Российской Федерации», призванные восполнить пробелы, оставшиеся после вступления в силу закона «О цифровых финансовых активах» в январе 2021 года. В то время как в январе этого года Центральный банк России предложил полный запрет на большую часть деятельности, связанной с криптовалютой, усиление санкционного давления после начала российской «специальной военной операции» на Украине в конце февраля убедило монетарное управление поддержать предложения по легализации использования децентрализованных цифровых валют в международных расчетах. Подробнее см.: <https://news.bitcoin.com/russia-and-cuba-eye-cryptocurrencies-for-settlements-amid-sanctions/> по состоянию на 17.11.2022.

1 <http://www.rcb.ru/> по состоянию на 08.04.2021.

2 <https://t.me/RBCCrypto> по состоянию на 27.09.2022.

Фокус тут в том, что для подделки каждой записи в блокчейне злоумышленнику придется изменить каждый блок у каждого участника, иначе сеть выявит несоответствие в структуре блоков. В результате блокчейн является основой для хранения данных, которые нельзя изменить, удалить или уничтожить, что представляется особенно актуальным в борьбе с коррупцией и преступностью в различных сферах нашей жизни. И прежде всего, блокчейнизация необходима в финансовой сфере, где коррупционные риски в большей степени развиты, по сравнению с иными направлениями функционирования государства.

Раскрывая сущность блокчейна, нельзя не упомянуть о невзаимозаменяемых токенах – NFT. NFT представляет собой оцифрованный объект (изображение, аудио, текст, 3D-модель и т. д.), но чаще всего речь идет об объектах цифрового (или оцифрованного) искусства. Помимо того, что NFT открывает новые границы возможностей для художников всех мастей, данная технология прижилась и в традиционном бизнесе. На сегодняшний день многие компании, такие как Nike, Pringles и Coca-Cola, используют блокчейн-технологии в маркетинговой сфере. Они выпустили свои NFT-коллекции, подчеркнув таким образом принадлежность к цифровому миру, основанному на блокчейнизации.

В мире криптовалют есть NFT-проекты, которые используют невзаимозаменяемые токены как основу своей игровой механики. Например, любимые многими блокчейн-игры Stepn, Axie Infinity, Genopets и др.

Даже музыка не осталась в стороне от технологии NFT. Музыканты постепенно внедрились в область NFT. Они захотели придать себе некую уникальность и привнести что-то новое и современное в свою деятельность. Поклонники только рады этому новаторству, ведь появилась новая возможность поддержать своего кумира и при этом получить то, что они ценят – его музыку. С помощью специальных бирж токенизация аудиопроизведений стала вполне реальной.

Таким образом, NFT представляет собой, прежде всего, технологию, которая позволяет оцифровать взаимодействие с любыми виртуальными или физическими товарами. Невзаимозаменяемой считается вещь, которая уникальна благодаря своим характеристикам и ее невозможно формально заменить точно такой же¹.

Выделяя юридический аспект, можно сказать, что NFT – специальный сертификат для определенного объекта, который содержит в себе эксклюзивные права собственности. Такие токены невозможно подделать или заменить другими. Все NFT уникальны и неповторимы – идентифицирующие их данные зафиксированы в смарт-контрактах. Эта характеристика и отличает

один токен от другого. Сегодня во многих странах, внедряющих официально передовые технологии блокчейна, существует множество направлений, в которых их активно используют. Это музыка, игровая и киноиндустрия, искусство и даже недвижимость².

Сейчас уже трудно представить мир без технологии блокчейна, так как она проникла во многие сферы жизни человечества. Именно поэтому особую актуальность приобретает вопрос о правовом статусе криптовалюты как цифрового феномена. Россия относится к числу государств, которые не запрещают криптовалюту, но ограничивают ее функционирование, поскольку она не может применяться как средство платежа.

Существует значительное количество точек зрения на понятие криптовалюты. Так, Л. Б. Нигматулина и И. А. Цинделиани [4, с. 16–23] исследуют криптовалюту как объект финансово-правового и гражданско-правового регулирования. Анализируя возможности признания криптовалюты в качестве эквивалента иностранной валюты, объекта обязательственных прав, электронных, наличных денег, ученые приходят к заключению, что криптовалюта предстает как цифровая (виртуальная) децентрализованная валюта, созданная на идее криптографических методов, в качестве «обеспечения» которой выступают математические расчеты (как некая ценность физического мира).

Д. А. Кочергин определяет криптовалюту деньгами, существующими в нематериальной форме [1, с. 122–123]. И. И. Кучеров в свою очередь относит криптовалюту к разновидности электронных денег, обусловленной применением технологии распределенного реестра, другими словами – криптовалюта – специфическая электронная форма частных денежных средств [2].

Несмотря на многообразие точек зрения относительно понятия и правовой природы криптовалюты, следует отметить децентрализованный характер и отсутствие должного правового регулирования на данный момент. Граждане России активно используют криптовалюту и другие цифровые активы, но в отличие от фондового рынка, никак не застрахованы от мошеннических действий и возможности потерять свои финансовые средства, поскольку государство не имеет механизма правового регулирования данной сферы, обеспечивающего гарантии при использовании данных инструментов цифровой эпохи. И если совсем недавно Банк России активно выступал против использования криптовалюты как вида ЦФА в финансовой системе России, то на данный момент вектор изменился. В частности, в период огромного количества санкций на международном уровне в отношении использования традиционных механизмов расчетов возникает необходимость прибегания к новым методам, в том числе к возможностям блокчейнов как инновационной технологии

1 https://t.me/ttm_academy по состоянию на 05.08.2022.

2 <https://ispace.news/> по состоянию на 08.10.2022.

в финансовом мире¹. На государственном уровне отмечается необходимость скорейшего урегулирования рынка ЦФА с учетом современных реалий². Нужно узаконить майнинг, применение для международных расчетов криптовалюты, ввести полноценную легальность для институциональных

инвесторов и обычных граждан в приобретении и использовании ЦФА. Данные вопросы представляют огромный пласт тонких моментов, которые просто необходимо нормативно урегулировать, и прежде всего в области гражданского и финансового законодательства.

Литература

1. Кочергин Д. А. Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе // Вестник СПбГУ Экономика. 2017. № 1. С. 122–123.
2. Кучеров И. И. Криптовалюта: идеи правовой идентификации и легитимизации платежных средств. М.: Центр ЮрИнфоР, 2018. 203 с.
3. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: Принт, 2020. 304 с.
4. Цинделиани И. А., Нигматулина Л. Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 16–23.

References

1. Kochergin D. A. Mesto i rol' virtual'nyh valjut v sovremennoj platezhnoj sisteme (Place and role of digital currencies in current payment system) // Vestnik SPbGU Jekonomika. 2017. No. 1. P. 122–123. (In Russian).
2. Kuchеров I. I. Kriptovaljuta: idei pravovoj identifikacii i legitimizacii platezhnyh sredstv (Cryptocurrency: ideas of legal identification and legitimization of means of payment). Moscow: Centr JurInfoR, 2018. 203 p. (In Russian).
3. Sannikova L. V., Haritonova Ju. S. Cifrovye aktivy: pravovoj analiz (Digital Assets: Legal Analysis): monograph. Moscow: Print, 2020. 304 p. (In Russian).
4. Cindeliani I. A., Nigmatulina L. B. Kriptovaljuta kak ob#ekt grazhdansko-pravovogo i finansovo- pravovogo regulirovanija (Cryptocurrency as an object of civil law and financial and legal regulation) // Finansovoe pravo. 2018. No. 7. P. 16–23. (In Russian).

Сведения об авторах

Смирнов Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета / inst.jur@ncfu.ru
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Первышов Евгений Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского федерального университета / epervyshov@ncfu.ru
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Dmitry A. Smirnov – Doctor of Law Sciences, Director, Law Institute, Head, Chair of Administrative and Financial Law, North-Caucasus Federal University / inst.jur@ncfu.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.

Evgeny A. Pervyshov – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Financial Law, North-Caucasus Federal University / epervyshov@ncfu.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.

1 Президент РФ В.В. Путин на международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2022 на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста» отметил: «На основе технологий цифровых валют и распределенных реестров можно создать новую систему международных платежей, гораздо более удобную, но в то же время полностью безопасную для участников и полностью независимую от банков и вмешательства третьих стран». По его мнению, финансовые потоки и платежи между странами в настоящее время находятся под угрозой на фоне напряженных отношений между Россией и Западом. В связи с этим в последние месяцы Россия обдумывала всеобъемлющие правила в области криптовалют, поддерживая легализацию трансграничных криптовалютных платежей. Подробнее см.: <http://kremlin.ru/events/president/news/69927> по состоянию на 24.11.2022.

2 <https://news.bitcoin.com/russia-and-cuba-eye-cryptocurrencies-for-settlements-amid-sanctions/> по состоянию на 17.11.2022.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES



УДК 81'32

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.16>

С. Н. Бредихин
О. С. Шибкова

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ КОДИРОВАНИЕ КУЛЬТОВЫХ СИМВОЛОВ В ПАРЕМИЯХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ ВОСТОЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Настоящая статья посвящена лингвокультурному и психолингвистическому анализу механизмов инкодирования архетипических представлений в процессе вербальной репрезентации. Наиболее репрезентативными в этом плане признаются паремиологические единицы с культовыми компонентами или мифологемами, являющимися результатом наивысшего уровня категоризации и ассоциативной абстракции. В качестве типичных разноструктурных языков для презентации различных оснований категоризации рефлексивной реальности нами избраны тюркские и сино-тибетские (казахский и китайский). Актуальность статьи обусловлена предпринятой в ней попыткой заполнить пробел в компаративном исследовании процессов вербализации архетипических культовых семантов в лингвокультурах основанных на природо-, антропо-, а также социоцентрических позициях мифологизации. На основе последовательного межъязыкового лингвокультурного сопоставления паремий китайского и казахского языков выявляется взаимозависимость референциального инкодирования, основанного на образно-эмотивных аспектах метафорического переноса, и исходных историко-культурных, ареальных и бытийственных компонентов мировоззрения. Целью исследования является определение типологического сходства и этнокультурной специфики механизмов актуализации культовых и мифологических компонентов в разноструктурных языковых системах.

Паремиологические единицы отбирались на основе стратифицированной выборки в корпусах национальных языков с учетом критерия частотности и акцентуации именно мифонимического элементов конструкции. Комплексная методология исследования, включающая сравнительный структурный, типологический, исторический и этимологический методы, дополнена отдельными операциями герменевтико-интерпретативного анализа, способствующего раскрытию констатирующих ассоциатов. Авторы приходят к выводу, что специфический морфотип сино-тибетских языков детерминирует социо- и антропоцентрические модели инкодирования культовых и мифологических компонентов, в то время как расчлененный тип категоризации агглютинативных тюркских языков демонстрирует примат природоцентрических моделей метафоризации, несмотря на историко-культурную и бытийственную схожесть.

Ключевые слова: лингвокультурология, метафорическая вербализация, паремический состав, архетипические культовые мифологеми, концептуальная и языковая картина мира, схема действия.

Для цитирования: Бредихин С. Н., Шибкова О. С. Референциальное кодирование культовых символов в паремиях разноструктурных языковых систем восточных лингвокультур // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 643–649. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.16

Sergey N. Bredikhin
Oksana S. Shibkova

REFERENTIAL ENCODING OF CULT SYMBOLS IN THE PAROEMIAS OF LANGUAGE SYSTEMS FEATURING DIFFERENT STRUCTURES AND BELONGING TO EASTERN LINGUOCULTURES

The study focuses on linguocultural and psycho-linguistic analysis of mechanisms employed to encode archetypal images within the process of verbal representation. The most representative in this case are considered paroemiological units containing cult components or mythologems, which are the result of the top level of categorization and associative abstraction. For a case of typical languages featuring different structures employed to present various bases of reflexive reality categorization, we have opted for Turkic and Sino-Tibetan (Kazakh and Chinese) languages. The relevance of the article relies on an attempt taken in order to fill the gap in the comparative study of verbalization

processes for archetypal cult semantemes in linguocultures that are based on nature-, anthropo-, as well as sociocentric positions of mythologization.

The basis of a consistent interlanguage linguocultural comparison involving Chinese and Kazakh paroemias, helps reveal the interdependence of referential encoding based on the figurative and emotive aspects of metaphorical transference, as well as the initial historical-cultural, areal and existential components of the worldview. The aim of this study is to determine the typological similarity and ethno-cultural specifics of the actualization mechanisms for cult and mythological components in language systems of different structures.

The paroemiological units were selected subject to a stratified sampling in the corpus of national languages, in view of the frequency and accentuation criterion of the structure mythonymic elements. The comprehensive methodology of the study, including comparative structural, typological, historical and etymological methods, is enhanced through separate operations of hermeneutic and interpretive analysis, which contributes to the disclosure of consituative associates.

The authors conclude that the specific morphotype of Sino-Tibetan languages determines socio- and anthropocentric models of encoding cult and mythological components, whereas the dissected type of categorizing

По общепризнанному утверждению единицы паремического пласта языковой системы являются не только результатом процессов категоризации объективной реальности в их снятой форме, т. е. эксплицируют доминантные модели культурно-специфичного мировосприятия, но и активно влияют на формирование и трансляцию данных схематизмов в лингвокультурном пространстве. Примарными функциями паремий в различных языковых системах являются аккумулятивная и когниогенеративная.

Сравнительно-сопоставительное изучение паремий с культовыми компонентами в китайском и казахском языках вносит весомый вклад в лингвокультурное направление когнитивной лингвистики, связывающее ключевые процессы речепорождения и смыслодеривации с исходными культурными кодами. Следует при этом отметить, что базой инкодирования архетипического коллективного сознания, имеющего, прежде всего, сим- практический характер, является эмпирическая верификация концептуализированных понятий. В настоящем исследовании для анализа глубинных семем культовых и мифологических компонентов выстроенных по антропо-, природо- или социоцентрическим моделям паремических единиц разноструктурных языков используется комплексная методология, которая на основе дополнения традиционного структурно-семантического анализа отдельными приемами герменевтико-интерпретационного метода позволяет вскрыть тип ассоциативного переноса при символическом употреблении мифологем и культовых культурем. Интенсификация подвергаемых анализу многоуровневых феноменов происходит в рамках вторичного структурирования как когнитивно-валёрного пространства лингвокультуры, так и перманентной смены вариативного набора имплементационных моделей.

Компаративный некоторых сходных в своей формальной репрезентации паремических единиц, осуществленный на материале двух разноструктурных языков, представляющих сходные бытийственно-онтогенетические основания категоризации мира (китайского и казахского), ярко демонстрирует уникальность коллективных мировоззренческих установок. Язык хранит и оберегает культурную и духовную информацию о народе, передавая её из поколения в поколение.

agglutinative Turkic languages points at the primacy of nature-centric models of metaphorization, despite the historical, cultural and existential similarity.

Key words: linguoculture, metaphoric verbalization, paroemic composition, archetypal cult mythologems, concept- and language-base worldview, action scheme

For citation: Bredikhin S. N., Shibkova O. S. Referential encoding of cult symbols in the paroemias of language systems featuring different structures and belonging to eastern linguocultures // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 643–649 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.16

В паремическом составе сравниваемых лингвокультур имеется множество единиц напрямую и опосредованно ссылающихся на архетипы культуры, ассоциированные с древним мифологическим сознанием. До настоящего времени паремии с культовыми компонентами остаются устойчивыми лексическими единицами и составляют основу этнокультурного и национального наследия, эксплицированного в языковой системе.

Термин «культ» происходит от латинского «cultus», что означает «акт культивирования» (лат. colère), прежде всего в буквальном аграрном смысле, но также употребляемое в переносном смысле («заботиться, посвящать внимание»). Это также означает, что в рамках категоризации бытийственных феноменов учитывается факт почитания чего-то неподдающегося осознанию в рамках наивного мышления. В период становления патриархально-родовой системы народы, являвшиеся носителями современных сравниваемых языков, мифологизировали доступные напрямую восприятию природные и астрономические явления, онтогенетические и антропологические феномены (смерть, рождение и т. п.). Культовые объекты предельной мифологизации детерминуются как ареалом существования лингвокультуры, так и социально-историческими факторами.

Культово-мифологические компоненты преобладали в наивной и мифологической картине мира большинства архаичных лингвокультурных сообществ. Это можно наблюдать в период правления династии Чжоу, характеризующейся поклонением зооморфным богам в качестве покровителей и родоначальников китайского народа. Например, богине Ню Гуа поклонялись как создательнице человечества, оберегающей от наводнений, покровительнице сватовства и брака. У Ню Гуа была человеческая голова, руки и тело змеи, а муж Нювы, Фуси Фухада, обладал признаками мифического прародителя китайцев дракона (龙), при этом антропоморфные признаки первичного осознания отделения человека от природы также категоризовались в виде человеческой головы данного божества [10]. Оба мифонимических символа являлись в культуре мостом между небесным и земным, отражая их единение в водной стихии. В отличие от китайского бытийственно-ареальная детерминация казахских культовых компонентов

отличалась осознанием дискретности ключевых природных феноменов, что характерно для кочевого образа жизни в регионах не примыкающих к морям и океанам. На основании этой делимитации и четкого противопоставления антропо- и природоцентрических моделей ключевыми для казахов являлись: бог неба Тенгри (очевидно *Tiu* у германских народов носил тот же функционал, равно как и его именование, демонстрирующее фонетическое сходство); богиня земли Умай, воплощающая плодородность и покровительствующая детям; а также антипод Тенгри, Эрлик, репрезентирующий абстрактные представления о неизведанном – подземном мире [7, с. 342].

«Горние» компоненты мифологического сознания эксплицитировались в китайской лингвокультуре также в органичном объединении социоцентрических и природоцентрических моделей. Так, верховное божество, доминирующее над различными богами и духами древнекитайского пантеона, именовалось Шангди 文帝 – *император неба*. Т. е. интенсификация социальных отношений верховенства власти облекалась в форму дополнительного подкрепления архетипической интерпретации неба как высшей ипостаси существования. В китайских паремиях компонент ШангДи присутствует в выражении 上帝保佑 [shàng dì Bǎo yòu] – *Шан-Ди, помилуй!*, что в самых общих чертах приравнивается к «*Боже упаси*»; «*Боже сохрани*», но в условиях десакрализации культовых высказываний на настоящий момент узואльно используется в качестве конвенционального пожелания здоровья, например, при чихании.

В казахском языке есть в качестве репрезентантов расчлененного делимитированного осознания положительного и отрицательного пространств существует множество паремических единиц как предостерегающих, так и добрых пожеланий, например: *Кудай сактасын – упаси Кудай* (Не дай Бог), *Танир жар болсын – да хранит тебя Тенгри* и др. Тенгри в подобных конструкциях выступает в качестве покровителя, а Кудай – предостерегающего демиурга, что соответствует архетипическим представлениям тюркских народов.

Кульм Неба в религиозно-мифологическом сознании китайского народа отображается в следующих паремиях: 天不假年 [bù Jiǎn ián] – буквально: *Небо (Небеса) не дало долгой жизни*; 不怕天, 地不怕 [tiān bùpà, dì bùpà] – буквально: *не надо бояться Неба и Земли*; 天地地 [tiān cháng dì jiǔ] – буквально: *так же высоко, как Небо, и так же постоянно, как Земля и т. д.*

По мнению К. К. Рысбаевой [9], в казахском языке лексико-семантическая характеристика паремий с компонентами көк (синее небо в качестве Верховного Покровителя), Аспан (небо), Тангир (Тенгри), Кудай (верховное божество) уходят корнями к шаманизму – ранней форме религии, тесно связанной с магией, анимизмом, фетишизмом и тотемизмом.

Культовые компоненты поклонения «горным» небесным божествам во всех культурах представляется ключевым компонентом шаманизма, исповедующего принцип органическое перетекание антропоцентрических и природоцентрических компонентов: «...это, с одной стороны, обожествление природы вообще и её явлений в частности. Человек поклонялся природе как материальной культуре. Но после смерти, согласно духовным верованиям, человек стал Тенгри» [4, с. 247].

Л. Н. Гумилев называл древние тюркские племена «Тюркуты» и писал об их поклонении и почитании голубого неба. Есть также записи о таком почитании в китайских летописях 魏书 – Weishu (история династии Вэй), 隋书 – Suishu (история династии Суй). Согласно Л. Н. Гумилёву, традиции почитания Неба отражаются в следующем: 1) вход в Ханский передовой эшелон, что находился на Востоке, в знак почитания Солнца; 2) ежегодные жертвоприношения в честь предков; 3) в середине пятого месяца жертвоприношение в честь Неба у реки; 4) гора к западу от Дугина называется Бодын-Инли, что означает «Покровитель Страны» [5, с. 73].

Лексическая система в целом и паремический состав тюркских языков даже в современном состоянии с учетом изменений эпистемологии, внесенных исламским суперстратом, содержит множество единиц с компонентом көк: *Кок соккыр – да поразит тебя небо* (проклятие), *Кудай Каласа – если позволит Кудай*. В данных примерах природоцентрическая агентивная модель метафоризации выражена именно комиссивно-менасивной глубинной семантикой речевых актов пожеланий.

Примечательно, что в китайском и казахском языках паремические единицы с компонентом *небо* относятся к божественному правителю и имеет как положительные, так и отрицательные коннотации. Например, в расчлененном виде природоцентрические компоненты проявляются в большей степени в тюркских языках: *кокке багу – спроси небо*; *коккен сураганы жерден Табылды – проси небо, но найди на земле*; *тобенге булт айналмасын – желаю тебе ясного неба над головой*. Дерогативное пространство вербализуется зачастую с тем же компонентом в аспекте разделения элементов архетипической оппозиции «земля – небо»: Аспаны жерге жабысып калды – да поразит небо землю. Соединительные элементы встречаются нечасто и также носят природоцентрический характер: Аспаннынг туби тусти – разбитое дно неба (о сильном и непрекращающемся дожде). Точно так же *Аспан айналып жерге тускендей – как будто небо упало на землю* (о невыносимой жаре), т. е. в тюркских культурах органичное объединение оппозиционных элементов в дихотомии невозможно, в отличие от китайской лингвокультуры, где антропоцентрические модели метафорического переноса представляют собой пространство контаминации.

Китайские ФЕ с компонентом «небо» могут выражать как положительные, так и отрицательные значения, но в аспекте последовательного протекания и модификации природоцентрических компонентов метафоризации, антропоцентрика и социоцентрика служат объединяющим фактором. Например: 天人人 [tiān rón rén yuàn] – *небеса дают все, что хочет человек*; 天公地道 [tiān gōng dì dào] – *согласно справедливости неба и земли*; 天高皇帝远 [Tiān Gāo Huáng dì Yuǎn] – *небо высоко, а император далеко*; 天地地 [tiān jīng dì yì] – *закон неба и порядок земли*. Воссоединение «небесного» закона, необходимости следовать фатуму, эксплицируется в единстве сенсуальных компонентов природо- и антропоцентрических моделей: 天怒人怨 [tiān nù rén yuàn] – *небо и люди разгневаны*; а также коррелятивах культового и бытийственного, характерного для синтезирующего типа сознания, обуславливающего логографику иероглифических лингвокультур: 天罗地网 [tiān luó dì wǎng] – *небесные силки и земные сети*.

Сравнительно-исторический анализ показывает, что в казахском и китайском языках паремические единицы с компонентом «небо» используют архетипические образы священных божеств в качестве лингвокультурных импликаций. В этом отношении китайские и казахские паремии имеют много общего, что демонстрируется в следующих примерах: 天之骄子 [tiān zhī jiāo zǐ] – *возлюбленный Сын Неба*; 库дайдың Кенже улындай – *счастливцев*; 天打雷劈 [tiān dǎ léi pī] – *удар Небесной молнии*; 库дай тас тобенген ургыр – *да поразит тебя Кудай*. Однако и здесь расчленяющие компоненты природоцентрической модели в тюркских языках доминируют над универсализмом антропоцентрических: 天崩地裂 [tiān bēng dì liè] – *небо упало, расколов земли*; спан как айырыл гандай – *как если бы небо раскололось надвое*. Как наглядно демонстрируют примеры, разделение одного члена оппозиции в казахском языке вполне оправдано, в то время как единство монологичности в китайском допускает только влияние одного члена оппозиции на другой. Такое аморфно-объединяющее понимание каждого из членов категоризации основывается на социоцентрической модели метафоризации: 天无二日 [tiān wú èr rì] – *на небе нет двух солнц*.

В казахском и китайском языках используются метафорические трансформации сакральных образов: 天之骄子 [tiān zhī jiāo zǐ] – *возлюбленный сын небесный*; 库дайдың Кенже улындай – *поздний младшему сыну Бога*.

Компаративный анализ демонстрирует, что в вышеуказанных паремических единицах используются компоненты, относящиеся к небу, Небесам, Тенгри, Кудая, что подчеркивает значимость культа неба в древнекитайской и казахской культурах, которые, по сути, определяли построение процессов категоризации на основе нерасчлененного един-

ства или монологичности, в другом случае – делимитации оппозиционных элементов. На наш взгляд, эти различия обусловлены ареальным экстралингвистическим контекстом существования сино-тибетских и тюркских народов в условиях наличия или же отсутствия объединяющего природного фактора – моря (океана).

Тотемическая образность в паремических единицах обеих лингвокультур в большей степени отражает корреляцию природоцентрических и социоцентрических оснований. Тотемизм – это архаичная религиозная и общественная система, т.е. система объединения культа с его наличной репрезентацией в мире социального взаимодействия. Люди верили в родство с объектом поклонения: различными природными явлениями (ветер, солнце, дождь, гром, вода), растительным (деревья, цветы) и животным миром (медведь, волк) или отдельными частями зооморфного образа (когти орла, перья совы, волчий клык). Зооморфные тотемы являются наиболее распространенными самыми древними из тотемов ввиду преобладающего зооморфизма, териоморфизма и антропоморфизма в древних культурах.

В китайской мифологии тотемы 龙 [lóng] (*Дракон*) и 凤凰 [fèng huáng] (*Феникс*) представляют предков китайского народа. В иероглифе 龙 [lóng] является одним из наиболее продуктивных символов этнического самосознания китайцев. Неудивительно, что китайцы называют себя 龙的传人 [lóng de chuán rén] – *потомки дракона*. Как отмечает В. М. Алексеев [1, с. 231], культ дракона имеет связь с многочисленными наводнениями, которые наносили ущерб земледельцам, что в очередной раз подтверждает наличие объединяющего фактора, реализуемого в языке аморфизма оппозиционных элементов. Сильные наводнения, которые разрушали дома и посевы, а также влекли за собой человеческие жертвы, были обожествлены и представлены в образе дракона. Как речному божеству, дракону поклонялись и его боялись древние китайцы, которые практиковали жертвоприношения животных и людей. Со временем образ дракона трансформировался в образ прародителя китайского народа. Китайский народ поклонялся дракону в надежде угодить и укротить природные силы, приносящие наводнения. Позже тотем дракона стал символом императора страны. Таким образом, можно наблюдать социализацию мифонимического тотема в условиях сближения концептуализированного образа с социальным институтом власти в иероглифических лингвокультурах.

Например, 龙衣 [lóng yī] – *одевание дракона* означает одежду императора; 龙凤 [lóng fèng] – *Дракон и Феникс*, что означает император и императрица [8, с. 363].

Как правило, большинство паремий, содержащих формальный компонент тотемного ассоциирования, в китайской лингвокультуре характери-

зуется репрезентативно-директивным глубинным содержанием, вербализующимся в пространстве положительной прогностики. Например, 放龙海海 [fàng lóng hǎi] – *отпустить дракона в море*, то есть, дать возможность развивать свои таланты; 龙生 [shēng lóng lóng] – *дракон порождает дракона*; 龙凤养 [shēng lóng fèng yǎng] – *рождённый драконом и воспитанный Фениксом*. Слияние тотемных сакральных компонентов в социокультурном пространстве десакрализует исходные архетипические интерпретации, придавая бытийственные обертоны и схематизируя восприятие положительных ядерных семем: 凤阁 [fèng gé lóng lóu] – *обитель Феникса и дом дракона*, что стало обозначать лишь императорский дворец.

Однако, несмотря на преимущественные позитивные компоненты категоризации тотемии, в исследуемых лингвокультурах дерогативное пространство в антропоцентрических и социоцентрических моделях вербализуется на основе констатирующей экспликации положительных характеристик в неузуальных условиях, которые обладают ядерными семами нивелировки этих качеств или представляют контрарные элементы оппозиции. Например, ограничение свободы того же Феникса: 凤凰在笼 [fèng huáng zài lóng] – *как птица Феникс, запертая в клетке*, воспринимается как интенциональное снижение степени референциальных и социальных активностей именно на основе противопоставления элементов категоризованной на более высоком уровне социального сознания оппозиции «свобода – рабство».

В отличие от китайской мифологии, которая почитала драконов, казахская мифология считала Айдахар (дракона) – злым демоном с несколькими головами. Подобно китайским, многие казахские сказки описывали дракона в тесной связи с водой, но в казахских сказках драконы также живут в горных пещерах и ущельях, на отдаленных островах и в подводных царствах. Обе мифологии антропоморфизуют драконов. Например, в одноимённой сказке «Айдахар» дракон превращается в красивую женщину, чтобы выйти замуж за хорошего человека. Это является одной из наиболее специфичных интерпретаций феминного начала в тюркской лингвокультуре, так как разрушается схематизм классического маскулинного восприятия данного тотемного символа.

Существуют и другие тотемные символы в сравниваемых лингвокультурах, которые в паремическом составе категоризируют именно социальные отношения. Однако следует отметить именно номатические (интуитивно) воспринимаемые и референциально, т. е. не симпрактически вербализуемые аспекты [3] формирования паремий с зооморфной сферой источником и антропо- и социоцентрической сферой мишенью. Так, древние тюркские народы выделяли культ Кок Бори – синего волка, а в китайских письменных источниках образ синего волка появился в IX веке до нашей эры.

В казахском языке Кокжал Бори – небесный волк означает большого волка и служит для положительной характеристики некоторого сообщества, чаще всего относящегося к «своим» в архетипической оппозиции «свой – чужой». Например, жигиттери шетинен Кокжал Бори экен – их мужчины похожи на волков, серых, храбрых и бесстрашных; каскыр да кас кылмайды жолдасына – даже волк не делает зла своему другу [6, с. 267].

Несмотря на сакрализацию волка во многих культурах, в казахской перемиологии его образ часто употребляется в паремиях, несущих отрицательный смысл и неодобрение: *Каскырша жалактау* – жадный, как волк; *касқырша талау* – кусающийся, как волк. Прямая экспликация негативного отношения в рамках коллективного концептуально-валерного пространства подчеркивает доминанту социальных отношений в оценивании критериальных признаков тотемного символа: *касқырды сурлығы ушин емес, урлығы ушин урады* – волка бьют не потому, что он серый, а потому, что он съел овцу.

В китайском языке паремические единицы с компонентом 狼 [láng] (*волк*) также демонстрируют преобладание отрицательных значений, что позволяет сделать вывод о том, что китайцы относились к данному животному как к опасному хищнику. Например, социальные отношения жадного и беспощадного человека могут быть охарактеризованы на основе разделенного природо- и социоцентрического компонентов в генерализованной модели деривации: 狼吞虎咽 [lángtūnhǔ yàn] – *кусается, как волк, сожрёт, подобно тигру*.

В китайском и казахском языках существует отдельная подсистема паремического состава языка с компонентом «волк», отражающая архаичные культурно-исторические коды. Образная культовая перемиология демонстрирует установки китайского и тюркского менталитетов и выражает аксиологический аспект. Примечательно совпадение социоцентрических моделей негативизации сакрального образа волка в обоих сравниваемых лингвокультурах, при этом единство демонстрируют и корреляции сферы источника (физические качества животного, соматизмы) и сферы мишени (внутренние характеристики человека, его социальное поведение). Следует отметить прямую зависимость узуализации и концептуализации векторов интерпретации и десакрализации культовых и тотемных компонентов паремий от типа метафорического переноса [2].

Сравнительный анализ культовой, мифологической и тотемно символической образности паремических единиц в китайском и казахском языках демонстрирует сходные закономерности переосмысления и метафоризации сакральных образов. Компаративный констатирующий исторический анализ предлагает ключевые методы оценки и исследования сокрытой лингвокультурной информации, заложенной в конвенционализирующих доминантные типы категоризации

объективной реальности в языке поговорок. Многие из приведённых примеров до сих пор широко распространены и активно воспроизводятся в современном китайском и казахском языках, что свидетельствует о наличии продуктивного архаичного способа референциального инкодирования в современной культуре.

Культурно-языковая специфика представляет собой результат процесса языковой репрезентации действительности, отражающий специфические экзистенциальные и когнитивные модели, принятые в языковом сообществе. Она формируется благодаря историческим и социально-психологическим особенностям последовательного развития экспликатов коллективного сознания в снятой форме схематизмов.

Комплексный сравнительно-сопоставительный анализ поговорок, актуализирующих мифологические и культовые компоненты в сравниваемых языковых системах, позволяет утверждать следующее: поговорочные единицы, основанные на компонентах мифонимического и культового характера детерминируются специфическими наци-

ональными концептосферами, основанными на симпрактическом смыслопорождении в результате деятельностного наблюдения за бытийственными, природными и формирующимися социальными феноменами. Сравнимые лингвокультуры демонстрируют достаточное количество десакрализованных и ремифологизированных компонентов в поговорочном составе, что свидетельствует о большом потенциале такого механизма как семантический сдвиг в рамках актуализации образной аксиологичности и нивелировки тотемической символичности. Исходная практикоприменительная категоризация ключевых мифологем и культуром объясняет специфичность тех или иных компонентов, однако общность основ категоризации мира в некоторых случаях способствует появлению универсальных схематизмов членения и инкодирования объективной реальности. Лингвокультурные особенности обуславливаются опосредованным отражением специфических моделей бытия и когнитивных моделей, конвенционализированных в той или иной социумной группе в процессе развития конкретного языка.

Литература

1. Алексеев В. М. В старом Китае: Дневники путешествия 1907 г. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 312 с.
2. Бредихин С.Н. Особенности порождения и декодирования концептуализируемых понятий в иероглифических лингвокультурах // Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте. Ставрополь: СКФУ, 2014. С. 269–272.
3. Бредихин С. Н., Пелевина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиоматических картин мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.
4. Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958. 643 с.
5. Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. Москва: Айрис-пресс, 2002. 555 с.
6. Кожакметова Х. К., Жайсакова Р. Е., Кожакметова Ш. О. Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 219 с.
7. Кондратбаев А. Казахский эпос и тюркология. Алма-Ата: Наука, 1987. 364 с.
8. Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь в 4 томах. Т. 1. М.: Наука, 1983. 551 с.
9. Рысбаева Г. К. Этнолингвистические исследования культовых фразеологизмов в тюркских языках (по материалам на казахском и киргизском языках): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Бишкек, 2017. 42 с.
10. Ю-лань Ф. Краткая история китайской философии. Санкт-Петербург: Евразия, 1998. 373 с.

References

1. Alekseev V. M. V starom Kitae: Dnevnik putesthestviya 1907 g. (In the old China: Diary of Journey of 1907). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958. 312 p. (In Russian).
2. Bredikhin S. N. Osobennosti porozhdeniya i dekodirovaniya kontseptualiziruemykh ponyatiy v ieroglificheskikh lingvokul'turakh (The features of conceptualizing notion derivation and decoding in hieroglyphic linguocultures) // Media and cross-cultural communication in European context. Stavropol: NCFU publ., 2014. P. 269–272. (In Russian)
3. Bredikhin S. N., Pelevina N. A. Lingvokognitivnyye mekhanizmy aktualizatsii i kontseptualizatsii idiokomponentov kartiny mira (Linguocognitive mechanisms of world view component's actualization and conceptualization). Stavropol: Paragraph, 2021. 172 p. (In Russian)
4. Valikhanov Ch.Ch. Izbrannyye proizvedeniya (Selected works). Alma-Ata: Kazgoslitzdat, 1958. 643 p. (In Russian)
5. Gumilev G. N. Drevniye Tyurki (The ancient Turks). Moscow: Airis-Press, 2002. 555 p. (In Russian)
6. Kozhakhmetova Kh.K., Zhaysakova R.E., Kozhakhmetova Sh.O. Kazakhsko-Russkiy fraseologicheskiy slovar' (Kazakh-Russian phraseological dictionary). Alma-Ata: Mektep, 1988. 219 p. (In Russian)
7. Kondratbaev A. Kazahskiyb epos i tyurkologiya (Kazakh epos and turkology). Alma-Ata: Nauka, 1987. 364 p. (In Russian)
8. Oshinin I.M. Bolshoy kitaysko-russkiy slovar' v 4 nomakh (Unabridged Chinese-Russian dictionary in 4 Vol.). Moscow: Nauka, 1983. Vol. 1. 551 p. (In Russian)
9. Rysbaeva G. K. Etnolingvisticgeskiye issledovaniya kultovykh frazeologizmov v tyurkskikh yazykakh (po materialam na kazakhskom i kirgizskom yazykakh) (Ethno linguistic researches of hieratic phraseological units in Turkic languages (as exemplified in Kazakh and Kyrgyz languages): extended abstract of Doctor thesis): 10.02.16. Bishkek, 2017. 42 p. (In Russian)
10. Yu-lan F. Kratkaya istoriya kitayskoy filosofii (The short history of Chinese philosophy). Saint-Petersburg: Eurasia, 1998. 373 p. (In Russian)

Сведения об авторах

Бредихин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета / bredichinsergey@yandex.ru
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Шибкова Оксана Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета / oshibkova@ncfu.ru
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Chair of translation studies, North-Caucasus Federal University / bredichinsergey@yandex.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Head, Chair of Foreign Languages for the Humanities and Natural Sciences, North-Caucasus Federal University / oshibkova@ncfu.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.



УДК 81'42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.17>С. В. Гусаренко
М. К. Гусаренко**О КОРПУСЕ РЕЧЕВЫХ ОБРАЗЦОВ С ОШИБКАМИ В УПОТРЕБЛЕНИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ДАННЫХ И ПАРАМЕТРЫ ГЛУБИННОЙ РАЗМЕТКИ**

Цель исследования, результаты которого представлены в статье, состоит в разработке оптимального состава и способа представления данных в разрабатываемом корпусе русских речевых образцов с ошибками, допущенными иностранными обучающимися. Разработка такого корпуса обусловлена, во-первых, необходимостью научного описания ошибочных языковых выражений, как подвергаются описанию в настоящее время все значимые факты применения языка, во-вторых, необходимостью создания в лингводидактических целях единой базы систематизированных данных об ошибках в речи изучающих русский язык. Создание такого корпуса требует глубинного описания ошибок в речи, поэтому в настоящей статье предлагается описывать ошибочное языковое выражение как нарушение определенной языковой нормы, определенной семантической, морфологической, синтаксической или лексической языковой модели, лежащей в основе нормативно правильного выражения, с указанием вида речевой деятельности, речевой ситуации, родного языка, специальности обучающегося. В рамках поставленной задачи по созданию корпуса ошибка понимается как сбой на определенном уровне порождения речи, поэтому в основу модели описания ошибок положена модель описания языковых выражений, разработанная отечественными исследователями при создании толково-комбинаторно-

го словаря. Предлагаемая в статье модель глубинного аннотирования ошибочных выражений включает схематизированные модели семантического представления, синтаксической и лексической сочетаемости (в зависимости от характера ошибки) языкового выражения, что призвано, с одной стороны, точно локализовать ошибку в употреблении языка, с другой – послужить учебным материалом в лингводидактике. Сделан вывод, что при достижении статистически значимого количества аннотированных образцов с ошибками в русской речи, допущенными иностранными обучающимися, данные корпуса вполне могут использоваться как источник эмпирических данных для комплексного научного описания фактов языковой действительности. Также сделан вывод, что для жизнеспособности предлагаемого корпуса он должен представлять собой открытую систему, предполагающую включение в глубинное аннотирование новых параметров описания.

Ключевые слова: корпус, речевая ошибка, глубинное аннотирование, параметры разметки.

Для цитирования: Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. О корпусе речевых образцов с ошибками в употреблении русского языка как иностранного: способы представления данных и параметры глубинной разметки // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 650–658. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.17

Sergey V. Gusarenko
Marina K. Gusarenko**ON THE CORPUS OF SPEECH SAMPLES WITH ERRORS IN THE USE
OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: METHODS OF DATA REPRESENTATION
AND DEEP MARKUP PARAMETERS**

The purpose of the study, the results of which are presented in the article, is to develop the optimal composition and method of presenting data in the developed corpus of Russian speech samples with errors made by foreign students. The development of such a corpus is conditioned, firstly, by the need for a scientific description of erroneous linguistic expressions, as all significant facts of the use of the language are currently being described, and secondly, by the need to create a unified database of systematized data on errors in the speech of Russian language learners for linguodidactic purposes. The creation of such a corpus requires an in-depth description of errors in speech, therefore, in this article, it is proposed to describe an erroneous linguistic expression as a violation of a certain language norm, a certain semantic, morphological, syntactic or lexical language model underlying the normatively correct expression, indicating the type of speech activity,

speech situation, native language, specialty of the student. Within the framework of the task of creating a corpus, an error is understood as a failure at a certain level of speech generation, therefore, the model for describing errors is based on the model for describing language expressions developed by domestic researchers when creating an explanatory-combinatorial dictionary. The model of deep annotation of erroneous expressions proposed in the article includes schematized models of semantic representation, syntactic and lexical compatibility (depending on the nature of the error) of a linguistic expression, which is intended, on the one hand, to accurately localize the error in the use of the language, on the other hand, to serve as educational material in linguodidactics. It is concluded that when a statistically significant number of annotated samples with errors in Russian speech made by foreign students is reached, these corpora may well be used as a source of empirical data for a

comprehensive scientific description of the facts of linguistic reality. It was also concluded that for the proposed corpus to be viable, it must be an open system that involves the inclusion of new description parameters in deep annotation.

Key words: corpus, speech error, deep annotation, markup parameters.

Задачи лингвистического описания вообще и прикладные задачи обучения русскому языку как иностранному (неродному) в частности решаются в том числе с привлечением обширного текстового материала, собранного в национальном корпусе русского языка. В то же время общепризнанной является необходимость сбора, анализа и систематизации ошибочных, неправильных употреблений языка, поскольку именно такие меры позволяют разрабатывать рекомендации по предупреждению ошибок в речи [4; 12]. Такое описание ошибочных употреблений языка имеет особое значение, поскольку результаты речевой деятельности подвергаются разноаспектному лингвистическому изучению с определением причинно-следственных связей между нарушениями нормы и характером речевых действий. В этой связи очевидной представляется проблема отсутствия единого корпуса речевых образцов, содержащих ошибочные употребления языка на уровне от морфемы до текста, корпуса, размеченного на определенных языковых уровнях по единому образцу в соответствии с исследовательскими и методическими задачами. Создание такого корпуса, содержащего глубинную разметку речевых образцов с ошибками, позволит решить проблему единообразного и полного научного описания ошибок. Под глубинной разметкой ошибки в речевом образце мы понимаем развернутое классификационное описание ошибки не только по уровню языка и языковой категории, но также с указанием правильного варианта, коммуникативного/некоммуникативного характера ошибки, контекста употребления ошибочного выражения; в случае отклонения в синтаксической или семантической структуре выражения, вызванного ошибкой, приводится, соответственно, либо нарушенная синтаксическая структура, либо нарушенная пропозициональная модель.

Цель статьи состоит в представлении результатов исследования, посвященного созданию корпуса русских речевых образцов с ошибками, допущенными иностранными обучающимися. На текущем этапе исследования одну из основных задач мы видим в разработке способов представления данных об ошибочном образце и о собственно ошибке: уровень языка, нарушенная норма, коммуникативный характер ошибки и др. Этим вопросам посвящена предлагаемая статья.

Актуальность решения обозначенной проблемы состоит также в необходимости создания научно-лингвистических и дидактических цифровых ресурсов, которые с максимальной эффективно-

For citation: Gusarenko S. V., Gusarenko M. K. On the corpus of speech samples with errors in the use of Russian as a foreign language: methods of data representation and deep markup parameters // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 650–658 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.17

стью будут способствовать продвижению и поддержке русского языка, укреплению научно-методической базы его преподавания иностранным учащимся.

В нашем исследовании речевые ошибки рассматриваются в процессуальном аспекте – как результат срыва в процессе движения от первичного смыслового замысла к тексту в формализованной системе «Смысл↔Текст» [11]; глубинная разметка речевых образцов используется как лингвистическое основание для адекватного описания ошибки; для создания корпуса речевых ошибок разрабатывается специальная методика их описания и классификации, основанной на процессуальном принципе в системе «Смысл↔Текст».

Разработка корпусов национальных языков последние 30 лет считается одним из приоритетных направлений в лингвистике, поскольку своды текстов, имеющих семантическую, морфологическую, синтаксическую, а теперь еще и фреймовую разметку, представляют собой материальное воплощение языковой системы, формально отображенной в аннотированном эмпирическом языковом материале. Созданием корпусов занимаются ведущие исследовательские центры Великобритании (Оксфорд, с 1991 г.), США (Беркли), Испании (Королевская академия наук), России (Институт русского языка РАН, Институт проблем передачи информации РАН) и др. Национальные корпуса размеченных текстов, помимо того, что являются хранилищами текстовых образцов национальных языков, имеют высокую ценность для проведения научных исследований, чему способствует, во-первых, языковая разметка, позволяющая осуществлять автоматизированный поиск и систематизацию данных по заранее заданным параметрам; во-вторых, статистические параметры корпусов – десятки миллионов словоупотреблений, что позволяет говорить о высокой степени объективности и верифицированности полученных данных.

Из работ по теме создания и развития текстовых корпусов следует отметить статью Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского и др. «Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы» [2], в которой описывается современное состояние глубоко аннотированного корпуса русских текстов, разрабатываемого Лабораторией компьютерной лингвистики Института проблем передачи информации РАН. Описываемый корпус является самостоятельным сводом текстов, но в то же время выступает составной частью Национального

корпуса русского языка. Корпус, о котором идет речь в названной статье, содержит более 25 000 синтаксически размеченных предложений, то есть для каждого предложения указывается его синтаксическая роль, поверхностно-синтаксические отношения между его членами, морфологические характеристики каждого из них. В настоящее время корпус пополняется семантической разметкой лексем.

Университет г. Беркли (США) с 1997 г. реализует проект FrameNet, в рамках которого выполняется фреймовая разметка текстов, содержащихся в специально созданном для этих целей корпусе. Цели данного проекта, если говорить в общих чертах, это, во-первых, разметка предложений по семантико-синтаксическому представлению фреймов в них, включая указание семантических ролей и семантических функций лексем; во-вторых, создание словаря фреймов, в котором активированные имена фреймов выстроены в своего рода глоссарий. К весне 2021 года с привлечением студентов уже размечено 22 000 предложений [14]. Проекты, подобные FrameNet, осуществляются в Испании, Франции, Великобритании, Германии и др. Российский вариант проекта FrameNet имеет наименование FrameBank и выполняется на базе Национального корпуса русского языка [7; 8].

Из близких по теме и содержанию работ следует назвать статью Е. В. Грудевой и др. «Корпусы ошибок: целевая аудитория, возможная архитектура корпуса» [4]. В статье обосновывается целесообразность создания электронной базы речевых ошибок детей-инофонов, обучающихся в общеобразовательных школах города Череповца Вологодской области, в общих чертах описывается проект, предполагающий разметку корпуса ошибок, предполагающую указание имени ребенка-инофона, его возраста, родного языка, представление целевого слова/словосочетания, контекста и квалификацию ошибки.

Также следует назвать статью З. И. Резановой и Г. Ю. Весниной «Подкорпус русской речи билингвов лингвистического корпуса «Томский региональный текст»: принципы разметки и метаразметки корпуса» [12], входящую в серию работ, посвященных созданию названного корпуса. Цель создания подкорпуса билингвов корпуса «Томский региональный текст» состоит в выявлении грамматической и семантической интерференции первого языка в речи на втором (русском) языке. Авторы приводят в статье основные принципы разметки и метаразметки, приводят таблицы, в которых систематизированно представлены позиции метаразметки [12, с. 33] и типология ошибок [12, с. 34]. Специфика подкорпуса отражена в параметризации ошибок, которые разделены на 4 группы по уровням языка: деривационные, грамматические, лексические и синтаксические.

Каждый из видов ошибок по уровням детализирован в таблице по категориям и процессам. Результаты интерференции, включая названные разновидности ошибок, в текстах размечаются специальными тегами [12, с. 34–35]. Цель создания подкорпуса – выявление интерференции языков обуславливает параметры разметки ошибок, которые в общем виде приемлемы и для наших целей, но в нашем случае параметризация должна отражать специфику нашего исследования, а именно глубинную разметку речевых образцов с ошибками.

В связи с названным проектом корпуса ошибок детей-инофонов следует сказать об уже существующем Корпусе русских учебных текстов [6], содержащем написанные русскими студентами тексты, в том числе тексты с ошибками; слова в корпусе размечены морфологически, по метатекстовым данным и по ошибкам, поиск по ошибкам невозможен. Следует также сказать о Русском учебном корпусе RLC [13], содержащем размеченные тексты иностранцев, изучающих русский язык, и тексты эритажных носителей русского языка (эмигрантов не в первом поколении). Тексты имеют метатекстовую разметку и разметку по типам отклонений от стандартного русского языка.

Главенствующим принципом сбора, изучения, описания и систематизации речевых образцов нами избран процессуальный принцип понимания речевой ошибки, которая рассматривается нами как результат сбоя в работе языкового интерфейса, преобразующего первичный речевой замысел в правильные предложения, то есть ошибка как отклонение от языковых норм в структуре и содержании речевого образца рассматривается как прямое следствие нарушений в протекании процедур порождения высказываний, отвечающих языковым нормам, регламентирующим их структуру и содержание.

Выявление точки сбоя, повлекшего ошибку в речевом образце, позволило бы более точно определить ее причину и потому дать более действенные рекомендации, на каких речевых навыках и знаниях, на каких лингвистических уровнях надо сосредоточить внимание изучающего русский язык. Для получения объективных данных о сбоях, порождающих речевые ошибки, для верификации полученных результатов их изучения и объяснения причин необходим систематизированный свод речевых образцов, содержащих языковые ошибки, размеченный корпус таких образцов. Корпус образцов речи иностранных студентов может использоваться как весьма полезный учебный материал.

Сразу отметим, что разметка речевых образцов с ошибками по основанию национальной принадлежности их авторов позволит получать статистически значимые данные о типичных ошибках представителей разных языков, что

позволит, во-первых, давать весьма значимые рекомендации подготовительным отделениям вузов по отбору учебного материала; во-вторых, давать основанные на корпусных исследованиях рекомендации по организации и проведению тестирования иммигрантов и трудовых мигрантов. Логика предлагаемого проекта корпуса предполагает, что в перспективе корпус речевых образцов, содержащих ошибочные употребления языка иностранными обучающимися, должен вырасти до корпуса, содержащего размеченные речевые образцы с ошибками носителей русского языка, что открывает широкие перспективы как в прикладном аспекте, а именно в лингводидактическом использовании корпуса (Золотов 2020), так и в дискурсивном аспекте изучения языка.

При достижении определенных значений в области количества каталогизированных и размеченных речевых образцов, содержащих ошибки изучающих русский язык, корпус может быть использован как основная база данных для систем автоматизированного определения ошибочных выражений в речи и далее – для систем автоматизированного определения типа языкового носителя, изучающего русский язык как иностранный (имеется в виду зависимость типа ошибки от типологической принадлежности родного языка учащегося).

Также отметим, что создание корпуса речи изучающих русский язык может стать знаменательным событием в современной лингвистике, поскольку само по себе изучение сбоев в процедурах преобразований от первичного смысла к правильным предложениям может стать источником данных об устройстве языка как основы речевой деятельности.

Корпус задумывается как открытая система, которая будет постоянно пополняться новым языковым материалом, подвергаемым специальной разметке.

В контексте решения названной научной проблемы, в соответствии с описанным выше пониманием речевой ошибки мы вслед за И. А. Мельчуком рассматриваем язык как своего рода интерфейс между задуманным смыслом будущего высказывания, определяемым речевым намерением говорящего, с одной стороны, и с другой – поверхностными языковыми структурами, содержащими этот смысл и реализующими эти намерения. В своё время такое понимание языка повлекло за собой создание И.А. Мельчуком и его соратниками теоретической модели «смысл↔текст» [9; 1; 11], которая наиболее полное свое отражение нашла в создании толково-комбинаторного словаря (ТКС), а также в ряде теоретических моделей, представляющих процедуры преобразований от смысла к тексту и от текста к смыслу. При этом авторами теории «смысл↔текст» разработаны строгие правила

представления такого рода преобразований [11], также разработан обширный терминологический инструментарий, позволяющий наиболее полно и точно описывать лексическую семантику и комбинаторику (отношения) лексем, создавать глубинно-морфологические формальные представления, описывать глубинные и поверхностные синтаксические структуры [11].

Для решения задачи создания размеченного корпуса речевых образцов, содержащих ошибки, такой подход наиболее целесообразен прежде всего потому, что ошибка как сбой в работе языка-интерфейса должна подвергаться строгому поуровневому описанию, в ходе которого определяющее важно точно локализовать точку сбоя, что необходимо для наиболее полного и адекватного описания ошибки в процессуальном аспекте. Этот аспект решения проблемы создания и разметки корпуса образцов речи студентов, изучающих русский язык, рассматривается как определяющий для предпринятого исследования.

С учетом сказанного описание ошибок следует делать по уровням, но при этом выявлять связи и отношения, по которым ошибка связывается с другими уровнями. Для решения такой задачи представляется целесообразным привлечь в качестве источника данных, а также в качестве продуктивной модели толково-комбинаторный словарь, разработанный И. А. Мельчуком, А. К. Жолковским, Ю. Д. Апресяном, а также образцы синтаксического и семантического аннотирования корпуса текстов, представленные в монографии «Русский язык в модели “смысл↔текст”» И. А. Мельчука [11] и в статье «Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы» Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского и др. [2].

При глубинной разметке ошибок мы предлагаем использовать в том числе способы описания, которые применяли Апресян Ю. Д., Мельчук И. А., Жолковский А. К. при создании толково-комбинаторного словаря [10]. Единицей описания в толково-комбинаторном словаре выступает не слово во всем спектре его прямых и переносных значений, а лексема – слово в одном конкретном значении. Лексикографическое описание лексемы выполняется в трех зонах: **семантической зоне**, **зоне синтаксической сочетаемости** и **зоне лексической сочетаемости**. В данных зонах предполагается описание семантических, грамматических и лексических ошибок соответственно.

В **семантической зоне** дается толкование лексемы, при этом толкуется не изолированная лексема, а пропозициональная форма – языковое выражение, включающее саму лексему и переменные, которые представляют ее семантические актанты, то есть участники означаемой ситуации – как одушевленные, так и неодушевленные. Например, толкуется не одна лексема

ВОСХИЩАТЬСЯ, а выражение *X* восхищается *Y*-ом; не АВТОРИТЕТ, а авторитет *X*-а у *Y*-ов; не ДОСТАТОЧНЫЙ, а *X*, достаточный для *Y* [10, с. 7].

Использование такого представления лексемы в разметке корпуса позволит не только указывать точное место ошибки в пропозициональной форме, но и использовать представленную форму как справочный материал при изучении русского языка.

Важно, что толкование лексемы строится как строгое семантическое разложение ее значения на семантические примитивы, далее не разложимые [10, с. 7], что позволяет избежать тавтологий типа «осмысливать значит понимать». Представление значения лексемы посредством элементарных слов-понятий, сделает доступным ее понимание изучающими русский язык на начальном этапе (в случае использования корпуса в дидактических целях).

В толково-комбинаторном словаре смысл лексемы описывается во всех возможных употреблениях, например: *стыдился своего проступка*, но и *стыдился своей бедности*, – что также важно при дидактическом применении корпуса речевых образцов.

Таким образом, главным элементом разметки в семантической зоне ТКС выступает толкование лексемы как семантическое ее разложение на семантические примитивы по строгой модели, например:

ЗАБИВАТЬ, -ю, -ет, несов.

X забивает Y Z-ом = *X* бьет по *Y Z-ом*, чтобы *Y* вошел в какой-то материал, в вещество.

Правая часть равенства представляет собой не что иное, как атомарное, в базовых терминах толкование пропозициональной модели. Такое представление семантической ошибки дает возможность ее максимально возможного аналитического представления.

В зоне синтаксической сочетаемости лексемы в словарной статье ТКС приведена модель управления (МУ), то есть таблица, в которой для каждого актанта толкуемой лексемы указаны все возможные способы выражения. К примеру, для пропозициональной модели *X восхищается Y-ом*

указано, что *X* всегда будет существительным в именительном падеже, а *Y* будет либо существительным в творительном падеже, либо предложением типа *тем + союз(ное слово) + ПРЕДЛ(ожение)*. Далее в описании модели управления приводятся все ограничения, связанные взаимной встречаемостью актанта толкуемой лексемы (например: *нельзя – стыдиться соседей своей неловкости*, *надо – стыдиться перед соседями своей неловкости*).

Указание на сбой в зоне синтаксической сочетаемости может быть выполнено следующим образом: если мы имеем дело, к примеру, с ошибочным выражением *Соседка восхищается с мой велосипед*, то в разметке этот сбой будет указан следующим образом:

X (им.) восхищается < с Y (им.) >, правильно: *X (им.) восхищается Y-ом (тв.)* – *Соседка восхищается моим велосипедом*, где *<...>* обозначает ошибочное выражение.

В зоне лексической сочетаемости посредством специальной системы обозначений указывается то значение, или лексическая функция, которая выражается посредством несвободного сочетания толкуемой лексемы с зависящей от нее другой лексемой. Например, интенсификация значения лексемы аплодисменты осуществляется посредством зависящей от нее лексемы бурные, что формально представлено в ТКС в виде математической функции:

Magn (аплодисменты) = бурные,

где именованное **Magn** соответствует идее интенсификации значения толкуемой лексемы.

Сразу отметим, что для корпуса образцов, содержащих ошибки, такого рода формализованное представление не столь важно, гораздо важнее будет дать перечень всех случаев несвободной сочетаемости лексемы, сопроводив каждый случай кратким толкованием, понятным в том числе иностранному студенту. Например, зону лексической сочетаемости лексемы *ошибка [орфографическая]* в нашем корпусе можно представить следующим образом:

Таблица 1

Представление лексической сочетаемости лексемы /
Table 1. Representation of lexical compatibility of a lexeme

	сделать, допустить	ошибк-у	Совершить действие
ошибк-а	вкрасься	[в + Вин.]	Совершить действие + Указать место
	исправить, устранить	ошибк-у	Прекратить существование
	груб-ая	ошибк-а	Усиленное значение

Обратим внимание, что при таком представлении лексической сочетаемости лексемы толкование каждого сочетания (крайний правый столбец) выполнено в крайне общих терминах, что призвано не только свести все толкования к единому перечню элементарных понятий, но

и сделать их предельно понятными для изучающих русский язык. Отметим, что для составления таблиц нормативной лексической сочетаемости целесообразно привлекать данные из корпусов с соответствующими поисковыми возможностями [3].

Такое представление лексической сочетаемости слова представляется удобным для точного и наглядного указания место на место сбой, повлекшего речевую ошибку. Например, если мы

имеем дело с ошибочным выражением *Ошибка вошла в предложение...*, то в разметке это может быть отражено следующим образом:

Таблица 2

Представление ошибки в лексической сочетаемости лексемы / Table 2. Representation of an error in the lexical compatibility of a lexeme

	<i>сделать, допустить</i>	ошибк-у	Совершить действие
ошибк-а	<i>вкрасься</i>	[в + Вин.]	Совершить действие + Указать место
	<i>исправить, устранить</i>	ошибк-у	Прекратить существование
	<i>груб-ая</i>	ошибк-а	Усиленное значение

Здесь угловые скобки <...> использованы для обозначения ошибочного выражения.

Такова в первом приближении планируемая система лексической разметки речевых образцов, содержащих ошибку.

Особую задачу представляет собой такое представление речевых образцов и разметки, чтобы поисковые операции в корпусе можно было выполнять по наименованию/формальному представлению типа ошибки, по указанию типа языкового выражения или уровня, по другим значимым параметрам. Такая разработка будет в полной мере возможна при накоплении и систематизации достаточного количества эмпирического материала.

Для достижения описанных целей создания корпуса ошибок в русской речи иностранных обучающихся разработаны основные способы представления названных выше параметров разметки. Ниже в качестве примера представлены следующие условные обозначения основных позиций разметки, призванные формализовать данные:

Типы ошибок

Morph - морфологическая
 Phon - фонетическая
 Synt - синтаксическая
 Lex - лексическая
 Styl - стилистическая
 Orph - орфографическая
 Ac - ударение
 Into - интонация
 Red - редукция
 SermOr - устноречевая
 SermScr - письменноречевая
 Sem - семантическая ошибка
 Intel - смысловая (неясен конечный смысл высказывания)

SemSynt - семантическая ошибка, повлекшая синтаксические нарушения

SyntSem - синтаксическая ошибка, повлекшая семантические нарушения

LexSynt - лексическая ошибка, повлекшая синтаксические нарушения

Comm - коммуникативная ошибка

NonComm - некоммуникативная ошибка

Части речи

S - существительное

A - прилагательное

Pron - местоимение

Num - числительное

Conj - союз

Prae - предлог

V - глагол

Part - причастие

Conv - деепричастие

Par - частица

Морфемы

rad - корень

pref - приставка

suf - суффикс

fle - окончание

int - соед. гласная

Ø - отсутствие морфемы

Морфологические категории

Cas 1/2/3/4/5/6 - падеж

Num sg/pl - число

Gen ms/fm - род

Dec 1/2/3 - склонение

Pers 1/2/3 - лицо

Tem praes/fut1/fut2/imperf/perf - время наст., будущее несов., будущее соверш., прош. несов., прош. соверш.

Ge act/pass - залог акт./пасс.

Mod ind/con/imp/opt - наклонение изъяв./условное/повелит./желательное.

Описание речевого образца с ошибкой должно включать такие параметры, которые обеспечивали бы максимально возможное количество данных как для подробного изучения ошибки, так и для наиболее эффективного использования образца в случае обращения к нему в ходе методических изысканий. Ниже представлена предлагаемая нами модель описания (разметки) в корпусе речевого образца, содержащего ошибку.

Таблица 3

Пример разметки речевого образца в базе данных корпуса ошибок /
Table 3. An example of speech sample markup in the error corpus database

1	Номер в базе данных	1
2	Текст ошибочный	Мы знаем что информация это любые свидЕные о каком-либо событИИ её проТцессе, объекте
3	Текст правильный	Мы знаем, что информация – это любые сведения о каком-либо событии, процессе, объекте
4	Вид речевой деятельности, дисциплина	Диктант, иностранный язык в сфере проф. коммуникации
5	Тема	Устройство компьютера
6	Источник	Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации (русский язык) / учебное пособие
7	Курс/уровень обучающегося	1/В1
8	Специальность – русский язык/другие	Другие: математика и компьютерные науки
9	Страна	Узбекистан
10	Родной язык	узбекский
11	Год фиксации ошибки	2022

Ошибки выделены красными буквами, заглавные красные буквы – ошибочно элиминированные элементы, заглавные буквы на красном фоне – лишние, отсутствующие в норме.

Основной элемент разрабатываемого корпуса – глубинная разметка собственно ошибки. Далее приведен пример представления ошибки в глаголе знаем из речевого образца, приведенного в качестве примера в таблице выше.

Таблица 4

Пример глубинной разметки ошибки в корпусе речевых образцов /
Table 4. An example of depth marking of an error in the corpus of speech samples

1	2	3	4	5
1	Тип ошибки	Morph/Phon	Слово	№ в БД
2	Уточненный тип	Morph		
3	Коммуникативн/нет	NonComm		
4	Часть речи	V		
5	Разряд части речи	1		
6	Категории ошибки	PersNum		
7	Морфема/слово/синтакс. элемент с ошибкой	flex		
8	Правильно	1PI	знá-ЕМ	
9	Ошибка	2PI	знá-<ИМ>	
10	Контекст	Мы знаем что информациЯ это любые свидЕные о каком-либо событИИ её проТ-цессе, объекте		1
11	Релевант. выраж./ синтаксич. сочетаемость	Мы зна<ИМ>		
12	В словаре	Знать		
13	Пропозициональная модель	X знает S4/o+S6/, что+ Предложение		
14	Уточненный тип / причина ошибки	Phon		
15	Коммуникативн/нет	NonComm		
16	Правильно	Red	знá-ЕМ	
17	Ошибка	Red	знá-ИМ	

При такой разметке ошибочного языкового элемента речи есть возможность поиска ошибок в корпусе по таким поисковым стимулам, как морфологические ошибки, коммуникативные/некоммуникативные ошибки, ошибки в окончаниях глаголов, ошибки в определении лица и числа глаголов и т. д. – вниз по столбцу 2 в Таблице 4.

Строка 14 «Уточненный тип / причина ошибки» предполагает, что причиной ошибки в строке 9 может выступать не только незнание правил, регулирующих написание окончаний глагола, но также фонетическая редукция звука [е] в заударной позиции в окончании -ем. Строка 11 «Релевантное выражение» предполагает указание синтаксического выражения, определяющего форму слова с ошибкой, в данном случае это местоимение мы.

Если будет выполняться разметка семантической ошибки, то в нее, соответственно, будет включено выражение из семантической зоны толкования лексемы знать: X знает, что Y это Z = X владеет данными о том, что Y есть Z, в котором будет отмечен ошибочный семантический элемент.

При наборе статистически значимого количества речевых образцов появится возможность поиска по поисковым стимулам типа Морфологические ошибки в личных окончаниях глаголов у носителей арабского языка или Семантические ошибки в послетекстовых упражнениях.

На данном этапе исследования можно сделать вывод, что разработанная система глубокой разметки ошибок в корпусе речевых образцов должна также иметь открытый характер, поскольку по мере развития базы эмпирических данных могут существенно изменяться как возможности, так и задачи корпуса: к примеру, описание ошибки может включать отсылку к конкретным методическим рекомендациям, и в этом случае корпус приобретает характер вспомогательного дидактического средства обучения русскому языку. Именно такого рода архитектура корпуса ошибочных образцов речи иностранных обучающихся видится перспективной, имеющей как научное, так и широкое практическое значение.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл↔Текст». Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1980. 119 с.
2. Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Б. Л., Иомдин Л. Л., Санников А. В., Санников В. З., Сизов В. Г., Цинман Л. Л. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы. // Национальный корпус русского языка: 2003-2005 (результаты и перспективы). М.: Индрик, 2005. С. 193–214.
3. Баранчикова А. Д., Сперанская А. Н. Динамика глагольной сочетаемости субстантива клятва по данным Национального корпуса русского языка // Мир русского слова. 2019. №2. С. 19–23.
4. Грудева Е. В., Бучилова И. А., Волкова Н. А. Корпусы ошибок: целевая аудитория, возможная архитектура корпуса // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5 (86). С. 63–72.
5. Золотов П. Ю. Лингводидактические свойства корпусных технологий. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. №185. С. 75–82.
6. Корпус русских учебных текстов. URL: <https://ling.hse.ru/krut> (Дата обращения 25.10.2021)
7. Ляшевская О. Н., Кашкин Е. В. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. № 6. 2015. С. 464–555.
8. Ляшевская О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 520 с.
9. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл↔текст». Семантика. Синтаксис. М.: Наука, 1974. 314 с.
10. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1984. 992 с.
11. Мельчук И. А. Русский язык в модели «смысл↔текст». Москва – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.
12. Резанова З. И., Веснина Г. Ю. Подкорпус русской речи билингов лингвистического корпуса «Томский региональный текст»: принципы разметки и метаразметки корпуса // Вопросы лексикографии. 2016. № 1. С. 29–39.
13. Русский учебный корпус RLC. URL: <https://web-corpora.net/RLS/> (Дата обращения 25.10.2021)
14. FrameNet Project. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/> (Дата обращения: 25.10.2021)

References

1. Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл↔Текст» (Types of information for the surface-semantic component of the model «Meaning ↔Text»). Vienna: Wiener Slavistischer Almanach Publ., 1980. 119 p. (In Russian)
2. Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Б. Л., Иомдин Л. Л., Санников А. В., Санников В. З., Сизов В. Г., Цинман Л. Л. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы (Syntactically and semantically annotated corpus of the Russian language: current state and prospects. In: Natsional'nyi korpus russkogo iazyka: 2003-2005 (rezul'taty i perspektivy). Moscow: Indrik Publ., 2005. P. 193–214. (In Russian)
3. Baranchikova A. D., Speranskaia A. N. Dinamika glagol'noj sochetaemosti substantiva kljatva po dannym Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka (Dynamics of verbal compatibility of the substantive oath according to the National Corpus of the Russian language) // Mir russkogo slova. 2019. No. 2. P. 19–23. (In Russian)

4. Grudeva E. V., Buchilova I. A., Volkova N. A. Korpusy oshibok: celevaja auditorija, vozmozhnaja arhitektura korpusa (Error cases: target audience, possible architecture of the case) // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No.5 (86). P. 63–72. (In Russian)
5. Zolotov P. Iu. Lingvodidakticheskie svojstva korpusnyh tehnologij (Linguodidactic properties of corpus technologies) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. Vol. 25. No. 185. P. 75–82. (In Russian)
6. Korpus russkikh uchebnykh tekstov. URL: <https://ling.hse.ru/krut> (Accessed: 25.10.2021)
7. Liashevskaja O. N., Kashkin E. V. Tipy informacii o leksicheskikh konstrukcijah v sisteme Frejmbank (Types of information about lexical constructions in the FrameBank system) // Trudy instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Moscow: Inst. RIA im. V. V. Vinogradova RAN Publ. 2015. No. 6. P. 464–555. (In Russian)
8. Liashevskaja O. N. Korpusnye instrumenty v grammaticheskikh issledovanijah russkogo jazyka (Corpus tools in grammatical studies of the Russian language). Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK Publ., 2016. 520 p. (In Russian)
9. Mel'chuk I. A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelej «smysl↔tekst». Semantika. Sintaksis (The experience of the theory of linguistic models «meaning ↔ text». Semantics. Syntax). Moscow: Nauka Publ., 1974. 314 p. (In Russian)
10. Mel'chuk I. A., Zholkovskii A. K. Tolkovo-kombinatornyj slovar' russkogo jazyka. Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisanija russkoj leksiki (Explanatory-combinatorial dictionary of the Russian language. Experiments of semantic and syntactic description of Russian vocabulary). Vienna: Wiener Slavistischer Almanach Publ., 1984. 992 p. (In Russian)
11. Mel'chuk I. A. Russkij jazyk v modeli "smysl↔tekst" (The Russian language in the "meaning ↔ text" model). Moscow – Vienna: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», Venskii slavisticheskii al'manakh Publ., 1995. 682 p. (In Russian)
12. Rezanova Z. I., Vesnina G. Iu. Podkorpus russkoj rechi bilingvov lingvisticheskogo korpusa «Tomskij regional'nyj tekst»: principy razmetki i metarazmetki korpusa (Subcorpus of Russian speech of bilinguals of the linguistic corpus «Tomsk regional text»: principles of markup and meta-markup of the corpus). // Voprosy leksikografii. 2016. No. 1. P. 29–39. (In Russian)
13. Russkij uchebnyj korpus RLC. URL: <https://web-corpora.net/RLS/> (Accessed: 25.10.2021)
14. FrameNet Project. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/> (Accessed: 25.10.2021)

Сведения об авторах

Гусаренко Сергей Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского как иностранного Северо-Кавказского федерального университета / sgusarenko@mail.ru
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Гусаренко Марина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации Северо-Кавказского федерального университета / mgusarenko@ncfu.ru
Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Chair of Russian Language as Foreign Language, North-Caucasus Federal University / sgusarenko@mail.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.

Marina K. Gusarenko – PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Romance & Germanic Languages and Linguodidactics, North-Caucasus Federal University / mgusarenko@ncfu.ru
The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.



УДК 81'33

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.18>

А. А. Лиховид

О СЛОЖНОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА: НА ГРАНИ МЕЖДУ ТВОРЧЕСКИМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕМ И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ОШИБКОЙ

Настоящая статья посвящена изучению сложностей, возникающих в процессе художественного перевода. Аксиоматичен тезис об индивидуально-творческом характере данного вида деятельности, при этом переводчик художественного текста воспринимается как его (со)автор. Данный тезис актуализирует проблему отношений между автором и текстом, а также то, в какой степени литературное произведение является продуктом исключительно индивидуальной когнитивной деятельности. Опираясь на идеи М. Фуко, мы рассматриваем автора (и переводчика как автора) как, в определенной степени, продукт дискурса, в пространстве которого создается произведение. Под дискурсом в данном случае понимается совокупность лингвистических, культурных, политических, религиозных, поведенческих и иных кодов, существующих в обществе на момент написания произведения. С учетом социально-культурного аспекта функции автора в настоящем исследовании ставится вопрос, в какой степени различие дискурсов автора оригинала и переводчика-соавтора влияет на создаваемый текст перевода. Случаи, когда переводчик оказывается неспособным декодировать коды культуры-отправителя, приводят к появлению переводческих ошибок, влекущих за собой искажение смысла оригинала, нелогичность причинно-следственных связей повествования и, как следствие, дезинформацию читателя относительно прагматических интенций автора и персонажей.

Материалом данного исследования послужили текст романа Элизабет Гаскелл «Север и Юг» и два его русскоязычных перевода, акцент при этом сделан на контекстах, представляющих особую сложность при переводе на русский язык в силу наличия в них экстралингвистических факторов: кодов культуры, религиозных течений, поведенческих норм, классовых отношений. В ходе исследования был проведен сравнительно-сопоставительный анализ отобранных элементов с учетом литературного, исторического и лингвистического контекста, что позволило установить причины возникновения переводческих ошибок, определить взаимодействие интра- и экстралингвистических факторов, а также в отдельных случаях предложить свой вариант перевода. Анализ показал неоднозначность феномена переводческой ошибки в контексте художественного перевода в силу различия исходной и целевой лингвокультур.

Ключевые слова: художественный перевод, автор, переводческая ошибка, социально-культурная коннотация, дискурс.

Для цитирования: Лиховид А. А. О сложностях художественного перевода: на грани между творческим переосмыслением и переводческой ошибкой // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 659–666. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.18

Angelina A. Likhovid

ON THE DIFFICULTIES OF LITERARY TRANSLATION: ON THE VERGE BETWEEN CREATIVE RETHINKING AND TRANSLATION ERRORS

This article is devoted to the study of the difficulties that arise in the process of literary translation. In translation science, there is a widespread approach in which the translator of a work of art is perceived as its (co)author. Giving him such a role cannot but raise the question of the relationship between the author and the text, and to what extent a literary work is a product of exclusively individual cognitive activity. Based on the ideas of Michel Foucault, this work considers the author (and the translator as the author) as, to a certain extent, the product of the discourse in which he creates the work. In this case, discourse is understood as a set of cultural, political, religious, behavioural and other codes that exist in society at the time of writing the work. Taking into account the socio-cultural aspect of the author's function, the present study asks to what extent the difference between the discourses of the author and the translator-co-author affects the text of the translation. Cases when the translator is unable to decode the codes of the sending culture lead to translation errors, which entail a distortion of the meaning of the original, illogical causal relationships of the narrative and misinformation of the reader regarding the pragmatic intentions of the author and characters.

The material of this study was the text of the novel by Elizabeth Gaskell «North and South» and two of its Russian translations. Several contexts were selected for analysis,

which are difficult to translate into Russian due to the presence of extralinguistic factors in them: codes of culture, religious movements, behavioural norms, class relations. In the course of the study, a comparative analysis of the selected elements was carried out with a comprehensive study of the literary, historical and linguistic context. This allowed the authors of the article to trace the causes of translation errors, to establish the relationship between intra- and extra-linguistic factors in their commission, and in some cases to offer their own version of the translation. The conclusion of this study was the acceptance of the ambiguity of the phenomenon of translation error in the context of literary translation due to the difference in cultures between the sender of the original and the recipient of the translation. The difficulty of distinguishing between cases when an unreliable transfer of the meaning of the original can be regarded as a translation error, and when it can be considered as a creative rethinking in order to make the text as clear as possible to the reader is emphasized.

Key words: literary translation, author, translation error, social and cultural connotation, discourse.

For citation: Likhovid A.A. On the difficulties of literary translation: on the verge between creative rethinking and translation errors // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 659–666. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.18

К фундаментальным вопросам переводоведческой науки, часто обсуждаемым в трудах отечественных и зарубежных исследователей, относятся следующие: в чем заключается сущность перевода, в чем специфика художественного перевода и какова роль в этом процессе языковой личности переводчика. На первый взгляд, вопросы кажутся давно изученными и многократно рассмотренными, однако каждое новое исследование содержит свежий взгляд на уже устоявшийся научный дискурс переводоведения. Причиной тому служит «живая», адаптивная природа всех вышеупомянутых элементов: с течением времени меняется и развивается язык, а вместе с ним и культура речи говорящего на нем социума; современный язык становится инструментом создания современной литературы, необходимости переосмысления старых переводов и появления новых – и цепочку подобных взаимосвязей можно продолжать и далее. Результатом этого становится, как ни парадоксально, неиссякаемая эмпирическая база для исследований по этой проблематике. Мотивацией для данного исследования стало относительно недавнее знакомство русскоязычного читателя с одним из представителей классики английской викторианской литературы – Элизабет Гаскелл, в частности с ее романом «Север и Юг». Это означает большой – более века – временной разрыв между его написанием и переводом на русский язык, что представляет научно-исследовательский интерес ввиду кардинального сдвига в парадигмах мировоззрения: социально-культурный багаж фоновых знаний Э. Гаскелл как автора оригинала значительно отличается от индивидуальной когнитивной системы современных переводчиков как соавторов. Задача данной статьи – проанализировать контексты, когда проявление творческого «я» переводчика можно расценить как не всегда оправданное переосмысление текста оригинала с целью сделать его максимально доступным современному читателю, а также ситуации, когда подобный акт нарушает культурно-исторический контекст оригинального произведения и может рассматриваться как переводческая ошибка или искажение смысла текста.

Вопрос о творческом взаимодействии автора, текста и переводчика интересует исследователей уже долгое время. Еще в 1813 г. Фр. Шлейермахер в своей всемирно известной лекции «О разных методах перевода» обозначил основную проблему перевода, в частности художественного, не утратившую своей актуальности и по сей день и заключающуюся, собственно, в ограниченности действий переводчика двумя опциями. Первая подразумевает приоритет внимания автору произведения, в результате чего именно верность оригиналу становится основным критерием качества перевода, даже если при этом читатель может испытывать сложности при прочтении. Вторая воз-

можность противоположна первой: переводчик создает текст на языке перевода, ориентируясь на читателя и уже именно «понятность» оригинала становится основным критерием [10]. При этом, что любопытно, создается впечатление, что «автор» и «читатель» – функции номинальные, подразумевающие под собой носителей разных языков, но сам язык претерпевает изменения от эпохи к эпохе.

Это, однако, ставит во главу угла вопрос об отношении автора и текста, в контексте чего уместно будет привести мысли другого известного европейского мыслителя, М. Фуко, озвученные им в лекции «Что такое автор?» [12]. Согласно его положениям, вопрос о признании неоспоримой власти автора над текстом и связанных с этим понятий ценности и значимости является продуктом, культурно сконструированным и, следовательно, склонным претерпевать изменения от эпохи к эпохе и от пространства к пространству. Философ отдает предпочтение термину «функция автора», смещающему фокус внимания с автора как личности и делающему упор на дискурсе, окружающем автора или созданную им работу. М. Фуко сравнивает процесс создания текста с переводом («retranslating»); в случае автора-писателя дискурс, в который он вписывается, включает в себя не только его собственные взгляды, но и популярные на тот момент в обществе представления и мифы, институциональные и социальные условия этих представлений и взглядов, общее восприятие искусства и культуры [12, с. 124-125]. В настоящей статье мы не оспариваем творческое и интеллектуальное право автора на свое произведение и его роль в формировании конечного продукта, однако такая позиция позволяет расширить границы концепта оригинала. Текст в таком случае становится не репрезентацией одной личности, творческого гения (в нашем случае, например, Гаскелл), а продуктом социальной коллаборации, отражением соответствующего культурного мира.

Именно эта специфика литературных произведений и составляет основную сложность при их переводе на другие языки. Художественный текст оказывается на стыке личного и типического, индивидуального и общекультурного, что позволяет рассматривать его как «авторское мировидение в соответствующем историко-культурном контексте, представляющее собой многослойное семантическое пространство» [7, с. 236]. В процессе перевода художественного текста мы транслируем не только результат индивидуально-авторской творческой работы, но целый массив заложенных в него социальных, нравственных, политических и многих других смыслов, присутствие которых в тексте может не быть осознанной интенцией автора, но исходит от его сознания как нечто само собой разумеющееся и естественное для носителя языка определенной эпохи.

Наиболее распространенной моделью художественного перевода можно считать следующую: «Автор – Текст 1 – Переводчик-читатель – Переводчик-автор – Текст 2» [8, с. 136]. Исходя из этой модели, целью художественного перевода становится сохранение прагматического эффекта, что и обуславливает двойственную роль переводчика. Текст оригинала (Текст 1) ориентирован на определенного реципиента, чаще всего проживающего в одну эпоху с автором и обладающего аналогичным фоном знаний. Переводчик в роли читателя на собственном опыте проживает, в некотором смысле, культурный шок как носитель иного языка и, зачастую, как представитель другой эпохи, обладающий иным набором культурных, социальных и прочих кодов. Далее, в роли автора текста он «перекодирует» исходный текст из одной языковой системы означающих в другую с тем, чтобы передать обозначаемое, то есть инвариант текста с сохранением прагматического (коммуникативного) эффекта. В идеалистическом понимании, текст перевода (Текст 2) полностью тождествен оригиналу (Тексту 1), однако на практике потери и изменения оказываются неизбежными, и тому есть несколько причин.

Во-первых, авторская роль переводчика возвращает нас к теории М. Фуко о функции автора и определенной степени его социальной-культурной сконструированности. Дискурс автора оригинала (и все сопутствующие ему имплицитные коды) могут не соответствовать дискурсу автора перевода, и переводчик, даже при совершенном владении иностранным языком и детальным знанием культуры, может оказаться неспособным их декодировать. Во-вторых, как уже упоминалось выше, время и географическая локация создания оригинального произведения зачастую не тождественны оным при создании перевода. Это означает, по мнению С. В. Серебряковой, что «перевод текста выступает при этом не только как акт и продукт межъязыковой и межкультурной коммуникации, но и как отсроченное во времени и пространстве творческое взаимодействие – через текст как совокупность коннотирующих смыслов – автора оригинала и переводчика как языковых личностей своей культурно-исторической эпохи на уровне их индивидуальных когнитивных систем» [6, с. 49]. Языковая личность переводчика проявляется как раз в урегулировании проблем передачи прагматического эффекта как адресата художественного текста с учетом вышеуказанных сложностей.

Для наглядности приведем здесь некоторые случаи, описанные в книге «Jane Austen Speaks Norwegian: The Challenges of Literary Translation» норвежской исследовательницы М. Н. Сорбо [14]. В главе «Foreign or Domestic?» рассматриваются некоторые сложности при переводе романов Джейн Остин на норвежский язык. В число наи-

более распространенных вошли затруднения, связанные с передачей системы мер, обычаев и культурных контекстов, заголовков, хронолога, форм обращения в кругу семьи и знакомых, а также культурно-социальных концептов, характерных исключительно для британской культуры. Так, например, один из случаев касается уже утраченной традиции написания писем, что привело к неточности при переводе романа «Гордость и Предубеждение». Письма Лидии к Китти описаны в оригинале как «much too full of lines under the words to be made public» [14, с. 149], с учетом традиции чтения писем в семейном кругу, определенные части письма подчеркивались с тем, чтобы остаться не зачитанными вслух, иными словами, письма Лидии содержали слишком много конфиденциальной информации. В норвежском варианте перевода смысл был искажен таким образом, что манера письма Лидии была настолько небрежной и неаккуратной, что читать ее письма было попросту невозможно [Там же]. Другая распространенная погрешность заключается в несоответствии грамматических категорий английского и норвежского языков, в частности, отсутствия в английском ярко выраженных форм обращения на «ты» и вежливого «Вы» и их наличие в норвежском языке (что также применимо к русскому языку). Иной сложностью может стать распространённое в английской культуре имплицитное выражение близкого или не очень близкого знакомства, нарушение которых в переводе может привести к искажению иерархии классовых отношений [14, с. 150].

Эти сложности в процессе перевода могут привести к двум результатам. Столкнувшись с подобным явлением, переводчик, как правило, «идет по пути выбора одного из множества вариантов, и этот выбор также может быть отрефлексирован в большей или меньшей степени, зачастую интуитивен и нередко базируется на личных предпочтениях» [4, с. 180]. С одной стороны, если принять за данность понимание переводчиком коннотации и социального контекста переводимых им обозначающих (кодов), то с целью донести до читателя коммуникативный эффект переводчик может взять на себя риск творческого переосмысления, т.е. проявить креативность. В таком случае отхождение от оригинала может быть оправданно сохранением коммуникативно-прагматического эффекта. С другой стороны, если переводчик сам не до конца понимает имплицитные социальные и иные содержательные компоненты переводимого им текста, то это может привести к тому, что принято называть переводческой ошибкой.

Как отмечает Т. И. Родионова, ошибки при переводе имеют двоякую природу и во многом зависят от типа текста: то, что в тексте, где, например, преобладает когнитивная информация, может быть критическим искажением смысла, то в худо-

жественном тексте это может быть расценено как неточность [5, с. 137]. Л.К. Латышев выделяет нормативные, функционально-стилистические ошибки и ошибки содержательного плана, при этом последние градируются по степени ущерба, нанесенного оригиналу, когда искажение является самым грубым нарушением смысла оригинала, неточность описывается как менее существенная дезинформация читателя, а неясность в основном связана с нелогичным или непоследовательным изложением мысли [3, с. 234-240]. В числе основных причин переводческих ошибок принято называть непонимание переводчиком текста оригинала, дословный перевод, неудачный выбор переводческого соответствия [5, с. 138]. Помимо этого, Гао Цзянь также говорит о переводческих ошибках культурного плана [9, с. 181], к которым относятся ошибки, связанные с незнанием материальной культуры, то есть предметов и процессов быта; ошибки в контексте поведенческой культуры, то есть незнание социальных норм поведения; ошибки духовной культуры, то есть ошибки, связанные с непониманием морально-нравственных или эмоционально-психологических процессов [9, с. 181–182].

Согласно нашим наблюдениям и результатам анализа оригинала и переводов романа Элизабет Гаскелл, переводческие ошибки можно условно разделить на две большие группы. В первую входят языковые ошибки, вызванные незнанием или неверным пониманием переводчиком грамматического и лексического строя языка оригинала, неполным владением стилистическими нормами или правилами сочетаемости. Ко второй группе мы склонны отнести ошибки, связанные с незнанием переводчиком имплицитных кодов культуры языка оригинала, социальной реальности написания произведения, то есть это ошибки, которые можно обозначить как вызванные недостаточным владением экстралингвистическими факторами художественной коммуникации. Далее мы рассмотрим некоторые, наиболее интересные в научно-исследовательском плане ошибки, совершенные при переводе на русский язык с английского романа Элизабет Гаскелл «Север и Юг». На сегодняшний день существует два русскоязычных варианта: вариант В. Григорьевой и Е. Первушиной, выполненный в 2011 г., и перевод С. Трофимова, изданный в 2016 г. В ходе анализа мы постараемся проследить причину возникновения переводческих ошибок и, при необходимости, дадим культурно-исторический комментарий по переводу вызвавшего затруднение контекста оригинала.

Рассмотрим первый пример.

Where, to what distance apart, had her father wandered, led by doubts which were to her temptations of the Evil One? She longed to ask, and yet would not have heard for all the world [13, с. 40].

Куда и как далеко забрел ее отец, ведомый сомнениями, которые казались ей искушениями дьявола? Она продолжала вопрошать, но мир не слышал ее [1, с. 54].

Как далеко зашел отец, ведомый сомнениями, которые она считала искушением Зла? Она задала этот вопрос небесам, но ответа не услышала [2, с. 34].

В данном отрывке нас интересует выделенное жирным шрифтом предложение, перевод которого на русский язык мы склонны считать ошибочным и, если определить данную ошибку с позиции, предложенной Л. К. Латышевым, то ее можно определить как неточность. В качестве причин возникновения данной ошибки мы считаем неправильное понимание переводчиками семантики отдельных лексических единиц и грамматических форм, кроме того, нам представляется, что переводчики также не до конца осознавали социальный контекст описываемого в данном отрывке события, что не позволило им полноценно передать коммуникативный и прагматический эффект высказывания.

Сфокусируем наше исследовательское внимание на использованном в оригинале глаголе *to long*. В словаре Cambridge Dictionary значение этого глагола описывается следующим образом: «to want something very much» [11]. Отсюда следует, что глагол содержит в себе семантический компонент невыполненного желания, не свершившегося действия. Оба русскоязычных варианта, однако, подразумевают, что само действие постановки вопроса (*longed to ask*) уже свершилось, что противоречит смыслу оригинала. Следующей ошибочной интерпретацией на семантическом уровне стало неправильное понимание значения идиомы *for the world*, обозначающей «for any reason» и синонимичной русскому выражению *ни за что на свете*. В обоих же русскоязычных вариантах идиома была передана пословно, то есть смысл всего выражения оказался равен значению его отдельных компонентов. Во втором варианте перевода (версии В. Григорьевой и Е. Первушиной) существительное *world* было переведено в прямом смысле как *мир*, выполняя роль адресанта вопроса Маргарет. В переводе С. Трофимова ситуация аналогична, с той лишь разницей, что слово *мир* было заменено на *небеса*, вероятно, в рамках религиозного контекста. Оба варианта, несомненно, нарушают прагматическую интенцию выражения. Далее, нельзя не отметить, что на синтактико-грамматическом уровне конструкция *would not have heard* усиливает значения глагола *to long* и подразумевает, что действие никогда не свершалось, кроме того, сама Маргарет не желала слышать ответы на свои вопросы. Мы склонны предположить, что к подобному непониманию привела эллиптичность предложения, пропущенный элемент, однако, может быть вос-

становлен из контекста: *She longed to ask, and yet would not have heard [the answer] for all the world.* Таким образом, семантически и прагматически правильным переводом мог бы быть следующий вариант: Ей очень хотелось спросить, но ей ни за что на свете не хотелось услышать ответ.

Помимо этого, мы не случайно привели анализируемое предложение в контексте с другим с целью прояснить коммуникативную ситуацию, в которой было использовано анализируемое высказывание. Отец Маргарет, Мистер Хэйл, в начале романа является пастором англиканской церкви, однако в моменте повествования, откуда взят отрывок, он сообщает дочери, что больше не может служить на этой должности. Причиной послужил тот факт, что он не согласен с решением церкви об отлучении 2000 священников, не принявших Акт о единообразии от 1662 г. Этот акт парламента требовал подчинения всему, что будет указано в Книге Общих Молитв, в то время как Мистер Хэйл считал, что Церковь не имела права диктовать людям, как верить. Для Маргарет, выросшей в непоколебимой вере в догмы англиканской церкви и понимавшей все последствия подобного мнения, сомнения отца были приговором: *Her father might be a heretic [...]* [13, с. 40]. Смеем предположить, что Маргарет допускает мысль, что отец ее зашел дальше озвученных ей причин сомнений, полное знание которых могло навлечь на Маргарет ту же участь, что и на отца, с ярлыком «еретика». Таким образом, приведенный выше отрывок, скорее, говорит о любви Маргарет к отцу и страхе за него, несмотря на ее несогласие с его выводами, чем о ее желании досконально узнать их причину. Таким образом, в данном примере мы также наблюдаем неполное владение переводчиками социально-религиозным дискурсом авторского повествования.

Интерес в аспекте рассматриваемой проблематики представляет и следующий пример:

For instance, one day, after she had passed a number of men, several of whom paid her the not unusual compliment of wishing she was their sweetheart, [...] [13, с. 67].

Например, однажды, когда она проходила мимо большой компании мужчин, вслед ей понеслись сомнительные комплименты и не слишком оригинальные предложения стать «зазнобой» [...] [1, с. 89].

Например, когда она проходила мимо нескольких рабочих, двое парней выкрикнули ей грязные комплименты с пожеланием стать «цыпочкой в их курятнике» [...] [2, с. 54].

Данное переводческое решение можно отнести скорее не столько к ошибкам в языковом плане, сколько к ошибочной интерпретации поведенческой культуры. Здесь важно понимать, что действие романа происходит в середине XIX в. в Англии, где на тот момент общество было раз-

делено на классы, взаимодействие между которыми регулировалось целым кодексом правил и условностей. Ввиду этого выглядит маловероятным, чтобы мужчины из рабочего класса обращались к Маргрет, представительнице среднего (*upper-middle class*) класса, в экспрессивно и стилистически заниженной форме, предложенной в русскоязычных вариантах. Во-первых, слово *sweetheart* не содержит в своем значении сниженной или негативной коннотации и используется при обращении к партнеру в отношениях или по отношению к тем, кого любят. Во-вторых, это противоречит мыслям самой Маргарет, приведенным абзацем выше: *She [...] had to endure undisguised admiration from these outspoken men. But the very outspokenness marked their innocence of any intention to hurt her delicacy [...]* [13, с. 67]. Как следует из этого высказывания, Маргарет не считает обращения рабочих ни унижительными, ни грубыми или вульгарными, хотя и признает свойственную им прямоту, отнюдь не типичную для ее круга. В свете этого использованные в русскоязычных переводах номинации *зазноба* и *цыпочка в курятнике* можно расценивать как ошибочные, так как они искажают заложенные смыслы и вводят читателя в заблуждение относительно прагматической интенции персонажей, произнесших эти слова. Кроме того, подобные варианты однозначно противоречат прагматическому послы Элизабет Гаскелл как автора произведения, построившего одну из сюжетных линий повествования, раскрывающую нетипичные отношения между рабочим и средним классом, основанные на дружбе, чести и взаимном уважении.

Следующие два примера, которые мы проанализируем, интересны тем, что ошибки в переводе в них неочевидны, однако при видимой правильности текста перевода они нарушают логические связи текста и, на наш взгляд, не сохраняют прагматическую интенцию автора.

You think you never heard of this wonderful son of mine, miss Hale. You think I'm an old woman whose ideas are bounded by Milton, and whose own crow is the whitest ever seen [13, с. 107].

Я полагаю, вы никогда не слышали о моем замечательном сыне, мисс Хейл. Вы думаете, я старая женщина, чьи суждения ограничены Милтоном, вы полагаете, что я – самая белая ворона, какую вы только видели [1, с. 141].

На первый взгляд, перевод можно назвать адекватным и достоверным: сохранена метафоричность оригинала, в переводе подобран фразеологизм, который звучит практически как полноценное соответствие. Мы, однако, склонны считать, что в данном случае переводчик стал жертвой того, что принято называть «ложными друзьями переводчика». Прежде всего важно понимать характер персонажа Миссис Торнтон, матери Джона. Прожив всю жизнь в тяжелых

условиях, поднявшись с уровня, граничащего с бедностью, до социального положения одной из самых состоятельных женщин Милтона, она полностью считает это заслугой своего сына. Если ей и присуще тщеславие, то это тщеславие выражается в гордости за сына, которого она считает выдающимся, а также за Милтона, живущий по законам индустриального города. Именно об этом идет речь в той части текста, откуда взят данный отрывок. Миссис Торнтон как раз объясняла Маргарет все преимущества северного образа жизни по сравнению с южным укладом, подчеркивая, что в Милтоне человека уважают за его достижения и поступки, а не за происхождение. Именно таким ей видится собственный сын: *Go where you will – I don't say in England only, but in Europe – the name of John Thornton of Milton is known and respected amongst all men of business* [13, с. 107].

Сложность лингвопереводческой интерпретации данного отрывка состоит также в коммуникативной ситуации всего приведенного выше высказывания. Непосредственно перед этими словами в тексте отмечается, что Миссис Торнтон по лицу Маргарет поняла, что она не согласна с ее словами, а потому высказывание оригинала носит обвинительно-декларативный характер, что усиливается повторением конструкции *you think*. В русском же варианте текста прямолинейность и назидательный тон высказывания смягчаются (*я полагаю, вы никогда не слышали*), в то время как оригинал в данном случае гораздо более экспрессивен, и его смысл можно передать следующим образом: *Вы думаете, что никогда не слышали об этом моем замечательном сыне...* Отсюда мы можем сделать вывод, что выражение *whose own crow is the whitest ever seen*, относится, в первую очередь, к ее сыну, а фразу можно перевести как: *чей собственный ворон самый белый из всех, когда-либо виденных*. Русский же вариант ошибочно передает прагматическую интенцию персонажа и искажает смысл оригинального фразеологизма. Если английский вариант имеет коннотацию хвастовства и подразумевает, что у кого-то есть уникальный белый ворон, в то время как у всех остальных они черные, то русское «белая ворона» несет в себе элемент необычности и непонятности, отверженности в силу своеобразия. Таким образом, русскоязычный вариант перевода делает фигуру Миссис Торнтон объектом ее собственного восхищения, что в корне неверно и искажает смысл оригинала.

Рассмотрим еще один пример, где ошибочно передана прагматическая интенция персонажа:

Now, I'll not have my wench preached to. She's bad enough as it is, with her dreams and her Methodee fancies, and her visions of cities with goulden gates and precious stones. But if it amuses her I let it a be, but I'm none going to have more stuff poured into her [13, с. 85].

Нет нужды поучать мою девочку. Пусть она идет туда, куда ее зовут, – к золотым воротам, украшенным драгоценными камнями. Если ее это радует, пусть так и будет, но я не собираюсь морочить ей голову всякой чепухой [1, с. 113].

Прежде чем перейти к анализу выделенного предложения, считаем необходимым дать комментарий относительно характера персонажа, которому оно принадлежит. Николас Хиггинс является главой профсоюза рабочих, он один из организаторов забастовки трудящихся, причиной которой стали невыносимые условия жизни и вероятность снижения заработной платы рабочих. Его дочь Бесси умирает из-за болезни легких, которая появилась у нее ввиду тяжелого труда на текстильной фабрике с раннего детства. Хиггинс, привыкший видеть суровую правду жизни и существующий на грани нищеты, испытывает трудности с верой в Бога и, тем более, не готов выслушивать проповеди от девушки (то есть, Маргарет), не работавшей ни одного дня в своей жизни.

В отношении выделенного предложения отметим, что в исходном высказывании речь идет о том, что Хиггинс готов принять религиозность дочери, хотя и находит это *bad enough*, и готов мириться с ее мечтаниями о рае и приверженностью к методизму. Упоминание методизма, на наш взгляд, здесь играет важную роль, ведь одним из главных его положений было смирение и покорность в жизни. Хиггинс, представленный в тексте романа как персонаж-борец, однозначно не может смириться с таким образом мышления. К сожалению, этот компонент был вообще опущен в русскоязычном переводе, кроме того, русский вариант подразумевает, что Хиггинс уверен, что его дочь попадет в рай после смерти. Тем не менее, как мы видим на примере оригинального отрывка, Хиггинс едва ли мог иметь подобные мысли, особенно с учетом того, что далее по ходу повествования религиозные сомнения Хиггинса становятся камнем преткновения между ним и Маргарет с ее отцом. Таким образом, неполнота русского варианта перевода создает ошибочность в передаче характера персонажа, обуславливая также определенную противоречивость самого высказывания: в переводном варианте Хиггинс выступает против разговоров о религии, при этом будучи уверенным, что его дочь отправится на небеса после смерти.

Обратимся к следующему показательному примеру:

Yes! said Margaret. Let me bring you what money I can spare, let me bring you some food for that poor man's children. Don't let them know it comes but from your father. It will be but little [13, с. 145].

– Да! – ответила Маргарет. – Позволь я принесу деньги, позволь, я принесу немного еды для детей этого бедняги. Пусть они думают, что это от их отца. Я принесу, но немного [1, с. 193].

– Да, – ответила Маргарет. – Позволь мне дать тебе небольшую сумму денег, которой я могу поделиться. И разреши принести тебе еды для детей того несчастного мужчины. **Только не говори им, от кого эта поддержка. Можешь сказать лишь своему отцу. Там будет не так уж много** [2, с. 111].

Как уже упоминалось выше, Хиггинс является главой профсоюза, и приведенные цитаты были взяты из сюжетного пассажа, в котором у него происходит конфронтация с одним из рабочих, Баучером, отцом нескольких детей, который боится, что из-за забастовки его дети останутся без еды и умрут голодной смертью. Баучер обвиняет в этом Хиггинса как руководителя; услышав об этом, Маргарет предлагает Бесси принести немного денег и еды для этой семьи. Однако в английском варианте Маргарет настаивает на том, чтобы семья Баучера была уверена, что это Хиггинс предложил им помощь, тем самым она стремится сгладить острые углы в их отношениях. Это также является важным социальным элементом, так как для представителей рабочего класса в Милтоне принять помощь от человека, стоящего на социальную ступень выше, было бы унижительно.

Оба варианта перевода на русский язык искажают смысл оригинала. Так, версия В. Григорьевой и Е. Первушиной полностью аннулирует все эти коннотации, так как согласно их варианту, Маргарет просит, чтобы семья Баучера была уверена, что это он достал деньги и еду. Вариант С. Трофимова также утрачивает вышеуказанные компоненты значения, подразумевая просьбу, чтобы Бесси утаила источник поддержки, рассказав о нем только Хиггинсу. Мы склонны думать, что изначальной интенцией Маргарет, выраженной в оригинале, было желание, чтобы Бесси лично передала деньги и еду Баучеру, сказав, что это от ее отца. Маргарет едва ли хотела бы, чтобы Хиггинс узнал о ее помощи по уже упомянутой причине: во-первых, он счел бы эту помощь унижительной, во-вторых, это задело бы его мужскую гордость, так как подобная помощь от девушки мужчине не

вписывалась в гендерно-ролевые парадигмы той эпохи. Таким образом, варианты русского перевода вносят неясность в описываемую ситуацию и искажают прагматическую цель оригинала, неверно трактуя имплицитные смыслы.

В заключение отметим, что мы признаем определенную сложность и неоднозначность в оценке адекватности и полноценности рассмотренных русскоязычных версий перевода романа Э. Гаскелл. При первом прочтении обеих книг на русском языке, «чужеродным» сразу показался только вариант с *заванбой* или *цыпочкой в курятнике*. Идентификация остальных переводческих ошибок стала возможна только при детальном и более глубоком сравнительно-сопоставительном изучении переводов и оригинала текста с обращением к широкому социокультурному контексту викторианской эпохи. С одной стороны, это говорит о том, что переводчикам удалось передать смысл оригинала, сделать его близким читателю так, чтобы он воспринимался как оригинальное произведение, что, собственно, и является целью художественного перевода. В таком случае переводчики, будучи носителями дискурса другой культуры и эпохи, максимально приблизили текст к своему читателю-современнику. С другой стороны, однозначно положительное восприятие перевода возможно только в случае, если читатель не имеет глубоких знаний относительно социально-культурных реалий эпохи оригинала и не знаком с оригиналом. В свете этого можно сделать вывод, что то, что среднестатистический читатель воспринимает как творческое переосмысление со стороны переводчика, то читатель-исследователь, имеющий более детальное представление об оригинале и викторианской эпохе в целом, может трактовать подобные случаи как переводческие ошибки. Таким образом, если исходить из временно-пространственной сконструированности языковой личности переводчика как автора текста перевода, то вопрос достоверности оригиналу обусловлен позицией, с которой мы читаем текст: с позиции дискурса автора оригинала или с позиции дискурса автора перевода.

Литература

1. Гаскелл Э. Север и Юг / пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. СПб.: Азбука, 2011. 544 с.
2. Гаскелл Э. Север и Юг / пер. с англ. С. Трофимова. Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016. 307 с.
3. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия, 2008. 280 с.
4. Пиванова Э.В. Вторичная репрезентация исходного текста как индивидуальная когнитивная матрица в переводе // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. С. 179–184.
5. Родионова Т. И. Ошибки, возникающие при передаче исходного содержания // Известия ВПГУ. Филологические науки. 2020. №7. С. 136–142.
6. Серебрякова С. В. Потенциал разновременных переводов как возможных интерпретаций текста оригинала: в поисках инварианта перевода // Метапозитика: Сб. ст. научно-метод. семинара «Textus»: В 2-х ч. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2010. Вып. 2. Ч. 1. С. 49–59.
7. Серебрякова С. В., Лиховид А. А. Сохранение аллюзивности англоязычного викторианского романа в переводческом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. №1. С.233–242.
8. Хамматова С. Р. Особенности прагматики перевода художественного произведения // Языковая личность переводчика: коллектив. моногр. /отв. ред. Л. А. Нефедова; науч. ред. М. В. Загидуллина. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. С. 122–137.

9. Цзянь Г. Переводческие ошибки в контексте культуры (на примере перевода романа Цао Сюэциня «Сон в Красном Тереме») // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 3 (117). С. 180–183.
10. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода. 1812. URL: <https://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermacher.doc> (Дата обращения: 02.06.2022).
11. Cambridge Dictionary. URL: Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus (Дата обращения: 15.06.2022)
12. Foucault Michel. What is an Author? / translated by Donald F. Bouchard, Sherry Simon // Language Counter Memory, Practice. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1977. Pp. 124–127. URL: [the-author-of-function.pdf](https://www.wordpress.com/the-author-of-function.pdf) (wordpress.com) (Дата обращения: 02.06.2022).
13. Gaskell E. North and South. Wordsworth Editions Limited. 417 p.
14. Sørbø M. N. Jane Austen Speaks Norwegian: The Challenges of Literary Translation. Brill, 2018. 218 p.

References

1. Gaskell Je. Sever i Jug (North and South) / translated by V. Grigor'eva, E. Pervushina. St. Petersburg.: Azbuka, 2011. 544 p. (In Russian)
2. Gaskell Je. Sever i Jug (North and South) / translated by S. Trofimova] Knizhnyj Klub «Klub Semejnogo Dosuga», 2016. 307 p. (In Russian)
3. Latyshev L. K. Tehnologija perevoda (Technology of Translation). Moscow: Akademija, 2008. 280 p. (In Russian)
4. Pivanova Je. V. Vtorichnaja reprezentacija ishodnogo teksta kak individual'naja kognitivnaja matrica v perevode (Secondary representation of the source text as an individual cognitive translation matrix) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija, 2020. P. 179–184. (In Russian)
5. Rodionova, T. I. Oshibki, vznikajushhie pri peredache ishodnogo sodержanija (Mistakes in the process of translating the original content) // Izvestija VPGU. Filologicheskie nauki. 2020. No. 7. P. 136–142. (In Russian)
6. Serebrjakova S. V. Potencial raznovremennyh perevodov kak vozmozhnyh interpretacij teksta originala: v poiskah invarianta perevoda (Potential of multi-time translations as possible interpretations of the original text: in search of translation invariant) // Metapojetika: Sb. st. nauchno-metod. seminarov «Textus»: In 2 Vols. Issue. 2. Part. 1. Stavropol: SSU publ., 2010. P. 49–59. (In Russian)
7. Serebrjakova S. V., Lihovid A. A. Sohranenie alljuzivnosti anglojazychnogo viktorianskogo romana v perevodcheskom diskurse (Preserving the allusion of an English Victorian novel in translation discourse) // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2022. №1. P. 233–242. (In Russian)
8. Hammatova S. R. Osobennosti pragmatiki perevoda hudozhestvennogo proizvedenija (Peculiarities of pragmatics of literary translation) // Jazykovaja lichnost' perevodchika: kolektiv. monogr. / ed by L.A. Nefedov; M.V. Zagidullina. Cheljabinsk: ChSU publ., 2011. P. 122–137. (In Russian)
9. Czjan' G. Perevodcheskie oshibki v kontekste kul'tury (na primere perevoda romana Cao Sjujecinja «Son v Krasnom Tereme») (Translation errors in the context of culture (a case study of the translation of Cao Xueqin's Dream of the Red Chamber)) // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2022. No. 3 (117). P. 180–183. (In Russian)
10. Shleijermaher F. O raznyh metodah perevoda (On the different methods of translation). 1812. URL: <https://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermacher.doc> (Accessed: 02.06.2022). (In Russian)
11. Cambridge Dictionary. URL: Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus (Accessed: 15.06.2022)
12. Foucault, Michel. What is an Author? / translated by Donald F. Bouchard, Sherry Simon // Language Counter Memory, Practice. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1977. Pp. 124–127. URL: [the-author-of-function.pdf](https://www.wordpress.com/the-author-of-function.pdf) (wordpress.com) (Accessed on 02.06.2022).
13. Gaskell E. North and South. Wordsworth Editions Limited. 417 p.
14. Sørbø M. N. Jane Austen Speaks Norwegian: The Challenges of Literary Translation. Brill, 2018. 218 p.

Сведения об авторе

Лиховид Ангелина Андреевна – аспирант кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета / anlikhovid@mail.ru

Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Angelina A. Likhovid – post-graduate student, Chair of Translation Studies, North-Caucasus Federal University / anlikhovid@mail.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.



УДК 81'42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.19>

А. И. Милостивая

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ НАРРАТИВА «COVID-19» В НЕМЕЦКОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ И МАССОВОЙ ПРЕССЕ¹

Статья посвящена анализу стратегий формирования общественного мнения, манифестирующихся на языковом уровне массмедийной коммуникации, в нарративе о COVID-19 из немецкой качественной и массовой прессы. Актуальность исследования обусловлена социальной релевантностью нарративного анализа персуазивного воздействия средств массовой информации в период пандемии COVID-19, в ходе которого сквозь призму взаимосвязи с коронавирусной инфекцией в качественной и массовой прессе на передний план выдвигаются социально-политические и экономические проблемы того или иного государства. При этом особый исследовательский интерес автора статьи фокусируется на интерпретации фреймовых моделей аутентичных денотативных ситуаций в сопоставлении с их трактовками в качественных и массовых немецких газетах, что предоставило возможность охарактеризовать аксиологическое отношение субъектов нарративного повествования в СМИ к когнитивно-дискурсивным событиям в геополитическом пространстве не только Германии и Европейского союза, но и глобального мира в целом. Научная новизна статьи обусловлена тем, что в ней впервые производится характеристика персуазивного воздействия языковых стратегий формирования общественного мнения в ходе повествования коронавирусной пандемии в немецкой качественной и массовой прессе в сопоставительном плане. В основу данной статьи положена гипотеза о корреляции между селекцией фактуальной информации и ее аксиологической

интерпретацией субъектом коммуникативного действия в журналистском газетном нарративе о COVID-19, которая имеет место как в качественной, так и в массовой прессе. Поэтому при изучении стратегий формирования общественного мнения в нарративе пандемии релевантен анализ языковых и логико-семантических способов презентации денотативного новостного контента. Основным методом исследования эмпирического материала в данной статье является фреймовый анализ взаимоотношений между прототипической описываемой денотативной ситуацией и ее текстовым представлением в нарративе из качественной и массовой прессы, что также свидетельствует о научной новизне данного исследования. При этом внимание исследователя было сфокусировано на интерпретации асимметрии указанных выше феноменов как аксиологически маркированной константы, симметрии в качестве аксиологически нейтральной трактовки информации и диссимметрии как полумаркированного случая в плане персуазивного воздействия.

Ключевые слова: газетный нарратив, немецкая пресса, качественные и массовые газеты, стратегии формирования общественного мнения, персуазивное воздействие СМИ.

Для цитирования: Милостивая А. И. Особенности изображения нарратива «COVID-19» в немецкой качественной и массовой прессе // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 667–677. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.19

Alexandra I. Milostivaya

FEATURES OF THE NARRATIVE «COVID-19» IN THE GERMAN QUALITY AND MASS PRESS²

The article is devoted to the analysis of strategies for shaping public opinion, manifested at the linguistic level of mass media communication, in the narrative about COVID-19 from the German high-quality and mass press. The relevance of the study is due to the social relevance of a narrative analysis of the persuasive impact of the media during the COVID-19 pandemic, during which, through the prism of the relationship with coronavirus infection, the socio-political and economic problems of a state are brought to the fore in the high-quality and mass press. At the same time, the author's special research interest is focused on the interpretation of frame models of authentic denotative situations in comparison with their interpretations in high-quality and mass German newspapers, which made it possible to characterize the axiological attitude of the subjects of narrative in the media to cognitive-discursive events in the geopolitical space not only in Germany and The European Union, but also the global world as a whole. The scientific novelty of the article is due to the fact that it is the first to characterize the persuasive impact of language strategies for shaping public opinion during the narrative of the coronavirus pandemic in the German high-quality and mass press in a comparative way. This article is based on the hypothesis of the correlation between factual information

selection and its axiological interpretation by the subject of a communicative action in the journalistic newspaper narrative on the COVID-19, which takes place in both high-quality and mass press. Therefore, when studying strategies for shaping public opinion in the narrative on the pandemic, it is relevant to analyze the linguistic and logical-semantic ways of denotative news content presenting. The main method for studying empirical material in this article is a frame analysis of the relationship between the prototypical described denotative situation and its textual representation in the narrative from the high-quality and mass press, which also indicates the scientific novelty of this study. At the same time, the attention of the researcher was focused on the interpretation of the asymmetry of the above phenomena as an axiologically marked constant, symmetry as an axiologically neutral interpretation of information and dissymmetry as a semi-marked case in terms of persuasive influence.

Key words: newspaper narrative, German press, quality and mass newspapers, strategies for shaping public opinion, persuasive influence of the media.

For citation: Milostivaya A.I. Features of the narrative «Covid-19» in the German quality and mass press // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 667–677 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.19

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке DAAD в рамках программы «Научные стажировки для ученых и преподавателей вузов»

² The study was financially supported by DAAD within the program «Research Stays for University Academics and Scientists»

Современная теория языка все больше ориентируется на многоаспектное междисциплинарное изучение корреляций между процессами, происходящими в социуме, и языком. При этом на передний план выходит комплекс проблем, связанных с анализом способов вербализации комплекса тем, связанных с изображением пандемии COVID-19. В данных условиях представляется актуальным рассмотрение социально-релевантных политических и экономических новостей того или иного региона сквозь призму повествовательной рамки о распространении коронавирусной инфекции. Тем самым имеет место яркий пример нефикционального нарратива, на статусе которого в парадигме современной филологии мы более подробно остановимся далее.

Нарратив своей канонической трактовке определяется как «презентация событий, состоящая из истории и нарративного дискурса» [9, р. 16]. Другими словами, аксиоматичен тот факт, что нарратив опосредован присутствием фигуры нарратора: «Везде, где передается новость, где что-то сообщается или о чем-то повествуется, мы встречаемся с посредником, голос рассказчика становится слышным» [34, р. 15; см. также: 24, р. 6–7]. Еще одним важным модусом, характеризующим нарратив, выступает его соотносительность с неязыковой действительностью. С данной точки зрения необходимо учитывать две оппозиции: реальный vs. фиктивный нарратив и художественный vs. нехудожественный нарратив, согласно комбинации которых возможно выделение четырех повествовательных типов [20, р. 12].

Таким образом, нарратив является одной из основных форм вербальной презентации объективной реальности. Немецкие исследователи К. Клейн и М. Мартинес рассматривают в качестве нарративов такие коммуникативные формы, как журналистские репортажи-расследования, самопрезентации политиков перед выборами, сообщения в интернет-блогах, беседы врачей с пациентами, судебные прения, религиозные проповеди и т.д. Все эти текстовые повествовательные секвенции сконструированы рассказчиком и основываются на реальной референции [17, р. 1].

Базовой конститутивной чертой любого журналистского нарратива, в том числе и газетного, является ориентация на информационную ценность транслируемого контента, отбираемого редакцией СМИ из более многочисленных материалов информационных агентств по признаку релевантности для потенциальной читательской аудитории, зависящему от масштаба и последствий описываемого события, его актуальности, пространственной и временной близости к читателю, последствий для национального или локального сообщества, участия в описываемом событии известных личностей и т.д. [19, р. 179].

Тем самым реализуется нарративная опосредованность журналистской коммуникации, которая присутствует во всех жанрах СМИ.

Наши наблюдения над эмпирикой показали, что селекция описываемых историй в средствах массовой информации (как в качественных, так и в массовых) детерминирована влиянием того или иного «суперсобытия», составляющего своего рода фоновую рамку в процессе информационной селекции новостного контента, который продолжает отбираться согласно описанным выше нарративным правилам, однако всякий раз модифицируется в ходе интерпенетрации с «суперсобытием». Так, в частности, в период пандемии COVID-19 сквозь призму взаимосвязи с коронавирусной инфекцией в качественной и массовой прессе на передний план выдвигаются социально-политические и экономические проблемы того или иного государства, жизнь селебрити, национальные и региональные сенсации и т. д.

Данные соображения обусловили гипотезу данной статьи, согласно которой возможно допустить наличие взаимообусловленности между отбором изображаемых в газетной публикации фактов и их аксиологической трактовкой субъектом повествования в нарративе, посвященном COVID-19, в качественной и в массовой немецкой прессе.

Материалом исследования послужили разнотипные публикации из газет «Франкфуртер Альгемайне» и «Экспресс», в фокус журналистского анализа которых попадают различные аспекты пандемии коронавируса в их корреляции с политическими и экономическими процессами в обществе. Объем выборки составил 117 публикаций из «Франкфуртер Альгемайне» и 110 материалов из газеты «Экспресс» за 2020–2022 гг. «Франкфуртер Альгемайне» является ярким представителем немецкой качественной надрегиональной прессы, а «Экспресс» – это массовое периодическое издание бульварного типа, которое издается в земле Северный Рейн Вестфалия. Таким образом, избранная эмпирика предоставляет возможность сопоставительного анализа коммуникативных стратегий презентации исследуемого события в качественной и массовой прессе Германии.

Основным методом интерпретации эмпирики, использованным в данной публикации, выступает сопоставительный анализ двух фреймов: первый из них описывает денотативную ситуацию, связанную с изображением события в поле зрения субъекта газетной коммуникации, а второй – ее текстовую презентацию в масс-медийной наррации. На следующем этапе исследования производится сопоставительный анализ слотового наполнения в рамках упомянутых выше двух фреймов с параметризацией его основных особенностей в форме коммуникативных стратегий.

Вслед за Т. ван Дейком [3] под коммуникативной стратегией мы понимаем характеристику «когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом» [3, с. 274]. Подобная «система задач» в анализируемом нарративе связана со стремлением его отправителя оказать оптимальное персуазивное воздействие на реципиента, в фокусе которого находится не только информирование о коронавирусной пандемии, но и рефлексия о социальных последствиях данного события. Отметим также, что в рамках каждой из коммуникативных стратегий, которые мы проанализируем далее, будут рассмотрены симметрия, асимметрия и диссимметрия как формы реализации интеракции между описываемой денотативной ситуацией и ее представлением в тексте газетной публикации. При этом мы опираемся на прагматический подход, предложенный автором данной статьи, согласно которому асимметрия упомянутых нами выше фреймов и их слотов трактуется как аксиологически маркированный элемент нарратива, их симметрия как аксиологически нейтральная его часть и диссимметрия как полумаркированный вербальный маркер персуазивного воздействия [7, с. 12–13].

Далее проведем анализ коммуникативных стратегий на базе исследуемого материала из качественной и массовой немецкой прессы в сопоставительном ракурсе, взяв за основу их классификацию А.С. Зотовой [4] с последующей параметризацией каждой стратегии в соответствии с трехчленной оппозицией (симметрия, асимметрия и диссимметрия) соотношения фреймов денотативной ситуации, изображаемой в нарративе, и ее презентацией в качественных или массовых СМИ. Выбор данной классификации коммуникативных стратегий обусловлен тем, что в работе А. С. Зотовой представлен экономный вариант типологизации корпуса исследуемого материала, который отлично согласовывается с логикой информационного генерирования в анализируемом нами в данной статье объекте.

Первой коммуникативной стратегией, которую мы рассмотрим вслед за А.С. Зотовой [4], является **игровая стратегия**, успешно применяемая субъектами газетной коммуникации. Следует подчеркнуть, что «всякое намеренно необычное использование языка (например, для создания художественного эффекта) – это языковая игра» [8, с. 3]. Среди основных способов создания игры слов традиционно выделяют обыгрывание значений слов-омонимов (каламбур) и обыгрывание значений многозначных слов [5, с. 227–228].

В проанализированном в данной статье эмпирическом материале игровая стратегия способна эксплицировать симметричные отношения, свидетельствующие о тождестве денотативного

содержания фрейма описываемого события и фрейма газетной публикации, посвященной его описанию. В качественной прессе, в частности в газете «Франкфуртер Альгемайне», такой тип наррации с использованием игры слов достаточно частотен при описании событий из сферы спорта и экономики. Так, в примере, представленном ниже, он служит для передачи фактуальных информационных квантов о странной номинации открытого чемпионата США по теннису (US Open), который из-за отсутствия зрителей вследствие коронавирусных ограничений на проведение массовых мероприятий стал закрытым. Таким образом, в качестве игровой стратегии, оказывающей персуазивное воздействие на читателя, в рассматриваемом газетном пассаже выступает оппозиция «открытый – закрытый», где у слова «открытый» противопоставляются два омонима (доступный для спортсменов из разных стран vs. доступный для наблюдения зрителями на трибунах):

Das Wortspiel muss dem Redakteur schon ein paar Tage auf der Zunge gelegen haben: „The US Open Is Looking a Bit Closed“, lautete die Zeile in der Samstagsausgabe der „New York Times“ über dem Vorbericht auf das Turnier, das am Montag offiziell begann. Die „offenen“ amerikanischen Tennismeisterschaften wirkten „ein wenig“ wie eine geschlossene Veranstaltung [16]. – Игра слов, должно быть, использовалась редактором в течение нескольких дней: «Открытый чемпионат США выглядит немного закрытым», – гласила строчка в субботнем выпуске «Нью-Йорк таймс» над предварительным отчетом о турнире, официально начавшемся в понедельник. «Открытый» чемпионат Америки по теннису выглядел «немного» как закрытое мероприятие (Здесь и далее перевод примеров мой. – А. М.).

В следующем далее пассаже из «Франкфуртер Альгемайне» обыгрываются различные значения лексемы «Platz» (место). То, что в докоронавирусные времена было местом встречи и обмена опытом представителей финансовых кругов, стало в эпоху COVID-19 пустым местом, где возможно станцевать танго. Так в образной форме манифестируется аксиологически нейтральная симметрия денотативной экспликации текста и события в экономической жизни немецкого социума в период коронавируса:

„Man hätte hier genug Platz für einen Tango“, sagte der Geschäftsführer der Euro Finance Group, die für die Ausrichtung der wichtigsten Bankenkonferenz in Frankfurt zuständig ist. Seit 23 Jahren gibt es am Finanzplatz die Euro Finance Week, und natürlich lebt solch eine Veranstaltung nicht nur vom Inhalt, sondern auch vom Austausch ihrer Teilnehmer. Doch der fällt in diesem Jahr aus: Die Euro Finance Week muss wie alle Konferenzformate wegen der Corona-Bestimmungen ohne Publikum auskommen [29]. –

«Здесь было бы достаточно **места** для танго», – сказал управляющий директор Euro Finance Group, отвечающей за проведение самой важной банковской конференции во Франкфурте. Euro Finance Week проводится в финансовом **центре** уже 23 года, и конечно для такого события важно не только содержание, но и общение между его участниками. Но в этом году оно отменено: как и все форматы конференций, Euro Finance Week вынуждена обходиться без публики из-за коронавирусных ограничений (В переводе игра слов утрачена. – А. М.).

Далее приведен заголовок одной из публикаций в газете «Франкфуртер Альгемайне»: *Langsam kreist der Sputnik* [30]. – Медленно кружит Спутник. Игра слов здесь основывается на омонимии номинаций российской вакцины от коронавирусной инфекции и первого спутника, запущенного в космическое пространство в СССР. Статья посвящена злободневной политической проблематике связанной с признанием Евросоюзом российской вакцины Спутник V. В данном эпизоде налицо «рассогласование» фреймовых моделей описываемой ситуации в газетном контенте и в объективной действительности, а следовательно имеет место асимметрия в презентации события, ибо согласно статье российская вакцина не получила широкого применения ни в России, ни в мире, а фактически ее закупило множество государств, а, кроме того, она используется для массовой вакцинации российских граждан.

Диссимметрия более распространена в качественной прессе, чем асимметрия. При использовании диссимметрии выражаются на вербальном уровне оценки ситуации, обертона смысла, репрезентированные во фреймовой структуре описываемого события и его текстового репрезентанта в форме атрибутов участников действия. Таким образом, диссимметрия маркирует не отсутствие фактологической информации, как это было в случае с асимметрией, а ее аксиологическую трактовку субъектом газетного коммуникативного действия. В качественной немецкой прессе в фокус подобной интерпретации часто попадают немецкие внутривнутриполитические проблемы. К примеру, в заголовке газетного материала, который приведен ниже, рассматривается дискуссия по вопросу о согласованности требований государства о масочном режиме в период распространения коронавирусной инфекции с нормами морали: «*Maskenmoral statt Maskenpflicht?*» (**Масочная мораль вместо обязанности носить маску**) [25]. Языковая игра связана в данном случае с использованием компонента *Masken-* в сочетании с абстрактной основой *-moral* и формативом для номинации конкретного юридического действия *-pflicht*. Лид в данной публикации усиливает негативную трактовку обязательного ношения масок, которая эксплицирована в заглавии публи-

кации: *Wenn der Staat Moralvorstellungen im Wege von Empfehlungen durchsetzen will, erzeugt er einen unzulässigen Konformitätsdruck* [25]. – Если государство хочет навязывать рекомендации, противоречащие морали, оно создает недопустимое давление на граждан.

В следующем примере представлен фрагмент игры слов диссимметричного типа в проблемном поле описания отношений в области немецкого трудового права в период коронавируса. Игра слов представлена здесь в выделенном жирным шрифтом фрагменте заголовка статьи: «*Der Arbeitgeber ist kein Gesetzgeber – auch nicht in Pandemiezeiten*» (**Работодатель не является законодателем – даже во время пандемии**) [10]. Тем самым субъект подачи газетной информации выражает свою поддержку действиям Федерального суда по трудовым спорам, который вернул работнику его заработную плату, удержанную работодателем из-за более строгих правил гигиены, чем это установлено государственными властями ФРГ.

В массовой газете «Экспресс» игровая стратегия симметричного типа призвана, в первую очередь, изобразить местные события пандемийной эпохи в их соотнесенности с реальной фактологией. Так, следующий ниже заголовок статьи, включающий в себя выделенную жирным игру слов, имплицитно большие надежды, существующие среди жителей Кельна по поводу новой вакцины *Novavax*, которую назначают людям с непереносимостью векторных и мРНК-вакцин: «*Neuer Impfstoff kommt: Für diese Kölner kommt er in Frage*» (**Скоро *прибудет* новая вакцина: Для этих жителей Кельна *прибудет* новая надежда**) [23].

В массовой газете «Экспресс» не выявлено случаев игровой стратегии в форме асимметрии, что автор статьи считает закономерным [см. также: 6, с. 42], т. к., «как бы авторы ...политических текстов ни стремились просеять, отсортировать текст, кастрировать понятия, подчинить все его связи своим ... идеологическим установкам (а они, хуже или лучше, но всегда это делают), все равно он должен быть вписан в некую объективную реальность» [1, с. 292].

Игровая стратегия в форме диссимметрии в массовой прессе часто затрагивает обсуждение стратегии борьбы с коронавирусом общенационального масштаба. В частности, в примере ниже выделена вербальная комбинация, в игровой форме манифестирующая отношение автора публикации в неэффективности обязательной вакцинации: *Skeptischer gab sich in der Lanz-Runde am Dienstagabend auch der Virologe Hendrik Streeck: Man könne mit einer Impfpflicht „nicht die Pandemie wegimpfen“* [15]. – Вирусолог Хендрик Стрик также был более скептичен в теледебатах у Ланца во вторник вечером: **принудительной вакцинацией нельзя «избавиться от пандемии»** (В переводе игра слов утрачена. – А. М.).

Далее представлен текстовый пассаж, где присутствует диссимметричная игра слов, основанная на характеристике фреймового слота «Отмена коронавирусных ограничений», номинированного англоязычным вкраплением «Freedom Day», связанного противительной связью с немецким выражением «Freiheit bringt»: «Corona: Warum der „Freedom Day“ uns keine Freiheit bringt» (Корона: почему «Freedom Day» не принес нам свободы) [21]. Далее указанная интерпретация атрибутов рассматриваемого фреймового слота (негативно трактующая связь конца пандемии с отменой масочного режима и социальной дистанции) находит подтверждение в следующей пропозиции из текста газетной публикации: *In einem voll besetzten Restaurant essen, im Fitnessstudio neben anderen auf dem Laufband schnaufen. Das ist nun wieder möglich, und zwar ohne Risiko. Denn die Pandemie ist inzwischen schließlich offiziell vorbei – oder doch nicht?* [21] – *Еда в переполненном ресторане, пыхтение на беговой дорожке вместе с другими в тренажерном зале. Теперь это снова возможно без риска. В конце концов, пандемия теперь официально закончилась – или нет?*

Второй коммуникативной стратегией, выявленной в рассматриваемой эмпирике, выступает **стратегия оценки**. Оценка, вербализованная в тексте, являет собой «ценностный аспект значения» [2, с. 6] конституирующих его единиц. В качественной немецкой газете «Франкфуртер Альгемайне» оценочная стратегия представлена очень широко в формах симметрии, асимметрии и диссимметрии фреймовых слотов ситуации в реальности и ее представления в тексте из СМИ. В тематическом плане симметрично могут оцениваться самые разнообразные сферы из социально-политической области, в частности сюда довольно часто относятся в высшей степени актуальные события из фармацевтического дискурса. Ниже приведен пример, где оценочность проявляется в форме метонимии (*Die Welt sucht*) с метафорической конкретизацией (*fiebrig*). При этом номинируется базовый слот «Действующие лица и их деятельность» как фрейма денотативного события, так текста статьи из «Франкфуртер Альгемайне». Следовательно, здесь представлено аксиологически нейтральное портретирование происходящего:

Die Welt sucht fiebrig nach einem Impfstoff und nach Medikamenten gegen COVID-19 [37] – *Мир лихорадочно ищет вакцину и лекарства против COVID-19.*

В тех случаях, когда речь идет о политической составляющей пандемии, в игру в качественной немецкой прессе вступает асимметричное изображение действительности и газетного контента. Особенно часто подобная журналистская техника задействована в контексте формирования общественного мнения об успехах России в борьбе с

пандемией. Далее приводим текстовый фрагмент, где кавычки маркируют несовпадение при описании действий российских властей в борьбе с COVID-19 и реального положения дел, которое по объективным данным, не столь печально, как это оценивается в процитированной статье:

Die Machthaber vergrößerten die Verwirrung mit widersprüchlichen Botschaften: Zwar bewerben sie die Impfung, behaupten aber regelmäßige, Russland stehe in der Pandemie viel besser da als andere Länder, sprechen von Corona in der Vergangenheitsform und verkünden „Siege“. *Dabei sind die offiziellen Todeszahlen angesichts der horrenden Übersterblichkeit wohl viel zu niedrig* [32]. – **Власти** усилили путаницу противоречивыми сообщениями: хотя они и рекламируют вакцинацию, но регулярно утверждают, что Россия справляется с пандемией намного лучше, чем другие страны, говорят о Короне в прошедшем времени и **объявляют о «победах»**. Принимая во внимание ужасающую избыточную смертность, официальные цифры смертности, вероятно, слишком занижены.

В примере, приводимом далее, стратегия, эксплицирующая оценочность, проявляется в виде выделенного жирным шрифтом развернутого сравнения, манифестирующего диссимметричное истолкование события из сферы образования, а именно дистанционного обучения в немецких университетах. В качестве предмета для сравнения выступает такой атрибут «дистанционки», как упоение более свободным рабочим графиком и праздничная атмосфера, которая витает в воздухе при знакомстве с текстом газетной публикации, однако мало соотносится с реальной напряженной атмосферой в обществе пандемической эпохи:

Wie viele andere Universitätslehrkräfte erhielt ich kürzlich eine offizielle E-Mail, in der mir mitgeteilt wurde, dass „der Start des digitalen Sommersemesters vor der Tür steht“. Das klingt ein wenig wie die vorweihnachtlichen Versprechungen, dass die Adventszeit nun vor der Tür steht und die Feiertage nicht mehr fern sind, oder wie die vorbereitenden Warnungen der Schokoladenfabrikanten, dass Ostern vor der Tür steht und man rechtzeitig daran denken soll, Schokoladen zu horten [13]. – *Как и многие другие университетские преподаватели, я недавно получил официальное электронное письмо, в котором говорилось, что «начало цифрового летнего семестра не за горами». Это немного похоже на пред Рождественские обещания о том, что Адвент не за горами и праздники не за горами, или на подготовительные предупреждения производителей шоколада о том, что Пасха не за горами и что нужно начинать заранее запастись шоколадными зайчиками.*

В следующем микроконтексте описана ситуация, произошедшая в период ослабления частотности заболеваемости коронавирусом, когда государство ослабило антиковидные ограничительные меры. В данном контексте заключенный в кавычки выделенный жирным шрифтом оценочный элемент (*«angstbasierte Politik»* – «политика, основанная на страхе») отображает позицию описываемого в газетной публикации персонажа немецкого политика Вольфганга Кубицки. Подобное позиционирование деятельности немецких властей в ходе борьбы с пандемией имплицитно аддитивные кванты, связанные с атрибутивной характеристикой слота фрейма «Участники интеракции и их деятельность» в тексте газетной статьи в сопоставлении с описываемой реальностью, а потому речь идет здесь о диссимметричной оценке:

Die „angstbasierte Politik“, gegen die der furchtlose FDP-Fraktionsvize Wolfgang Kubicki mit Blick auf die nächste Pandemiezukunft wettert, wird niemand fürchten müssen – oder erhoffen dürfen, wer es lieber mit der Vorsicht hält. Der Staat verwaltet, er stemmt sich nicht mehr mit aller Macht gegen das Virus [22]. – «Политика, основанная на страхе», против которой бесстрашный лидер парламентской группы СвДП Вольфганг Кубицки выступал с прицелом на будущее пандемии, не должна вызывать страха или надежды у тех, кто предпочитает быть осторожным. Государство справляется, оно уже не борется с вирусом из всех сил.

Далее проанализируем способы реализации оценочной стратегии в массовой газете «Экспресс». Прежде всего, здесь следует отметить большой удельный вес симметричного представления реальности в ходе масс-медийной обработки фактуальных данных. Так, в частности, аксиологическая беспристрастность при характеристике пандемийной ситуации в России передается от имени ее президента, т. е. непосредственного актора во фреймовой модели действительности и газетной публикации, при этом дословно процитированы оценочные характеристики российской антиковидной вакцины:

Der russische Präsident Wladimir Putin hat am Dienstag (11. August) die weltweit erste staatliche Zulassung eines Impfstoffs gegen das Coronavirus bekanntgegeben. „Das russische Vakzin gegen das Coronavirus ist effektiv und bildet eine beständige Immunität“, sagte er der Agentur Interfax zufolge [28]. – Президент России Владимир Путин во вторник (11 августа) объявил о первом в мире одобрении правительством вакцины против коронавируса. «Российская вакцина от коронавируса эффективна и формирует стойкий иммунитет», – сказал он, сообщает агентство «Интерфакс».

Однако возможна и противоположная по аксиологической модальности ситуация, когда акторы в реальности и в тексте статьи вариативны (ведь вакцинацию осуществляет медицинский персонал), что привносит в текст идеологизованность, которая связывается автором статьи с асимметрией:

Sputnik V: Putin fängt an, sein Volk zu impfen [33]. – Спутник V: Путин начал вакцинацию своего народа.

Конкретизироваться с использованием стратегии оценивания способны не только базовые слоты фрейма текста и актуального события, изображенного в нем, но и их атрибуты, что порождает диссимметрию в масс-медийном представлении действительности. Так, в примере, приведенном ниже, выделенное жирным оценочное суждение характеризует оценку иностранными экспертами номинации «Спутник-1» для первой российской вакцины против COVID-19:

Den Namen Sputnik für einen Impfstoff zu wählen, sei bereits eine „Propaganda erster Klasse“, so Thießen. Sputnik 1 hieß der weltweit erste gestartete Satellit, mit dem die Sowjetunion 1957 die westliche Welt schockierte [36]. – Выбор имени Sputnik для вакцины уже является «первоклассной пропагандой», сказал Тиссен. «Спутник-1» – так назывался первый в мире запущенный спутник, которым Советский Союз потряс западный мир в 1957 году.

Диссимметрия также относится к описанию событий из сферы культуры в период пандемии. В частности, далее приведен текстовый пассаж, где оценочность выражается при помощи двух средств выразительности, которые маркированы в тексте статьи жирным шрифтом: это сравнение и придаточное сравнительное предложение. Тот факт, что в фокусе в данном случае находится соположение идентичного по семантическому наполнению фреймового слота «Коронавирус как приостановка привычного уклада жизни людей» в описываемой действительности и в газетном материале, свидетельствует о присутствии в данном пассаже диссимметричной оценки:

Dass die Ausstellung nun verschoben werden muss, sei schade, sagt Dieter Nuhr. „Aber das betrifft alle Termine bis zum Sommer. Alle meine Auftritte wurden erstmal abgesagt. Das ist wie ein Bruch in der Zeit. Aber das, was mich betrifft, ist nicht zu vergleichen mit den großen Problemen, die jetzt auf die Menschen zukommen, deren Existenz bedroht ist.“ [27]. – Жаль, что теперь выставку приходится откладывать, – говорит Дитер Нур. – Но это касается всех мероприятий до лета. Все мои выступления на данный момент отменены. Это как перерыв во времени. Но то, что затрагивает меня, не идет ни в какое сравнение с большими проблемами, с которыми сейчас сталкиваются люди, существование которых находится под угрозой».

Третьей стратегией экспликации информации о пандемии COVID-19 является **стратегия разговорности**, связанная «с переходом на неофициальный тон общения с читателем. Экспрессивные элементы при стратегии разговорности влияют на формирование содержания высказывания и тем самым подводят читателя к определенному мнению, позиции» [4]. В качественной немецкой прессе конструкции, относящиеся к разговорной речи, представлены, прежде всего, на лексическом уровне. Например, заголовок «*Trump kassiert Korb im Kampf um Impfstoffhersteller*» (*Трампу утерли нос в борьбе за производителей вакцин*) [26] из газеты «Франкфуртер Альгемайне» включает в себя фразеологизм *Korb kassieren* (*утереть нос*) сниженного стилистического регистра и эксплицирует совпадающий в реальности и масс-медийном контенте фреймовый слот «Участники интеракции и их деятельность», что изображает объективную картину происходящего, лишенную идеологического флера. В денотативном плане здесь повествуется о попытке американского президента Трампа как можно скорее получить вакцину против COVID-19 исключительно для США, которая не удалась из-за сопротивления крупного инвестора.

Разговорная лексика как маркер использования стратегии формирования общественного мнения в материалах из газеты «Франкфуртер Альгемайне» в ряде проанализированных пассажей имеет асимметричную природу, т.е. демонстрирует рассогласование в номинации действий protagonists. В процессе характеристики роли Китая как «источника» возникновения коронавирусной инфекции автор статьи прибегает к разговорному фразеологизму *Sündenbock* (козел отпущения), акцентируя безусловную виновность китайской стороны, что не столь очевидно в действительности:

Dass die Regierung Trump die Operation Sündenbock hat anlaufen lassen, heißt nicht, dass die Vorwürfe gegen China (völlig) unberechtigt wären oder dass die WHO alles richtig gemacht hätte [12]. – *Тот факт, что администрация Трампа начала операцию «Козел отпущения», не означает, что обвинения в адрес Китая (полностью) не обоснованы или что ВОЗ все сделала правильно.*

Однако в проанализированной эмпирике из «Франкфуртер Альгемайне» при использовании разговорных конструкций все-таки более рекуррентна диссимметрия, эксплицирующая, как уже упоминалось выше, аддитивные аспекты коммуникативного действия. В частности, ниже приведена основанная на аллитерации разговорная конструкция *Gang und Gäbe* (*обычное дело*), выражающая удивление со стороны повествователя по поводу многочисленных массовых проправительственных акций в России на фоне антиковидных ограничений:

Angebliche Verstöße gegen Corona-Beschränkungen werden zwar als Hebel benutzt, um Oppositionelle unter Hausarrest zu halten, doch Großveranstaltungen im Sinne der Machthaber sind Gang und Gäbe [31]. – *Предполагаемые нарушения карантинных ограничений используются как рычаг для содержания оппозиционеров под домашним арестом, при этом массовые мероприятия в интересах власти имущих – обычное дело* (В переводе разговорный оттенок выделенного жирным выражения утрачен. – А. М.).

Рассмотрим еще один пример, где заголовок газетной публикации «*Lasst die Millionäre doch kicken!*» (*Позвольте же, наконец, миллионерам попинать мяч!*), включающий в свой состав лексему с разговорной коннотацией *kicken* (*пинать*), отображает недовольство немцев играми в Бундеслиге без зрителей на стадионах в эпоху ковида, что, кроме уже упомянутой разговорной лексической единицы, имплицитно также номинирование футболистов миллионерами.

В массовой немецкой прессе, в частности в газете «Экспресс», симметричное представление денотативной ситуации и ее изображение в ткани публикуемого газетного материала осуществляется также в ходе наррации о локальных проблемах медиков в коронавирусную эпоху. Подобный пример приведен ниже, причем в нем повествователь задействует разговорную лексему *Nase voll haben* (*надоедать*), эксплицирующую тождество действий протагониста в реальности и в газетной статье:

Die Hausärztinnen und Hausärzte in NRW sind seit zwei Jahren überlastet. So langsam haben sie die Nase davon gestrichen voll, dass ihre Leistungen nicht angemessen honoriert werden – so die Mediziner in einer aktuellen Mitteilung des Hausärzterverbands Nordrhein [11]. – *Врачи общей практики в Северном Рейне-Вестфалии были перегружены в течение двух лет. Им постепенно надоедают тот факт, что их услуги не вознаграждаются должным образом, говорится в недавнем заявлении врачей Ассоциации врачей общей практики Северного Рейна* (В переводе разговорный оттенок выделенного жирным выражения утрачен. – А. М.).

В массовой прессе частотно представление симметричных отношений при использовании стратегии, предполагающей задействование в масс-медиа разговорных элементов, на уровне синтаксиса. Так, в частности, в следующем примере тема статьи вводится риторическим вопросом, уточняющим место, время и участников действия, совпадающего в реальности и в газетном материале:

Was war denn da los? Im Kölner Stadtteil Mülheim hat die Polizei am Sonntagnachmittag (23. Januar) auf der Genovevastraße eine illegale Party beendet [35]. – *Что там происходило? В районе*

Мюльхайм в Кельне полиция остановила незаконную вечеринку в воскресенье днем (23 января) на Геновештрассе.

Наши наблюдения над эмпирикой показали отсутствие случаев реализации стратегии разговорности асимметричного типа в массовой газете «Экспресс». О детерминантах данного процесса в данной статье уже говорилось при характеристике игровой стратегии.

Далее обратимся к анализу наиболее показательных случаев стратегии разговорности диссимметричного типа в «Экспресс». В рассмотренном ниже пассаже идиома с разговорной коннотацией *Schnauze voll haben* (сыт по горло) использована в целях экспликации аддитивной информации, посвященной характеристике атрибута действующего лица во фрейме «Обязательная вакцинация против коронавируса»:

Insbesondere debattierte die Runde über die Impfpflicht, über die auch der Bundestag am Mittwoch erstmals diskutieren will. Grünen-Politiker Boris Palmer jedenfalls äußerte sich im ZDF-Talk wie gewohnt deutlich: Er habe „die Schnauze voll!“, klagte er über „durchbürokratisierte Einzelfallregelung, die absurde Auswüchse erzeugt“ [15]. – В частности, в ходе дебатов затрагивалась тема об обязательной вакцинации, которую Бундестаг также впервые хочет обсудить в среду. В всяком случае, политик от партии «Зеленых» Борис Палмер, как обычно, ясно дал понять в интервью каналу ZDF: он «сыт по горло». Он жаловался на «бюрократизированные правила отдельных случаев, которые приводят к абсурдным эксцессам».

В следующем примере диссимметрия с использованием разговорного наречия *jeck* (по-шутовски) именует отношение повествователя к возможности возобновления проведения Кельнского карнавального шествия (и соответственно к участникам данного коммуникативного действия) в эпоху COVID-19. Аддитивные кванты аксиологической информации, транслируемые посредством рассматриваемого языкового знака, усиливаются постановкой его в начальную инвертированную позицию с использованием парцелляции и отображают негативный оттенок, возникающий в повествовании в связи с данными праздничными приготовлениями:

Gar nicht jeck. Stadt Köln überrascht mit Ankündigung für Karnevalstage [14]. – Совсем не по-шутовски. Город Кельн удивляет объявлением карнавальных дней (В переводе разговорный оттенок выделенного жирным выражения утрачен. – А. М.).

Подводя итог сопоставительному анализу способов экспликации стратегий формирования общественного мнения в нарративе о COVID-19 из немецкой качественной и массовой прессы, отметим доминирование в обоих типах СМИ игровой стратегии, стратегии оценки и стратегии разговорности, каждая из которых коррелирует с аксиологически нейтральным представлением событий объективной реальности в медиаконтенте с сохранением симметрии фреймовых моделей указанных типов коммуникативного действия, с аксиологически маркированной асимметричной презентацией при элиминации/аддиции базовых слотов фрейма в материалах СМИ в сопоставлении с описываемой ситуацией, и/или с диссимметрией, в ходе которой осуществляется атрибутивная характеристика базовых фреймовых слотов либо иных обстоятельств изображаемых событий. При задействовании вышеупомянутых стратегий формирования общественного мнения в немецкой качественной прессе использованы все возможные модификации соотношения фреймов события и текста публикации (симметрия, асимметрия, диссимметрия). В массовой прессе при применении стратегии разговорности и игровой стратегии отсутствует асимметрия сопоставляемых нами параметров, что свидетельствует о меньшей степени аксиологической и идеологической маркированности ее материалов, по сравнению с качественными СМИ, и детерминировано большим упором массовых периодических изданий на освещение регионального колорита дискурса эпохи COVID-19. В качестве перспективы исследования, описанного в данной статье, отметим возможность экстраполяции представленного инструментария стратегического дискурс-анализа с дальнейшей спецификацией на симметрию/асимметрию/диссимметрию в сферу интерпретации разнотилевых нарративов, созданных в пространстве российской, европейской, азиатской и иных лингвокультур.

Литература

1. Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. М.: Кнорус, 2009. 456 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
3. Дейк Т.А., ван. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // Язык. Познавание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 268–304.
4. Зотова А.С. Коммуникативные стратегии в современном медиадискурсе и деривационные способы их реализации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10767> (Дата обращения: 17.09.2022).
5. Иванов С. С. Игра слов и способы ее создания: смысловая звуко-смысловая игра слов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (2). С. 227–231.
6. Милостивая А.И., Серебрякова С.В. Идеологический потенциал диссимметрии в политическом нарративе // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 41–49.

7. Милостивая А. И. Немецкий газетный нарратив как кооперативное действие: коммуникативные субъекты и механизм смыслообразования: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Казань, 2022. 38 с.
8. Санников В. З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 3–20.
9. Abbott H. P. The Cambridge Introduction to Narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 203 p.
10. Alles B., Hoffmann M. Der Arbeitgeber ist kein Gesetzgeber – auch nicht in Pandemiezeiten // Frankfurter Allgemeine 12.08.2022. URL: <https://www.faz.net/einspruch/betreutungsverbot-fuer-reisereueckkehrer-durch-den-arbeitgeber-18241572.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
11. Bald 2000er Inzidenzen? NRW-Ärzte haben die Nase voll und stellen klare Forderung // Express 22.01.2022. URL: <https://www.express.de/nrw/inzidenz-von-2000-aerzte-aus-nrw-fuerchten-schlimmes-szenario-85869> (Дата обращения: 17.09.2022).
12. Frankenberger K.-D. Operation Sündenbock // Frankfurter Allgemeine 08.05.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/trumps-chinapolitik-in-der-corona-krise-operation-suendenbock-16759008.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
13. Fuchs M. Im Rausch der On-Line Lehre // Frankfurter Allgemeine 08.05.2020. URL: https://www.faz.net/aktuell/karriere-hochschule/hoersaal/digitales-sommersemester-im-rausch-der-online-lehre-16754543.html?printPagedArticle=true#pageIndex_3 (Дата обращения: 17.09.2022).
14. Gar nicht jeck. Stadt Köln überrascht mit Ankündigung für Karnevalstage // Express 21.01.2022. URL: <https://www.express.de/koeln/koeln-stadtverwaltung-hat-an-karneval-2022-regulaer-geoeffnet-85823> (Дата обращения: 17.09.2022).
15. Grünen-Politiker poltert bei Lanz – habe „die Schnauze voll“ // Express 26.01.2022. URL: <https://www.express.de/politik-und-wirtschaft/lanz-boris-palmer-legt-plan-fuer-impfpflicht-vor-virologe-skeptisch-86220> (Дата обращения: 17.09.2022).
16. Kalwa, J. Die geschlossene Gesellschaft der US Open // Frankfurter Allgemeine 31.08.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/sport/us-open/tennis-erster-corona-infizierter-auf-us-open-16929688.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
17. Klein Ch., Martínez M. Wirklichkeitserzählungen. Felder, Formen und Funktionen nicht-literarischen Erzählens // Wirklichkeitserzählungen. Stuttgart/Weimar: Metzler, 2009. S. 1–13.
18. Klemm T. Lasst die Millionäre doch kicken! // Frankfurter Allgemeine 10.05.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/profi-fussball-lasst-die-millionaere-doch-kicken-16762440.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
19. Martínez M. Erzählen im Journalismus // Wirklichkeitserzählungen. Stuttgart/Weimar: Metzler, 2009. S. 179–191.
20. Martínez M., Scheffel M. Einführung in die Erzähltheorie. München: Beck, 2019. 234 s.
21. Meissner P. Endlich „Freedom Day“? Von wegen: Warum für viele die Beschränkungen jetzt erst anfangen // Express 04.04.2022. URL: <https://www.express.de/panorama/freedom-day-von-wegen-uns-bleibt-neue-unfreiheit-kommentar-92153> (Дата обращения: 17.09.2022).
22. Müller-Jung J. Treibjagd im Nanny-Staat // Frankfurter Allgemeine 07.06.2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wissen/coronavirus-wolfgang-kubicki-sucht-sich-experten-als-bauernopfer-18084879.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
23. Neuer Impfstoff kommt: Für diese Kölner kommt er in Frage // Express 18.02.2022. URL: <https://www.express.de/koeln/totimpfstoff-novavax-stadt-koeln-bekommt-erste-dosen-88361> (Дата обращения: 17.09.2022).
24. Nünning A., Nünning V. Produktive Grenzüberschreitungen. Transgenerische, intermediale und interdisziplinäre Ansätze in der Erzähltheorie // Erzähltheorie transgenerisch, intermedial, interdisziplinär. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2002. S. 1–22.
25. Oestmann P. Maskenmoral statt Maskenpflicht // Frankfurter Allgemeine 06.04.2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/staat-und-recht/konformitaetsdruck-des-staates-durch-moralvorstellungen-17939840.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
26. Preuss S., Geinzig C., Freytag B. Trump kassiert Korb im Kampf um Impfstoffhersteller // Frankfurter Allgemeine 15.03.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/gesellschaft/gesundheits/coronavirus/corona-impfstoff-curevac-investor-hopp-wehrt-sich-gegen-trump-16680445.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
27. Riahi N. Wegen Corona. Dieter Nuhr und Stephan Kaluza: Ausstellung verschoben // Express 02.05.2020. URL: <https://www.express.de/nrw/duesseldorf/corona-ausstellung-von-dieter-nuhr-und-stephan-kaluza-verschoben-34252> (Дата обращения: 17.09.2022).
28. Russland überrascht mit Corona-Impfstoff, Putin-Tochter schon gespritzt? // Express 12.09.2020. URL: <https://www.express.de/panorama/corona-russland-lasst-coronavirus-impfstoff-zu-putin-tochter-geimpft-33305> (Дата обращения: 17.09.2022).
29. Schleidt D. Der Spagat der Banken // Frankfurter Allgemeine 17.11.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/rhein-main/wirtschaft/euro-finance-week-der-spagat-der-banken-17055890.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
30. Schmidt F. Langsam kreist der Sputnik // Frankfurter Allgemeine 18.01.2021. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/corona-impfung-in-russland-langsam-kreist-der-sputnik-17151037.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
31. Schmidt F. „Wir werden mit dieser EM wahrscheinlich völlig ersticken“ // Frankfurter Allgemeine 13.06.2021. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/in-russland-steigen-die-corona-zahlen-wieder-17387019.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
32. Schmidt F. Moskau prescht mit Pflichtimpfung vor // Frankfurter Allgemeine 17.06.2021. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/corona-impfung-in-russland-moskau-startet-mit-impfpflicht-17394566.html> (Дата обращения: 17.09.2022).
33. Sputnik V: Putin fängt an, sein Volk zu impfen // Express 02.12.2020. URL: <https://www.express.de/politik-und-wirtschaft/sputnik-v-putin-faengt-an-sein-volk-zu-impfen-50767> (Дата обращения: 17.09.2022).
34. Stanzel F.K. Theorie des Erzählens. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2008. 339 s.
35. Trotz Corona Polizei löst illegale Party in Kölner Veedel auf und macht pikanten Fund // Express 24.01.2022. URL: <https://www.express.de/koeln/koeln-illegale-party-in-muelheim-aufgeloesst-polizei-stellt-drogen-sicher-86095> (Дата обращения: 17.09.2022).

36. Umstrittenes Vakzin Sputnik V: Wie sicher ist der russische Impfstoff wirklich? // Express 26.03.2021. URL: <https://www.express.de/panorama/sputnik-v-wie-sicher-ist-der-russische-corona-impfstoff-wirklich-63412> (Дата обращения: 17.09.2022).
37. Witte F. Nicht so schnell // Frankfurter Allgemeine 10.05.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/warum-wissenschaftliche-standards-wichtig-sind-16760572.html> (Дата обращения: 17.09.2022).

References

1. Aver'yanov L. Ya. Kontent-analiz (Content analysis). Moscow: Knorus, 2009. 456 p. (In Russian).
2. Vol'f E.M. Funktsional'naya semantika otsenki (Functional semantics of the evaluation). Moscow: Editorial URSS, 2002. 280 p. (In Russian)
3. Dijk T. A., van. Kognitivnye i rechevye strategii vyrazheniya etnicheskikh predubezhdenii (Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice) // Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 2000. P. 268–304. (In Russian)
4. Zotova A. S. Kommunikativnye strategii v sovremennom mediadiskurse i derivatsionnye sposoby ikh realizatsii (Communication strategies in modern media discourse and derivational ways of their implementation) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. No 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10767> (Accessed: 17.09.2022). (In Russian)
5. Ivanov S. S. Igra slov i sposoby ee sozdaniya: smyslovaya zvukosmyslovaya igra slov (Play on words and ways of its creation: semantic and acoustic-semantic play on words) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2009. No 6 (2). P. 227–231. (In Russian)
6. Milostivaya A. I., Serebryakova S. V. Ideologicheskii potentsial dissimmetrii v politicheskom narrative (The ideological potential of dissymmetry in the political narrative) // Politicheskaya lingvistika. 2010. No. 3 (33). P. 41–49. (In Russian)
7. Milostivaya A. I. Nemetskii gazetnyi narrativ kak kooperativnoe deistvie: kommunikativnye sub»ekty i mekhanizm smysloobrazovaniya (German newspaper narrative as a cooperative action: communicative subjects and the mechanism of meaning formation): abstract of thesis. Kazan', 2022. 38 p. (In Russian)
8. Sannikov V. Z. Ob istorii i sovremennom sostoyanii russkoi yazykovoi igry (On the history and current state of the Russian language game) // Voprosy yazykoznaniiya. 2005. No. 4. P. 3–20. (In Russian)
9. Abbott H. P. The Cambridge Introduction to Narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 203 p.
10. Alles B., Hoffmann M. Der Arbeitgeber ist kein Gesetzgeber – auch nicht in Pandemiezeiten // Frankfurter Allgemeine 12.08.2022. URL: <https://www.faz.net/einspruch/betretungsverbot-fuer-reiserueckkehrer-durch-den-arbeitgeber-18241572.html> (Accessed: 17.09.2022).
11. Bald 2000er Inzidenzen? NRW-Ärzte haben die Nase voll und stellen klare Forderung // Express 22.01.2002. URL: <https://www.express.de/nrw/inzidenz-von-2000-aerzte-aus-nrw-fuerchten-schlimmes-szenario-85869> (Accessed: 17.09.2022).
12. Frankenberger K.-D. Operation Sündenbock // Frankfurter Allgemeine 08.05.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/trumps-chinapolitik-in-der-corona-krise-operation-suendenbock-16759008.html> (Accessed: 17.09.2022).
13. Fuchs M. Im Rausch der On-Line Lehre // Frankfurter Allgemeine 08.05.2020. URL: https://www.faz.net/aktuell/karriere-hochschule/hoersaal/digitales-sommersemester-im-rausch-der-online-lehre-16754543.html?printPagedArticle=true#pageIndex_3 (Accessed: 17.09.2022).
14. Gar nicht jeck. Stadt Köln überrascht mit Ankündigung für Karnevalstage // Express 21.01.2002. URL: <https://www.express.de/koeln/koeln-stadtverwaltung-hat-an-karneval-2022-regulaer-geoeffnet-85823> (Accessed: 17.09.2022).
15. Grünen-Politiker poltert bei Lanz – habe „die Schnauze voll“ // Express 26.01.2022. URL: <https://www.express.de/politik-und-wirtschaft/lanz-boris-palmer-legt-plan-fuer-impfpflicht-vor-virologe-skeptisch-86220> (Accessed: 17.09.2022).
16. Kalwa, J. Die geschlossene Gesellschaft der US Open // Frankfurter Allgemeine 31.08.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/sport/us-open/tennis-erster-corona-infizierter-auf-us-open-16929688.html> (Accessed: 17.09.2022).
17. Klein Ch., Martínez M. Wirklichkeitserzählungen. Felder, Formen und Funktionen nicht-literarischen Erzählens // Wirklichkeitserzählungen. Stuttgart/Weimar: Metzler, 2009. P. 1–13.
18. Klemm T. Lasst die Millionäre doch kicken! // Frankfurter Allgemeine 10.05.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/profi-fussball-lasst-die-millionaere-doch-kicken-16762440.html> (Accessed: 17.09.2022).
19. Martínez M. Erzählen im Journalismus // Wirklichkeitserzählungen. Stuttgart/Weimar: Metzler, 2009. P. 179–191.
20. Martínez M., Scheffel M. Einführung in die Erzähltheorie. München: Beck, 2019. 234 p.
21. Meissner P. Endlich „Freedom Day“? Von wegen: Warum für viele die Beschränkungen jetzt erst anfangen // Express 04.04.2022. URL: <https://www.express.de/panorama/freedom-day-von-wegen-uns-bloeht-neue-unfreiheit-kommentar-92153> (Accessed: 17.09.2022).
22. Müller-Jung J. Treibjagd im Nanny-Staat // Frankfurter Allgemeine 07.06.2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wissen/coronavirus-wolfgang-kubicki-sucht-sich-experten-als-bauernopfer-18084879.html> (Accessed: 17.09.2022).
23. Neuer Impfstoff kommt: Für diese Kölner kommt er in Frage // Express 18.02.2022. URL: <https://www.express.de/koeln/totimpfstoff-novavax-stadt-koeln-bekommt-erste-dosen-88361> (Accessed: 17.09.2022).
24. Nünning A., Nünning V. Produktive Grenzüberschreitungen. Transgenerische, intermediale und interdisziplinäre Ansätze in der Erzähltheorie // Erzähltheorie transgenerisch, intermedial, interdisziplinär. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2002. P. 1–22.
25. Oestmann P. Maskenmoral statt Maskenpflicht // Frankfurter Allgemeine 06.04.2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/staat-und-recht/konformitaetsdruck-des-staates-durch-moralvorstellungen-17939840.html> (Accessed: 17.09.2022).
26. Preuss S., Geiniz C., Freytag B. Trump kassiert Korb im Kampf um Impfstoffhersteller // Frankfurter Allgemeine 15.03.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/gesellschaft/gesundheit/coronavirus/corona-impfstoff-curevac-investor-hopp-wehrt-sich-gegen-trump-16680445.html> (Accessed: 17.09.2022).

27. Riahi N. Wegen Corona. Dieter Nuhr und Stephan Kaluza: Ausstellung verschoben // Express 02.05.2020. URL: <https://www.express.de/nrw/duesseldorf/corona-ausstellung-von-dieter-nuhr-und-stephan-kaluza-verschoben-34252> (Accessed: 17.09.2022).
28. Russland überrascht mit Corona-Impfstoff, Putin-Tochter schon gespritzt? // Express 12.09.2020. URL: <https://www.express.de/panorama/corona-russland-laesst-coronavirus-impfstoff-zu-putin-tochter-geimpft-33305> (Accessed: 17.09.2022).
29. Schleidt D. Der Spagat der Banken // Frankfurter Allgemeine 17.11.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/rhein-main/wirtschaft/euro-finance-week-der-spagat-der-banken-17055890.html> (Accessed: 17.09.2022).
30. Schmidt F. Langsam kreist der Sputnik // Frankfurter Allgemeine 18.01.2021. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/corona-impfung-in-russland-langsam-kreist-der-sputnik-17151037.html> (Accessed: 17.09.2022).
31. Schmidt F. „Wir werden mit dieser EM wahrscheinlich völlig ersticken“ // Frankfurter Allgemeine 13.06.2021. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/in-russland-steigen-die-corona-zahlen-wieder-17387019.html> (Accessed: 17.09.2022).
32. Schmidt F. Moskau prescht mit Pflichtimpfung vor // Frankfurter Allgemeine 17.06.2021. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/corona-impfung-in-russland-moskau-startet-mit-impfpflicht-17394566.html> (Accessed: 17.09.2022).
33. Sputnik V: Putin fängt an, sein Volk zu impfen // Express 02.12.2020. URL: <https://www.express.de/politik-und-wirtschaft/sputnik-v-putin-faengt-an-sein-volk-zu-impfen-50767> (Accessed: 17.09.2022).
34. Stanzel F.K. Theorie des Erzählens. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2008. 339 s.
35. Trotz Corona Polizei löst illegale Party in Kölner Veedel auf und macht pikanten Fund // Express 24.01.2022. URL: <https://www.express.de/koeln/koeln-illegale-party-in-muelheim-aufgeloeset-polizei-stellt-drogen-sicher-86095> (Accessed: 17.09.2022).
36. Umstrittenes Vakzin Sputnik V: Wie sicher ist der russische Impfstoff wirklich? // Express 26.03.2021. URL: <https://www.express.de/panorama/sputnik-v-wie-sicher-ist-der-russische-corona-impfstoff-wirklich-63412> (Accessed: 17.09.2022).
37. Witte F. Nicht so schnell // Frankfurter Allgemeine 10.05.2020. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/warum-wissenschaftliche-standards-wichtig-sind-16760572.html> (Accessed: 17.09.2022).

Сведения об авторе

Милостивая Александра Ивановна – доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета / amilostivaia@ncfu.ru
 Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Alexandra I. Milostivaya – Doctor of Philology, Associate professor, Chair of Translation Studies, North-Caucasus Federal University / amilostivaia@ncfu.ru
 The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, the Russian Federation.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

Том 9, № 4 (2022)

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. – 2022. – Т. 9. – № 4. – 152 с.

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.12.2022

Дата выхода в свет 29.12.2022

Формат 60х84 1/8

Усл. п. л. 17,55

Уч.-изд. л. 17,17

Бумага офсетная

Заказ 111

Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2